АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

Издание подготовил
С. Н. ИВАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1983

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (заместитель председателя), *Д. С. Лихачев* (председатель), *А. Д. Михайлов, Д. В. Озноби́шин* (ученый секретарь), *Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов* (заместитель председателя), *Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

академик
А. Н. КОНОНОВ

© Издательство «Наука», 1983 г.
Перевод, статьи, примечания

Б $\frac{4703000000\text{-}173}{042\,(02)\text{-}83}$ без объявления

Во имя аллаха милостивого, милосердного

Хвала и восхваление, благодарение и слава аллаху, могучему и великому, ибо он — величественный владыка, всемогущий властитель: он создал все земное и небесное, всему живому дал пропитание; все желанное ему свершил он; все, на что ни будут воля его и благоволение, свершает он; все, что ни вознамерится осуществить, воплощает он; все, что ни предрешает он, свершается.

И да будут бессчетны хвалы посланнику аллаха, стоящему над всеми созданиями, — Мухаммеду избранному [1], и да будет неизбывное благоволение господне над достойными и славными сподвижниками его [2].

Книга сия величественна в славе своей. Читающий книгу сию, созданную по изречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачина [3], и возвещающий стихи ее сам возвеличен ею. Ученые и мудрые мужи Мачина согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке бограхановском и тюркской речью [4].

К какому бы властителю и в какой бы предел ни доходила эта книга, — за великие совершенства и беспредельные красоты ее премудрые и ученые мужи

тех держав одобряли ее и давали ей различные названия. Мужи Чина называли ее «Сводом благочиний», сподвижники государей Мачина звали ее «Радетелем держав», повелители стран Востока именовали ее «Украшением властителей», иранцы — тюркской «Книгой шахов», а некоторые — «Книгой наставлений властителям», туранцы же зовут ее «Благодатное знание» [5].

Сочинитель сей книги — уроженец Баласагуна [6], муж воздержный и благочестивый. Завершил же книгу сию он в Кашгаре [7] и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана [8]; повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба [9]; посему и известна слава имени его — Юсуфа, Великого хасс-хаджиба.

Основа сей книги — несколько непреходяще ценных сутей: первая — Справедливость, вторая — Счастье, третья — Разум, четвертая — Непритязательность [10], и каждой из них по-тюркски наречено имя. Справедливости дано имя Кюнтогды-элик [11], это — властитель; Счастье воплощено в имени Айтолды, это — везир [12]; Разум олицетворен в имени Огдюльмиш [13], это — сын везира; Непритязательность носит имя Одгурмыш [14], это — брат везира. И меж ними происходят беседы — произносятся вопросы и ответы.

Да возрадуется сердце читающего, и да помянет он доброй молитвой сочинителя, если будет на то воля господня.

Над сущим господь вознесен величаво,
Ему подобает великая слава!

Велик и могуч он — предержец главенства,
Творец и зиждитель, само совершенство.

Владыка всех тварей, небес и земли,
Тебе дал он пищу — вкушай и внемли!

Всем тварям обильная пища дана им,
Он всех напитает, а сам не питаем.

Все даст он живым — не оставит несытых,
Он пищу им дарит, водою поит их.

Всему его волей даруется лик,
Кого он возвысит — тот будет велик.

Да славен посланник, что призван всесущим,
Хвала его присным, с ним вместе идущим! *

Мухаммед,* над всеми поставлен высоко,
Стал божьим созданьям зеницею ока.

И эта вот книга — дар добрых времен:
Она — море знаний для тех, кто смышлен.

Красна она мудрою сутью своею —
Хвалу вознеси ей и пользуйся ею.

В ней — мудрые речи, куда ни взгляните,
Как будто бы жемчуг нанизан на нити.

Владыки Востока и беки Мачина *
И все мудрецы в этом мире — едино

Почли эту книгу своим достояньем —
Хранили в казне ее с ревностным тщаньем.

Дарили ее по наследству — заветом,
От всех посторонних держа под запретом.

Полезна, во всем безупречна она,
Но многим из тюрков понятьем трудна:

На слух ее суть всем внимающим внятна,
А запись — не всем грамотеям понятна.

Кто ж руки и очи к сей книге приложит,
Тому в двух мирах она делом поможет.

Мужи разуменья в Мачине, весь Чин *
Признали прекрасной ее, как один.

В восточных краях и у тюрков повсюду
Ей равная книга неведома люду.

И ведает цену ей лишь просвещенный,
Что может невежда понять неученый!

От неуча книгу подальше храни,
Будь он тебе ближе ближайшей родни!

Невежда не вникнет в нее, не заглянет,
А мудрый прочтет и хранить ее станет.

Она — Богораханова времени слово,*
И ханская речь — ее суть и основа.

Была ли где книга мудрей и умней,
И будет ли создана равная ей?

Где муж, что достоин такого свершенья?
Готов я ему вознести восхваленья!

И в разных пределах и градах столичных
Дано книге много названий различных.

Мужи разумения разных сторон
В названьях блюли свой особый закон.

Весь Чин называл ее «Свод благочиний»,
«Радетель держав» книгу звали в Мачине.*

А в странах Востока — отсюда и дале —
Ее «Украшеньем властителей» звали.*

Иран — «Книга шахов» нарек ей названье,
Туранцы зовут — «Благодатное знанье».*

Различны названья ее по наречьям,
Но ведомы всем языкам человечьим.

Мужи, книге давшие имя, велики,
Да будет щедра к ним десница владыки!

О ты, кто начнет эту книгу читать,
Познаешь ты тюркских речей благодать,

Поймешь ты: для всех эта книга прекрасна,
Полезна властителям, правящим властно.

В ней сказано все обо всем мудрецами —
Как править властителям, кто они сами,

И как властелинам державу блюсти —
Каким к тому мерам быть должно в чести,

Что губит страну, что навеки упрочит,
Что власть укрепляет, что — рушит и точит,

Как войско сбирать и к каким переходам
Готовить его, отправляясь походом.

Об этом в сей книге понятье дано,
Все точно разобрано, в свод сведено.

Кто правит страною в раденье державном,
Тот дело вверяет достойным и славным.

Кто разумом славен и мудростью вящей,
Тот — словно бы светоч, как месяц светящий.

Есть право владыки: он — людям глава,
Но есть и у подданных долг и права.

Долг подданных — чтить властелина всецело,
Его долг — лелеять их душу и тело.

Кто правит страною — привычен к сраженьям:
Шлет войско он в битвы своим повеленьем,

И книга гласит, как, сражаясь с врагом,
Готовить для вражеской рати разгром,

Как доблестно править властителю надо,
Как подданных холить правителю надо.

Народ почитает такого владыку,
И многим желанно предстать его лику.

И чтобы достойный был близким слугой,
И чтобы подальше был прогнан дурной,

Рассказано здесь, как ценить благородных
И как отвергать притязанья негодных,

Как головы сечь за деянья порока,
Как к делу привлечь всех, чье сердце высоко,

Как смело и мудро вести все дела,
Следя, чтоб казна неиссякшей была!

Когда послушанье подвластных изрядно,
Все будет в делах и спокойно и ладно.

И это — тебе мой завет с наставленьем,
Почтить не забудь меня добрым моленьем.

И помни, что книгу составивший муж
Искусен в речах был и знатен к тому ж,

Был мудр он, дарами отмечен на диво,
И век, ему данный, провел он счастливо.

Он был почитаем людьми, благочестен,
Умен, рассуждением здравым известен,

Родные пределы его — Кузорду,*
Прекрасен язык в его славном роду!

Свой край он покинул, влекомый призваньем,
И эту вот книгу закончил созданьем.

Он все написал, твердо двигаясь к цели,
И труд завершен был в Кашгарском пределе.

Прочел он свой труд, как настала пора,
Пред ханом Табгач-Караханом Богра.*

Даров поднесли ему много — без счета,
За мудрость и ум, в изъявленье почета.

Был дан ему сан хасс-хаджиба в награду,
И был он приближен к высокому взгляду.

По праву его в этот сан возвели,
Юсуф хасс-хаджиб его звали, — внемли! *

И он возвещает достойное слово:
Четыре отличья — сей книги основа.

Одно из них — правда стези справедливой,
Другое — добро, благо доли счастливой,

Отличие третье — премудрость и ум,
Четвертое — праведность, сдержанность дум.

И каждому имя дается толково,
Здесь дальше об этом и сказано слово.

Сама справедливость и правды вершитель —
Элик Кюнтогды, справедливый властитель,*

А счастье — достойнейший муж Айтолды,
Везира при нем исполнявший труды.*

А разум, какого и не было выше,
Мы в сыне везира найдем — в Огдюльмише.*

И был Одгурмыш мужем скромным и честным,
С везиром в родстве был он близком и тесном.*

Знай: мудрость сказания — в сих четверых,
Закончена книга, о том — ее стих.

Да, книг у арабов, таджиков немало,
А нашею речью сия — лишь начало.*

Кто мудр, эту книгу оценит с почтеньем,
Лишь тот ценит знанья, кто зрел разуменьем.

По-тюркски сложил для тебя я стихи,
Молитвой мои замоли ты грехи.

Уйду я из мира, мой срок все короче,
Внемли наставленьям, открой свои очи!

Господь, ты в своем милосердье безмерном
Даруй всепрощение всем правоверным!

Оглавление

Благодатное знание

Во имя аллаха милостивого, милосердного

1. Возвещается хвала господу, да будет велик он и славен . . . . . 1—33
2. О достоинствах пророка, да будет он благословен . . . . . 34—48
3. О достоинствах четырех сподвижников пророка, да пошлет им господь благословение . . . . . 49—62
4. О благосветлой весне. Во славу досточтимого, всепобеждающего, воспомоществующего, мужа истины и веры, великого властителя Табгач-Богра-Карахана, отцом коего был Али-Хасан, сын Арслан-хана, — да будет над ними милосердие господне . . . . . 63—123
5. О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака . . . . . 124—147
6. Повествуется о том, что достоинство сынов человеческих — в знаниях и разумении . . . . . 148—161
7. Повествуется о достоинствах и пользе языка . . . . . 162—191
8. Слагающий книгу просит прощения 192—229
9. Повествуется о достохвальных свойствах и пользе добрых дел . . . . . 230—286

10. Повествуется об отличиях и пользе учения и знания . . . . . 287—349
11. Повествуется о наречении названия сей книге и о старости . . . . . 350—397
12. О главном лице сего сказания — элике Кюнтогды, чье свойство — Справедливость . . . . . 398—461
13. Повествуется о вступлении Айтолды в служение при Кюнтогды . . . . 462—580
— . . . . . 462—508
Ответ хасс-хаджиба Кюсемишу 509—510
Слово Кюсемиша к Айтолды . 511—518
— . . . . . 519—522
Вопрос Хаджиба к Айтолды . 523—525
Ответ Айтолды хаджибу . 526—529
— . . . . . 530—537
Ответ хаджиба Айтолды . 538—541
— . . . . . 542—552
Ответ хаджиба Айтолды 553—557
Ответ Айтолды хаджибу . 558—560
— . 561
— . . . . . 562—569
Ответ элика хаджибу 570—573
— . . . . . 574—580
14. Повествуется о представлении Айтолды элику Кюнтогды . 581—619
— . . . . . 581—588
Ответ Айтолды элику 589—592
— 593
Ответ элика Айтолды 594—597
Ответ Айтолды элику . 598—600
— . . 601—619
15. Повествуется о том, что сам Айтолды и есть Счастье . . . . . 620—656

— . . . . . 620—636
Вопрос Айтолды к элику . 637—642
Ответ элика Айтолды . . . . . 643—656
16. Айтолды рассказывает элику о свойствах Счастья . . . 657—764
— . . . . . 657—670
Вопрос элика к Айтолды . 671—672
Ответ Айтолды элику . 673—682
Вопрос элика к Айтолды . 683
Ответ Айтолды элику . 684—696
Вопрос элика к Айтолды . 697
Ответ Айтолды элику . 698—700
Вопрос элика к Айтолды . 701
Ответ Айтолды элику 702—713
Ответ элика Айтолды 714—719
Ответ Айтолды элику . 720—727
Вопрос элика к Айтолды . 728—729
Ответ Айтолды элику 730—750
Ответ элика Айтолды . . . . . 751—764
17. Элик Кюнтогды рассказывает Айтолды о свойствах Справедливости . . . 765—791
— . . . . . 765—773
Вопрос элика к Айтолды . 774—775
Ответ Айтолды элику . 776—784
Вопрос элика к Айтолды . 785
Ответ Айтолды элику . . . . . 786—791
18. Элик Кюнтогды рассказывает Айтолды о сущности свойств Справедливости . 792—954
— . . . . . 792—822
Вопрос Айтолды к элику 823
Ответ элика Айтолды . . 824—835
Вопрос Айтолды к элику 836—845
Ответ элика Айтолды 846—853
Вопрос Айтолды элику 854—855

Ответ элика Айтолды . 856—858
Вопрос Айтолды элику 859—861
Ответ элика Айтолды 862—869
Вопрос Айтолды элику . 870—871
Ответ элика Айтолды . 872—895
Вопрос Айтолды к элику . 896—898
Ответ элика Айтолды . 899—906
Вопрос Айтолды к элику . 907—908
Ответ элика Айтолды . 909—938
Ответ Айтолды элику 939—950
— 951—954

19. Айтолды рассказывает элику о достоинствах языка и пользе речи . . 955—1044
— . . . . . 955—956
Вопрос элика к Айтолды . 957
Ответ Айтолды элику 958—967
Ответ элика Айтолды 968—975
Ответ Айтолды элику . 976—980
Вопрос элика к Айтолды . 981—983
Ответ Айтолды элику . 984—994
Вопрос элика к Айтолды . 995—997
Ответ Айтолды элику . 998—999
Вопрос элика к Айтолды . 1000
Ответ Айтолды элику . 1001—1003
Вопрос элика к Айтолды . 1004
Ответ Айтолды элику . . . 1005—1009
Вопрос элика к Айтолды . . . . . 1010—1011
Ответ Айтолды элику . . . 1012—1016
Вопрос элика к Айтолды . 1017—1018
Ответ Айтолды элику . . . . 1019—1028
— . . . 1029—1044

20. Повествуется о непостоянстве счастья и непрочности благоденствия . . . . 1045—1157

— . . . . . 1045—1068
Вопрос элика к Айтолды . 1069
Ответ Айтолды элику . 1070—1079
Ответ элика Айтолды . 1080—1084
Ответ Айтолды элику 1085—1106
Ответ элика Айтолды . 1107—1109
— . 1110—1157

21. Айтолды высказывает наставления своему сыну Огдюльмишу . . . . . 1158—1277
— . . . . . 1158—1183
Вопрос Огдюльмиша к Айтолды . 1184—1194
Ответ Айтолды Огдюльмишу 1195—1202
Ответ Огдюльмиша Айтолды 1203—1207
Ответ Айтолды Огдюльмишу 1208—1228
Ответ Огдюльмиша Айтолды 1229—1248
— . . . . . 1249—1250
Ответ Айтолды Огдюльмишу 1251—1264
— . . . . . 1265—1277

22. Повествуется о том, как Айтолды давал наставления своему сыну Огдюльмишу . . . . . 1278—1341

23. Повествуется о том, как Айтолды написал завещание элику Кюнтогды . . 1342—1547
— . . . . . 1342—1495
— . . . . . 1496—1547

24. Повествуется о том, как элик Кюнтогды призвал к себе Огдюльмиша . 1548—1580
— . . . . . 1548—1552
Ответ Огдюльмиша элику 1553—1555
— . . . . . 1556—1580

25. Повествуется о представлении Огдюльмиша элику . . . . . 1581—1590
— 1581
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1582—1584

Ответ Огдюльмиша элику . 1585—1590
26. Повествуется о вступлении Огдюльмиша в услужение к элику Кюнтогды 1591—1849
— . . . . . 1591—1600
Ответ Огдюльмиша элику 1601—1603
— . . . . . 1604—1654
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1655—1657
Ответ Огдюльмиша элику . 1658—1664
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1665
Ответ Огдюльмиша элику . 1666—1676
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1677—1678
Ответ Огдюльмиша элику 1679—1683
— . . . . . 1684—1691
— 1692—1715
— 1716—1750
— 1751—1763
— . . . . . 1764—1790
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1791—1795
Ответ Огдюльмиша элику . 1796—1814
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1815—1816
Ответ Огдюльмиша элику . 1817—1831
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1832—1834
Ответ Огдюльмиша элику . . 1835—1846
Вопрос элика к Огдюльмишу . . . . 1847—1849
27. Огдюльмиш рассказывает элику о сущности ума . . . . . 1850—1920
— . . . . . 1850—1871
Ответ элика Огдюльмишу 1872—1885
— . . . . . 1886—1888
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1889—1891
Ответ Огдюльмиша элику . 1892—1893
Вопрос элика к Огдюльмишу . 1894—1895
Ответ Огдюльмиша элику 1896—1902

Вопрос элика к Огдюльмишу . 1903—1904
Ответ Огдюльмиша элику 1905—1908
Ответ элика Огдюльмишу 1909—1910
Ответ Огдюльмиша элику 1911—1916
Ответ элика Огдюльмишу 1917
Ответ Огдюльмиша элику 1918—1920

28. Повествуется о том, каким должен быть бек, достойный сана бека . . 1921—2180
— . . . . . 1921—1929
Ответ Огдюльмиша элику 1930—1936
Ответ элика Огдюльмишу 1937—1947
Ответ Огдюльмиша элику 1948—2145
— . . . . . 2146—2174
Вопрос элика к Огдюльмишу . . . . 2175—2180

29. Огдюльмиш рассказывает о том, каким должен быть муж, пригодный для должности везира . . . . . 2181—2268
— . . . . . 2181—2264
Вопрос элика к Огдюльмишу . . . . 2265—2268

30. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, возглавляющий войско . . . . . 2269—2434
— 2269—2416
— 2417—2428
— 2429
Вопрос элика к Огдюльмишу . . 2430—2434

31. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, достойный должности великого хаджиба . . . . . 2435—2527
— . . . . . 2435—2525
Вопрос элика к Огдюльмишу . 2526—2527

32. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж — управитель дворца 2528—2595
— . . . . 2528—2591

Вопрос элика к Огдюльмишу 2592—2595

33. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, отправляемый послом . . . . . 2596—2671
— . . . . . 2596—2668
Вопрос элика к Огдюльмишу 2669—2671

34. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть писец-письмовод . 2672—2742
— . . . . . 2672—2739
Вопрос элика к Огдюльмишу 2740—2742

35. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, достойный должности казначея . . . . . 2743—2827
— . . 2743—2822
Вопрос элика к Огдюльмишу . 2823—2827

36. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть главный повар, стольничий . . . . . 2828—2882
— 2828—2876
— . . . . . 2877—2879
Вопрос элика к Огдюльмишу . 2880—2882

37. Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, ведающий напитками . . . . . 2883—2956
— 2883—2926
— 2927—2932
— 2933—2943
— . . . . . 2944—2947
Вопрос элика к Огдюльмишу . 2948—2949
Ответ Огдюльмиша элику . 2950—2955
Вопрос элика к Огдюльмишу . . 2956

38. Огдюльмиш рассказывает элику об обязанностях беков по отношению к слугам . . . . . 2957—3186

— . . . . . 2957—3014
Вопрос элика к Огдюльмишу . 3015—3024
Ответ Огдюльмиша элику . 3025—3049
— 3050
Ответ элика Огдюльмишу 3051—3060
— . . . . . 3061—3066
— 3067—3092
— . . . . . 3093—3096
Вопрос элика к Огдюльмишу 3097—3101
Ответ Огдюльмиша элику . 3102—3115
— . . . . . 3116—3119
Вопрос элика к Огдюльмишу . 3120—3136
Ответ Огдюльмиша элику . 3137—3152
Вопрос элика к Огдюльмишу . 3153—3156
Ответ Огдюльмиша элику 3157—3160
Ответ элика Огдюльмишу 3161—3174
Ответ Огдюльмиша элику 3175—3184
Ответ элика Огдюльмишу . 3185—3186

39. Повествуется о том, как элик Кюнтогды написал и отправил письмо Одгурмышу . . . . . 3187—3288
— . . . . . 3187—3218
Наставление элика Одгурмышу 3219—3274
— 3275—3280
— . 3281—3288

40. Повествуется о поездке Огдюльмиша к Одгурмышу . . . . . 3289—3317
— . . . . . 3289—3301
Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 3302—3305
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу . 3306—3317

41. Повествуется о том, как Одгурмыш беседовал с Огдюльмишем . . . . 3318—3511

— . . . . . 3318—3320
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 3321—3333
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 3334—3366
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу . 3367—3375
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 3376—3402
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 3403—3450
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 3451—3453
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 3454—3471
— 3472
Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 3473—3475
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 3476—3481
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 3482—3486
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу . . . 3487—3511
42. Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу о пороках сего мира . . . . . 3512—3645
43. Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу, как грядущий мир обрести служением этому миру . . . . . 3646—3712
— . . . . . 3646—3681
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 3682—3706
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу . . 3707—3712
44. Повествуется о том, как Одгурмыш написал и отправил письмо элику . 3713—3895
— 3713—3810
— . . . . . 3811—3820
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 3821—3825
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 3826—3832
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 3833
— . . . . . 3834—3841
Вопрос элика к Огдюльмишу 3842—3843
— . . . . . 3844—3848
Ответ Огдюльмиша элику 3849—3857
Ответ элика Огдюльмишу 3858—3861

Ответ Огдюльмиша элику 3862—3865
Ответ элика Огдюльмишу 3866—3874
Ответ Огдюльмиша элику 3875—3887
Ответ элика Огдюльмишу 3888—3889
Ответ Огдюльмиша элику 3890—3892
Ответ элика Огдюльмишу . 3893—3895

45. Повествуется о том, как элик Кюнтогды отправил второе письмо Одгурмышу . . . . 3896—3970
— 3896—3940
— 3941—3945
— . . . . . 3946—3959
Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 3960—3964
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу . 3965—3968
Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 3969—3970

46. Повествуется о второй беседе Огдюльмиша с Одгурмышем . . . . . 3971—4030
— . . . . . 3971—3994
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 3995—4004
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 4005—4006
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 4007—4016
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 4017—4022
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 4023—4026
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 4027—4030

47. Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу о законах и правилах служения бекам 4031—4164
— . 4031—4154
— . . . . . 4155—4158
Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 4159—4164

48. Огдюльмиш рассказывает, как должно обходиться с мужами, несущими службу во дворце . . . . 4165—4319
— 4165—4313

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 4314—4317
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 4318—4319
49. Огдюльмиш объясняет Одгурмышу, как должно обходиться с людьми простого звания . . . . . 4320—4335
50. Повествуется о том, как должно обходиться с людьми благородного происхождения . . . . . 4336—4340
51. Повествуется о том, как должно обходиться с людьми учеными и знающими 4341—4354
52. Повествуется о том, как общаться с лекарями . . . . . 4355—4360
53. Повествуется о том, как должно обходиться со знахарями . . . . . 4361—4365
54. Повествуется о том, как должно обходиться с толкователями снов . . . . 4366—4375
55. Повествуется о том, как должно обходиться со звездочетами . . . . . 4376—4391
56. Повествуется о том, как должно обходиться со стихотворцами . . . . . 4392—4399
57. Повествуется о том, как должно обходиться с земледельцами . . . . . 4400—4418
58. Повествуется о том, как должно обходиться с торговцами . . . . . 4419—4438
59. Повествуется о том, как должно обходиться со скотоводами . . . . . 4439—4455
60. Повествуется о том, как должно обходиться с ремесленниками . . . . . 4456—4468
61. Повествуется о том, как должно обходиться с бедняками . . . . . 4469—4474
— 4469—4471
— . . 4472—4474
62. Повествуется о том, как выбирать себе жену . . . . . 4475—4503
63. Повествуется о том, как воспитывать сыновей и дочерей . . . . 4504—4526

64. Повествуется о том, как должно достойным образом содержать подвластных . . . . . 4527—4572
— . . . . . 4527—4564
— . . . . . 4565—4566
Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 4567—4572

65. Огдюльмиш объясняет Одгурмышу обычаи посещения угощений . . . . 4573—4643

66. Огдюльмиш объясняет Одгурмышу обычаи приглашения к угощению . 4644—4679
— . . . . . 4644—4676
— . . . . 4677—4679

67. Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу о том, что следует отвратить чело от мирских соблазнов и довольствоваться тем, что есть . . . . . 4680—4933
— . . . . . 4680—4873
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 4874—4880
— . . . . . 4881—4897
Вопрос элика к Огдюльмишу . 4898—4899
Ответ Огдюльмиша элику . . . 4900—4902
Ответ элика Огдюльмишу . . . 4903—4918
Вопрос элика к Огдюльмишу . . 4919—4931
— . . . . . 4932—4933

68. Повествуется о том, как элик Кюнтогды в третий раз послал за Одгурмышем . . . . . 4934—5030
— . . . . . 4934—4940
Ответ Огдюльмиша элику 4941—4944
Ответ элика Огдюльмишу 4945—4954
Ответ Огдюльмиша элику 4955—4957
— . 4958—4972

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 4973—4976
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу . 4977—4989
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 4990—5009
— . . . . . 5010—5015
Вопрос элика к Огдюльмишу . 5016—5017
Ответ Огдюльмиша элику . 5018—5019
Ответ элика Огдюльмишу 5020—5026
— . . . . 5027—5030

69. Повествуется о приезде Одгурмыша к Огдюльмишу . . . . . 5031—5034

70. Повествуется о встрече элика Кюнтогды с Одгурмышем . . 5035—5131
— . . . . . 5035—5039
Ответ Одгурмыша элику . . 5040—5049
Вопрос элика к Одгурмышу . 5050—5053
Ответ Одгурмыша элику . 5054—5071
Ответ элика Одгурмышу . 5072—5080
Ответ Одгурмыша элику . 5081—5091
Ответ элика Одгурмышу . 5092—5103
Ответ Одгурмыша элику . 5104—5113
Ответ элика Одгурмышу . 5114—5117
Ответ Одгурмыша элику 5118—5125
Ответ элика Одгурмышу . . 5126—5131

71. Повествуется о том, как Одгурмыш давал наставления элику . . . 5131—5466
— 5132—5390
— . 5391—5396
Ответ элика Одгурмышу 5397—5401
Ответ Одгурмыша элику 5402—5438
— . . 5439—5454
Вопрос элика к Одгурмышу 5455—5466

72. Огдюльмиш рассказывает элику о законах управления людьми . . 5467—5631
— . 5467—5492
Ответ элика Огдюльмишу 5493—5499
Ответ Огдюльмиша элику 5500—5608
— 5609
Ответ элика Огдюльмишу 5610—5621
— 5622—5631

73. Повествуется о том, как Огдюльмиш, скорбя о прошедшей жизни, обратился к покаянию . . . . . 5632—5720
— . . . . . 5632—5662
Вопрос Огдюльмиша к элику 5663—5664
Ответ элика Огдюльмишу 5665—5667
— . . . . . 5668—5684
Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу . 5685—5687
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 5688—5720

74. Повествуется о том, как Одгурмыш давал советы Огдюльмишу . . . 5721—5761

75. Повествуется о том, что за справедливость должно воздавать справедливостью и за человечность — человечностью . . . . . 5762—5952
— . . . . . 5762—5815
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 5816—5821
— . . . . . 5822—5830
Вопрос элика к Огдюльмишу . 5831—5834
Ответ Огдюльмиша элику 5835—5845
Ответ элика Огдюльмишу 5846—5853
Ответ Огдюльмиша элику 5854—5878
Ответ элика Огдюльмишу 5879—5893
Ответ Огдюльмиша элику 5894—5933

Ответ элика Огдюльмишу 5934—5937
— . . 5938—5949
— . . . . . 5950—5952
76. Повествуется о том, как Одгурмыш, заболев, призвал к себе Огдюльмиша . 5953—5992
— . . . . . 5953—5954
Ответ слуги Огдюльмишу . 5995
Вопрос Огдюльмиша к слуге 5956
Вопрос слуги к гонцу . 5957
Ответ гонца слуге 5958
Ответ слуги Огдюльмишу . 5959
Вопрос Огдюльмиша к гонцу 5960—5961
Ответ гонца Огдюльмишу 5962—5963
Ответ Огдюльмиша гонцу 5964
Ответ гонца Огдюльмишу 5965—5966
— . . . . . 5967—5972
— . . . . . 5973—5974
Вопрос Огдюльмиша к Одгурмышу 5975
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 5976—5977
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу 5978—5985
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу 5986—5988
Ответ Огдюльмиша Одгурмышу . . . 5989—5992
77. Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу о толковании снов . . . . . 5993—6031
78. Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу, как он видел сон . . . . . 6032—6036
79. Огдюльмиш объясняет, как должно толковать сон Одгурмыша . . . . . 6037—6046
80. Одгурмыш говорит о другом толковании того же сна . . . . . 6047—6086
81. Повествуется о том, как Одгурмыш давал наказ Огдюльмишу . . . . . 6087—6285
— . . . 6087—6185

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу . 6186—6187
Ответ Одгурмыша Огдюльмишу . 6188—6195
— . . . . . 6196—6209
— . . . . . 6210—6226
Вопрос элика к Огдюльмишу . 6227—6235
Ответ Огдюльмиша элику . 6236—6237
Вопрос элика к Огдюльмишу . 6238—6242
Ответ Огдюльмиша элику . 6243—6244
Ответ элика Огдюльмишу 6245—6264
Ответ Огдюльмиша элику 6265—6272
Ответ элика Огдюльмишу . 6273
— . . . . . 6274—6278
Вопрос Огдюльмиша к элику . 6279—6280
Ответ элика Огдюльмишу 6281—6282
— . . . . . 6283—6285

82. Преемник Одгурмыша рассказывает Огдюльмишу о смерти Одгурмыша . . 6286—6292
— . . . . . 6286—6291
— . 6292

83. Повествуется о том, как преемник Одгурмыша утешал Огдюльмиша . . . . 6293—6298

84. Повествуется о том, как Огдюльмиш горевал об Одгурмыше . . . . 6299—6303

85. Повествуется о том, как элик утешал Огдюльмиша . . . . . 6304—6520
— 6304—6319
— 6320
Ответ Огдюльмиша элику 6321—6324
Ответ элика Огдюльмишу 6325—6327
— . 6328—6337
— . . . . . 6338—6346
Вопрос элика к Огдюльмишу . 6347—6350
Ответ Огдюльмиша элику . 6351

Ответ Огдюльмиша элику 6352—6357
Ответ элика Огдюльмишу 6358
Ответ Огдюльмиша элику 6359—6378
Ответ элика Огдюльмишу 6379—6386
Ответ Огдюльмиша элику 6387—6409
— 6410—6419
— 6420—6425
— 6426—6450
— 6451—6494
— . . . . . 6495—6507
— . . . . . 6508—6520

I. Сожаления о прошедшей молодости и о старости . . . . . 6521—6564
II. О порочности времен и неверности друзей . . . . . 6565—6604
III. Сочинитель сей книги Юсуф, Великий хаджиб дает себе наставления 6605—6645

Во имя аллаха милостивого, милосердного!

I

Возвещается хвала господу, да будет велик он и славен

Хвалою творцу начинаю я слово —
Во славу творца моего всеблагого.

Несчетны хвалы ему и величанья —
Творец всемогущий не знает скончанья.

Он землю и небо, и солнце с луною,
И тварей всех создал, и время земное.

Создать пожелав всего сущего суть,
Он все сотворил, повелев ему: «Будь!»

Томимы печалью все твари вселенной,
Лишь он беспечален, вовек несравненный!

О ты вечно сущий, бесскорбный, могущий,
Тебе лишь названия эти присущи!

Величие — знак твоих высших примет:
Подобных тебе не бывало и нет!

Никто не сольется с тобой, ты — единый,
Исток и свершенье — ты, первопричинный!

Единство твое не объемлется счетом,
Все в мире твоим сопричастно щедротам.

Поистине, вечный отец, ты един —
Един, вне слияния с сущим — один! *

Ты в явном и тайном — суть истины сущей,
Далекий от взора, но в сердце живущий.

Всеявный, как солнце с луною светящий,
Сокрыл ты смысл сути твоей настоящей.

Единство твое — вне бытийных начал,
Но сущее ты бытием увенчал.

Ты все сотворил — и живое, и вещи, —
Они — преходящи, ты — вечный и вещий!

Творец — всего сущего суть и причина,
И суть его даже в двояком едина.*

Ни равенства нет, ни подобья ему,
И сущность его не постигнуть уму.

И он — ни в пути, ни в покое, но — бдящий,
Вне сходства он с сущностью, облик носящей.

Ни справа, ни слева, ни прежде, ни днесь он,
Ни в выси, ни долу, ни там и ни здесь он.

Всю суть сотворил он, а сам он — нигде,
Узнай: он всеместно безместный — везде!

О близкий сердцам и всевнемлющий тайнам,
Все — знак твоей сути в пространстве бескрайном!

Живое без счета ты создал, единый,
Равнины и горы, моря и долины.

Ты сонмами звезд осветил небосвод,
А ночь — ярким солнцем, светящим с высот.

А сколько ты создал рыскучих, летучих,
Тобою вскормленных, вспоенных, живучих!

От горнего трона до бездны зловещей
Все в горе к тебе припадают, всевещий!

Поверив в единого, вникни в ту высь,
Уверовал духом — и мыслью смирись!

Но в суть его сердцем проникнуть не думай,
Уверуй, что сущ он, смиренною думой.

Не тщись допытать, где предел всеблагого,
Пойми, что всесущ он, без лишнего слова.

Я — скорбный твой раб, о бесскорбный господь,
Прости, помоги мне грехи побороть!

И, пав пред тобой, я надежду лелею:
Да быть мне в беде — под десницей твоею!

И милость даруй мне вознесться высоко —
Дозволь в судный день быть под сенью пророка.*

Восславь его верных друзей четверых,*
Да буду храним я предстательством их!

Яви в судный день мне их лики, всесущий,
Да станет мне речь их звездою ведущей!

Хвалить твою сущность — бесплодна мечта,
Восславь себя сам — мои немы уста!

2

О достоинствах пророка, да будет он благословен

Любимый возвестник! * Благим всевладыкой
Был послан ты, избранный, пастве великой.

И темная ночь озарилась сияньем,
И блеск осветил тебя ярким сверканьем.

То — вестник к тебе был от господа сил:
Воитель, на праведный путь ты вступил!

Отца позабыл он и мать, и всем сердцем
Служил он возлюбленным единоверцам.

Без сна и без пищи и нощно и денно
Творца за тебя он молил вдохновенно.

Страдая, молил о тебе, был с тобой,
Хвалою воздай ему, доброй мольбой.

О пастве он думал с печалью всечасной,
Чтоб спасся от мук своих каждый несчастный.

Дороже, чем мать и отец он, — внемли же:
Моливший творца за тебя — тебе ближе!

Он в милость всем людям творцом сотворен,
Велик и в деяньях и сущностью он.

Он праведен, скромен, в деяньях велик он:
Участлив и добр он, и щедр каждый миг он.

Он был для земли и для неба отрадой,
И бог одарил его щедрой наградой.

Главнейший в главенстве, начало начал,
Печатью пророков над всеми он встал.*

И предан я сердцем веленьям пророка:
Влюблен в его речи, я чту их глубоко.

Мой дух охрани, о творец, своим оком,
Да буду ведом в судный день я пророком!

Яви мне свой лик в смуте судного дня,
И пусть поведет твой избранник меня!

3

О достоинствах четырех сподвижников пророка, да пошлет им господь благословение

И четверо верных друзей его главных
Совет с ним держали в трудах его славных.

Два тестя достойных, два зятя любимых —
Все были мужами высот несравнимых.*

Главнейший из них, самый первый — Атык,*
Муж веры, он духом и словом велик.

Презрел он все блага, и душу и тело,
Любовью к посланнику жил он всецело.

Другой был — Фарук,* человек несравненный,
Был духом он славен и речью бесценной:

Дано было верной стези пестуну
С чела шариата совлечь пелену.*

А третий — Осман был. Разумный и верный,
Отмечен был щедростью он беспримерной.

Все блага презрел он в раденье высоком,
Две дочки даны ему были пророком.

Наследником доблестей их был Али,*
Ум, смелость его все собой превзошли.

Открыт был и щедр его дух величавый,
За мудрость и ум он увенчан был славой.

Они — шариата и веры основа —
Карали врагов и неверных сурово.

Четыре устоя мне в них четверых,
Ушедших из жизни, но вечно живых.

Сто тысяч похвал от меня им, всесущий,
Ты память о них сделай вечно живущей.

Возрадуй их дух похвалой от меня,
Да быть мне при них в смуте судного дня.

4

О благосветлой весне
Во славу досточтимого,
всепобеждающего, воспомоществующего,
мужа истины и веры,
великого властителя
Табгач-Богра-Кара-хана,
отцом коего был Али-Хасан,
сын Арслан-хана, —
да будет над ними милосердие господне *

Повеял Восток благовоньем весенним,
И райским овеяло мир дуновеньем.

И мускус простерся над гладью камфарной,*
Весь мир озарился красой лучезарной.

Весна сорвала полог зимнего сна,
И радугу счастья воздвигла весна.

И солнце сместилось, чтоб снова прийти бы
В созвездье Овна из созвездия Рыбы.*

Оделись деревья зеленым покровом,
И все стало алым, багряным, багровым,

Весь мир стал зеленой красой осиян —
Властитель в Хытай снарядил караван.*

И горы, как будто сурьмою и хною,
Багрянцем окрасились, голубизною.

Сто тысяч цветов расцвело той порою,
Весь мир дышит мускусом и камфарою.*

И пряной волною дохнул ветерок,
И мускусным духом весь мир обволок.

И птиц разноперых несметная стая
Крикливо теснится, садясь и взлетая,

Садятся, летают в бескрайних просторах,
Парят в горних далях, пьют воду в озерах.

Кричат журавли, караваном парят,
Как будто верблюдов шагающих ряд.

Они, к вожаку воззывая, курлычат,
Как будто бы девушка милого кличет.

Что кровь, красноклюва, что прах, черноброва,
Кричит куропатка — смеется бедово.

И ворон кричит, поднимая свой клюв,
И гуси скрипят, долу шею пригнув.

Поет соловей среди розовых кущей, —
Звучит день и ночь его голос влекущий.

И серны резвятся в цветущих полянах,
Играют маралы в просторах багряных.

И хмурится небо, и плачет навзрыд,
А радостный дол многоцветьем блестит.

И смотрит весь мир на себя в эту пору:
Все рады, друг друга любя, в эту пору.

И слышу вселенной я гневное слово:
«Ужель ты не зришь лик хакана благого? *

Восстань от дремоты, — когда ж ты прозришь?
Не слышишь? Внемли, мое слово услышь!

Я тысячи лет была сирой и вдовой,
Но вдовий наряд я сменила на новый.

Прикрасилась я, ведь хакан — мой владыка,
Пасть жертвой пред ним мое рвенье велико!»

И громом из облака бьет барабан,
И молнийный меч обнажает хакан.

Грозою всем странам меч вынут из ножен,
Грохочут литавры — весь мир растревожен.

Велик Богра-хан, покоритель вселенной,*
Да славен в обоих мирах несравненный!

О ты, светоч веры, опора страны,
Венец всех народов, что вере верны!

Дано тебе все, что желал ты, от бога:
Твоя он защита, тебе он — подмога.

Краса всей вселенной, прекрасный властитель,
Владычества светоч, врагов устрашитель!

Державу и трон даровал ему рок,
Да шлет ему счастье в правлении бог!

Весь мир от всевластья хакана в покое:
Все в мире — тому подтвержденье благое.

Все горние птицы слетелись нежданно —
От румских владык и владык Индустана.*

И песни поют, его имя хваля,
И полнится радостным пеньем земля.

И ярко цветами весь мир разукрашен —
Высь неба, просторы нагорий и пашен.

И служит владыке вся зелень живая,
Врата благовонья пред ним раскрывая.

И дарят амбру ему тысячи рук,
И мускусным духом все дышит вокруг.

Без счета дары ему возят с Востока,
На Западе чтут его славу высоко.

У врат его счастье к услугам готово —
У врат быть услужливым другом готово.

Весь мир услуженьем почтить его рад:
Властитель восславлен, сражен супостат!

И в громе литавр, во вселенной гремящем,
Приходит прозренье к незрящим и спящим.

Спокоен весь мир, дан закон ему правый,
Законность венчает властителя славой.

Кто хочет узреть непорочности лик,
Да видит он образ владыки владык!

О мнящий узреть лик безбедного счастья,
Вглядись в лик владыки, в дела благовластья!

Желаешь ему ты судьбы беспорочной —
Всем сердцем служи ему с верностью прочной.

А хочешь знать сердце, что духом светло,
Взгляни на его всеблагое чело!

О славный в деяниях, столп первородства,
Будь вечен, — не ведать бы миру сиротства!

Дал бог тебе власть, тебе слава — награда,
Стократ славить бога всем подданным надо.

В народе пословица древняя есть:
«Дар сыну — отцовское имя и честь!»

Сын, имя и честь получая в награду,
В наследстве стократ обретает отраду.

Бессчетны владыке всевластья даянья,
Мой дар — этот свод, «Благодатное знанье».

Дары те не вечны — удел их таков,
А мой будет вечен во веки веков!

Что скопишь, сберешь — все уйдет незаметно,
А слава письмен неизбывна, всесветна!

Ты, счастье всех тюрок, внесен в эту книгу,
И чуждым пребудешь ты смертному мигу.

Открой ему, боже, к желанному путь
И верной опорой в делах ему будь!

Храни его ближних, карай ему чуждых,
Даруй ему радость, радей ему в нуждах!

И пусть хлынет ливень, цветенье живящий,
Безжизненный лес превращающий в чащи.

Пусть небо, свершая свой круговорот,
Во благо владыке врагов разметет!

Покуда не станет земля красно-медной,
И зелень цветенья не сгинет бесследно,

Цвести твоей славе, вознесшись высоко,
Да зрит ее свет и незрячее око!

И пусть во всех замыслах волею бога
Властителю будет опора-подмога!

И пусть благоденствует вечно народ
И, словно Лукман, неизбывно живет! *

5

*О семи планетах и двенадцати знаках Зодиака**

Хвалою создателю начал я слово —
Во славу зиждителя сил всеблагого.

Он создал веленьем своим все земное,
Зажег над вселенной он солнце с луною.

Вертящийся он сотворил небосвод,
От века свершающий круговорот,

Велел в синем небе быть звездам светящим
И ночь озарил он сияньем блестящим.

Одни звезды в небе подобны узорам,
Другие — высоты обходят дозором.

Одни создал он для людей в поученье,
Другим — путеводное дал назначенье.

Высоко и низко — тьма звездных огней,
Одни из них ярче, иные — темней.

Сатурну пробыть в каждом знаке высоко
Два года дано восемь месяцев срока.

Юпитер — вторая звезда. В Зодиаке
Он десять да два еще месяца в знаке.

Марс — третий по счету. От взгляда его
Все в мире цветущее станет мертво.

А Солнцу дано быть четвертой звездою,
Весь мир озаряет оно красотою.

А пятой — Венере — дано своим ликом
Утешить тебя даже в горе великом.

А дальше — Меркурий. Где виден он, там
Свершаться желаньям дано и мечтам.

Луна идет низко — вослед всем планетам
И, с Солнцем встречаясь, горит полным светом.

Двенадцать созвездий в кругу Зодиака —
Их место едино в нем или двояко.

Овен — знак весны, а Телец — рядом с ним,
Потом Близнецов мы и Рака узрим.

Там Лев и Колосья, Весы — им вослед,
А Лук — Скорпиону ближайший сосед.

Затем — Козерог, Водолей, Рыб сиянье,
Взойдя, они небу даруют сверканье.

Три знака весенних, три — связаны с летом,
Три знака — осенним, три — зимним приметам.

Огню, воде, воздуху, праху земли —
Всему по три знака: весь мир — в них, — внемли.

Один для другого они — супостаты,
Друг другу смертельной враждою чреваты.

Но, ввек не сходясь, они движутся кругом,
Не видя друг друга и в мире друг с другом.

От века их суть установлена богом —
Друг друга сменять в уложении строгом.

Про многое здесь рассказать я сумел,
Наука и разум — основа всех дел.

6

Повествуется о том, что достоинство сынов человеческих — в знаниях и разумении

Творец человека меж тварей отметил,
Чтоб разумом был он и знанием светел.

Умом отличил его, разумом, словом,
Дал облик и сделал в деяньях толковым.

И стал человек разуменьем велик,
И знаньем он многие тайны постиг.

Кому даровал бог и знанья и разум,
Того он ко благу наставил наказом.

В науке — все благо, в познаньях — величье,
Даны божьим слугам два высших отличья.

И правду сих слов подтвердит моя речь,
Сумей из нее все, что нужно, извлечь.

Величье дается благим разуменьем,
А знанья — основа великим свершеньям.

Кто знающ — тот знает, разумен — разумный,
Свершает желанное лишь многодумный.

Пойми суть познанья — премудрый завет:
Кто мудр, тот избегнет болезней и бед.

Невежда подвластен болезням и бедам,
А хворь не излечишь — и смерть идет следом.

Лечись же, невежда, внемли же призывам:
Очнись от неведенья — станешь счастливым!

Учение — повод, ведущий вперед:
К свершенью желаний он твердо ведет.

Кто предан ученью — тому и успехи:
Разумный не знает в желаньях помехи!

Ученьем вершатся труды и дела:
Наука властителей к цели вела!

Повествуется о достоинствах и пользе языка

Язык — переводчик науки и знанья,
Язык человеку дарует сиянье.

Язык людям счастье и славу приносит,
И он же карает и головы косит.

Язык — словно лев, что лежит у ворот:
Едва оплошаешь — тебя он сожрет!

Внемли же тому, что сказал злоязычный,
И пусть тебе сдержанность станет привычной:

«Немало вредит злоязычная речь мне!
Отрежу язык, чтоб себя уберечь мне.

Придерживай речь — будешь цел и здоров,
Язык придержи — не лишишься зубов!»

Всеведущий создал язык твой толковым —
Храни свою голову, властвуй над словом!

И хочешь, чтоб рок был к тебе не суров, —
Храни свой язык от неправедных слов.

Разумной считается мудрая речь,
А глупая снимет и голову с плеч.

В пустом суесловье не вижу я прока,
И грех многословья порочен глубоко.

И не суесловь, а скажи лучше кратко:
Тьме путаных слов — лишь в едином отгадка.

Речь людям дарует и власть и почет,
А лишнее слово и шею свернет!

Сболтнешь — скажут: «Речь твоя стала пустою»,
А станешь молчать — попрекнут немотою.

А ежели так, то держись середины:
Умеренность в речи и доблесть — едины.

Язык придержал — и цела голова,
И долог твой век, если кратки слова.

Язык и убыток и пользу приносит,
За это и хвалят его и поносят.

Всегда говори с разумением слово,
Да будет оно — словно глаз для слепого!

Незнающий слеп без сомненья, заметь.
Невежда, старайся к познанью прозреть!

Рожденные смертны, и жизнь быстротечна,
А доброе слово бессмертно и вечно.

Две доблести в муже не знают предела:
Хорошее слово и доброе дело.

И умер сказавший, а живы слова,
И доброго имени слава жива.

Кто жить хочет вечно, не зная скончанья,
Да будут благи его речь и деянья.

Я речь и хвалил и бранил понемногу,
Внемли же, — тебе говорил я в подмогу.

Всех слов не упомнят, усилий не трать,
Лишь нужное слово не надо скрывать!

Я, доблестный, сыну совет дал бесценный,
Да внемлет он сути его сокровенной.

Тебе я сказал слово это, о сын мой,
Тебе говорил для совета, о сын мой!

И знай, что и золото и серебро —
Не равное доброму слову добро!

Уйдет серебро, ему — в небыль дорога,
А примешь совет — серебра будет много.

Дано человеку наследовать слово,
Богат он стократ от наследства такого.

Не хмурь же бровей, о мудрец, и прости:
Мой долг — покаяние здесь принести.

8
Слагающий книгу просит прощения

Да будет, о мудрый, мой умысел ведом:
Я зов обращаю к идущему следом.

Сначала — раздумье, потом уже — речи,
Оплошное слово заводит далече!

Враждебна молва — губит славу и честь,
И зависть людская грозит тебя съесть.

А мой груз не тяжек, как я поразмыслю:
Я просто решил изложить свои мысли.

А спросишь — зачем, так отвечу тебе я,
Скажу, славный муж, правду слов разумея.

Греховным зовется не зря «чело-век»:
«Чело» его грешно, в грехе его «век»!

Скажи: где безгрешного в мире я встречу?
Тьмы тем в мире грешников, — так я отвечу.

Разумных — не много, а много бездумных,
Неумных — без счета, да сыщешь ли умных!

Неумный извечно разумному враг:
Спор неуча с умным доднесь не иссяк!

Различий не счесть среди рода людского,
И суть их — в познаньях, — об этом и слово.

К разумным взываю я этою речью,
Не в силах я глупость понять человечью.

С глупцом толковать — я не ведаю слов,
Тебе же, о мудрый, служить я готов.

К тебе моя речь, на тебя — упованье,
Тебе же и глас моего покаянья

В речах и ошибки бывают — ну что же:
Понятливый выправит то, что негоже!

Слова — что ведомый уздою верблюд:
Куда их потянут — туда и пойдут.

Есть много людей, говорящих с понятьем,
И дорог мне муж, что умеет внимать им.

Всех доблестей можно познаньем добиться:
«Наука на небо ведет» — говорится.

Всегда проверяй свои речи умом,
И чти лишь того, кто с наукой знаком.

Ведь слово на землю сошло с небосвода,
Возвышена словом людская природа.

Как море, душа человека бездонна,
В ней жемчуг познанья лежит потаенно.

А тот, кому жемчуг добыть не дано,
Жемчужный ли, каменный он — всё равно!

Лишь в копях подземных добытое злато
В венце властелина сверкает богато.

Когда мудрый муж чужд разумным советам,
Лежалая мудрость не светится светом!

Разумный и мудрый — чудней всех чудес:
Внемли их советам — вспаришь до небес!

Узнай, что сказал повелитель державный,
Чьи разум и знанья — премудрости славной:

«Владыками быть суждено лишь разумным,
А пестовать подданных — смелым и умным.

Кто правил всем миром, был мудр и учен,
А подданных пестовал мудрый закон!»

С тех пор, как дарована жизнь нашим дедам,
Был добрый закон мудрым праотцам ведом.

И после, доныне, по этим законам
Большие посты отдавали ученым.

Ученьем изводят и зло и порок,
А знанием — смуты народных тревог.

И только когда оба средства негожи,
Берись за оружье и действуй построже.

У славных владык было мудро правленье:
Меч — только для тех, кто лишен разуменья.

И если всесветный правитель умен,
И правит народом по разуму он,

И эти два свойства — в согласье едином,
Он станет всем странам земли властелином.

И кто в двух мирах утвердить себя хочет,
Лишь доблестью в деле себя он упрочит.

И если ты хочешь обресть благодать,
Свершай только благо, слов лишних не трать.

Все смертны, и вечно лишь доброе имя
Того, кто был славен делами своими.

И ты преходящ, будь же именем вечен:
Чье имя бессмертно, тот сам бесконечен.

9

Повествуется о достохвальных свойствах и пользе добрых дел

У тех, чьей деснице народы подвластны,
И слово и дело должны быть прекрасны.

И юность минует, и жизнь отойдет,
Весь мир — словно сон, и тебе — свой черед.

Отдай свою жизнь под прирост, словно злато,
И, сыт и одет, проживешь ты богато.

Внемли, что сказали благие мужи:
«Никто не минует смертельной межи».

И все, кто от века рожден во вселенной,
Минули и встретили час нареченный.

И все — бек и раб, и благой и дурной
Оставили имя по смерти земной.

Теперь и твоя череда подоспела —
Будь верен свершению доброго дела.

Живущий умрет, тело в землю сложив, —
Кто благ был до смерти — тот в имени жив.

Два имени есть в нашей речи покуда,
Для славы посмертной: добро или худо.

Дурных порицают, хорошим — хвала,
Какая из двух тебе участь мила?

Был добрым — тебя провожают хвалою,
А был ты плохим — породнишься с хулою.

Взгляни, почему посрамлен был Заххак,
За что Фаридун удостоился благ? *

Один был достойным, ему — одобренья,
Другой был плохим и познал посрамленье.

Добро или зло тебе нравится, — глянь,
И что тебе любо — хвала или брань?

И ты избери, что ты ценишь дороже,
А выбрал — потом уж терзаться негоже!

У мудрых давно поговорка была,
А мудрые знают людские дела!

«Хорошим — при жизни хвала подобает,
А злым — и по смерти хула подобает!»

И сколько знавал я вершителей зла:
Едва лишь умрут — вся их сила ушла!

Видал и таких, что за злые свершенья
Платили всей жизнью, о муж разуменья!

Дурной — что огонь: лишь его запалят —
И он на пути не потерпит преград.

А те, что до нас отошли, — погляди-ка:
Простой человек или мощный владыка —

Кто жил из них разумом — все искони
Стране и народу служили они.

Властители — те из них, кто с разуменьем,
Все добрый закон даровали владеньям.

Все так и теперь: кто о благе радел,
Тот стал во главе добродетельных дел.

Властитель, что правит в законах разумных,
К себе приближает ученых, разумных,

Он предан делам, их с оглядкой ведет,
С наукой сверяясь, он правит народ.

Всех холит он, бедных спасает от худа,
Закон для него — благо бедного люда.

Кто именем славен, тот славным слывет,
А славным — и после кончины почет.

Кто с думой о смерти радел о грядущем,
Тот имя сберег как посланье к живущим.

Читающий сыщет к писавшему след:
Просящий получит разумный совет.

И все, что на свете любезно науке,
Невежде — лишь повод для брани и скуки.

Внемли, что изрек проницательный муж,
Уже пожилой и бывалый к тому ж:

«Где неуч сидит на почетнейшем месте,
Там сесть у придверья — и то больше чести.*

А ежели мудрый и сел у дверей,
То место — почетного места добрей.

По разуму только — почет и доверье,
Неважно, где сесть — во главе ли, в придверье!»

Два рода мужей люди чтут испокон:
Один из них — бек, а другой — кто учен.

И схожи, поверь, со скотом остальные —
Кого бы ни взял ты: не те, так иные.

Кто сам ты, скажи мне, из этих двоих:
Из двух выбирай и беги от иных!

Владенье мечом благом подданных правит,
Владенье пером на дорогу наставит.

От них нам достался надежный закон:
Наследием предков народ вознесен.

Наследство живому от мертвого — слово,
И польза верна от наследья такого.

Невежды незрячи, подобны слепцам,
Прозри, о слепец, и внемли мудрецам.

Людей красит слово, есть много наречий,
И славлю я речью язык человечий.

У тюрок об этом присловие есть,
И здесь его к месту хочу я привесть:

«Красны речи словом, а мысли — речами,
Красны люди ликом, а лики — очами!»

Людские слова произносит язык,
От добрых речей украшается лик.

Среди тюркских беков есть множество славных,
Славней они многих владык предержавных.

Меж них есть прославленный муж — Алп Тонга,*
И всем его слава вовек дорога.

Велик был сей избранный, доблестью славен,
Умом и премудростью был он державен.

И сколько столь доблестных, сильных и властных
Сей мир превращает в навеки безгласных!

Таджики его Афрасийбом зовут.*
Когда он возглавил свой подданный люд,

Ему подобало быть мудрым и смелым,
Чтоб власть укрепить над бескрайним пределом.

Таджиками он в письменах восхвален,*
Иначе кому бы известен был он?

И сказано доблестным мужем прекрасно:
«Узлы только смелый распутает властно!»

Умелым быть должен властитель всех стран:
Лишь грозному льву покорится кулан.

Тьмы доблестей нужны властителям мира,
Чтоб людям не мрачно жилось и не сиро,

Чтоб страшен врагу был карающий меч,
Чтоб добрым законом народ свой беречь.

10

Повествуется об отличиях и пользе учения и знания

Хочу я, о мудрый, о слове сказать —
Ученья и знанья воспеть благодать.

Учение — светоч во мраке ночном,
От светоча знанья ты светел челом.

Ученьем и знаньем достигнешь высот,
И два этих блага приносят почет.

Незнающий слеп, — да уверует он:
Лишь оком учения мир просветлен.

Где властен закон, там безбеден народ,
И в славе времен его имя живет.

«Учась, — я слова мудреца приведу,
Спасется из ада и грешник в аду!»

Взгляни на младенца: не вышла пора —
К учению он не наладит пера.

А хоть и учен, если тело старо —
Ученье забыто, недвижно перо.

О тех, кто безумен, и думать не след:
Для них, кроме смерти, лечения нет.

Ты спросишь, что неучи значат собой,
Отвечу: из них бесполезен любой.

Познавший ученье — в деяньях весо́м,
А неуч и мелок и легок во всем.

И слово об этом прекрасное есть:
«Бездумным невеждам неведома честь».

И правильно все, если зорко взглянуть:
В ученом и знающем истинна суть.

Поистине мудр рассудительный муж,
Лишь умный — могучий, властительный муж.

Ученым дано благородными слыть,
Лишь знающий может правителем быть.

И всюду, во все на земле силу рук
Вложил человек и познанье наук.

Кто мудр и учен — благородством велик,
А знаньем вершится господство владык.

И к тысячам тысяч свершений вела
Премудрость ученья — за то ей хвала!

Немалый и в малом учении прок,
И малое знание — добрый залог.

Четыре есть вещи — малы, а сильны,
В их малость не верь, речи мудрых верны:

Одна из них — пламя, другая — враги,
А третья — смертельной болезни шаги.

Они в этих свойствах с наукой сошлись,
Ты верь в их могущество, не обманись.

В их силах таится двоякий исход:
Неведомо, благо иль горе придет.

Наука — влекущий богатства магнит,
А ум — тот чертог, что богатства хранит.

У знания — с мускусом схожая суть:
Держать его втуне негоже ничуть.

Как мускус ни прячь — запах всюду проник,
И знаний не скроешь: их выдаст язык.

Познанья — богатство, откуда и часть
Искуснейший вор не сумеет украсть.

Ученье и знанье — что путы для ног:
Зря шагу не ступит попавший в силок.

Любезного сердцу лихого коня
Опутанным держат до нужного дня.

Опутанный конь далеко не уйдет:
Стреножен, он воли хозяина ждет.

Ученье тебе — словно преданный друг,
И верный собрат твой — познанье наук.

И знанье и дело невежде чужды:
Будь он и без бед — у него две беды!

Присловье у тюрок известно о том,
Его ты усвой и душой и умом:

«Ученье ученому — верный собрат,
А неуч о знанье и слышать не рад.

Ученому знанье — и снедь, и наряд,
А козни невежды — лихой супостат!»

О знающий! Гнев из души изгони!
Разумный! Не гневайся, честь сохрани!

Ни с гневом, ни с яростью дел не верши:
Свершенное наспех — погибель души!

Гневливый раскаяньем поздним томим,
Кто вспыльчив — всегда наказание с ним!

Долг чести для мужа — владенье собой:
Бек должен быть ясен, как солнце с луной.

Степенность ему, благосклонность нужны,
И знанья ему и ученость нужны.

Ученость нужна, чтобы знаньем владел,
А знанья нужны для свершения дел.

Чтоб доброе чтил, а дурного избег
И нужное с лишним не путал вовек,

Чтоб все отличать и сличать он умел, —
Владея собой, был бы зорок и смел.

Тогда все готово в единый присест:
Разумный несваренной пищи не ест!

Такой человек все, что хочет, свершит:
В два мира ему путь широкий открыт.

А злоба и гнев — для мужчины порок:
Поддался им — гибнуть себя же обрек!

Внемли благородным словам мудреца
И следуй им, славный юнец, до конца:

«Поддавшийся гневу лишится ума:
В сердитом — не ум, а невежества тьма.

И доблестный муж, если злобствует, — глуп,
Во гневе и добрый несдержан и груб!»

Усвой, что сказал проницательный муж,
Разумное слово — отрада для душ:

«Есть вещи, что портят нас, душу губя,
Кто с ними сроднился, тот губит себя.

Одна вещь — язык, чья отрада — навет,
Другая — дать слово и рушить обет.

А третья — любовь к возлияньям хмельным,
И ясно: исход ее будет дурным.

Упрямство — вот тоже злокозненный вред,
К упрямцам любви и почтения нет.

Еще одно зло — быть злонравным, худым,
Со всеми людьми перессориться в дым.

Еще одно — злобный, как ветер, язык,
Способный убить собеседника вмиг.

А все эти свойства сойдутся — беда:
Владельцу их счастья не знать никогда!

Суров к его доле карающий рок,
И всю его сущность источит порок!»

Внемли, достославный, о добром радей,
Благие деяния красят людей.

Услышь, что сказал добродетельный муж,
Пестун и знаток человеческих душ:

«Достойного мужа не старят года,
Дурной, как ни славь его, дурен всегда.

В раскаянье быстро стареет дурной,
А добрый живуч: он не мучим виной!

И добрый удачлив в желаньях своих,
А муки и беды преследуют злых».

11

Повествуется о наречении названия сей книге и о старости

Я книгу назвал «Благодатное знанье» —
Благие читающим в ней назиданья.

Написанной книгой и сложенным сказом
Два мира объять помышляет мой разум.

Да ведают счастье обоих миров
Познавшие благо сих истинных слов.

Сложил Кюнтогды похвалу я сначала,
Чтоб Правдою слово мое прозвучало.

Затем Айтолды возвеличил я словом, —
Да блещет он светочем Счастья пунцовым.

Да, Правды великий закон — Кюнтогды,
Да, Счастием мной наречен Айтолды.

Затем мой рассказ о благом Огдюльмише,
Чей Ум — всех премудростей разума выше.

Затем Одгурмыша я ввел в сочиненье,
Сей муж воплощает собой Завершенье.*

Четыре сих свойства — о них мой рассказ,
Читай, и да станет всезрячим твой глаз!

О юноша, с радостью в сердце живущий,
Внемли всей душой мне без лености пущей!

Путь правды храни от неверного шага,
Зря юность не трать и цени ее блага.

Мелькнет твоя молодость — знай наперед,
И — как ни удерживай — жизнь отойдет.

Не трать свои юные силы напрасно,
Смиренной молитве будь верен всечасно.

О, где моя юность! Я каюсь сурово,
Да что в этом пользы — кончаю я слово!

Чьи годы за сорок прошли чередою,
Уж тот распростился с порой молодою.

А мне пятьдесят, и немолод я телом,
Был вороном черным, стал лебедем белым.

И кличет шестой мой десяток: «Иди!» —
Пройду, если нет западни впереди!

Когда шестьдесят уже минуло мужу,
Сменил летний зной он на зимнюю стужу.

Что в тридцать собрал — в пятьдесят все уйдет,
А что в шестьдесят твоих лет тебя ждет!

Что сделал я вам, пятьдесят моих лет?
За что ваша месть насылает мне бед?

Пока еще молод, все — радость-услада,
А ныне и пища мне — вся горше яда!

Был прям, как стрела, я — как лук, окривел,
А в сердце, как лук трепетавшем, — прострел.

Прошла моя юность, и старость пришла,
И ты не избегнешь такого же зла.

О ты, всеправдивый, молю: помоги мне —
Стал пленником лет я, и годы — враги мне!

Без пут и оков заплетаются ноги,
Померкли глаза мои, стали убоги.

Вся радость ушла, гаснет пламя в груди,
И младость прошла — не зови и не жди!

Проснись, седовласый, готовься к кончине,
Рыдай о прошедшем в тоске и кручине.

Твой век многодневный загублен тобою,
Свой срок доживай с покаянной мольбою.

О ты, вечно сущий, бесскорбный творец,
Ты сонму живых уготовил конец!

К тебе обращаю с молитвой я слово:
Продли мне в отраду дни срока земного!

Я начал рассказ мой с мольбою покорной —
Пошли завершенье ему, животворный!

Восславь, о язык мой, зиждителя сил,
Который от скверны меня отвратил.

Он создал меня, среди многих отметил,
И праведный путь мой был ясен и светел.

Во тьме я томился, и тьму осветило:
Во мраке темницы возжег он светило.

И он указал мне, заблудшему, путь,
Иначе бы мне адских мук не минуть!

Избрал и возвысил меж лучших меня он,
Увел от дороги заблудших меня он.

Зажег в моем сердце он светоча жар
И дал моей речи свидетельства дар.*

Он дал мне и душу, и очи, и разум,
И слово вложил он в уста мои разом.

И всюду ведом я любимым пророком, —
Лишь он мне подмога в служенье высоком.

И все это — милости господа бога,
Рабу нерадивому помощь-подмога.

И как отыскать мне слова для похвал —
О, если бы жизни он мне даровал!

О боже, ты знаешь: я слаб пред тобою,
Рыдая, тебе я все горе открою:

Не в силах воспеть я тебя, всеблагого,
Ты сам помоги мне найти это слово!

На праведный путь мне ступить разреши,
Одежд моей веры меня не лиши!

И в час, когда дух мой изыдет из тела,
Дай быть мне с тобою и с верой всецело!

А в бурой земле одиноко я лягу —
Будь милостив, путь укажи мне ко благу.

Греховен безмерно твой раб-горемыка, —
Помилуй, — твое совершенство велико!

Ты всем правоверным грехи отпусти,
Дозволь им стезей вечной жизни пойти!

12

О главном лице сего сказания — элике Кюнтогды, чье свойство — Справедливость

Наука обучит — твой разум прозрит,
Как создан сей мир, что за смысл в нем сокрыт.

Сей мир — что красотка увядшей поры:
Повадки девичьи, а годы стары.

Порой у него — как у девицы нрав:
Прельстит да и скроется, прочь убежав.

От льнущих к нему он — как лань, наутек,
А тем, кто бежит, вяжет путы для ног.

То глянет, дразня, да и прочь убежит,
То примет притворно невидящий вид.

То словно посмотрит, и в сторону взгляд,
Лукавит увертливо, как ни манят.

И, сам не старея, он старит владык,
Всех губит его неумолчный язык.

На свете жил бек, и премудр и умен,
И долгие годы страной правил он.

То был Кюнтогды, был он славой покрыт,
И, счастлив, всесветно он был знаменит.

В делах справедливый, был прям он и строг,
Правдив был в речах он и духом высок.

Он, мудрый и умный, и скорый в делах,
Для злых — что огонь был, для недругов — страх.

Бесстрашный, по правде вершил он дела,
И день ото дня его слава росла.

Властитель премудрым уменьем владел —
Сверять свою волю с велением дел.

И власть он с усердием страсти вершил —
Со страстью, пригодной для власти, вершил.

И стих у поэта есть будто о нем,
Любой прочитавший уверится в том:

«Для мужа и рвенье и доблесть нужны,
А зло и порок с ним дружить не должны.

А если и доблесть и рвенье нужны,
Да будут они в сердце мужа равны!»

И был Кюнтогды образцом сих начал:
Как солнце с луной он над миром сиял.

Всех мудрых к себе он призвал на порог,
Всех умных возвысил и к делу привлек.

Стекались к нему все владыки земли —
Мужи, что умом всех других превзошли.

Он дал устроенье всем странам вокруг
И лучших мужей приближал для послуг.

В подмогу себе в начинаньях своих,
Чтоб мог он всегда положиться на них.

Печалясь душой, он сказал как-то раз:
«Велики у власти и дело и глас.

От многих забот голова тяжела,
Муж нужен мне умный — вершить все дела.

Мне править теперь одному уж невмочь,
Муж нужен мне мудрый, чтоб делу помочь.

Муж избранный нужен, чей разум глубок,
Такой, чтобы править подвластными мог,

Чтоб праведен был он, и добр, и правдив,
И словом и сердцем во всем справедлив,

Чтоб он исполнял мой приказ и наказ —
И тайное ведал и явное враз».

Внемли, что сказал многоопытный муж,
Уже пожилой и бывалый к тому ж:

«Сподвижники мудрые в деле нужны —
Такие, чтоб делу радели, нужны.

Помощники надобны — дел знатоки,
По разуму действуешь — цели легки,

Помощников много — властитель силен,
В порядке правленье, незыблем закон.

Помощники в каждом деянье важны,
А в деле правленья — подавно нужны.

Когда властелин без помощников, он
Все делать своею рукой принужден.

И так каждый день ему много тревог,
Но бед и не счесть, если он одинок!»

Об этом нам правду вещают слова,
В них мудрость достойного мужа жива:

«Желаешь покоя — беда тут как тут,
За радостью следом печали идут.

Чем больше величья, тем больше обуз:
Крупна голова — так и шапка что груз!

Нет тайн для властителя и за дверьми,
Когда он и слухом и зреньем — с людьми».

Дурных он карал справедливой рукой,
Негожих — от дел отправлял на покой.

И правил он, зорко владенья храня,
И счастье росло его день ото дня.

Да, зоркость для всякого дела нужна,
А делу правленья — всецело нужна.

Когда ты опаслив да зорок, тогда
Всё — благо, и ты не познаешь вреда.

Об этом поэт свое слово изрек,
Подобен сей мысли и смысл его строк:

«Опасливой зоркости — честь и хвала,
Беспечность к погибели многих вела!»

В делах не плошай, ведай зоркий расчет:
Беспечность тебя в двух мирах подведет.

Кто слишком уверен в себе, тот и плох:
Он гибнет, врагами застигнут врасплох.

Внемли, что всесветный властитель речет,
В победах над недругом знавший расчет:

«Властитель, будь вдумчив и зорок стократ,
Блюсти осторожность велит шариат.*

Беспечный — в дремоте от лени своей,
О мощный, будь зорок, лениться не смей!»

При мудром владыке страна расцвела,
Все жили в довольстве, не ведая зла.

И стал весь народ столь богатым при нем,
Что волк и овца пили воду вдвоем.

И жил он, любовной молвою хвалим,
А недруги шеи склонили пред ним.

Иные искали в нем щит от тревог,
Иные с надеждой лобзали порог.

И вот что сказал муж достойный, внемли,
Слова его — словно цветы всей земли:

«Величье и власть достохвальны стократ,
Когда они правду и право вершат.

Власть бека достойна великих похвал,
Но лучше — закон, что во благо он дал.

Сколь благостен в доброе время народ,
Когда властелин справедливость блюдет!

Сколь благостно доброе имя: оно
Как вечное счастье навеки дано!

И счастлив достойный властитель, пойми,
Когда человечно он правит людьми».

И праведно правил народом элик,
И стал во всем мире он славой велик.

Росла его слава, молились о нем,
И полнилось счастье его день за днем.

Тянулся к нему весь вселенский народ —
Изведать добро его благ и щедрот.

Был поясом счастья повязан народ,
И в дружбе с ягненком жил волк-живоглот.

13

Повествуется о вступлении Айтолды в служение при Кюнтогды

Услышал молву мудрый муж Айтолды
И к делу решил приложить он труды.

Еще молодой, был он кроткого нрава,
Разумный и сведущий, мыслящий здраво.

Был чуден его ослепительный лик,
Он мягок был речью, правдив на язык.

Обучен бессчетным уменьям и знаньям,
Он к делу умел применять их со тщаньем.

И раз, сам с собой говоря, он изрек:
«Стократ одарен, от людей я далек!

Что ж чахну без дела я в этой округе?
Пойду, предложу я элику услуги!

На пользу властителю я послужу
И праздности бремя с себя я сложу.

Властителем умным и мудрым слывет он
И ждет, почитай, облегченья забот он!

Учёность оценит лишь тот, кто учен,
Прикупит ума только тот, кто умен.

Поэт и об этом сказал своим слогом —
И словом и слогом поведал о многом:

«Лишь мудрый и ведает цену познаньям,
Почтенье к ученью даруется знаньем.

Дано ли знать цену познанья безумным?
Понятье о знаньях живет лишь в разумном!»

Велит Айтолды дать одежды, коня —
Готовится в путь, мысль о службе храня.

Взяв нужное, мудрый в раденье великом
Сбирается в путь, чтоб предстать пред эликом.

«Готов я, — сказал он, — идти на чужбину,
Элику служить — моему властелину.

Идешь в чуждых землях — всё нужно сторицей:
Иссякнут припасы — и стал бледнолицый!

Чужбина по первой поре тяжела,
Мудрец — даже тот не избавлен от зла.

И злато и серебро нужны в достатке,
Раз хочешь их тратить, не зная нехватки.

Муж моря познаний, великий мудрец
Изрек — о, внемли же, румяный юнец:

«Кто хочет долг службы принять, для такого
Две вещи потребны, — вот верное слово!

Здоров должен быть он, и скор, и не хвор,
И службой безгрешной всем радовать взор.

Затем ему нужно чистейшее злато, —
Для верного дела нужна и потрата!

Тогда и в служенье — порядок и лад:
Для знающих это нет запертых врат!»

И он серебром подзапасся и златом, —
Мол, трудности будут — готов я к затратам.

И вышел из дома он в дальний поход,
Путям да стоянкам немалый был счет.

И вот перед ним уже стан властелина,
Желанный умом и душою едино.

Он в город вошел, неприкаян и сир:
Не сыщешь ночлега — сколь тесен сей мир!

В приют для скитальцев забрел он, усталый,
И лег на ночлег там в печали немалой.

Послушай, что муж разуменья изрек,
Слова он из памяти мудрой извлек:

«Кто людям неведом, житье его туго:
Средь чуждых один-одинок он без друга.

И тяжко пришедшему в чуждую даль:
Кто сир-одинок, того гложет печаль.

А сирые — словно не зрящие света:
Собьются с пути — не суди их за это!

Пришелец в стране, где он не был совсем,
Похож на невесту: язык его нем.

Будь добрым, о мудрый, к пришельцам, приветь их,
Пои и корми их, старайся пригреть их.

Жалеющий гостя — челом просветлен,
Приветящий гостя — молвой вознесен.

Везде человеку нужны доброхоты,
С подмогой не страшны любые заботы!»

Пришел Айтолды в этот чуждый предел,
И, в муках скитаясь, лицом пожелтел.

С людьми он сдружился, сходясь терпеливо,
Обрел себе кров он и зажил счастливо.

Друзей он, приятелей близких завел,
Со старым и малым был прост и не зол.

И стал он дружить с неким мужем известным
И все обсуждал с ним в согласии тесном.

Был друг Айтолды и умен и пригож,
И всем — Кюсемиш его звали — хорош.*

Открылся пред ним Айтолды всей душою —
Кто сам он, и движим он целью какою,

Как шел он сюда из родимых земель, —
Сказал все, что знал, и открыл свою цель.

А был хасс-хаджиб у элика, — едва ли
Кто был ему ближе, — Эрсиг его звали.*

К нему и пошел Кюсемиш как-то раз,
Чтоб все, что узнал, рассказать без прикрас.

Велел хасс-хаджиб все сказать ему ясно,
Поведать желанье велел ему властно.

И все рассказал Кюсемиш перед ним —
Кто он и намереньем движим каким.

Ответ хасс-хаджиба Кюсемишу

«Ко мне пусть придет, — было слово хаджиба,
Чтоб мы повидать с ним друг друга могли бы,

Потом я властителю все передам,
Просителю встречу назначит он сам».

Слово Кюсемиша к Айтолды

Ушел Кюсемиш и вернулся с ответом:
«Твой день, Айтолды, вспыхнул солнечным светом!

Ступай к хасс-хаджибу, предстань перед ним
И молви, каким ты желаньем томим.

Готов он принять тебя, выслушать слово,
Скажи ему все, что задумал, толково.

Ему объяснял я, в чем просьба твоя,
А ты ему лучше расскажешь, чем я».

Муж верного слова и мысли правдивой
Сказал, и — да примут совет справедливый:

«Бывает, что речь — по чужому уму,
А делу-то предан любой своему.

Кто близок тебе и душою и думой,
Не ближе, чем сам ты, — об этом подумай!

И если ты хочешь к себе доброты,
Молчи уж, — кто будет добрее, чем ты?»

Одежды надел Айтолды и — к порогу,
Вдвоем с Кюсемишем пустился в дорогу.

Дошли до ворот и вошли они, глядь —
Служитель хаджиба их вышел встречать.

Вошел Кюсемиш и вернулся, и сразу
К хаджибу введен был пришлец по приказу.

Хаджиб усадил его, выказав честь,
И доброю речью изволил почесть.

Вопрос хаджиба к Айтолды

И — прибыл ли целым-здоровым, — спросил он,
Живет под надежным ли кровом, — спросил он,

И есть ли родня здесь, знакомцы-друзья —
За ним присмотреть, дать еды и питья.

Еще он спросил, что за цель его манит,
В чем надобность есть, чем живет он, чем занят.

Ответ Айтолды хаджибу

«Хаджиб достославный, — сказал Айтолды,
Я слышал, правитель тут есть — Кюнтогды.

Вдали еще слышал я гром его славы —
Как ум его, знанья и речь величавы.

К порогу его поспешить я решил —
Служить ему верно всей мерою сил.

И если хаджибу ответ мой по нраву,
Хочу послужить я элику во славу!»

Хаджиб возлюбил Айтолды в тот же миг,
Хвалы он вознес — все, что ведал язык.

И все — дивный облик и нрав его честный
Хаджиб счел за признаки сути безлестной.

Муж чести одобрил его всей душой:
Он годен элику для службы большой.

Внемли, — нам любви преподавший уроки
Сказал, — что в любимом милы и пороки:

«В любимом и грех доброй сутью сочтешь,
В немилом — добро за беспутье сочтешь».

И этому есть подтверждение словом, —
Да слушает муж, что слывет образцовым:

«Полюбишь — любимый и в грешном велик:
Неправое правым становится вмиг.

В любимом все любо, все мило и впору,
А все, что неладно, — невидимо взору».

Ответ хаджиба Айтолды

Хаджиб отвечал Айтолды: «Подожди,
Доверься мне, будет успех впереди.

Властителю я передам эти речи,
И сам день и час он назначит для встречи.

Сперва пусть узнает, потом — призовет,
Да будет тебе не хула, а почет.

В чем я буду нужен — исполню, — да что там,
С любовью твоим помогу я заботам!»

И много сказал благородных он слов,
И стан опоясал, к услугам готов.

Какие есть добрые люди на свете —
Опора народу радетели эти!

Послушай, какие промолвил слова
Муж чести и дела, народу — глава:

«Кому волей счастья владеть дано троном,
Тот должен и править по добрым законам.

Кому над людьми сила власти дана,
Да будет он добрым во все времена!

Кто хочет с народом быть духом и телом,
Да будет он сдержан и словом и делом!

Изменчиво счастье: мелькнет и уйдет,
То в выси возносит, то рушит с высот.

Будь добрым, а в счастье не веруй нимало:
Что нынче на месте, то завтра пропало!

О баловень счастья! Ты счастью не верь:
Пришло оно в дверь и уйдет через дверь!

Обласканный счастьем! Ты с вечной удачей
Жить хочешь? Твори лучше благо, незрячий!

И если ты властью могуч и велик,
Паденье настигнуть тебя может вмиг!»

Ответ хаджиба Айтолды

«Ступай, — услыхал от хаджиба наказ он,
Будь счастлив, ты поясом благ опоясан!

Терпи, не спеши, всем заботам свой срок:
И с запертых врат упадает замок!»

Есть мудрое слово, что сказано с толком,
А мудрая речь — словно выткана шелком:

«Останется сзади спешащий вперед:
Поспешно свершенное к бедам ведет.

Жди срока, не знай суеты торопливой:
Всему свое время, о муж справедливый!»

Ответ Айтолды хаджибу

Сказал Айтолды, услыхав эту речь:
«Терпеньем я должен себя остеречь.

Хаджиб меня принял и внял мне глубоко,
Он мне и назначит час нужного срока.

В какой хасс-хаджиб призовет меня срок,
Тогда и приду, — муж сей правду изрек!»

Ушел Айтолды и вернулся домой,
Одежды совлек и обрел он покой.

И понял хаджиб: Айтолды всем хорош,
С другими не схож, на других не похож.

«Не знал я, — он молвил, — мужей столь разумных,
Избранников мудрых, умом многодумных.

Столь дивному мужу нельзя не дивиться,
Хотя он и муж, а не диво-девица.

Что редко — того и желаннее нет,
Да сыщешь не вдруг — попатерпишься бед!

Такие мужи при элике нужны,
И всем нужны, если владыке нужны.

Муж доблестный годен для каждого дела:
Он все, что замыслит, свершает умело!»

Срок вышел — хаджиб, все элику открыв,
Поведал, сколь прям Айтолды и правдив,

Сказал об уме, о благом его нраве,
О разуме, доблести, чести и славе.

Ответ элика хаджибу

«Веди его, — молвил элик, — все уладь.
Где ныне он? Мне бы его повидать!

Я мужа искал, чтобы вместе со мною,
И мне подчиняясь, он правил страною.

Всего я достиг и скажу, не тая:
Об этом одном и печалился я.

Ступай, призови его, мне так угодно,
Чтоб он послужил мне, о муж благородный!»

И вышел хаджиб, и, дойдя до дверей,
Слугу с порученьем отправил скорей.

И прибыл слуга к Айтолды с этим словом,
И тот снарядился, обрадован зовом.

Коня оседлал он, примчался к вратам,
И встретил хаджиб его ласково там.

Уважен хаджибом, в почетнейшем месте
Присел Айтолды там учтиво, по чести.

Вошел к властелину хаджиб своему
И, стоя, про все доложил он ему.

«Пусть входит, — сказал властелин свое слово,
Зови, мы посмотрим один на другого».

«Ступай, Айтолды, — хасс-хаджиб говорит, —
К элику, — ты поясом счастья обвит!»

14

Повествуется о представлении Айтолды элику Кюнтогды

Вошел Айтолды и предстал, преклонясь,
И радость властителю в душу влилась.

С поклоном гость начал любезную речь,
И сердце элика сумел он привлечь,

Назваться ему властелин повелел,
Спросил, что вело его в чуждый предел.

Вел речь Айтолды, и спокоен и строг,
И благостным ладом звучал его слог.

А строгость и благость лишь разум дает:
Лишенные разума люди — что скот.

Достойный поэт, стих об этом сложив,
Сказал: «Не спеши, будь в делах терпелив!

С поспешностью дел не свершай никогда:
За каждою спешкой приходит беда.

Терпя да запасшись усердием впредь,
Сумеет и раб пояс бека надеть!»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Достославный элик!
Подвластный хорош, если к службе привык.

Я — раб, мне — стоять у дверей, я — слуга,
Я предан тебе, служба мне дорога.

К тебе я пришел, и мой путь был не мал,
Достиг я всего, чего страстно желал.

Прошу: не гнушайся же мной, не гневись,
Дозволь быть с тобой, к услуженью приблизь!»

Довольный, элик произнес сей же час:
«Вот муж, о каком и мечтал я как раз!»

Ответ элика Айтолды

«Любезны душе моей, — молвил элик, —
Твой нрав, Айтолды, и прекрасный твой лик.
Будь верен и предан, и в службе благой
При мне да пребудешь ты близким слугой.

По службе твоей — и моя доброта:
Усердному счастье откроет врата!

Отныне мне верой и правдой служи:
Бек милостив к слугам, не знающим лжи!»

Ответ Айтолды элику

Пал ниц Айтолды и к земле он приник:
«Знать, в этом — благая десница, элик!

Я с думой о службе покинул свой дом,
К тебе был мой путь, долго шел я с трудом.
Даст сил мне господь, мое рвенье храня,
Для службы тебе да хранит он меня!»

И, встав, Айтолды вышел, весел и рад,
Светясь, словно светоч, и счастьем объят.

Внемли, что сказал благодетельный муж,
В желаньях — стези добродетельной муж:

«У подданных, если к ним беки добры,
Уверенны мысли и чувства бодры.

И если у беков сияющий взгляд,
У подданных очи и речи блестят.
А тем, кого беки приблизят, дана
Великая милость во все времена.

Ведь бек — это благо: кто сблизится с ним,
Тот в каждом стремленье удачей храним!»

И начал при беке служить Айтолды,
С зари допоздна его длились труды.

Дневное ли бденье, ночной ли дозор —
Служил он безгрешно и верно с тех пор.

Когда ни входил он к элику для дел,
Элик на него благосклонно глядел.

Росло его рвение день ото дня,
Элик отличал его, службу ценя.

За преданность беки и жалуют слуг:
И малый велик от немалых заслуг.

И раб — словно бек, если в службе велик,
Оплошно служа, кто же целей достиг?

Узнай, что премудрый об этом изрек, —
Он в речи своей тонкий смысл приберег:

«Негожий, к служению гожий, пригож,
И вовсе дурной при усердье хорош.

Служить без оплошности должен слуга,
К желанному будет дорога легка!»

Служил Айтолды, не слагая забот,
Властитель открыл ему двери щедрот.

Мужал он, все тоньше вникая в дела,
Печали исчезли и радость росла.

Служа, Айтолды стал и счастьем богат,
И много приял от элика наград.

И понял, познав его свойства, элик:
Вот муж, мне желанный, я цели достиг.

15

Повествуется о том, что сам Айтолды и есть Счастье

Однажды, один, был в раздумье элик,
И, позван, вошел Айтолды в тот же миг.

Вошел Айтолды и стоял, ликом светел,
Элик ему сесть повелел и приветил.

Садясь, протянул он ступни своих ног,
Потом, их поджав, сел, спокоен и строг.

Поведал элик ему думы правдиво,
Ему Айтолды отвечал преучтиво.

Элик, светел ликом, был весел и рад,
Но тут Айтолды вдруг сощурил свой взгляд.

Элик в изумленье пресек свое слово,
Но тут Айтолды вдруг сощурился снова.

И вновь продолжал свои речи элик,
А тот, и ответствуя, морщил свой лик.

Элик, изумлен, оглядел его разом —
Ведь он уже знал его мудрость и разум.

Элик посмотрел, добрым чувством влеком,
Но вдруг Айтолды отвернулся челом.

Элик помрачнел и сказал уже строже:
«Незрелые действия мужу негожи.

В доверье моем, видно, впал я в изъян,
Чем я пред людьми оправдаю обман?»

Внемли, муж сказал с разумением зрелым:
«Спешащим — раскаянье будет уделом».

При спешке возможен ли добрый исход?
К поевшим незрелого хворь пристает!

Поспешность в поступках — заблудшим присуща,
Размеренность в действиях — лучшим присуща.

И я поспешил: не изведав твой нрав,
Я дал тебе службу, тебя не познав.

И сколько бы беки рабам ни радели,
Рабов проверять надо службой, на деле.

Проверь их сперва, испытанье наладь,
Потом уже будешь ценить-отличать!

Вопрос Айтолды к элику

Сказал Айтолды: «О элик благодатный,
За что мне в немилость твой гнев непонятный?

В чем грех мой, — не знаю, — скажи, не гоня,
Потом ты услышишь ответ от меня.

Казни, если грешен, все казни испробуй,
А если я прав, не черни себя злобой!»

Услышь, что промолвил об этом мудрец, —
И образ — слова его и — образец:

«Слуга оплошает — призвать его надо,
Узнать, в чем причина его недогляда.

Виновен слуга — накажи его строго,
Невинен — ему подобает награда».

Ответ элика Айтолды

Вновь слышится гневное слово элика:
«Глупейший из всех ты невежд, горемыка!

Взгляни на себя — кем почет тебе дан,
Откуда пришел к тебе знатный твой сан!

А был ли ты верным слугою? — Нимало!
Помог ты мне службой благою? — Нимало!

И я не по чину возвысил тебя,
Дал должность — и ты же дерзишь мне, грубя!

И ноги ты выпятил здесь не по чести,
Ответствуй: тебе ли сидеть в этом месте?

Я слушал тебя, обращал к тебе речь,
Ты мною, сощурясь, посмел пренебречь!

Смущенный, вел речь я, простив тебе это,
Что ж ты отвернулся, — хочу я ответа!

Ты что же — не слышал речей моих суть?
Приближен ты к беку — почтителен будь!

Отец твой и мать разве не дали сыну
Понятья, что ты не чета властелину?

Не он ли поставил тебя над людьми?
Смотри, берегись и гордыню уйми!

Ведь беки — огонь, от огня будь подале:
Подступишь с запалом — спалишься в запале!

Не следуй беспечности, беки — огонь,
Коснешься — спалишься, уж лучше не тронь!

Все беки — что пламя, их гнев — наготове:
Срубает он головы, жаждет он крови.

Чем больше смотреть, тем страшнее их вид:
Бесстрашных — и то грозной силой страшит!»

16

Айтолды рассказывает элику о свойствах Счастья

«Я понял, — с улыбкой сказал Айтолды, —
Велишь говорить — так послушай и ты.

Я суть этих дел разуменьем постиг,
И нужно, чтоб ты в происшедшее вник.

Предстал пред тобой я, и не обессудь:
Все то, что ты видел, и есть моя суть.

Ты место мне дал — я вначале не сел,
Пойми: «Нет мне места», — сказать я хотел.

Хотел я сказать, протянувши ступни,
Что вот, мол, с чем схож я, — на это взгляни!

Как ноги всеместно, бессменно идут,
Так мне, знаку Счастья, неведом приют.

Зажмурившись — только успел ты взглянуть,
Я тоже хотел показать мою суть.

Ведь я, само Счастье, подобен слепым:
Кто тронет меня, я иду вслед за ним.

Я чинно тебе отвечал, а потом
На добрый твой взгляд отвернулся челом.

И этим я мнил проявить мою суть:
Изменчив мой норов, не верь мне ничуть.

Хранит речи мудрые тюркский язык, —
Послушай, что молвил премудрый старик:

«О счастье познавший, ты счастью не верь:
Тебе бы не знаться с напастью, — не верь!

Ведь счастье, как реки и речи, течет:
На свете извечен их круговорот.

Изменчиво счастье, обманчиво, зло:
Вспорхнет — и умчалось, скользнет — и ушло!»

Вопрос элика к Айтолды

«Я понял, — элик отвечал, — твою речь, —
Сумел, повинившись, ты честь уберечь.

Скажи мне теперь, чем ты славен-велик, —
Хвастливо вещал здесь твой чванный язык!»

Ответ Айтолды элику

«Дарами, — сказал Айтолды, — я богат,
Мужам от меня много благ и отрад.

Годами я молод, в деяньях — высок,
Богатству и власти я — верный исток.

Чиста моя суть и прекрасен мой лик,
Всего я, что было желанно, достиг.

Где б ни был я, все мои цели просты,
Свершаются сами желанья-мечты.

Со мной — все блаженство, все блага — со мной,
А тяготам путь предуказан иной.

Все чуждое мне — в самой сути мертво,
Кто мне покорится — достигнет всего.

Мне зла пожелавший погибнет от зла,
Хотящий попрать меня — попран дотла.

И слово припомнить приходит черед,
И пусть, кто смышлен, это слово поймет:

«Где б ни было счастье, ты следуй за ним,
Не верящий счастью бедою гоним.

Кто счастья добился — спасен от невзгод,
Найдет он свершенье желаньям своим!»

Вопрос элика к Айтолды

Элик произнес: «Да, ты сутью высок,
А есть ли в тебе хоть единый порок?»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Да, наносят мне вред:
Клянут за изъяны, которых и нет.

Порочат — мол, я на изменчивость скор, —
Такой у людей на меня наговор.

Но свойство меняться — не грех и не стыд:
О бек мой, я лишь обновляю свой вид.

А все, что старо, — надоедно стократ,
А что надоедно — то вредно стократ.

Нашел себе новое — старое брось,
С благим заодно будь, с нестоющим — врозь!

Вкус есть только в новом, в старье его нет,
Но будь осторожен: где вкус, там и вред!

Меня за изменчивость нрава бранят,
Порочным зовут и неправо бранят.

Про это муж смелый и храбрый изрек,
Себе я слова его в помощь привлек:

«Всему сотворенному будет конец:
Свершает свои начертанья творец.

Вся жизнь пролетит, словно ветер шальной,
Не сдержишь ее никакою ценой!

И счастьем не льстись: посетит и уйдет,
Не верь ему: есть в нем доход и расход.

Была бы у счастья надежная стать,
Сколь благостным благо сумело бы стать!

И если бы счастье вовек не ушло,
Не меркло бы солнце и было б светло!»

Вопрос элика к Айтолды

«Да, ты переменчив, — ответил элик, —
А твердым бываешь ли ты хоть на миг?»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «В том и суть моя: скор
Я, словно олень, — вот и весь разговор!

Поймать нелегко меня: легок мой бег,
А словят — сдержать не сумеют вовек.

А если проворен да ловок ловец,
Уж тут не спастись, — вот и слову конец!»

Вопрос элика к Айтолды

Элик вопросил: «Сколь сильна твоя прыть?
Найдутся ли путы — тебя залучить?»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Путы крепкие есть,
Я их постараюсь тебе перечесть.

Кто ищет меня, да смирит он свой нрав,
И в сердце и в речи гордыню поправ!

И пусть он от спеси себя упасет,
От скверны хранит, от ненужных забот.

Пусть то лишь, что нужно, сбирает он впрок,
И будет и нравом и сутью высок.

Да будет он старшим служить всей душой,
Да будет обласкан им каждый меньшой.

И пусть не наносит он людям обид
И малых в гордыне своей не теснит.

К вину да вовек не влечет его страсть —
Бесцельно добру да не даст он пропасть!

Пусть руки и речь он хранит от забав
И к праведным целям направит свой нрав.

Вот путы для счастья, из этих тенет
Ему не сбежать, — нипочем не уйдет!

И мысль эта в слове поэта жива,
К словам он искусно приладил слова:

«Да, счастье людское — что быстрый олень:
Изловишь — надежнее путы надень.

Удержишь — оно не сбежит никуда,
Упустишь — уже не вернешь ни на день!»

Ответ элика Айтолды

«Я понял: ты — Счастье, — ответил элик, —
Я предан тебе, но отвернут твой лик.

Когда б не коварство твоих перемен,
Ты был бы поистине благословен.

Увы, в тебе верности нет и следа:
Ты с виду лишь добр, а по сути — беда.

Добрее, чем мать и отец, ты дитя
Баюкаешь, сладкой улыбкой блестя.

Но вдруг с небреженьем лицо отвернешь,
И видно: поступки и речь твоя — ложь.

Развеешь ты все, что прикоплено впрок,
Покличешь — и сразу же дверь на замок!»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Достославный элик,
Поведал я все, чем я плох, чем велик.

Как лучше словить меня, в сети маня, —
Сказал и об этом, — пусть ловят меня.

И если ловец не набросит узду,
Сбегу, словно лань, я от плена уйду!»

Послушай, что старец сказал, не забудь,
В речах мудрых старцев — желанная суть:

«И счастье уйдет, если ходит без пут:
Дают — так бери, а не то отберут!

Добыл свое счастье — покрепче вцепись:
Упустишь — вовек тебе с ним не сойтись!»

Счастливому нужно о счастье радеть
И всяческой скверны чуждаться, — заметь!

Безгрешному люб только праведный путь,
Вот — узы для счастья, — о том не забудь!»

Вопрос элика к Айтолды

«Да, свойства твои и добры и худы,
А что значит имя твое «Айтолды»?

В чем суть его, — молвил элик, — ты ответь, —
Узнаю — тебе буду верить я впредь!»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Это имя — не ложь:
Мудрец говорил, что с луною я схож.*

Луна поначалу едва лишь видна,
Потом, подрастая, восходит она.

А в день полнолунья весь мир озарит,
Она для людей, словно светоч, горит.

Нальется сияньем, сверкая с высот,
И меркнет красою, идя на заход.

Сияние меркнет, и вот его нет,
И снова из мрака рождается свет.

Мне так же дано мою сущность менять:
Я то появлюсь, то исчезну опять.

Едва обращу я к убогому лик,
Прекрасным становится он в тот же миг.

Растут его слава, величье, почет,
А я лишь уйду — все со мною уйдет.

И все, что имел он, развеется враз,
Убогость к нему возвратится тотчас.

Об этом сказал свое слово поэт,
Оно для бездумных — разумный совет:

«Счастливый сиянием славы согрет,
Подобен взошедшей луне его свет.

Но счастью не верь: ненадежно оно,
Взойдет твое счастье — и вот его нет!»

И вот что еще расскажу я теперь,
Ты слушай меня и словам моим верь!

Луне разноместный назначен черед:
Безместно она в горних высях бредет.

В созвездие Рака вместилась луна,
Созвездье смещается — с ним и она.

Лишь место займет — ей его покидать,
Едва лишь взойдет — и заходит опять.

Во мне столь же дивные свойства сошлись:
То вниз я спущусь, то подъемлюсь я ввысь.

Приду и уйду, в дальних далях бреду,
Весь мир обойду, а жилья не найду.

За это мне имя дано «Айтолды» —
В нем умного умысла явны следы.

Я — Счастье, сказал я, чем плох и хорош,
Во мне и болезнь и лекарство найдешь.

Поверь мне, всю правду сказал тебе я,
Прогнать, приручить ли — то воля твоя!»

Ответ элика Айтолды

Элик отвечал: «Все я выслушал, — что ж:
Ясна твоя речь мне, и сам ты пригож.

Такой мне и нужен сподвижник для дел,
Всевышний помог — я обрел, что хотел.

Когда посылает нам бог благодать,
Ему благодарностью должно воздать.

Без устали, с этого дня, без конца,
Безропотно должен я славить творца.

Внемли, что муж разума в мыслях припас,
Достойный завет написал он для нас:

«Восславь же творца, муж, обласканный им,
И будешь стократ ты всевышним храним.

Сколь часто не ценят дары этих благ!
А кто благодарен, тот счастлив и благ.

За малое благо стократ восхвали,
За большее — большей хвалою, — внемли!

За это воздастся тебе в десять раз,
И в доме богатств будет полный запас!»

Элик произнес, похвалив Айтолды:
«И денно и нощно при мне будешь ты».

И он одарил его разным добром,
Дал золота и наградил серебром.

Элик с ним беседовал, — мудрость бесед
Подспорье давала ему и совет.

Приял Айтолды много щедрых наград,
И честно служил, пылким рвеньем объят.

Элик его в разных трудах испытал
И понял: сей муж выше всяких похвал.

17

Элик Кюнтогды рассказывает Айтолды о свойствах Справедливости

Элик как-то раз одиноко сидел,
Забывшись в тиши, без трудов и без дел.

Позвал Айтолды он и молвил: «Войди»,
И позванный руки сложил на груди.

Стоял он, войдя по велению зова,
Элик поначалу не молвил ни слова.

Элик взором знак ему подал без слов —
Иди, мол, садись, я к беседе готов.

И сел Айтолды и потупил он взгляд,
Спокоен и светел, и милости рад.

Не двинув и бровью, с почтительным ликом
Сидел он, сокрыто следя за эликом.

Сиденье элика — серебряный трон —
На крепком треножии был водружен.

В руке его — нож, рядом — чаши стоят:
Направо — с усладой, в другой — слева — яд.

Взглянул Айтолды, удивившись немало,
От страха ему и дыханье прервало.

Вопрос элика к Айтолды

Нарушив молчанье, взор поднял элик,
Велев Айтолды: «Развяжи свой язык!

Молчишь, как немой, ты, — сказал властелин, —
В чем дело? Ведь я же с тобой здесь один!»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Достославный владыка!
Не смею, смущенье мое превелико.

Ты нынче, я вижу, какой-то иной,
О мудрый, владеет смущение мной.

Неумного умный учил от души:
«К сердитому беку идти не спеши!»

И в этом присловье премудрые правы:
«Гнев бека страшнее огня и отравы.

Незлобивый! Ежели бек твой сердит,
Нейди к нему лучше, — дождешься обид!»

Прогневался бек — вот тебе мой совет:
Подальше держись — упасешься от бед!

Еще есть реченье, и мысли в нем верны,
Пойми его смысл — и спасешься от скверны:

«Будь дальше от бека, пришедшего в гнев:
Унизят тебя и прогонят, презрев.

Во гневе все беки — свирепые львы:
Вошедшему к ним не сносить головы!»

Вопрос элика к Айтолды

«Я, — молвил элик, — от тебя жду ответа:
Что значит твое изумление это?»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Вот я чем изумлен:
Что значит, скажи, твой серебряный трон?

Зачем на серебряном троне сидеть,
Что в этом за цель? — ты мне вот что ответь!

А нож, что в руке твоей, — что в нем таится?
И в этом я тоже хотел вразумиться.

И что означают услада и яд,
Что в чашах и справа и слева стоят?

Я вижу, что ты и гневлив и сердит,
Растерян умом я, что значит твой вид?

Поэтому я и гляжу оробело:
Не смею спросить я о сущности дела!»

18

Элик Кюнтогды рассказывает Айтолды о сущности свойств Справедливости

«Я понял, все ясно, — ответил элик, —
И все объясню, чтобы в дело ты вник.

Призвав тебя к делу — к трудам и заботам,
Я принял тебя с превеликим почетом.

И в дивных делах ты мне выказал пыл,
Но, скрыв свою суть, ты меня прогневил.

Сердился я — ты отвечал мне укором,
Был тверд я во гневе — ты хмурился взором.

«Я — Счастье, — сказал ты мне, — знай мою суть,
Я все объяснил — ты понятливым будь!»

Всю суть своих дел разъяснил ты толково,
И я все усвоил — от слова до слова.

И все я простил, объяснению рад,
И много я дал тебе щедрых наград.

А ныне и сам расскажу о себе я,
Все доблести-свойства мои разумея.

Я — знак Справедливости, правды закон,
Пойми, чем и славен и праведен он.

Вот трон, на котором сижу я всевластно,
Взгляни: три ноги его держат согласно.

Незыблемо прочен трехногий предмет:
Все ножки недвижны, качания нет.

Но если из трех хоть одна подкосится,
Дано и другим, и сиденью свалиться.

Прочны три опоры: предмет будто врос,
А где их четыре — всегда перекос.

Что прямо, не криво — все ладно на диво,
Все ладное — прямо, прямое — правдиво.

Скосилось — глядишь, в кривизну перешло,
А где кривизна — там посеяно зло.

Прямое падет, если вдруг окосело,
Но будет стоять, если прямо всецело.

Взгляни на меня: я всегда справедлив,
А правды и кривды ведь тонок извив.

По правде вершу все дела я привычно,
А бек или раб предо мной — безразлично.

А то, что ты видел в руке моей нож,
Так нужно быть острым: карай и пристрожь!

Как нож, я остер, и дела мои режу —
Караю грешащего кривдой невежу!

А сладость что значит? — Изведавший гнет
У врат моих правду закона найдет.

И сам он — что сахар от этой услады,
И очи, и лик его веселы-рады.

А яд предназначен для тех из людей,
Что правды сторонятся в злобе своей.

Для них — мой закон, и суровый и правый:
Придется спознаться им с ядом-отравой.

Суровость и мрачность, насупленный лик —
Для тех, кто неволить слабейших привык.

И — сын ли, чужой ли, родня ли, приятель,
Пришелец приспевший ли — кстати, некстати ль —

Они для меня по закону равны,
Я им ни смягчу, ни прибавлю вины.

Для власти во всем справедливость — основа,
И власть лишь во правде жива и здорова.

Об этом муж разума слово изрек,
А мудрое слово — успехов залог:

«Крепка только власть справедливости строгой,
Путь бека — идти справедливой дорогой.

Бек, правящий твердым, правдивым законом,
Желаемых благ получает премного!»

Вопрос Айтолды к элику

«Преславный элик, — произнес Айтолды, —
А что значит имя твое — «Кюнтогды»?»

Ответ элика Айтолды

Элик отвечал: «Мудрецы мне прозванье
И дали, поняв мою суть и деянья.*

Взгляни, как на небе светило горит,
На жар, что с нетленною силой горит.

Деянья мои на светило похожи:
Моя справедливость немеркнуща тоже.

Как солнцу со дня сотворенья дано
Светить для людей — и не меркнет оно!

Так я и закон мой не знаем предела,
И дар для людей — мое слово и дело.

И третье. Льет солнце свой жар с высоты,
И всюду, везде расцветают цветы.

Благи для людей моей власти свершенья:
Где прочен закон, там цветут и каменья!

Достойным, дурным светит солнце равно,
Для всех его свет, и не гаснет оно.

В деяньях моих столь же славны приметы:
Моей справедливостью все обогреты.

Незыблемо солнце на небе всегда —
Недвижность его в Зодиаке тверда.

В созвездии Льва место солнца бессменно:
Созвездье недвижно, суть солнца нетленна.

Как солнце, незыблема сущность моя:
Сияю всегда неизменно и я!»

Вопрос Айтолды к элику

Сказал Айтолды: «Достославный элик,
Да правишь всем миром ты, славой велик.

Мой путь до тебя был безмерно далек,
Немало я тягот и бед превозмог.

Меня твоей доблестной славе хвала
Сюда для служенья тебе привела.

Какая послуга полезна тебе?
Исполню я все, что любезно тебе!

Когда труд слуги для владыки негож,
Как он ни старайся — а всё нехорош.

Внемли, что сказал муж из рода Ыла,
Чья слава в служенье отменна была:

«Уж ежели беку ты служишь, учти:
Путь к радости бека ты должен найти.

Закон услужения бекам таков:
Понравишься — нет неоткрытых замков.

Кто служит по чести, тот ведает честь,
Не знающим службы — в придверии сесть.*

Кто службою бека возрадовать смог,
Открыты ему дали щедрых дорог!»

Ответ элика Айтолды

Элик отвечал: «Я все понял, ну что ж,
Служи мне во благо — себя упасешь.

Скажу я тебе и о свойствах дурных —
Храни непорочность, будь дальше от них.

Вот первое, что мне не любо: обман,
И склонность к насилию — тоже изъян.

Негожи корысть и бессовестный нрав,
И норов крутой, что во гневе неправ.

Порочна горячность, гневливость дурна,
Вредны лиходей и любитель вина.

Вот я перечислил тебе все грехи,
Которые в людях для службы плохи.

И если ты хочешь быть верным слугой,
Гони от себя все грехи, дорогой.

Тогда я приблизить тебя буду рад,
И ждут тебя милости многих наград!»

Вопрос Айтолды к элику

Сказал Айтолды: «То, что ты произнес,
Я слышал, — ответь и еще на вопрос.

А что есть добро, в чем его существо,
Отличие доброго — в чем, каково?»

Ответ элика Айтолды

Элик отвечал: «Тот по сути хорош,
В чьих действиях пользу народу найдешь,

Такой, кто добро для народа творит
И сделанным благом людей не корит,

Кто блага свершает, а сам их не ждет
И, щедрый, не ищет ответных щедрот».

Вопрос Айтолды к элику

«Я понял, — сказал Айтолды, — твою речь,
Вопрос и еще я успел приберечь.

Скажи: справедливость — какая она?
Ведь ею людская природа красна!

И что говорят, — где к ней праведный путь?
Какая она, какова ее суть?»

Ответ элика Айтолды

«Лишь тот справедливый, — ответил элик, —
Кто с сердцем сверять свое слово привык.

В ком суть и обличье едины вовек,
То значит: правдив, справедлив человек.

Он сердце готов бросить оземь, заметь,
Лишь людям бы в очи открыто смотреть.

Дает справедливость и славу и честь,
По сути она человечность и есть.

Не люди редки, человечность редка,
Людей справедливых не много пока.

Об этом сказал и поэт — его слов
Я суть передать тебе нынче готов:

«И прытких и ловких немало людей,
А мне — справедливый и честный милей.

Не мало людей, человечность мала,
Правдивым воздать по заслугам сумей!»

Вопрос Айтолды к элику

Спросил Айтолды: «Достославный элик,
Ты вот что скажи мне, открой напрямик:

Бывает хороший хоть чем-либо худ,
Дурные хоть в чем-либо доброе чтут?»

Ответ элика Айтолды

Элик отвечал: «Есть два рода благих.
Путь правды обретшие есть среди них.

Другие — с рожденья, уж так рождены, —
Во всем справедливы и правде верны.

А третьи идут за другими вослед:
С дурными пойдут — и от них будет вред.

Дурных тоже есть две породы, они
Не все — это помни — друг другу сродни.

В одних от рожденья негожая стать —
До самой их смерти им лучше не стать.

Другие дурны без особых примет —
Порой они ходят за добрыми вслед.

Исконно благим любо благо свершать —
Всем людям на свете от них благодать.

Исконно дурным — исцеления нет:
И миру и людям от них — только вред.

У тюрков присловье известно давно,
Услышь и усвой — очень мудро оно:

«Кто доброе в детстве всосал с молоком,
До смерти он только к добру и влеком.

И нрав, что дарован природою нам,
Не сломленный смертью, не сломится сам.

Во чреве назначен нам образ, внемли,
И гибнет он только во чреве земли!»

И если с хорошим сдружился дурной,
Хороший с дурным поравнялся ценой.

А станет хороший дурному под стать,
Его доброте путь один — пропадать!

И вот что еще: этот плох, тот хорош,
А дружно шагают — и путь их похож.

При праведном беке ухожен народ,
И жизнь его добрым укладом идет.

Когда беки держатся добрых людей,
За добрым последует даже злодей.

А если негодные к беку близки,
Сильна будет власть их недоброй руки.

Где злому почет, там хороший в беде,
При власти добра злое гибнет везде.

Где счастливы беки и благо цветет,
Там в добром довольстве подвластный народ.

И если сам бек без порочных примет,
Порочным в их происках радости нет.

И там, где от бека дан добрый закон,
Порочный в темнице страдать осужден.

Где добрый над людом поставлен глава,
Там в слугах его добродетель жива.

Где власть добродетельным бекам дана,
Народ богатеет, цветет вся страна».

Вопрос Айтолды к элику

«Я понял, — сказал Айтолды ему снова, —
Изволил элик молвить верное слово

О том, что лишь добрый — радетель добра,
И чем для людей добродетель добра.

Но все ведь мечтают о прочном достатке,
Какие к богатству приводят повадки?»

Ответ элика Айтолды

«Быть добрым, — вещь добрая, — молвил элик, —
Великое ищет лишь тот, кто велик.

А все, что велико, — бесценно, похвально,
И доброе делать — отменно похвально.

Но зло и свершающий злое — дурны,
Дурной и дурные деянья — гнусны.

Дешевые вещи лежат без пригляда,
А шелк и парчу сохраняют как надо.

Добро совершить — значит вырваться ввысь,
А зло совершить — значит в бездну нестись.

Об этом и сказано очень умело,
А следовать мудрости — доброе дело:

«К хорошему делу нелегок подъем, —
Не каждому тропка найдется на нем.

Творят дорогое ценой дорогой,
Невежда вовек не сдружится с добром».

Вопрос Айтолды к элику

Спросил Айтолды: «Достославный элик!
Кто делал добро, тот и славы достиг.

А есть в добром деле хоть малый порок,
Преподан ли знаньем об этом урок?»

Ответ элика Айтолды

«Добру, — был ответ от элика, — хвала,
Добру лишь от злобных бывает хула.

Муж чести всегда доброй дружбой радел
Тому, кто не зол и не чужд добрых дел.

А тот, кто дурен, из-за мелких обид
Достойному мужу всю жизнь омрачит.

Привычный к добру делать благо привык,
Обидам он воли не даст ни на миг.

И если свершит он, влекомый добром,
Случайное зло, он казнится потом.

Внемли, что сказал добродетельный муж:
«Свершай лишь добро, сей обычай не рушь!

Быть добрым и ныне тебе — не в наклад,
А завтра, поверь, будет пользы стократ.

Сегодня дурного обходит беда,
А завтра, глядишь, его участь худа.

Есть право и лево, добро и разврат,
Где право — там рай, а где лево — там ад!

Каких бы дурной ни достигнул высот,
Всегда его мука раскаянья ждет.

А добрый, хоть он и унижен подчас,
От мук покаянья навек себя спас!»

И знай, Айтолды, в чем сей истины суть:
Жить так, чтоб могли нас добром помянуть.

Вот добрая речь мужа праведных слов,
А правое слово — основа основ:

«О муж, зло познавший, но верный добру,
Тебя я, о славный, в друзья изберу!

О добрый, кто был добротой твоей сыт?
Приди и ко мне: меня голод томит!

И сколько бы доблестный ни был презрен,
Я — доброму друг и не знаю измен!»

И править неправо — мне власть не нужна,
Пусть лучше другим достается она!

Я вижу, людская природа плоха:
Добра в ней немного, да много греха!

Об этом и слово поэта услышь,
Поймешь — много тайн сокровенных прозришь:

«За доброе добрый казнился хоть раз?
Где злой, что себя от хулы бы упас?

Дурному раскаянье — кара и месть,
Добром и на зло отвечай — вот наказ!»

Зачем же мне злу возносить похвалы,
К чему мне дела, что негожи и злы!

Упрямство и грубость, и ложь без стыда —
Вот в чем у негожих природа худа.

Мученья и слезы, попреки и стыд —
Вот то, что негожим терпеть предстоит.

Могу ли не чтить я достойных людей,
И как не хвалить мне их добрых затей?

Известно: добро, человечность и ум —
Отличья мужей добродетельных дум.

Полны добродетелью все их дела,
Их добрым деяниям — честь и хвала.

С хорошим — что хочешь свершишь, не забудь:
Друг должен быть добрым, найди к нему путь.

Довольство и слава, дары и почет —
Вот радость, которая доблестных ждет.

Усвой эти мысли, — элик произнес, —
Вот мой, Айтолды, и ответ на вопрос!»

Ответ Айтолды элику

Пал ниц Айтолды и поднялся, сказав:
«Ты правдою славен, в деяньях ты прав.

Владыка вселенной, да длится твой век,
Да будешь велик ты и славен вовек!

Да будет величие беков нетленно,
А их благоденствие — благословенно!

Да славны их сила и власть на века,
Да будет их мощь неизбывно крепка!

И пусть не иссохнет родник их щедрот,
А счастье бессменно стоит у ворот!

Да будешь ты радостью вечно богатым,
Да чахнуть и гибнуть твоим супостатам!

Достойных тебя приближай для послуг, —
Дверь счастья открыта для преданных слуг.

Внемли, что сказал благодетельный муж,
Счастливый во службе радетельной муж:

«Служи только тем, кто достоин служенья:
Достойный воздаст тебе щедро за рвенье!

Служи только щедрым, — у щедрого дом
И золотом полнится и серебром.

А скрягам, смотри, не служи никогда:
Зазря пропадешь и умрешь от стыда.

Забрать все себе вечно жилится скряга,
А что он, скажи, даст другому во благо?»

И встал Айтолды, дав ответ столь прямой,
Доволен беседой, пошел он домой.

И стал верой-правдой служить он владыке,
Ночами был дома, а днем — при элике.

Он честно служил — выше всяких похвал,
Элик ему дружбу свою даровал.

Шло время, служению рвенье радело,
Чело Айтолды расцветало и рдело.

19

Айтолды рассказывает элику о достоинствах языка и пользе речи

955 Однажды элик снова выказал честь —
Позвал Айтолды и велел ему сесть.

И сел Айтолды и, потупивши взгляд,
Молчал он смиренно, смущеньем объят.

Вопрос элика к Айтолды

Элик ему снова явил свою милость:
«Ну, что ж ты молчишь, что с тобою случилось?»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «О владыка владык,
Раб, видящий бека, смущается вмиг.

Без знака веленья начну ли я речь,
Могу ли я первым молчанье пресечь?

Внемли слову мудрых — в нем суть и основа:
«Не задан вопрос — придержи свое слово».

Зовут — значит нужен, всему свой черед:
Кто звал тебя, тот разговор и начнет.

Не спрошен — не суйся, не то будешь худ:
По праву скотиной тебя обзовут!

Кто к беку суется с непрошенным словом,
Того называют глупцом бестолковым.

Болтливый язык тебе жизнь сократит,
Следи, чтобы рот был покрепче закрыт.

Муж, твердо собою владевший, сказал,
Муж твердости, все одолевшей, сказал:

«Темна голова, а язык-то багров,
И сколько он съел неразумных голов!

Нужна голова — придержи свой язык,
Не сдержишь — отрубит он голову вмиг!»

Ответ элика Айтолды

«Все понял я, — молвил элик, — но давно
Известно: живому молчать не дано!

Но есть и еще две породы людей:
Немые и пленники дури своей.

Язык у немых сдержан силой оков,
Невежды не могут сдержать своих слов.

Болтливость невежды пресечь подобает,
А мудрому — вольная речь подобает.

Речь мудрых — как будто вода для земли:
Земля оросится — луга зацвели.

Исчерпать разумную речь не дано,
Воде до предела истечь не дано.

Мудрец — что сокрытая в топи вода:
Ступи лишь — и влажна уж ямка следа.

А сердце глупца — что безводье пустынь:
Бесплодно, хоть море в него опрокинь!»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Значит, понял элик:
Лишить может жизни зловредный язык.

Смолчать о потребном живой разве может?
Не станет таить он, что ум его гложет.

Вопрос зададут — все, как есть, расскажи,
Не спросят — покрепче язык придержи.

Вопрос, о элик, это — словно мужчина,
Ответ, если вдуматься, — женского чина.

Один лишь мужчина у женщины — муж,
А плод от него может быть из двух душ!»

Вопрос элика к Айтолды

«Я понял, все — правда, — ответил элик, —
Но снова вопрос мне пришел на язык.

Вот ты говорил о вреде языка, —
Скажи, ну а польза его велика?

Ведь если молчать, опасаясь вреда,
И добрым речам пропадать навсегда!»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Польза слов велика,
Когда они с толком идут с языка.

За то, что у глупых все речи вразброд,
Разумный невежду скотиной зовет.

Пустые слова — темной дури обычай,
Дурной голове быть им легкой добычей.

Грешишь пустословьем — приходит беда,
Разумная речь не приносит вреда.

Невежда наестся — лежит, словно вол:
Впустую мычит он, от жира тяжел.

Наевшись, валяться присуще скотине —
Скот так и зовется по этой причине.

Умеет мудрец плотский зуд побороть
И знанием холит он дух, а не плоть.

Все нужное телу идет через рот,
А дух — правду слов через уши вберет.

Два добрых отличья у славных умом —
Муж, ими владеющий, светел челом.

Язык и утробу он должен смирять —
Рекой будет литься к нему благодать.

Кто мудр, тот и властен над глоткой и речью:
Та власть ему мудрость дает человечью».

Вопрос элика к Айтолды

«Я понял все это, — ответил элик, —
Суть слова и пользу его я постиг.

Откуда путь слова лежит и куда,
Ответить на это пришла череда.

Смолчать ли, сказать ли — чему где черед,
Что мудрость разумных об этом речет?»

Ответ Айтолды элику

«Суть слов, — он ответил, — нам знать не дано:
Припомнится десять, а скажешь одно.

Одно слово молви, а девять не тронь,
Негожее слово — что мерзкая вонь!»

Вопрос элика к Айтолды

«Открой, Айтолды мне, дай верный ответ,
Чем слово полезно и в чем его вред?»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Сила слов не слаба:
Уместная речь вознесет и раба.

Из глубей земли силой речи взнесет
До горних небес, до почетных высот.

А ежели речь не умом рождена,
С небес до низин низвергает она!»

Вопрос элика к Айтолды

Спросил он: «А что многословьем зовут
И что — малословьем? — свой выскажи суд!»

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «Многословьем зовут
Непрошенной речи докучливый блуд.

А речь не болтлива, когда на вопрос
Достойный ответ человек произнес.

Об этом сказал и поэт откровенно,
И речь его точностью слов драгоценна:

«Скажи, хорошенько раскинув умом,
Ответь на вопрос и закончи на том.

Побольше послушай, поменьше скажи,
Будь силой ума и сознанья влеком».

Вопрос элика к Айтолды

«И это я понял, — ответил элик, —
Еще есть вопрос — отвечай напрямик.

Кого нужно слушать? Чье слово без лжи?
Кому передать это слово, — скажи!»

Ответ Айтолды элику

«Внимай, — отвечал Айтолды, — мудрецам,
А после внушай их премудрость глупцам.

И, выслушав старших, внушить не забудь
Премудрость их младшим, чтоб поняли суть!

Побольше послушай, поменьше скажи —
Мне мудрые так говорили мужи.

Нет разума в том, чьи обильны слова,
Внимающий мудр и над всеми глава.

Кто нем на язык, тот и знаний достиг:
Не ведает знанья блудливый язык!»

Вопрос элика к Айтолды

«Мне все это ясно, — элик произнес, —
Ответь и еще на один мой вопрос.

Излить ли слова свои или сберечь,
Что лучше — сокрыть или высказать речь?»

Ответ Айтолды элику

«Внемли мне, элик, — отвечал Айтолды, —
Где скован язык, там и знанья худы.

Хоть речь и бранят, много ей и хвалы,
Хвала и хула ей равно не малы.

Несчетные твари в круженье людском
О божьем единстве рекут языком.

Бог тысячи тысяч людей сотворил,
И славит их речь всезиждителя сил.

Всем людям, кто б ни был им в плоть воплощен,
Дарованы речь и душа испокон.

А речь и душа — лишь для праведных слов:
Кто лжив на язык, тот сгорит до основ.

Правдивое слово полезно стократ,
А лживую речь все согласно бранят.

Правдивы слова — говори, не таись,
Без кривды и лжи норови обойтись.

Смолчишь — скажут: «Он на немого похож»,
А будешь болтлив — болтуном прослывешь.

Негоднее всех из людей — болтуны,
А лучшие — щедростью сердца сильны».

Элик был безмерно словам этим рад,
Он руки воздел, поднял к небу свой взгляд.

Творца он восславил хвалою усердной,
Воскликнул он: «Господи! Бог милосердный!

Сошло на меня доброты твоей диво,
А я тебе, грешен, служил нерадиво.

Ты все даровал мне прещедрой рукой —
Дал счастье, могущество, власть и покой.

Какой я за это воздам тебе славой?
Молю: восхвали себя сам, величавый!»

И отпер казну он, прервав покаянье,
И щедро раздал беднякам он даянья.

И щедрые дал Айтолды он дары —
И речь и рука его были щедры.

Он дал сан везира ему за услугу —
Печать и бунчук, барабан и кольчугу.*

Над всеми он дал ему сильную власть,
И недругам всем суждено было пасть.

Вершил Айтолды все деянья на славу,
И время радело счастливцу по праву.

Народ богател, и страна была в силе,
И все за элика мольбы возносили.

Где волен народ, бедам сгинуть дано:
Там овцы и волки живут заодно.

Закон был упрочен и стал справедливым,
Элик в благоденствии правил счастливом.

И так протекали счастливые годы,
В покое и благости жили народы.

Росли города и селенья богато,
В казне серебра было много и злата.

И рад был покою и миру элик,
И в мире всесветной он славы достиг.

20

Повествуется о непостоянстве счастья и непрочности благоденствия

Обрел Айтолды всем желаньям свершенье,
Но бренному счастью приходит крушенье.

Есть доброе слово у мудрых такое:
«Все блага обретший найдет ли благое?»

Вот мудрое слово и лучше, — внемли:
«Все блага обрел ты, а годы ушли!»

А доброе слово мужей разуменья
Невежде и неучу — ровно бы зренье:

«Вознесшийся рухнет, поднимется павший,
Померкнет сиявший, воспрянет уставший.

И сколько есть дел — да вершит их твой труд:
Одни завершатся, другие придут!»

И вот — Айтолды: все обрел он умело,
Все есть у него, только жизнь — пролетела.

И вот уж луна — перед убылью света,
И стужей сменяется знойное лето! *

Четыре в нем сути не ладят внутри:
Одна — будто в силе, подавлены три.*

И в теле разлад, и от пищи нет прока,
И сердце надломлено хворью жестоко.

Все тело ослабло, уменьшилась сила,
И стан, прежде стройный, недугом скривило.

Свалил его наземь тяжелый недуг,
И слег он в болезни, страдая от мук.

Пришли к нему лекари, вены смотрели,
И вынесли суд, что за хворь в его теле.

Одни говорили, что хворь — полнокровье,
Что вены открыть надлежит для здоровья.

Другие решили: поносный настой
Поможет расслабить кишечник крутой.

Прохладные зелья давали, напитки
И снадобий разных растворы в избытке.

И не было зелий от разных болезней,
Каких не проверили — что, мол, полезней?

Все было напрасно: за сутками сутки
В нем таяли силы, слабел он в рассудке.

Внемли, что промолвил муж благости пущей,
Людей по стезе благонравья ведущий:

«Ни зелья, ни травы, ни терпкие яды,
Ни горечь отравы, ни смеси-услады,

Ни лекарь, ни знахарь — ничто испокон
Не в пользу тому, кто на смерть осужден.

Не будь неразумным, о ныне живущий,
Ты — сущий, но помни о смерти грядущей!»

Про хворь Айтолды доложили элику,
Что смерть уж готова настичь горемыку.

И вот он пошел навестить Айтолды,
И видит: лежит он на ложе беды.

Вопрос элика к Айтолды

«Что сердце твое, что с тобою? — спросил он, —
И сломлен ты хворью какою?» — спросил он.

Ответ Айтолды элику

Сказал Айтолды: «О элик достославный!
Не справиться мне с этой хворью злонравной.

Был полной луной я * — на убыль пошел,
Здоров был, а ныне недуг мой тяжел.

Я в день новолунья был светлой луною,
Но день мой померкнул, и ночь надо мною.

И радость и жизнь моя отняты вмиг:
Судьба от меня отвернула свой лик.

Приходит конец и блаженству и счастью,
В беде и печали я — сломлен напастью.

И ныне, уже отрешен от тебя,
Готовлюсь я к смерти, в мученьях скорбя.

Послушай, что сказано мужем преславным, —
Он славился в людях достоинством явным:

«О, было бы счастье стократ благодатно
Без горькой причуды — уйти безвозвратно.

И было б владычество бека прекрасно,
Когда смерть была бы над жизнью не властна!

И юность была бы безмерно достойной,
Когда бы, не старясь, всегда была стройной!»

Ответ элика Айтолды

«Оставь эти речи, — воскликнул элик, —
Не надо, правдив ты и к правде привык.

Найдется лекарство на каждую хворь,
Болезни у многих бывают, не спорь!

Зачем горькой речи ты волю даешь,
Зачем сам себя повергаешь ты в дрожь?

Я шел к тебе, в сердце надежду храня,
Но речью иной ты терзаешь меня.

Поможет создатель, оставь эту речь,
Не надо мне сердце мученьями жечь!»

Ответ Айтолды элику

«Элик достославный, — сказал Айтолды, —
Для хвори моей все лекарства худы.

Рожденному — смертный приходит черед:
Подъятое ввысь непременно падет!

Где взлет — там паденье, где высь — там закат,
Где радость — там горе, где сладость — там яд.

И я ведь тебе говорил — не забудь:
Во мне переменчивы сущность и суть.

Я высказал это тебе — **разумей,**
Чтоб ты не скорбел о кончине моей.

Уйми все сомненья, уйду я теперь,
А скажут: «Рожденный бессмертен» — не верь!

И ты за безверье меня не брани:
Неверен сей мир, сочтены твои дни.

Меня не стыди, за жестокость кляня,
Сей мир тебя мучит жесточе меня.

Будь зорок: и ты вслед за мною умрешь,
Не верь сему миру — обман в нем и ложь!

Был щедрым превыше моих ты заслуг,
Мне выполнить долг помешал мой недуг.

Мне смерть поневоле принять суждено:
Урочный мой день изменить не дано.

Не властен над смертью, терплю я страду,
Увы, я спасенья нигде не найду.

Из небыли создан я был и взращен,
Из мальчика в мужа я был превращен.

Оброс бородой — нежный лик огрубел,
Был черным, как ворон, — что лебедь, я бел.

Был прям, как стрела, я стал крив и убог:
Закончена жизнь моя — вышел мой срок.

Прекрасно сказал муж ученый, мудрец,
Внемли ему, пышащий силой юнец:

«Когда голова, будто лебедь, бела,
Да будет душа, словно лебедь, светла!

Чей стан, прежде стройный, совсем стал кривой,
Пришло ему время прямым быть душой!

Кто раньше был черным и весь поседел,
Тому смерть в засаде готовит предел!»

Об этом сказал свое слово поэт,
Внемли ему, муж достославных примет:

«Седины — от смерти к живущим гонец,
Зовущий их жизнь оценить наконец.

Глотавшему блага вся жизнь — что глоток,
Поглотит и смерть тебя — час недалек!»

Ответ элика Айтолды

Элик отвечал: «Потерпи, не спеши,
Болезнь — лишь расплата за вины души.

А смертью кончался бы каждый недуг,
Живущих людей не нашлось бы вокруг!

Дарует тебе исцеленье господь,
Лежи, муку сердца стремись побороть!»

Молитву творя перед господом сил,
Он, руки воздев, исцеленья просил.

И, вставши, элик, преисполнен тревог,
Печалясь всем сердцем, пришел в свой чертог.

И бедным даяний раздал он премного
В надежде, что будет больному подмога.

Могло бы от смерти спасать серебро —
Любой бы на жизнь променял все добро!

И если бы смерть принимала заклад,
Бессмертными были бы те, кто богат.

Болезнь все сильней Айтолды донимала,
И гас он, на жизнь не надеясь нимало.

«Сколь жизнь вероломна! — воскликнул несчастный, —
Свой облик сгубил я тщетою напрасной!

Всю жизнь я провел в суете препустой,
Сгубил свою молодость глупой тщетой!

Бегом я спешил одолеть все препоны,
А рок меня сцапал, и что мои стоны!

Богатства сбирал я с корыстию пущей,
И все это цело, а я — неимущий!

Десницей и речью я был величав,
Но смерть подступила, мне горло зажав!»

Так каялся он, и рыдал он немало,
Но смерть покаянной мольбе не внимала.

Сколь горестен в сущности сын человечий:
С желаемым жизнь не порадует встречей!

Желаний — не счесть, глядь — а жизни уж нет,
А в жизни свершенью желаний — запрет!

От спеси надут и при малом даянье,
Возносишь превыше небес притязанья.

При щедрых наградах — смелеешь в гордыне,
А смерть отрезвит — и дрожишь при кончине.

Накормленный, сытый спесив, что верблюд,
А те, что не сыты, и дрянь прожуют!

В довольстве пресыщены, в горе мы хилы,
Нам блага любви обретенной не милы.

И тяжко дышал Айтолды, и в тревоге
Шептал он: «Я с праведной сбился дороги.

Что делать мне с золотом и серебром,
Я с бедными зря не делился добром!

Зачем был я глух ко благому деянью?
Зачем поносил я безвинного бранью?

И если б творил я лишь то, что прекрасно,
Сторицей воздалось бы мне, — это ясно!

А ныне что проку в стенаньях моих?
Мой стон сдавлен смертью — и вот я затих!

Внемли, что изрек проницательный муж
И преданный правде взыскательной муж:

«Смерть — словно бы дверь всякой твари живущей:
Ее ни один не минует идущий!»

Что жизнь и что смерть, если вдуматься строго, —
Откуда иду я, куда мне дорога?

Зачем я рожден, если смерть мне дана?
Зачем был я весел? — мне скорбь суждена!

Что в мире страшнее, чем жизни кончина?
Но все, кто рожден, умирают едино.

И есть у поэта об этом сужденье, —
У внявших ему да отверзнется зренье:

«Что в мире печальнее смерти найдешь?
Подумал о смерти — весь мир нехорош!

Да, смерть — это море бескрайних глубин,
Посмотришь, их бездна — бездонная сплошь!»

О мнящий, что смерть над тобою не властна,
В миг смерти раскаянье будет напрасно!

О ты, обольщенный довольством земным,
Час смерти придет — ты бессилен пред ним.

О ты, чьи желания жадность тревожит,
Придет твоя смерть — и ничто не поможет!

О ты, чья душа обольщеньем объята,
В земле твое сердце на части разъято!

О ты, что от счастья шутлив и смешлив,
Умрешь ты, в печали все слезы излив.

Внемли мудреца просвещенное слово,
Совет для свершения дела благого:

«О ты, кто добра себе хочет в грядущем,
В обоих мирах будь безгрешно живущим!

О праведный муж, будь во всем беспорочным —
И словом и делом будь благо дающим!»

Рыдал Айтолды и терзался жестоко,
Но в позднем раскаянье не было прока.

Раздал беднякам серебра он и злата,
Друзей и родных одарил он богато.

«Творец, — он сказал, очи в небо вперив, —
Один ты владыка мне, ты справедлив!

Тобою я создан, взращен и отмечен,
О, ты в милосердье своем бесконечен!

Тебе я служил всей горячностью пыла,
Но смерть подступила и речь мне сдавила.

И нет мне спасения, — я сознаю,
Вот руки — приемлю я милость твою!

Безмерно повинен я в скверне постылой,
О, будь милосерден, желанный, помилуй!

И время, и жизнь — все прошло понапрасну,
И, властвуя, делал я зло понапрасну!»

И, слово прервав, он от мук изнемог,
И, глянув на сына, слезами истек.

21

Айтолды высказывает наставления своему сыну Огдюльмишу

Единственный сын был взращен Айтолды,
Лета его были еще молоды.

Был сын — Огдюльмиш его звали — пригож:
И ликом прекрасен, и нравом хорош.

Позвал он его к своему изголовью,
Привлек и заплакал и обнял с любовью.

«О сын мой ,— сказал он, — уйду я сейчас,
Тебе — мое место и все, что припас.

Ты светом очей моих был для меня,
Уйду я — живи, честь и славу храня.

Сказал один тюрок в достойном завете:
«Свет ока людского — один: это — дети.

Но дума о детях — что море без дна:
Заботой румянец сведешь добледна!

Кто был и женой и детьми наделен,
Имел ли хоть раз он покой или сон?

Отец за детей перед всеми в ответе,
И кличут отца не по имени дети!»

О сын мой, — сказал Айтолды, — не забудь
Наказ мой, всем сердцем пойми его суть.

Родитель я твой — Айтолды, — погляди, —
Так звали меня, а наказ — впереди.

Испил Айтолды свою долю земную,
Все стоны — тщета, смерти я не миную.

Сладка была жизнь, а кончина горька,
Раскинута сеть — не уйти из силка!

Прельщен всей душою я был этим миром,
Увы, он неверен, и гибну я сирым.

Обманом завлек он меня нарочитым:
Я отдал все сердце ему, но — забыт им!

Отняв мое счастье, был мир этот зол,
Смотри, как бы он и тебя не провел!

О нужном подчас забывал я, несчастный,
Негожее делал по прихоти властной!

Промчалась вся жизнь ураганом летучим,
И вот я бесплодным раскаяньем мучим.

И выкуп сулить — не поможешь беде,
И помощи я не найду уж нигде!

Внемли, что сказал муж разумный и бдящий,
Осмысливший смерть в ее сути мертвящей:

«Почуяв кончину, глупеет и умный,
А мудрый томится от дури бездумной!

О, да, когти смерти жестокая вещь:
Коварный удар их суров и зловещ!

И смерть все дворцы до предела сметает,
И все, чем богатство владело, сметает!»

Об этом же сказан и стих утонченный —
Внемли его смыслу, о муж просвещенный:

«Что есть в этом мире, в чем хитрости нет?
Но даже на хитрость есть хитрый ответ.

Со всем совладать можно — поздно ли, рано,
И только на смерть не найдется обмана!»

Вопрос Огдюльмиша к Айтолды

И выслушал сын наставленье отцово,
И, ликом к нему обратясь, начал слово.

«Отец мой, — сказал он, — я слово скажу,
Внемли мне, про что я и как рассужу.

Ты пожил, отец, в этом мире немало,
Всего тебе — доблестей, знаний — хватало.

Ты спрашивал, слушал, во многое вник ты,
Все видел, и жизнь испытал и постиг ты.

Ведь есть и для смерти преграда, — ответь, —
Используй ее, чтобы смерть одолеть.

И, если иного не сыщется средства,
Возьми всю казну, что даешь мне в наследство.

И пусть из нее даже все будет взято,
Лишь ты был бы жив, — скопим новое злато!

Внемли, что изрек щедрый муж-хлебосол, —
На хлеб и на соль он богатства извел:

«Корми и пои, людям радости множь,
Добро проживай — и с добром проживешь!

Пока ты здоров — и казна не убудет:
На воле у птицы зерна не убудет.

Пока ты живой — все желанья с тобой,
Цела голова — сладишь с целью любой!»

Ответ Айтолды Огдюльмишу

«О сын, — отвечал Айтолды, — не перечь,
Оставь все надежды, услышь мою речь.

Ни злата, ни серебра смерти не надо,
Ни мудрость, ни ум для нее — не преграда.

Нашелся бы выкуп для смерти — вовеки
Бессмертными были бы знатные беки.

И мудрому мудрость, увы, — не подмога,
И умному в разуме пользы не много!

Была б против смерти трава или мазь —
Всем лекарям вечная жизнь бы далась!

И если бы смерть чтила тех, что высоки,
Поныне бы жили благие пророки!

Увы, умереть суждено всем живущим,
Навечно остался ли кто-либо сущим?

Сей мир — лишь стоянка: пришедший уйдет, —
Бывает ли сытым дракон-живоглот!»

Ответ Огдюльмиша Айтолды

Сказал Огдюльмиш, все прослушав: «Отец,
Про смерть стало ясно мне все, наконец.

Но жизнь-то зачем же ты прожил без прока,
Зачем же стенаешь ты, мучась жестоко?

Зачем ты сбирал то, что кинешь теперь,
Зачем не раздал? — ты мне вот что поверь!

Ведь если в беспечности жизнь пролетела,
По винам — и горе, а мука — за дело!

И стоны, отец, — не напрасны ль они, —
Нет пользы в них, как ты себя ни казни!»

Ответ Айтолды Огдюльмишу

Сказал Айтолды: «Сын, взгляни на меня,
Подумай о благе грядущего дня!

Я каюсь, беспечный я был и дурной, —
Не следуй, о мой ясноликий, за мной!

Начертан рожденному смертный исход:
И хочешь остаться, а смерть уведет!

Все — узники смерти: в назначенный срок
Из пут ее крепких не вызволишь ног.

Об этом поэт свое слово припас,
И если подумать, в нем всё — в самый раз:

«Всему в мире сущему час предрешен,
Любому живущему час предрешен.

Как годы и дни, так и жизнь отойдет,
И дням твоим тоже есть мера и счет».

Смотри же, мой сын, — произнес Айтолды, —
Не знать бы тебе столь же горькой беды!

Лишь ты — моя дума пред смертным концом:
Ты мал, а уже расстаешься с отцом.

Как жить будешь ты без меня, одинок? —
Иных я, поверь, и не знаю тревог.

Сын, ведавший благо отцовских забот,
В согласии с узнанным жизнь поведет.

Он добрым взрастет, если строгость была,
И радость родителей будет светла.

А ежели сын твой не в строгости рос,
Оставь все надежды — какой с него спрос?

И чтобы твой сын был умен и смышлен,
Будь строгим, — таков уж предписан закон.

Узнай, что поведал о детях отец,
Немало поживший на свете мудрец:

«Детей баловал — вред себе же нанес:
Весь век горевал — настрадался до слез.

Распустит отец с малых лет своих чад —
Ты их не вини, — сам отец виноват!

И если негожи поступки детей,
Отец их — виновник недобрых затей.

А если отец в воспитании тверд,
То он за детей подрастающих горд.

И ежели к детям был строг человек,
Его осмеять не посмеют вовек.

Преподаны детям все блага наук —
Душа их чиста и не ведает мук!»

Ответ Огдюльмиша Айтолды

Сказал Огдюльмиш, отвечая: «Отец,
Скорбя о тебе, я сгораю вконец.

О, нет, я и жить не смогу без тебя,
Не видеть бы мук твоих, сердцем скорбя!

Продлил бы мне в дар твои годы господь —
Не дал бы печалям меня побороть!

А бог не поможет, и смерть подойдет,
Ну что же, такой уж начертан исход!

К чему твое горе, зачем этот плач?
Господь повелел — не кричи и не плачь!

И если ты плачешь о счастье мирском,
Не плачь — ты его не заманишь силком.

И если рыдаешь о благах земных,
Не надо рыдать, не печалься о них.

Ведь сонмы людей, что ушли до тебя,
Стенали о смерти, мирское любя!

Ты ведал, что мир и лукав и жесток,
Увы, ты коварством его пренебрег!

Каких ни собрал бы ты благ бытия,
Всего два полотнища — доля твоя.*

О жизни своей ты жалеешь сейчас, —
О, кайся и плачь, не суши своих глаз.

Увы, не вернуть дней, умчавшихся прочь,
Что было — то было, пришла твоя ночь.

И если теперь обо мне твоя боль,
Не надо, печалью себя не неволь!

Ты был сотворен, сотворенный умрет,
Творец только вечен, и всем — свой черед.

Хоть был ты ко мне очень добрым, отец,
Добрее тебя вечносущий творец.

Он создал тебя, дал он счастье тебе,
Ужели не внемлет моей он мольбе?

И слабому сила — от божьих щедрот,
Великим и малым он блага дает.

Об этом гласит мудрость умных речей,
Она — словно взор для незрячих очей:

«Да славен всечтимый — он дарит почет,
И воля его честь и славу дает.

Для слабых он — сила, для малых — величье,
Дурным шлет он помощь, достойным — отличья!»

И внял Айтолды сей сыновний призыв,
И руки воздел, очи в небо вперив.

Вознес восхваленье он господу сил
За то, что он сына его вразумил.

Ответ Айтолды Огдюльмишу

«Мой разум, — сказал он, — дарован и сыну, —
Даст бог ему счастье, как мир я покину.

Ты эту правдивую мудрость усвой,
И взор от нее да отвернется твой!

Кому даровал мудрость разума бог,
Тому он во всех устремленьях помог.

Кто выдался нравом, в делах — прямизною,
Мечтам его светят и солнце с луною!

Благому благие поступки — доход:
Кто добрый, тот тысячи благ обретет!»

И вновь Айтолды к небу руки поднял,
Всевышнему много вознес он похвал.

«О боже, — сказал он, — ты создал всех сущих,
Вскормил ты несчетные сонмы живущих,

Ты создал меня и вознес, наградив, —
Увы, грешный раб твой, я был нерадив!

Был добрым ко мне ты до этого дня —
Все дал ты мне, сделал богатым меня.

Все дал ты, твое милосердье велико,
Любовно я предан тебе, мой владыка.

Раз ты повелел, смерти мне не минуть,
Вот сын мой единственный — милостив будь!

Ему был отцом я, но смерть предо мной,
Даруй ему счастье в юдоли земной.

От бед отдаляй, приближай его к счастью,
В обоих мирах укрепи своей властью.

К добру поведи, охрани от беды,
В еде и одежде спаси от нужды!»

Всем сердцем молил он, всей силою страсти,
От доброй молитвы да сгинут напасти!

Послушай разумного мужа слова,
Муж праведный, мудрый — всем людям глава:

«Познавшему милость и помощь от бога
В обоих мирах будет радости много.

Создатель раба своего защитит —
Ему в двух мирах путь ко благу открыт.

Кому милость бога познать доведется,
Тому и желанное в руки дается!»

Сказал еще муж, что умом был велик,
Кто внемлет уму, тот удачи достиг:

«Кто богом храним, тот навек сбережен,
Желанное благо изведает он.

Чья вера в творца неизменно чиста,
В дверях его бедам-печалям — заслон».

Еще Айтолды так напутствовал сына:
«Ты помни, что всех ожидает кончина.

Не верь в эту жизнь, суждено ей мелькнуть,
Весь мир этот в небыль уйдет, — не забудь!

С надеждой тебя поручаю я богу,
Тебя охранит он, окажет подмогу.

И вот от тебя я сегодня уйду,
И плачу я, каясь, рыдаю в бреду.

Послушай меня, я скажу тебе ясно,
Что делать отныне ты должен всечасно».

22

Повествуется о том, как Айтолды давал наставления своему сыну Огдюльмишу

Служи всемогущему, прям и правдив,
Пекись о грядущем, не будь нерадив.

И злу и добру — бог велел быть всему,
В него лишь и верь и служи лишь ему.

Проси все, что нужно, — бог внемлет мольбе,
Один только он и поможет тебе.

Цени его волю, не зная обид,
И днесь и вовек бог тебя наградит.

Не лживый, а праведный выбери путь,
Будь прям и правдив, и строптивым не будь.

Умру я, свои уже отжил я дни,
И вот что сей мир со мной сделал, взгляни!

Корыстью ко благам мирским не гори,
Людей не неволь, их добра не бери.

Сбирал я добро, а владеть им не мне,
Прошли мои дни, нет прощенья вине!

Твое — все добро, мне — лишь тяжесть нести,
Довольствуйся им, счастлив будь, не грусти!

Упрочишь все то, что сбирал я трудом,
В обоих мирах будешь светел челом.

Не сможешь упрочить — приблизится миг,
Когда от тоски пожелтеет твой лик.

Будь честен в деяньях, в делах — справедлив,
Поистине, лишь справедливый счастлив!

Словам справедливого мужа внемли —
Такие свой путь в оба мира нашли:

«Кто хочет спокойно свой век провести,
Да ищет он благ на правдивом пути!

И если ты хочешь богатства, заметь:
Дано справедливым богатство иметь.

А властвовать хочешь — опять не забудь:
Сначала найди к справедливости путь.

Кто прям и правдив — его свойства цени:
В обоих мирах да светлы его дни!»

Мой сын, — Айтолды еще молвил, — услышь:
Будь доблестным — ты адских мук избежишь.

Чуждайся дурного, будь добрым всегда —
Все блага найдут к тебе путь без труда.

От зла будь подальше — в нем гибель твоя:
Зло — насмерть разящая ядом змея.

Двуличным не верь, слов заветных не трать,
Двуличный тебя не преминет предать.

И близко к себе не пускай болтуна —
Он людям предаст твои тайны сполна.

Держись лишь таких, кто и славен и благ,
Достанутся в дар тебе тысячи благ.

Все слушай, а верить словам не спеши,
Храни понадежнее тайны души.

Другим не завидуй, хмельного не пей —
Два этих порока — источник скорбей.

Без дела за дверь не пускай своих жен:
Не с ними ли стыд и позор сопряжен!

Чужих не пускай в дом, жен строже держи,
Людей проверяй, а потом уж дружи.

Будь добрым и печься о суетном брось:
Кто добр, для того и богатство нашлось.

Сей речи одно изреченье сродни,
Его ты себе в наставленье вмени:

«О чем бы муж добрый мечту ни берег,
Он все обретает в назначенный срок.

А злому любое богатство не впрок:
Он как ни богат, а и нищ и убог!»

Пусть чужд тебе будет бесстыжий нахал,
А скромным, стыдливым — сто тысяч похвал!

Терпи, не спеши, волей сдерживай пыл —
Желанное лишь терпеливый добыл.

Во всем и всегда будь и сдержан и строг:
В умеренных действиях — счастья залог.

От скверны язык и глаза защити,
Ешь мало, стремись дозволенья блюсти.*

Себя от порочных людей береги,
От темных смутьянов подальше беги.

Речами одних только знатных не льстись —
Лишь доброму слову дано вознестись.

Вреда не желай и не делай вреда,
Глуша свою прихоть, будь добрым всегда.

Входя, погляди, где обратная дверь, —
Где выхода нету, там много потерь.

Во гневе разумным и сдержанным будь —
Терпение — к завтрашней радости путь.

Послушай, что муж терпеливый сказал:
«Терпя, упредишь даже полный развал!

Кто был терпелив, тот обрел благодать:
С терпеньем и лебедя можно поймать!»

Досталась тебе участь горя и бед —
Терпи: будет радость за нею вослед.

Когда тебе счастье закрыло врата,
Будь стойким и жди: будет дверь отперта.

В терпенье — достоинство мужа, смирись:
Терпенье — дорога в небесную высь.

О смерти грядущей, смотри, не забудь:
Себя соблюдая, блюди свою суть.

При людях ты должен скупым быть на речь,
В домах их — от зависти взор свой беречь.

Входя, все обдумай — с чем выйдешь ты, взвесь,
Скажи только нужное, с лишним — не лезь!

От ложного слова язык удержи:
Ведь ложью себя же позорят мужи.

С друзьями всегда себя ровно веди,
На старших и младших с улыбкой гляди.

И, щедро делясь хлебом-солью с людьми,
Прости им все вины, за грех не срами.

И богу молись и усердно служи,
Блюди себя, душу безгрешной держи.

Возвышен, собой не гордись никогда, —
Свершай лишь добро и не делай вреда.

Всему в этом мире пройти суждено,
И счастью не верь: отойдет и оно.

Вся жизнь — словно сон, ей начертан исход:
Неверное счастье, как птица, мелькнет.

Твори лишь добро, жизнь напрасно не трать,
И на день старайся лишь нужное брать.

К вину не тянись, от греха беги прочь:
Ни блудом, ни скверной себя не порочь.

От двух этих бед счастье прочь убежит,
И путь тебе к нищенской доле открыт.

Сказал мудрый муж, — был он опытен, зрел,
А зрелость провидит основу всех дел:

«Не пей, не блуди: винопитье и блуд —
Два зла эти — к нищенской доле ведут.

Вином опорочен ты будешь стократ,
Лишит тебя счастья постыдный разврат!»

Мой сын, — завершил Айтолды свою речь, —
Все помни, — хотел я тебя остеречь.

Всю правду сказал я, словам этим верь,
И радость твоя да не знает потерь!

Тебе я поведал мой отчий завет,
Вписать его в сердце — твой долг и обет!

23

Повествуется о том, как Айтолды написал завещание элику Кюнтогды

Велел дать себе он бумаги, чернил
И с именем бога к письму приступил.

И начал он с имени бога: «Всесущий,
Творец-всезиждитель, господь всемогущий!

Ты — тварей живых сонмы тысяч создавший,
От голода спасший их, всех напитавший!

Всем чаяньям сущих свершение — в боге,
Ему в этом деле не надо подмоги.

Он все созидает своим повеленьем,
И создано все по его предреченьям.

Всем воля его смерть познать повелела,
Все смертны, а сам он не знает предела.

Восславь, о мой боже, благого пророка,
Безмерно, всегда его чту я глубоко.

Хвала и друзьям его благословенным,
Воздай им хваленьем моим неизменным.

И ты долго здравствуй, элик достославный,
Народами правь своей волей державной.

Зовусь Айтолды я, был полной луною,*
Но я на ущербе, и смерть предо мною.

И смерть, словно ловчий, меня изловила,
И нет мне спасенья, и все мне не мило.

Всегда ко мне добрый, радел ты мне долго,
Но я ухожу — не исполнить мне долга.

Завет, что пишу я в послании этом,
Да будет тебе моим горьким ответом.

Я, предан делам сего мира душою,
По правде вершил их, с заботой большою.

И вот, преисполнен к тебе обожанья,
Пишу я тебе — ты прочти завещанье.

Послушай, что вымолвил муж благонравный,
А дар благонравия — дар самый главный:

«Внемли благонравным, — их речи и слово
Тебе — что добыча благого улова.

Вся суть у мужей благонравья — правдива,
Советам их верь: вознесешься на диво!»

Исполнен к тебе я любви благонравной, —
Послушай совет мой, элик достославный!

Покаялся я перед часом скончанья —
Увы, бесполезны мои покаянья!

Но надобно было мне это смиренье —
Просил я простить мои злые свершенья.

Досталось не мне серебро мое, злато,
Удел мой — считать, сколь печальна утрата.

Печалясь, умру я, а что мне в печали?
Лишь бог — мне защита, надежды пропали!

Сегодня прощусь я с юдолью земною,
А завтра и ты отойдешь вслед за мною.

Покуда, элик, тебя смерть не задела,
Старайся разумно свершить свое дело.

Будь добрым, жестоким не будь и суровым,
Возрадуй народ свой и делом и словом.

Пока ты здоров, будь добро раздающим,
И все, чем владеешь, раздай неимущим.

Вот — сказано мужем правдивым, послушай,
Он был с малых лет прозорливым, — послушай:

«Далек смертный час — ты о смерти подумай,
При жизни молись со смиренною думой.

А смерть подойдет — покаяние тщетно:
Что пользы в могиле стенать безответно!»

Когда я умру, о элик, будь усердным,
Зря время не трать, будь смирению верным.

Не дай обольстить себя счастью мирскому,
Путь правды прокладывай к делу любому.

Поставь над народом закон справедливый,
Увидишь: вся жизнь твоя станет счастливой.

Не жги себя жадностью к бренным соблазнам
И шею сверни своим прихотям праздным.

Ты — бек, и по-рабски не льстись этим миром,
Не жди его кар, сам покинь его сирым.

Не тешься суетами высокомерья,
Не верь в этот мир, он не стоит доверья.

Будь близок лишь с теми, что сердцем богаты,
От злых будь подальше — натерпишься зла ты!

Услуги корыстных отвергни с презреньем,
Коварных людей не зови к угощеньям.

Не зная греха, будь в молитве покорным —
Не будет ничто тебе столь благотворным.

И, помня о смерти, сбирайся в дорогу —
Она из засады нагрянет к порогу.

Куда ни беги, а нагрянет кончина,
Хоть долго живи — все уходят едино.

Живи, но и помни о смерти грядущей:
В могилу ложится и долго живущий!

Кто мог уберечься от смертного рока?
Кто жил дольше роком сужденного срока?

Слова есть прекрасны и смыслом глубоки,
В них — жизни бегущей бегучие сроки:

«Посмотришь, все люди идут караваном,
И негде им стать долговременным станом.

Сын, в чреслах отца лишь недолго покоим,
Гостит в чреве матери кратким постоем.

Едва лишь родится да имя назначат —
Седлает он время и путником скачет.

Ничто днем и ночью скачков не нарушит,
И смерть, приближаясь, чело его сушит.

Сей мир и могила твоя — два привала: *
Пришел — собирайся, пора миновала.

Сей мир две стези расстелил пред тобою,
Одною из двух отправляйся — любою.

Направо пойдешь — будет ладной дорога,
Налево — вся жизнь твоя будет убога!»

Достойный элик! Мир раскинулся пашней,
Где все пожинают посев свой вчерашний.

Что сеяно в землю — тому и родиться,
Что дашь — то отдачей к тебе возвратится.

Не лей чужой крови, чужого не алкай —
От этих двух зол будет смерть твоя жалкой!

Вся жизнь, словно виденный сон, быстротечна,
И — раб или бек — все уходят навечно.

Что прошлые дни твои? — Сонные грезы!
А что впереди? — Покаянные слезы!

И сказано нам в назидание мужем —
Познавшим тоску покаяния мужем:

«Не сон ли тобою прожитые дни,
Какая в них польза, ты мне объясни!

В плену твоих прихотей жизнь ты провел,
А что впереди? — Только муки одни!»

Подумай о жизни — малы ее сроки,
От жизни до смерти пути недалеки.

Да будет, элик, твоя жизнь безупречна,
Лишь доброе имя бессмертно и вечно!

Не верь в силу войска, в могущество злата —
И то и другое уйдет без возврата.

И чуждому жертвой не стань бесполезной,
Не жги себя зря и себе соболезнуй!

Взгляни: до тебя миром правили беки,
А нет их — исчезли в могилах навеки!

И смерть уж грозит тебе силой всевластной,
Следит за тобой она, светоч мой ясный!

Сказал повидавший грехи сего света,
Как раз для тебя и припомнил он это:

«Богатство с водою соленой сравнится:
Лишь сохнет язык, а никак не напиться!

Соблазны — что тень, тем же действуют ладом:
Ты к ним — они прочь, ты от них — они рядом.

Земные дела — будто призрак в пустыне:
Захочешь поймать — его нет и в помине!»

Будь стойким, элик, соблюдай себя строже —
При доблестном беке и люди пригожи.

Ведь люди — что овцы, а бек — их пасущий,
А пастырю добрые свойства присущи.

У врат твоих — волчья голодная свора,
Будь зорок, элик, ставь посты для дозора.

В делах не гневись, приглушай свои страсти,
Гневливые беки лишаются власти.

С людьми объясняйся спокойно, не грубо,
Знай: грубость — страшнее огня-душегуба!

Будь мягким и добрым в величье спокойном,
Направь свою руку к свершеньям достойным.

Смотри: далека пред тобою дорога,
А разум в дороге — большая подмога!

Не строй ни дворцов, ни чертогов, властитель, —
Тебе под землею готова обитель.

Глядишь, все чертоги тебя пережили,
А ты безутешен в зловещей могиле.

Зачем же ты копишь богатства все эти,
Тебе двух полотнищ довольно на свете! *

Об этом сказал и поэт свое слово,
И слово его — всем реченьям основа:

«Вот суть человека: к богатству влеком,
Он с думой о смысле богатств незнаком.

Копил, богател, и желанное — с ним,
А смерть уже здесь — подокралась тайком!»

Не радуйся, бек, мимолетным усладам:
Все ладное кончится полным разладом.

Не трать свою жизнь на мирские услады,
Они быстротечны и мстят без пощады.

На шелке и бархате нежишь ты тело,
А ляжешь ты в черной земле омертвело.

С любезными сердцу ты нынче в веселье,
А путь твой — под землю, во мрак подземелья!

Ты спешишься скоро с коня-быстрохода,
Конем без седла тебе станет колода.*

Попомни о смерти, все это обдумай —
Не каяться б завтра в могиле угрюмой!

В делах своих помощи жди лишь от бога:
Даст силы творец — подоспеет подмога.

Что рок ни пошлет тебе — доброго, злого, —
Смирись, но скажи лишь правдивое слово.

Захочешь два мира объять своей властью —
Отвергни пять зол, будешь близок ко счастью.

Не льстись на запретное,* силой не действуй,
Врагу не отмщай, не прибегни к злодейству.

Не пей, не поддайся соблазну разврата —
Все это утратою власти чревато.

Чтоб вечно крепить свою власть год за годом,
Закон, а не силу поставь над народом.

Элик, ты стоишь над народом главою —
Блюди и храни его думой живою.

Элик, ты связал себя ношей немалой —
Будь зорок, достойный, и доброе жалуй.

Нам любо тащиться за прихотью следом —
Опомнись, не дай одолеть себя бедам!

Промчались, как ветер, все дни твои скоро,
А те, что остались, — какая опора?

Не будь нерадивым в последние сроки,
Сумей одолеть все грехи и пороки.

Неверен сей мир, он во всем ненадежен,
Бери в нем лишь нужное, будь осторожен!

Сказал некий праведник, вот его слово,
А праведный муж — всему миру основа:

«Сей мир — лишь стоянка, а ты — караван,
Надолго ли отдых идущему дан?

Он — место для выгодных сделок в пути,
Но как ни доходно — а надо идти!

А если уж в путь собираться пришлось,
Возьми только нужное, лишнее брось!»

Вот я ухожу, и тебе уж пора ведь
Подумать, как доброе имя оставить.

Послушай, что молвил один умиравший,
На смертном одре наставленья дававший,

Живущих учил он, уже обреченный,
Вбери себе в душу совет умудренный!

Изрек он: «Подумай о зле неминучем —
Годами лежу я, раскаяньем мучим!»

И помни, элик: долго правит умелый,
Вот что ты свершай, вот чего ты не делай:

Для блага закон, а не сила угодней,
В молитве пади перед дверью господней.

Второе: будь крепок и телом и духом —
Тогда не поддашься нежданным порухам!

И дел не тяни — делай быстрым свершеньем,
И гнев прогони — стисни зубы с терпеньем.

Блюди сей совет мой — и все будет споро,
И будет тверда твоей власти опора.

Достойных возвысь, им наград не жалея,
Негожих гони от себя поскорее.

Закон укрепляй — и все бедствия канут,
И поясом счастья ты будешь затянут.

Внемли, что сказал нам мудрец знаменитый,
Воспользуйся мудростью, в слове сокрытой:

«Законы вводящий! Карай справедливо!
Законы крушащий — для смерти пожива.

Правитель, не пестуй порядок неправый:
Неправый не справится с трудной управой!

А кто утверждает порядок неправый,
По смерти дурною покроется славой.

Кто добрых держался законов и правил,
Тот доброе имя надолго оставил!»

Собою, элик, не прельщайся обманно,
О сути своей помышляй неустанно.

Дурное в себе не упрочь, о всевластный,
Два мира доймут тебя карой ужасной.

Ты руку простер над народом высоко —
Смотри, как бы жизнь не промчалась без прока!

Сей мир преходящ — свыкнись с думой об этом,
И смерть уже близко — подумай об этом!

Взгляни в назиданье: судьба моя слезна,
Покайся при жизни, потом будет поздно!

От мертвых посланье живым — завещанье,
Мое завещанье — вот это посланье.

Элик, для меня был ты другом любезным,
Молю: да пребудет завет мой полезным!

Заветное слово всегда благодатно,
А примешь совет — польза будет стократна.

Одна только правда в послании этом —
Попомни меня, не гнушайся советом!

И сколько бы лет ты ни прожил, а все же
Тебе уготовано смертное ложе.

Приходит ко всем миг смертельного срока
И души живых забирает жестоко.

Внять голос, призывно зовущий, готовься,*
И к дальней дороге грядущей готовься.

Нет места, где смерти присуща пощада,
Ты к смерти готовься — сбирай все, что надо.

Внемли, что сказал муж, немало познавший,
Уже перед смертью, к нему подступавшей:

«Приблизится смерть, и велит она: ляг,
К кончине готовься направить свой шаг.

И хоть ты серебряный пояс носи,
А смерть подошла — и порвался кушак!»

И знай, о элик, тебе правдой служил я,
И честно вложил в услуженье весь пыл я.

Господь да пошлет тебе радость-отраду —
В еде и в одежде благую награду,

И тысячи лет в благоденствии здравствуй,
Без бед и невзгод над народами властвуй!

И правит любовь моим преданным словом,
О, будь, ясноликий, живым и здоровым!

Достойный элик! Я прощусь с этим миром,
Боль сердца — мой сын здесь останется сирым.

Молю я: да будет храним он всесущим
В огне сей юдоли, все сущее жгущем!

Блюди его зорко — вот суть моей просьбы,
Будь с ним, чтоб ему пропадать не пришлось бы!

Господь — всего сущего суть и основа,
Он волен над всем, что есть доброго, злого.

А мать и отец — назиданье их чадам,
Как жить им — дурным или добрым укладом.

Отец я, но я перед смертной чертою,
И сыну — без матери — быть сиротою.

И если я стою отплаты, хоть малой,
Направь его верной стезею и жалуй.

Пригрей, обучи его доблести строгой,
Обученный, станет он людям подмогой.

И он благонравным и честным да будет!
А с пользой послужит — свое он добудет.

Будь строгим, суровым, неволь его властью,
Суровый надзор приведет его к счастью.

И сказано старцем, как лунь поседелым,
Он это изрек с разумением зрелым:

«Внушай сыну с детства благие науки,
Кто с детства учен, все дано ему в руки.

Хлыстом поучай своих чад, не жалея,
Кто розог попробовал, тот и умнее!

Ведь то, что в младенчестве познано, дети
Не смогут забыть, пока живы на свете!»

И, кончив письмо свое, взял он тесьму,
Связал его, сыну отдал своему.

«О сын мой, — сказал он, — смотри, не утрать,
Элику завет мой сумей передать.

Пусть это прочтет он, поймет мой совет
И, к смерти готовясь, блюдет мой завет».

И сыну промолвил он, вздох испустив:
«Усвой, что скажу я, — будь смел и правдив!»

И обнял он сына, печалью убит,
Целуя его и стеная навзрыд.

«Смотри же, о сын мой, ты видишь меня, —
Запомни, как я умираю, стеня.

И ты тоже смертен, и это — не ложь,
Не будь в заблужденье: ты к смерти придешь.

Полезное слово скажу я тебе,
Усвоишь — меня ты помянешь в мольбе.

К служенью тебя призовет властелин —
Служи ему верно и честно, мой сын.

Без лени трудись, не забрасывай дел,
И словом и делом будь честен и смел.

Пораньше вставай и попозже ложись,
Встающему рано — все блага дались!

Пред волею бога в смиренье пади,
Элику служи с жарким пылом в груди.

С дурными не знайся и чужд им пребудь,
Твори лишь добро — будет ладным твой путь.

Держи свое слово, здоровье упрочь,
Блюди себя — сможешь ты все превозмочь!»

Умолк он и сына он обнял с рыданьем,
И снова дал волю своим покаяньям.

«О мир сей безжалостный, — он произнес, —
За что столько мук ты послал мне и слез?

Меня, совершившего столько добра,
Поглотит могила, темна и сыра!

И, как при рождении, ныне я гол —
Предел свой в печали и скорби обрел!

Внемли, что сказал умирающий муж,
В тоске перед смертью рыдающий муж:

«Из чрева ты вышел — во чрево уйдешь ты,
Был счастлив — стал змеям для корма пригож ты.

И юность — не в пользу, и жизнь — бесполезна,
В тоске и рыданьях в могилу сойдешь ты!»

Взрыдал Айтолды и, теряя сознанье,
Велел он раздать неимущим даянья.

Простился с роднею, лишаясь уж сил, он,
И бога взять душу на небо просил он.

И в небо уставил с молитвою взор он,
И речь его смолкла, и руки простер он.

И свет его жизни подернулся тьмою,
И вздох испустил он с последней мольбою.

Благая душа его ввысь возлетела,
И замерло вмиг бездыханное тело.

И — как не бывало души вдохновенной,
Осталось лишь имя его во вселенной.

Внемли, что сказал некий муж просвещенный,
Очнувшийся вдруг от беспечности сонной:

«Пристанище тела — земное жилье,
А дом для души твоей — тело твое.

Покинет душа твою бренную плоть,
А где она — ведает только господь!»

Блаженна судьба ее в горнем пределе,
А спустится вниз — ее доля тяжеле.

Двоякая участь возможна, конечно,
Но все же душа и бессмертна, и вечна.

Сколь горестна суть человека живого:
Умрет его плоть и замрет его слово!

Откуда он? Долго ли жить его силе?
Где быть ей потом? Где витать ей судили?

Что знает мудрец? Что он скажет об этом?
Что умный поймет? Разъяснит ли ответом?

Об этом рассудит один вездесущий,
Всесильный творец — властелин вездесущий!

Везде он — от взора сокрыт и невидим,
Везде пред очами стоит и — невидим.

Пусть век человека недолог, не вечен,
Он думой велик, даром слова отмечен!

Но что за причина — безвольный, бессильный,
Дурной, человек — узник спеси обильной!

Всего лишь два дня он гостит во вселенной,*
А пялится грудью в гордыне надменной!

Послушай, что сказано вдумчивым словом,
Что сказано мужем, к кончине готовым:

«О грозная смерть, лютый рок тобой правит,
И тысячи средств от тебя не избавят!

Ты всем — как силок, и никто не спасется,
С тобою ни злу, ни добру — не бороться!

А надо бы долгого счастья разумным
И скорой кончины невеждам бездумным!

Но смерть ни благих, ни дурных не щадила,
Великим и малым готова могила.

О ныне живущий! Все смерти достигнут,
И сколько б ни жил — будешь ею настигнут.

И сказано верно владетельным мужем,
Премудрым, в делах добродетельным мужем:

«О, если бы не было смерти вовек!
О, если б в бессмертии жил человек!

Но смерть посылает мне благо такое:
Все рушит, даруя блаженство покоя.

И нет в этом чуда, что смертен рожденный,
И вновь станет прахом, в земле погребенный.

О, нет, не людей — человечное жаль мне,
Не их — справедливость извечную жаль мне!

Строптива ли суть твоя или смиренна,
А древний сей мир уж таков неизменно!»

24

Повествуется о том, как элик Кюнтогды призвал к себе Огдюльмиша

Оплакал элик Айтолды и тотчас
Дал сыну его свой совет и наказ.

«Не надо, — сказал он, — столь горько стенать,
Утихнет печаль и придет благодать.

Не только тебе твоя мука горька,
И мне тяжело — безысходна тоска.

Утешься, не мучай терзаньями грудь,
Служи мне — при мне безотлучно ты будь.

Отец твой скончался — я буду отцом,
Отцом при тебе, как при сыне родном!»

Ответ Огдюльмиша элику

Пал ниц Огдюльмиш, преисполнен любви,
Сказал он: «Элик, вечно здравствуй, живи!

Твой раб и слуга, я тебе послужу —
Я жизнь мою всю за тебя положу.

Всю жизнь за тебя положил мой отец,
Послал бы и мне ту же долю творец!»

Достал он посланье отца своего
И тут же элику он отдал его.

Элик прочитал содержанье письма,
«Да, жаль, — он сказал, — муж большого ума!

Превыше других был ты в чувствах высок,
Забыл мой порог ты, и сир мой чертог.

Ты честно служил мне, исполнив свой долг,
На смертном одре ты в мучениях смолк.

Тебе по заслугам воздать я не смог,
За верность твою да воздаст тебе бог!

И я благодарнейшим чувством объят,
Но бог да воздаст тебе в тысячу крат!»

В рыданьях прервал свое слово элик,
И прочь он пошел, и печально поник.

Вошел он к себе, сердцем тих, молчалив,
Весь день он скорбел, плотно дверь притворив.

И сын чтил обычаи скорбной поры,
И щедро раздал беднякам он дары.

Отца помянув всею скорбью своей,
Приблизил к себе он достойных людей.

Он праведно жил — чтил отцовский завет,
И счастьем сиял добрых дней его свет.

Послушай, что молвил разумнейший муж,
Познавший всю суть человеческих душ:

«Заветы отца чти и строго и свято,
Сладка твоя жизнь будет, счастьем богата.

И мать и отца всеми силами радуй,
Стократ и сторицею будет оплата!»

Элик еще больше стал властью силен,
И день ото дня укреплял он закон.

Народ богател и держава цвела,
Везде воздавалась элику хвала.

Однажды сидел одиноко элик,
Отвлекшись от книги, он взором поник.

Понуро и хмуро уставившись вдаль,
Не знал он, кому бы поведать печаль.

И, вспомнив с тоской Айтолды, он сказал:
«Вот муж из мужей был, достойный похвал!

Мой друг, украшением был он двора,
Народу он сделал немало добра.

Исчез он, и место его опустело,
Кто сможет заполнить зиянье пробела?»

И тут Огдюльмиш ему вспомнился вдруг:
«Неправо забыт мною преданный друг!

Когда умирал, мне о сыне своем
Сказал Айтолды, но забыл я о нем.

Скончался отец — сын наследник ему,
Потерян один — я другого возьму!»

Велел он найти его людям своим,
Призвал Огдюльмиша и заперся с ним.

25

Повествуется о представлении Огдюльмиша элику

Вошел Огдюльмиш и стоял пред эликом,
От радости светел душою и ликом.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Элик вопросил его, свидевшись с ним:
«Скажи мне, какою судьбой ты храним?

И ладны ли дни твоего бытия —
Пряма ли, крива ли дорога твоя?

По смерти отца что послал тебе рок —
Добры твои дни или полны тревог?»

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш: «О элик достославный,
Да славишься долго ты властью державной!

Я не был приближен для службы элику —
Рок, брови нахмурив, отверг горемыку!

Давно уж не видел элика чело я —
Печален, терпел я безвременье злое.

Ты вспомнил меня, и дождался я зова,
И поясом счастья повязан я снова.

Велений элика я вновь удостоен —
Светлы мои дни, ясный взор мой спокоен!»

Элик испытал его знанья пристрастно,
На всё Огдюльмиш отвечал ему ясно.

26

Повествуется о вступлении Огдюльмиша в услужение к элику Кюнтогды

«О сын мой, — элик ему молвил, — служи,
Будь радостен — тягот в душе не держи.

Отец твой служил мне в ведении дел,
Ему не за все отплатить я сумел.

Тебе отплачу я, сносить не желая,
Как будет молва осуждать меня злая.

Внемли, что сказал властелин Уч-Орду,
Я мудрое слово его приведу: *

«Когда тебе зло причинит кто-нибудь,
Не ведайся с ним ты и зла не забудь!

Раз ты человек, так и будь человечным,
Тянись к этой сути в стремлении вечном.

А кто на тебя покушается злобой,
Воздать ему тою же мерой попробуй!

Ведь тот, кому чужды людские несчастья,
Не лучше быка, о державец всевластья!

И будь человеком без тупости бычьей,
Храни человечности добрый обычай.

Великую силу дает человечность,
Приносит и честь и почет человечность!»

Ответ Огдюльмиша элику

Пал ниц Огдюльмиш и воскликнул: «Элик!
Твой взор просветлеет — я счастья достиг.

Ты — мой повелитель, я — раб твой навеки,
Рабов одаряют властители-беки.

Захочешь — презри, пожелаешь — отметь,
Всей жизнью моею ты волен владеть!»

И встал он, и тихо дошел до дверей,
И к дому отправился в путь поскорей.

И, пояс служенья надев с этих пор,
Делам Огдюльмиш дал бессменный надзор.

И, вплоть до зари не свободен от дел,
Он, бодрствуя ночью, при службе и ел.

Эликом он был за усердье ценим,
И счастье врата распахнуло пред ним.

Внемли, что сказал муж, служение знавший,
Нелегкую службу счастливо седлавший:

«Желаешь ты бека узреть благосклонным —
В свершенье велений пребудь неуклонным.

А кто неугодное дело свершит,
За свой же позор сам претерпит и стыд.

И если служенье твое неугодно,
Вся жизнь твоя будет пуста и бесплодна!»

Элик, Огдюльмиша приблизив, велел
Законы блюсти в совершении дел.

Однажды элик, от печали недужа,
Грустил: «О, какого утратил я мужа!

Не счесть во дворце моем множества слуг,
Но годный для дела где преданный друг?

Нет знающих дело, дела все в упадке,
Где преданный муж, чтоб наладить порядки?

Послушай, что молвил всезнающий муж,
И зло и добро понимающий муж:

«Захочешь — отыщешь желанное сразу,
Лишь добрых мужей не сыскать по заказу.

Есть много спесивых и темных голов,
А нет ведь мужей, кому верить готов!»

Он был самый нужный и самый хороший,
Пригодный управиться с тяжкою ношей.

И вот что один стихотворец изрек —
К достойному смыслу прилажен и слог:

«Из тех, кто приходит, никто не подходит,
Из тех, кто подходит, никто не приходит.

Немало людей разномастных толчется,
А ищут полезных — увы, не находят!»

Еще поговорка сюда подойдет:
«Умрет родовитый — останется род.

Что в землю посеяно, то и сберешь,
Рожденный отцом на отца и похож!»

И сын Айтолды — не отцовское ль семя,
Отца заместить подойдет ему время.

Отцовское место пустует — я верю:
Лишь сын его может восполнить потерю.

Его я взращу — кто взращен человечно,
И стал человеком — полезен, конечно.

Я вижу, что он мне для службы пригож,
Лишь мал он — иных в нем грехов не найдешь!

Отлично сказал муж, овеянный славой,
Счастливый избранник судьбы величавой:

«Кто беком воспитан, вспоен и пригрет,
Главенствовать призван за беком вослед.

Кто беком приближен как избранный, тот
Свершенье мечтам и желаньям найдет.

Кому бек подарит приветливый взгляд,
Тому и другие все в очи глядят!»

Что ж, — молвил элик, — приложу я старанья
Ему надлежащее дать воспитанье.

Отдам за отца ему долю сыновью —
Растить с человечною буду любовью.

Мне честно служил Айтолды много лет,
Воздать добротою я должен в ответ.

Добра человечность достойным ответом,
Я буду растить его сытым-одетым.

Кто сам — человек, тот и доброе ценит,
И сердце людское добру не изменит.

Послушай, что речь наших предков гласит,
Пословицы предков хранить надлежит:

«Будь добрым, о ты, чья душа человечна,
Добро, не старея, живет долговечно!

Добро не стареет — живет, не ветшая,
И век его долог, и слава — большая!»

Элик оценил Огдюльмиша по чести,
Делил с ним плохие и добрые вести.

Заботой элика взнесенный высоко,
Стал сведущ в правленье он волею рока.

Служа, чтоб упрочить и власть и закон,
Раденьем все двери открыл себе он.

Он был неумелым, а стал он умелым —
Элик наставлял его словом и делом.

И понял элик: «Все дела мои ладны —
И в яви и в сути устройством изрядны.

У этого блага основа одна:
Взрастил, воспитал — вот и польза видна.

Обрел я желанное в муже умелом,
Сколь славен он станет к летам своим зрелым!

Тот будет великим, кто мужествен с детства,
В нем признаки эти видны с малолетства.

Прочти-ка об этом же сложенный стих,
Раскрыта вся суть в его строчках благих:

«Отмечен приметами каждый предмет,
И все, что растет, не меняет примет.

О вкусе плода по цветку рассуди,
По внутренним свойствам — и видимый цвет!»

Служил Огдюльмиш, дни за днями летели,
С утра дотемна был всегда он при деле.

Суров был со всякой негожею скверной,
А делу способствовал пользою верной.

К элику спасенье пришло от невзгод,
От тягот избавлен, жил вольно народ.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Призвал Огдюльмиша однажды элик,
Спросил обо всем и в дела его вник.

«О сын мой, — сказал он, — к тебе мое слово,
Ответствуй мне волей сердечного зова.

Что людям на пользу идет — ты ответь,
И в чем им дано этой пользой владеть?»

Ответ Огдюльмиша элику

«О бек мой, — ему отвечал Огдюльмиш, —
Ты — знаний оплот, над людьми ты стоишь.

В обоих мирах пользой самою главной
Пребудут благие дела, достославный!

Второе — стыдливым быть, третье — правдивым,
Муж трех этих доблестей будет счастливым.

Кто ладен в делах, того любит народ,
Правдивому мужу и честь и почет.

Стыдливость и совесть — преграда порокам,
Бесстыжий томится в недуге жестоком.

И кто благороден и честен в делах,
Тому дано счастье в обоих мирах.

Правдивость, стыдливость и доброе дело
В единстве — залог преблагого удела!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял, — ответил элик, — твое слово,
А в чем людям вред от дурного и злого?»

Ответ Огдюльмиша элику

«Внемли мне, — сказал Огдюльмиш, — о элик,
Хочу я, чтоб глубже ты в речь мою вник.

Бывают и свойства, чья сущность лиха,
Я три назову тебе, мудрый, греха.

Во-первых, бессовестный нрав нехорош,
Второе — привычка обманывать, ложь.

А третье — корыстная жадность скупцов,
Три вида пороков — три рода глупцов!

Когда в человеке все свойства худы,
С рассвета во всем у него нелады.

А если кто лжив или крив языком,
С недоброю славой он будет знаком.

И что есть гнусней, чем корыстный расчет?
Скопил — не потратил, и все пропадет!

Послушай, что мудрость сказала про скряг:
«Мошенник, себя обокравший бедняк!

Нагреб себе злата, жалел — мол, не трать,
А что бы другим хоть монетку отдать!

О скряга, впихнувший весь мир в тайники,
Готовь угощение — ждут едоки!»

Владельца трех доблестей счастье хранит,
А друг трех пороков позором покрыт!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял все это, — элик произнес, —
Ответь и еще на такой мой вопрос:

С рожденья ли мудр человек и умен,
Иль учится мудрости с возрастом он?»

Ответ Огдюльмиша элику

«Элик достославный, — сказал Огдюльмиш, —
Про ум и про знанья ответ мой услышь.

Без знаний рожденный, весь век свой учась,
Умом постигает всех сущностей связь.

Рожденный из чрева еще несмышлен,
Одним лишь ученьем возвысится он.

И только уму человека не учат,
Он ум от творца при творенье получит.

А кроме ума человеческий род
Всем доблестям знанием силу дает!»

Был рад услыхать эти речи элик,
«Сей муж, — он сказал, — благодати достиг.

Умершего мне заместил его сын,
На доброй стезе им положен почин.

Творцу похвалою я должен воздать,
В законах народ обретет благодать.

За верность и честь Огдюльмишу хвала,
Достойно и честно вершит он дела.

Ему должен сделать я много добра,
За доброе дело награда щедра!

Послушай достойного мужа слова,
Достойный избранник — народу глава:

«С тобой человечны — будь сам человечен,
Да будет достойный достойно привечен.

За верность лишь верность достойная плата,
Будь верным — и будешь ты славой отмечен!»

Элик проявлял к нему щедрую милость,
Хвалебная слава ему возносилась.

В народе везде его слава росла,
Всесветно ему воздавалась хвала.

Меж равных он стал самым знатным по праву,
У беков снискал он великую славу.

Он сердцем и речью был скромен и тих
И ладил со всеми в деяньях своих.

Покладист душою, в речениях сладок,
Он всюду внес тайный и явный порядок.

И, кругом собратьев-друзей окружен,
На них опирался в деяниях он.

А тот, у кого есть в собратьях опора,
Могуч и недвижен — прочней крутогора.

Опора в собратьях — могущества знак,
Имеющий силу — основа всех благ.

Но в счастии кротость — великое диво,
А мудрость — спокойным смиреньем красива!

Прекрасное слово премудрый изрек,
А мудрый совет — всех успехов залог:

«Когда к тебе счастье приспело нежданно,
Будь кроток и скромен и тих постоянно.

Когда тебе счастьем дана благодать,
Лишь кротостью можно ее удержать.

Различны у счастья листва и коренье,
А корень корней его — кротость смиренья!

Смиренному, кроткому нраву — хвала,
Смиреньем вершатся благие дела!»

Негожая суть у повадки надменной,
Влачится в низинах спесивец презренный.

Во благе отрада мужам всех времен,
А стоит его только тот, кто умен.

Об этом и стих есть, прочти его строки,
Усвой его, муж, сердолюбьем широкий:

«И глупый хорош, если счастьем богат,
А умному счастье пригодно стократ.

А если и глупому счастье — не вред,
С умом — его сила не знает преград.

И глупым при счастье дается величье,
А умным — стократ и почет и отличья.

Но если к неумным приходит оно,
Недолго при счастье им жить суждено!»

Есть к этим словам и еще одно слово,
Внемли его смыслу, муж сердца благого:

«Разумному счастьем дается почет,
И жизнь его в почестях с честью течет.

Безмозглый и счастье не может хранить:
Глядишь, что ни день — а уже недочет!»

Узнал, испытав Огдюльмиша, элик:
По правде свершать все дела он привык.

Испытывал он его и поощреньем,
И злом — нарочитым к нему небреженьем.

А тот и при почестях службе радел,
Свершал и в немилости множество дел.

Элик оценил его, мучась виною,
И впредь повелел ему ведать казною.

Великим доверьем облек он слугу,
И жизнь за него, мол, отдать я могу!

Служил Огдюльмиш справедливо и честно,
Элик с ним сходился все более тесно.

Умело вникал он в различия дел,
И опись им вел и о сути радел.

Опасливый, зоркий, во всем осторожный,
Служенье он с волею вел непреложной.

Внемли, что сказал муж преклонных уж лет,
Свой жизненный честно исполнив обет:

«Богатство и золото людям пригожи,
А муж, что собою владеет, дороже.

И ежели в ком сребролюбия нет,
Во благо дарован ему целый свет!»

Мудрец нас учил самой мудрой из истин:
«Внимай лишь тому, кто во всем бескорыстен!»

И лучше еще изречение есть:
«И жизни не жалко за верность и честь!»

Кого же правдивым зовут справедливо?
Такого, чья суть неизменно правдива!

И доблестным мужа когда мы зовем?
Когда справедливость находим мы в нем!

И кто из людей стоит доброго слова?
Мы щедрого хвалим, браним мы скупого!

А вдуматься — к людям судьба недобра:
Сбирают добро, да не видят добра!

Одни за поживою по свету рыщут,
Другим любо море — там смерть они ищут.*

Те — горы копают, где скалы суровы,
Другие — всю землю избегать готовы.

Один лезет ввысь, в реку ввалится вброд,
Другой роет недра — там воду берет.

Один — под ударами сабель в отряде,
Другому — до старости чахнуть в осаде.

Одним любы хитрость, коварство и ложь,
Другим — казнокрадство, убийства, грабеж.

И муки-то все — ради тела да глотки,
А скопишь — пропало: дни жизни коротки!

Все это — потуги неумных хлопот,
А глупые люди — бессмысленный скот!

А людям разумным и верящим в бога
Лишь хлеба насущного надо немного.

Послушай премудрого мужа завет,
Прожившего тихую жизнь без сует:

«Лежать ли, весь мир ли обегать — едино:
Тебе предуказана роком судьбина!»

Будь сердцем правдив, речью честен всегда —
В урочное время приспеет еда.

Кто хочет богатства и благ сего света,
Да будет душа его правдой согрета!

И если ты хочешь всем миром владеть,
Живи справедливо и праведно впредь.

Прекрасно сказал муж разумный, правдивый,
Обретший весь мир на стезе справедливой:

«Кто хочет добиться богатства земного,
Да будут честны его дело и слово.

А хочешь всем миром владеть безраздельно,
Будь сердцем и речью правдив — вот основа!»

Властитель, блюди свой народ справедливо,
При праведной власти вся жизнь его — диво!

Правдиво и честно верши все дела,
Чтоб всюду с тобой человечность была!

И вот Огдюльмиша возвысило счастье,
Но речи с людьми вел он, полон участья.

Элик испытал его в разных занятьях,
Познал его свойства и стал одобрять их.

Элик, Огдюльмиша труды оценив,
Узрел, что во всех он делах справедлив.

Послушай, что сказано мужем смышленым,
Невежда, внемли этой речи с поклоном:

«За слугами бекам приглядывать надо —
На службу не брать, не докончив пригляда!

И, только проверив пригодность приглядом,
Слуге открывают дорогу к наградам.

Служенье, когда оно беку по нраву,
Во благо слуге, властелину — во славу!»

Прекрасно сказал бек из рода Ягма,*
И суть его мысли — премудрость сама:

«О бек, доверяй лишь умелому дело —
Тому, кто потрудится делом у дела!

А если связался с негодным слугой,
Ты сам и виновен — не кто-то другой.

Кто счастьем отмечен от милостей божьих,
Даны ему слуги из самых пригожих.

А вздумает бог ниспослать долю бед —
Таких даст он слуг, что затмится весь свет.

Невежды такой распаляют огонь,
Что губит все дело чадящая вонь!»

Возвысил элик Огдюльмиша с почетом,
Все вверил его попеченьям, заботам.

Простер его длань он к подвластным пределам,
И стал Огдюльмиш править словом и делом.

Дал платье элик ему, чашу, печать,
Коня,* — стало счастье его отличать.

И ласковой речью, и добрым указом
Элик отличал его рвенье и разум.

И сколько мужей — от велика до мала —
Пред ним, в дар неся ему жизнь свою, пало!

Ища его милостей, множество слуг
С дарами являлось к нему для послуг.

И ввел Огдюльмиш справедливость повсюду,
И много даяний раздал всему люду.

Народ он избавил от тягот и бедствий,
И слуг отдалил он, повинных в зловредстве.

Упрочен закон был, окрепла страна,
Элик был спокоен: держава прочна.

Народ цвел все боле под властью закона,
Враги разбегались, бросая знамена.

И сам властелин жил в довольстве, в покое,
Ему было в радость блаженство такое!

Столь добрые блага познаньем даются —
В награду разумным стараньям даются.

И как не хвалить свойство разума в муже,
И как не признать, что бездумие — хуже!

Свершенья разумного верны всегда,
Поступки неумного скверны всегда.

И сколь добродетельно счастье для умных —
Всегда благонравных мужей многодумных!

Внемли, что сказал бек из рода Ыла,
Чья речь твоей речи основой была:

«Когда неразумный правленье берет,
Страдает страна, терпит муки народ.

А если властитель умен и учен,
Страна благоденствует — знай наперед!»

Спокойно текли дни элика, светлы,
И господу он возносил похвалы.

Молился он, к небу взывая: «Услышь!
О ты, мой создатель, ты знанья даришь!

Ты знанья мне дал, наделил меня силой,
Усиль светом истины дух мой, помилуй!

Лишь ты мне опора на добром пути,
Сподобь меня тяжкую ношу снести!»

И бедным раздал он даяний премного,
И душу сверял он с веленьями бога.

Так жил дни за днями он, весел и рад,
И бедный народ стал и благ и богат.

Лишь избранным благо такое дано,
И жаль — даже им умереть суждено!

И счастлив народ при владыке правдивом,
И радостен бек при народе счастливом.

Но добрым и злым — всем единый исход:
Все в прах превратятся, лишь имя живет.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Однажды элик был раздумьем томим,
И, позван, предстал Огдюльмиш перед ним.

«Внемли, Огдюльмиш, — начал он разговор, —
Опеки отца ты не знал до сих пор.

Как умер отец твой, ты был еще малым,
А младшим путь старших бывает началом.

Отец обучить тебя знаньям не смог,
И я наставленьем тебе не помог.

Как мужем ты стал столь достойных примет,
Ты мне объясни это, дай мне ответ!»

Ответ Огдюльмиша элику

«О мой властелин, — отвечал Огдюльмиш, —
На многие лета ты власть да хранишь!

Блажен, кому щедро господь порадел:
Во славу обрел он желанный удел.

Об этом у тюрок гласит поговорка,
И муж седовласый сказал очень зорко:

«Велик человек только божьею волей:
Лишь бог его сводит с желанною долей.

Не силься исправить угодное богу,
Все небо с землей тут тебе не в подмогу.

Всем людям опора нужна в богоданном,
Лишь так человек спознается с желанным!»

И отчая также, элик, похвала
Сыновнему сердцу нужна и мила.

Отец мой мне доброй молитвой помог:
Достиг сего чина в недолгий я срок.

Был послан элик мне властителем сил,
Меня он ни благ, ни ума не лишил!

Элик пособил мне, от зла остерег,
Возвысил меня своей милостью рок.

Кто видел от беков внимания знак,
Считай, что достиг он желаемых благ.

Не сад ли душа человека, где блага
Совет властелина растит, словно влага?

В саду, получающем воду в достатке,
Несчетны цветов благовонные грядки.

Слугу властелин добрым словом приветил —
Возвысился дух его, лик его светел.

А молвит властитель недоброе слово —
Засохнут цветы, что кустились пунцово.

Ждать милостей бога рабам надлежит:
Бог милостив — путь к двери счастья открыт.

Об этом сказал свое слово поэт,
Усвой его, муж добронравных примет:

«Рабам божья милость дарует почет:
Дверь знанья открыв, правый путь им дает.

Познанье пошлет им счастливые дни:
И малый достигнет великих высот!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

И снова спросил Огдюльмиша элик:
«А знающий как своих знаний достиг?

Учась ли достиг своей мудрости он,
Иль можно сказать, что таким уж рожден?»

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш, собираясь с ответом:
«Попробую я рассказать и об этом.

Даст бог от рождения разум толковый —
Ученью он будет хорошей основой.

Учась, чадо движется мыслью вперед:
Захочет — изучит, узнает — поймет.

Учение — многим познаньям порука,
Всем людям на пользу послужит наука.

А тот, кому разум не дан от рожденья,
Желаньям своим не найдет исполненья.

Еще есть совет: чтобы сын был умен,
Стараiися учить его с юных времен.

К тому, кто обучен в поре своей ранней,
С годами придет исполненье желаний.

Упорство в ученье дарит в воздаянье
Ученость и доблесть, благие деянья.

Ученость и доблесть ученьем сильны,
Понятливость, ум — от рожденья даны.

Присловие тюркам известно об этом,
Да будет оно тебе добрым советом:

«Ученье тебе много знаний доставит
И лишь разуменья, увы, не прибавит.

Но разум, даруемый божьим веленьем,
Проявится лучше, усилен ученьем!»

И разум, бесспорно, дарован от бога:
От разума милостей мужу премного!

Разумный над всеми возвысится разом:
Глава многим добрым достоинствам — разум.

Нельзя называть неразумных людьми,
И слов их на веру, смотри, не прими!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял все это, — элик произнес, —
Но дай мне ответ на другой мой вопрос.

Ты ум хорошо отличил от ученья,
Но в чем, объясни мне, ума назначенье?

Где кроется ум? Где возникнуть уму?
Как силы достичь? Где исчезнуть ему?»

Ответ Огдюльмиша элику

«Ум — ценность великая, — дан был ответ, —
И дара, желаннее этого, нет!

В мозгу человеческий разум сокрыт,
Всем ценностям быть в голове надлежит.

И ум человеческий — вроде тенет:
От правды и блага уйти не дает.

С любовью к рабам своим избранным бог
Их суть и язык в путы знанья облек.

Несведущий — мертвый, разумный — живой,
Разумною муж отличен головой.

Пойми: человек — тьмой окутанный дом,
Даруется свет ему только умом.

К достойным деяньям лишь разум влечет,
От знаний — величие, честь и почет.

В двух этих приметах — великая суть,
Они наставляют на истинный путь.

Умом человек отличен от скота,
Что в мире иное — познанью чета?

О том и присловие умное есть,
Что в умных деяниях пользы не счесть:

«Людей от скотов отличает познанье,
Кто знаньем возвышен — могуч он и дланью.

Будь мудр и учен — со скотом не равняйся,
Равняй свою речь по уму и по знанью!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

И молвил элик на ответ этот ясный:
«Тебя вот о чем я спрошу, мой прекрасный:

Скажи мне подробно о свойствах ума —
В чем суть сего слова и сущность сама?

В чем суть его, сущность, чем он знаменит,
Каков его возраст, какой он на вид?»

27

Огдюльмиш рассказывает элику о сущности ума

Сказал Огдюльмиш: «Ум — отрада отрад,
В делах справедлив он и благом богат.

Сколь ни был бы юн, он собою пригож,
Благими делами всегда он хорош.

И чист он, и прям, и в свершеньях умерен,
В общенье с людьми добронравию верен.

Куда обратится он — там благодать,
И речь его дарит устам благодать.

Кто светел челом, тот и всеми любим,
Во благо он всем, кто общается с ним.

Ум издали видит дорогу ко благам,
И к нужным свершеньям идет твердым шагом.

Неясное он разъясняет тотчас,
Любые узлы он распутает враз.

И вправо, и влево, вперед и назад —
Все зрит он, всему даст и срок и уклад.

Бегучее — схватит, летучее — словит,
Поруху — исправит, полом — восстановит.

Неумный, о разуме плача, скорбит:
«Томлюсь без тебя я под гнетом обид!

Из благ твоих мне не дано ничего,
А где нет ума, там и сердце мертво!

Ум — светоч во тьме и глаза — для слепого,
Он телу — душа, бессловесному — слово!»

А умный хвалу обращает к уму:
«Ты — добрый мой друг, ты — основа всему.

Правдив ум и прям и лишен кривизны,
Во правде не ведает он кривизны!»

Имеющий разум отмечен печатью:
К познанию дар у него и к понятью.

В уме, как ни в чем, добродетельна суть:
Вседневно, всечасно правдив его путь.

Разумный и добр, и правдив на язык,
И все в совершенстве он делать привык.

Спокойный, степенный, он делает дело
Тогда лишь, когда все обдумает зрело.

И юному, если он в деле — бывалый,
Доверят все беды и старый и малый.

И ты над такими словами размысли,
Поймешь их — усвоишь разумные мысли:

«Бывают и юноши зрелой души,
Где разум отыщешь — туда и спеши!

И — влюбчив ли в юности, тих ли в летах, —
Кто скромен — деянья его хороши!»

Ответ элика Огдюльмишу

Услышав слова эти, рад был элик:
«Ты мудр и учен, разуменьем велик.

Тебе дал всевышний достоинств немало,
И мне тебя в дар божья воля послала.

Да, груз мой тяжел, трудно справиться с ним,
Да будет помощник мой благом храним.

Кто к благу стремится, тот — с тяжкою ношей,
Но всякий несущий — с наградой хорошей.

Ты груз мой возьмешь — и придет благодать:
Мне делом поможешь ты, взяв мою кладь.

Да будет и милость господня со мною,
Тебе да воздам я отплатой тройною!

Я знаю, что в службе ты предан и благ,
Раденье твое — доброй верности знак.

А верным в служении тот лишь и станет,
Кто думой о пользе правителя занят.

Внемли, что служивший сказал человек:
«Усерден слуга — благоденствует бек».

И радостен бек — не горюет, не тужит,
Когда его слуги с усердием служат.

Прилежный слуга волю бека блюдет —
Бек плечи расправит, не зная забот.

Слуга понесет на себе бремя тягот —
Пути властелина ко благу пролягут.

Отыщет владыка такого раба —
Дана ему богом благая судьба.

И все прежде жившие беки вселенной
Прошли свою жизнь с той мечтой сокровенной!»

Народ всей вселенной, счастливый, довольный,
Прославил элика хвалой богомольной.

И люди иных, запредельных, земель
Узреть его в душах лелеяли цель.

Дни днями сменялись, и год шел за годом,
Элик верой-правдою правил народом.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Сказал Огдюльмишу однажды элик:
«Ответь мне с умом, что ты знаньем постиг:

Известно, что есть у нас семь членов тела,*
Любому из них есть отрада и дело.

Что сердцу в отраду, что любо очам,
И чем из их пользы я пользуюсь сам?»

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш ему: «Сердцу — отрада,
Когда обретет оно, что ему надо.

Очам — видеть взором желанное любо,
А сердцу — обресть долгожданное любо».

Вопрос элика к Огдюльмишу

Элик произнес: «Огдюльмиш, назови
Приметы, присущие сути любви.

Любовью своей любо многим кичиться,
А что за такой похвальбою таится?»

Ответ Огдюльмиша элику

Ответил ему Огдюльмиш: «О элик!
Любовь узнают, лишь узрев ее лик.

Не всякая вещь прозревается зреньем,
Лишь сердце не знает преграды стремленьям.

Захочешь изведать, кто любит, кто — нет,
Найдешь только в сердце их нужный ответ.

На ликах влюбленных — особая мета,
Доступно их взорам угадывать это.

Об этом сказал свое слово поэт,
О муж благородный, усвой сей завет:

«Влюбленность влюбленных — их лик выдает,
А речь поведут, их — язык выдает!

Захочешь узнать, кто влюблен и кто — нет,
Взгляни лишь, их — взор в тот же миг выдает!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял все это, — элик произнес, —
Но ты мне ответь на другой мой вопрос.

Я важное дело хочу разуметь,
Ты с толком, обдумавши все, мне ответь».

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш: «Достославный элик!
Возносят познания славу владык.

Владыки — твердыня ума и наук,
Что может поведать невежество слуг?

Вопросы легки, да ответы трудны,
Для этого знанья элика нужны.

Так — легче элику, а мне — тяжелей,
Ты лучше, могучий, меня пожалей!»

Ответ элика Огдюльмишу

«Просящему, — молвил элик, — потяжеле
Просить в непонятном помочь ему деле.

И, значит, вопрос мой — отрада тебе,
Спросил я — ответствовать надо тебе!»

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш: «Муж правленья благого!
Внимать — много лучше, чем сказывать слово!

Кто речи ведет — свою душу неволит,
Внимающий — тело безделием холит.

Проникнись бывалого мужа наказом:
«Уйми свою речь, и да внемлет твой разум!»

Внимая, умнеют от мысли разумной,
Болтая, глупеют от спеси бездумной.

Внимать умной речи — для слуха любезно,
А вот суесловная речь — бесполезна.

Не сказано слово — оно словно злато,
А выскочит — медью блестит тускловато!»

Ответ элика Огдюльмишу

Элик произнес: «Твой ответ верно сказан,
Ты накрепко поясом счастья повязан!»

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш: «Достославный элик,
Мне любо, что рабский мой чин невелик.

Раб должен все силы вложить в услуженье,
Насколько достало его разуменья.

Об этом скажу я тебе — что постиг,
А в чем ошибусь — да простит мне элик!»

28

Повествуется о том, каким должен быть бек, достойный сана бека

«Вот что вопрошу я, — элик произнес, —
Узнай же, какой у меня был вопрос.

Всех сущих людей провиденье создало,
И добрых и злых — от велика до мала.

Есть умный и глупый, богач и бедняк,
Ученый и неуч, хитрец и простак.

Каким нужно быть, чтобы всех их возглавить,
Со славой и честью делами их править,

И чтобы цвели и народ, и страна,
И с доброй молвою бы шли времена,

И чтобы казна богатела бы златом,
И шеи пришлось бы склонить супостатам,

Чтоб силою крепла могучая рать,
Чтоб правду закона с наукой сверять,

Чтоб слава о беке пошла по вселенной,
И счастье росло бы чредою бессменной,

Чтоб он был бы весел, а власть — все сильней,
Чтоб правил он миром до смерти своей?»

Ответ Огдюльмиша элику

«Внемли, о элик, — отвечал Огдюльмиш, —
Нелегкий вопрос разъяснить ты велишь.

Законов правленья благие начала
Познать лишь властительным бекам пристало.

Они рождены, чтобы власть предержать,
Учась, познают этих дел благодать.

Всевышний тому, кто рожден для господства,
Влагает и в душу и в ум благородство.

Для тех, кого создал владыками бог,
Он крылья ума и души приберег.

Познания бека, присущие бекам,
Усвоены годным для них человеком.

Элик, а не я ближе к этим делам:
Был беком отец его, бек он и сам!»

Ответ элика Огдюльмишу

«Я в истину слов твоих разумом вник,
Их правда — что мускус, — ответил элик. —

Муж дела — весь в деле, ему надлежащем,
А плох ли, хорош ли он — видно смотрящим.

Я делаю дело — ты видишь мой труд,
Полезен ли он — от других узнают.

Бог дал тебе душу и разум немалый,
Отмечен ты знаньем и сметкой бывалой.

Вступив в услуженье, ты был еще мал,
В чем суть добрых дел, ты на деле познал.

Постиг все дела ты ученьем умелым,
Мне верен и предан ты словом и делом.

Лишь верным поверят заветную речь,
Лишь верный готов за другого полечь.

Ты верен мне — я тебе верю сердечно,
И ты мне теперь все доверишь, конечно.

Муж верности что говорил, не забудь,
А верность — самой человечности суть:

«Разумные верных хвалили немало:
К ним сердце людское всегда прилежало.

Друг верный найдется — держись его крепко,
Сей истине мудрость меня обучала!»

Ответ Огдюльмиша элику

Ему Огдюльмиш отвечал: «О элик,
Да будешь ты благ и во славе велик!

Быть беком достоин муж чести достойной —
Могучий, решительный, смелый, спокойный.

Был беком отец — будет беком и сын,
Сын бекского рода и сам — властелин.

Ему ум и знанья иметь подобает,
Ему благородство, заметь, подобаст.

Бек, правящий людом, умен и учен,
Правленье вершит с разуменьем он.

И беков не зря ведь зовут словом «знать»:
Положено бекам все ведать и знать!

Быть мудрым и умным — большая подмога:
У мудрых да знающих недругов много.

Внемли, что сказал понимающий муж —
Бывалый и мысли всезнающей муж:

«Бек должен быть зорким и мудрым, тогда
Негаданным злом не нагрянет беда.

Бессчетные доблести нужно иметь,
Чтоб добрую славу обресть навсегда!»

И все, кто великими стали людьми,
Лишь мудростью славы достигли, пойми!

Достойно потомство в достойном роду,
Достойный — в почете, у всех на виду.

Сан беков священен, им — честь подобает,
Им доблестно сан этот несть подобает.

Народу нужны храбрецы-вожаки,
Чьи силы в великих делах велики.

Послушай слова Отюкенского бека,*
Он славился мудростью речи от века:

«Народу достойный властитель любезен,
Правдивый и мудрый правитель любезен, —

Такой, чьи познанья и ум хороши,
Кто щедрой, широкой и доброй души,

Чьей воле присуща во всем добродетель,
Законности, совести, правды радетель!»

А доблестен бек — он народу глава,
И род его славен — в нем доблесть жива.

Со знанием дел возглавлять пужно дело,
И дельно, с умом исправлять его смело.

Со знанием пестовать надо народ,
А знаний не будет — и ум не поймет.

А бек ошибется, о муж разуменья,
И власть его портится — нужно леченье.

И лечат ту хворь лишь познаньем наук,
Умом, о достойный, излечишь недуг.

Разумным и знающим беку быть надо,
Излечится хворь и не станет разлада.

И ежели бек и учен и умен,
В обоих мирах да прославится он!

А муж, в двух мирах обретающий славу,
Блажен по заслугам и счастлив по праву.

Об этом сказал и поэт в самый раз,
Для неучей речь его — ухо и глаз:

«В чем счастье, скажи мне, чей путь не тяжел,
Кто счастьем богат и не ведает зол?

Кто щедр в этом мире, тот счастлив и сам:
Еще целый мир он во благо обрел!»

Когда бек и прям и правдив неизменно,
Дни жизни его протекают блаженно.

Кому бог послал добродетельный нрав,
Всем свойствам его доброту даровав,

Открыты тому все щедроты земли —
Сам пользуйся или с другими дели!

Когда бог рабу дал и счастье и милость,
В нем все совершенство добра воплотилось.

И тысячи тысяч достоинств нужны,
Чтоб править людьми всех пределов страны.

И мужу пристали благие деянья:
Они — его корм и его одеянье!

Кому бог послал нрав и грубый и злой,
Того он навылет поранил стрелой!

И если у бека дурные задатки,
Все плохо: ему даже блага не сладки!

Бек праведным должен, заботливым быть,
Радеть о потомках — расчетливым быть.

Все чуткие сердцем всегда боязливы:
Опасливо сердце — дела справедливы.

А если у бека правдивости нет,
В несчетных делах его — подданным вред.

И — диво красы, если бек — осторожный:
Он держит правленье уздою надежной.

Улаживать трудности надобен ум,
И знанья нужны для властительных дум.

И править делами — удел многодумных,
Подальше от дела держи неразумных.

И знай: бессердечный подобен безглазым,
А если нет сердца, не нужен и разум!

Внемли изреченью владыки владык,
Он сдержан был, опытен, сердцем велик:

«Того лишь, кто в разум свой мудрость вобрал,
Ты мужем зови, не жалея похвал.

Кто разумом славен, и мудр, и учен,
И плох — да хорош, хоть и мал — да не мал!»

Великая людям в уме благодать,
Не бойся за ум похвалою воздать!

Беда — в легкомыслии, на руку скором,
А беку поспешность чревата позором.

Поспешность и дурь, скорый гнев гордецов —
Все это приметы невежд и глупцов.

Незрелою сыростью спешка худа:
Болезни приносит сырая еда!

Степенность и мудрость в делах предпочти,
Спеши лишь молитву скорей вознести.

Не жадничай, совесть держи наготове,
Будь честен и благостен в деле и в слове.

Сквалыгу несытая алчность свербит:
Едой всего мира он будет не сыт.

И жадность — недуг, что леченьем не пронят:
Все знахари мира его не изгонят.

Голодных накормишь — и сыт их живот,
А жадных одна только смерть и проймет!

Средь жадных богатого мы не отыщем:
Весь мир прикарманит, а все будет нищим!

А бек должен совестью быть выше всех,
В деяниях совесть не знает помех.

Кто совесть блюдет, тот и всех совершенней,
Не ведает совесть негожих свершений.

Кому бог дарует и совесть и стыд,
Тому он несметные блага дарит.

Заслон от поступка негодного — совесть,
Основа всего благородного — совесть.

Она красит мужа сияньем добра
И тянет, как упряжь, к деяньям добра.

Должны быть правдивыми сердце и слово —
Народного блага и свет и основа!

А ежели беки душою низки,
Их подданных дни безнадежно горьки.

Где сердце и слово у беков лукавы,
Нейдет счастье к людям, бежит из державы.

Добра от нечестного бека не жди:
Поплатишься жизнью, беда — впереди.

Бек должен быть вдумчивым, бдительным, смелым,
Беспечному — бедствия станут уделом.

С владыкой две вещи навек скреплены:
Законность и бдительность — корни страны.

При бдительном беке правление — в силе:
Обузданы, недруги шеи склонили.

Где беком надежный закон утвержден,
Страна там в поре благодатных времен.

Две этих основы для власти — оправа:
Где есть эти блага, там власть величава.

Послушай, что молвил воитель-смельчак,
Чьей мудрою волей повержен был враг:

«О беки! Вам любо усердье элика —
Да будет и ваше раденье велико.

Усердием беков усилится власть,
От лености их ей назначено пасть!»

Будь зорок — врагов присмири и пристрожь,
Закон укрепляй — и покой обретешь.

Две вещи опасны могуществу бека,
Они его путь искривляли от века.

И два этих зла — беззаботность и гнет,
Обоими бек развращает народ.

Желаешь врага присмирить понадежней —
И оком и ухом держись осторожней.

Радетельный бек сокрушает врагов,
Беспечный — крушит свою власть до основ.

Не справятся с делом беспечные беки,
Беспечный не может быть беком вовеки.

Беспечности бдительность — ловчая сеть:
Не будет беспечных — побед не иметь!

Где зоркость — там враг подступиться не сможет,
А если подступит — бек разум приложит.

Но власть не удержат насилье и гнет:
Насилия сильных не терпит народ.

Внемли, что премудрая речь возгласила:
«Народ не навечно осилит и сила!»

Насилие — пламя, что насмерть сожжет,
Закон — это благо живительных вод!

Мечтаешь ты править в величии долгом —
Закон укреплять почитай своим долгом.

Цветут при законе страна и весь мир,
При гнете — в загоне страна и весь мир!

Владык, чье насилье твердыни ломало,
Голодною смертью погибло немало.

А беки, чьим душам любезен закон,
Вершат свою власть без порух испокон.

Элик достославный! Всех боле во сраме
Те беки, которые слыли лгунами.

В речах и в деяньях бек должен быть прям:
Народ ему верит, и счастлив он сам.

А лживые люди в поступках неверны,
Деянья неверных всегда лицемерны.

Внемли, что муж верности помнить велел,
А верность — вершина всех праведных дел:

«Все лживые в гнусных поступках едины,
А гнусность — извечное свойство скотины.

В обманщиках верность искать бесполезно:
Испытана гнусность их скотской личины!»

Муж должен быть дерзок, отважен и смел,
Да так, чтобы с недругом биться умел.

И военачальнику нужно быть смелым,
Он смелости должен придать оробелым.

Когда у несмелых отважный вожак,
В любом оробевшем проснется смельчак.

И есть подтверждение этому слову,
Всем сердцем усвой этой мысли основу:

«Когда над собаками лев — голова,
Любая собака похожа на льва.

А если над львами главенствует пес,
Собачьего будут все львы естества!»

Бек должен быть добрым, душою смиренным,
Душою — смиренным, в поступках — степенным.

Где беки щедры, там их слава прочна,
А слава прочна — неприступна страна.

К тому же и полнится рать неотступно,
А с доблестным войском все в мире доступно.

Внемли, что сказал муж о рати своей:
«Добудешь добычу — наград не жалей!

Корми, награждай, не жалея отличий,
Иссякнут дары — снова мчись за добычей.

У хваткого мужа казна не скудеет,
У птиц изобилье зерна не скудеет.

Пока муж с оружьем, он смел и силен,
Бояться ль ему бездобычных времен!»

Всесветный властитель богатства добудет:
Есть войско — воитель богатства добудет!

Страной управлять — пужно пестовать рать,
Для рати — надежный доход собирать.

Доходы добры при народном достатке,
А люди богаты при твердом порядке!

Опора падет — всем опорам упасть,
Четыре падут — и развалится власть.

Еще пять вещей для владыки запретны,
Без них его имя и слава — всесветны.

Во-первых, поспешность, корысть — во-вторых,
А в-третьих — гневливость, будь дальше от них!

Четвертое зло — быть упрямым упорно,
И пятое: лживость безмерно позорна!

И бекам сих зол избегать надлежит,
Тогда их величью ничто не грозит.

Из всех этих зол хуже всех — быть упрямым,
Упрямство чревато позором и срамом.

О том же поэт говорил, но иначе,
Внемли ему — речь твоя станет богаче:

«Упрямство — поклажа, что тянет назад:
Упрям, как неезженный конь, — говорят.

Упрямство вредит нам страшнее врага,
А розны ли недруг и враг-супостат!»

Желаешь, элик, ты обширных владений —
Три дела старайся свершать совершенней:

Ты правой рукою врагов побивай,
А левою — щедро дары раздавай,

И всех сладкоречной беседою жалуй:
Покорны ей все — и великий и малый.

Сколь нужно все это для бека, элик,
Людьми он любим будет, славой велик!

Да будет он мягок, приветлив и сладок,
Да держится всюду он добрых повадок!

И, кроток душой, щедротою широк,
Да будет он в милостях столь же высок!

И если постиг он все доблести эти,
В нем злого-негожего нет и в примете.

Такому людьми сан избранника дан,
А избранным, лучшим — неведом изъян.

Ему покорятся народы вселенной,
Всевластный, он цели достиг сокровенной.

Разгонит он всех, кто спесив и жесток,
Да так, что вовек к ним не сыщут дорог!

А суетность, наглость, бездумье — пороки,
От коих благие должны быть далеки.

С порочными беку дружить не пристало:
Приблизишь их — бедствий претерпишь немало.

Бек светел, а черни быть темной дано,
И белое с черным родства лишено.

Желанно тебе быть достойным владыкой —
Ты доблестным будь, о муж чести великой!

А если бек темен, как сам смертный грех,
То он меж порочных порочнее всех.

Приятным бек должен быть, ладным на диво,
И — среднего роста — сколь это красиво!

Приятный на вид будет всеми любим,
И все, как один, залюбуются им.

Врагов да крушит он смелей и жесточе,
Слепя своим блеском смотрящему очи!

А рост, если очень высок, — нехорош,
А в малом — подавно красы не найдешь.

А ежели так, средний рост — самый ладный:
Кто — среднего роста, тот — стати изрядной.

Внемли, что сказал многоопытный муж,
Познавший страду жизни хлопотной муж:

«Кто мал, неказист, тот всегда раздражен,
А злоба к раздорам вела испокон.

Все средним должно быть — сложенье и рост,
Все — в меру, о мудрый, — таков уж закон!»

Бек должен чуждаться вина и разврата:
Два зла эти — верная счастья утрата.

Где беки-владыки на сладкое падки,
Там горько народу — дни люда не сладки.

А если властителя к играм потянет,
Он всех разорит, да и сам нищим станет.

А дело упустишь — как силы ни трать,
Взлетевшую птицу не сможешь догнать.

Внемли, что сказал муж ученый — дурному,
Бранивший глупца за привычку к хмельному:

«Ты, пьяница, — раб своей глотки, — не пей:
Путь нищенства станет бедою твоей!»

Бедняк пропивает свои лишь пожитки,
А пьянствует бек — вся держава в убытке.

Сжирает богатства вино — лютый враг,
А пьющих доводит до ссор и до драк.

Напившийся глупым, безумным бывает,
А разве безумец разумным бывает?

Внемли благородного мужа завет,
О раб своей глотки, прими сей совет:

«Напьешься — забудешь потребное мужу,
И все непотребное лезет наружу!»

И сколько дурного хмельные творят,
И сколько добру они ставят преград!

И если бек падок до игр да хмельной,
Ему ли до дел управленья страной!

От смуты разврата и счастье бежит,
И беку в разврате — погибель и стыд!

У счастья должна быть безгрешной основа:
Благие начала — опора благого.

Когда бек — развратник и пьяный смутьян,
Весь подданный люд и разболтан, и пьян.

Бек может бороться с порочностью люда,
А бек если худ, то не выправишь худа!

Все грязное моется чистой водой,
А что можно вымыть водою худой?

Лишь лекарь лекарство дает для леченья,
А лекарю кто принесет исцеленье?

Бек должен быть мужем достойных примет,
А подданным путь — за владыкой вослед.

Где беки законы блюдут непреложно,
Лишь там и в народе степенность возможна.

И эти слова стих такой подтвердит,
Узри, что за смысл в этом слове сокрыт:

«Какою стезей властелины идут,
По той же ступает и подданный люд.

И если властитель на добром пути,
Путь подданных тоже хорош, а не худ!»

И вот еще: спесь и гордыня убоги,
Кто чванен, тот с праведной сбился дороги.

Все беки, взнесенные счастием ввысь,
Без спеси о благе народа пеклись.

Послушай, что сказано знающим мужем,
Достойным и все понимающим мужем:

«Все беки, любившие чванную спесь,
Презренье, мой сын, познавали доднесь!»

У скромных все ладно, а чванством и спесью
Не сможет никто вознестись к поднебесью.

Где спесь и гордыня, там сердце — что лед,
А скромность величие сердцу дает.

Бек должен быть скромным и сердца благого,
А нет этих свойств — отступись от такого!

Бек должен быть скромен, душою открыт,
Прощать прегрешенья, не ведать обид.

Кто сердцем участлив, тот верным бывает,
А верный — в служенье примерным бывает.

Владыке народа радивость нужна,
Любовная к людям правдивость нужна.

Раденьем, добром можно славы достичь,
Добыть в свои сети желанную дичь.

Подобен покойнику чуждый раденья,
Ему в двух мирах не обресть награжденья.

Раденье — для блага правленья потребно,
Правлению — властность веленья потребна.

Правлением бек укрепляет закон,
И силой правленья народ защищен.

Вот стих — подтверждение этого слова,
Свидетельство — всякому делу основа:

«Правление красит чертоги владык,
Народ под надежною властью велик.

Лишь силой правленья изводят порок —
Волнения смут пресекаются вмиг!»

Основа страны, ее силы опора —
Две вещи, два корня, два твердых упора:

Закон справедливости — первый устой,
Второе — войска одарять с щедротой.

Тогда и народ справедливости рад,
И войско цветет от богатых наград.

Два этих сословья довольны правленьем —
Правитель спокоен, вольготно владеньям.

А если законы в стране не строги,
Народ беззащитен и наглы враги,

В разоре народ, и разруха бедова,
И рушится власти опора-основа.

И ежели беки не жалуют рать,
Ржавея, мечи будут в ножнах лежать.

Мечом опоясан, могуч повелитель,
А меч не при нем — он уже не властитель.

Секира и меч — это стражи страны,
С оружием беки и властью сильны.

Внемли, что сказал властелин всего мира,
Сметали врагов его меч и секира:

«О мощный властитель, будь в зоркости строг:
Бывает отравлен беспечный едок.

Секиру и меч держи твердой рукой,
Где меч наготове — там беку покой.

Бездействует враг, если действует меч,
А если меч в ножнах — покой не сберечь.

О бек, жалуй тех, кто владеет мечом,
Во всем будет лад, и беда — нипочем!»

Сказал Огдюльмиш: «О элик достославный!
Увесиста ноша заботы державной.

И править народом — нелегкое дело,
Тревогам и тяготам нет и предела.

Отрады немного, а беды жестоки,
Похвал не дождешься, щедры лишь попреки.

Куда ни взгляни — все угрозой чревато,
А радостей ждешь — их, увы, маловато!

Противников — тьма, соучастных — немного,
Упорных — немало, согласных — немного.

Бесчестных, неискренних всюду — без счета,
А люди бесчестны — опять же забота.

Куда ни посмотришь — опасность приспела,
А там, где опасность, — безрадостно дело!

Внемли, что сказал муж премудрости вящей,
А мудрое слово — что жемчуг блестящий:

«Да будь властелин с головой в целый дом,
Не верят ему те, что тверды умом.

Забот у правителя — сверх головы,
И тысячи козней бессменно при нем!»

С заботою властвует бек таковою:
Блаженство вкушал — отвечай головою!

Радеешь о жизни и сей и грядущей —
Ты вот прилежи к чему с ревностью пущей:

Чти бога, и сердцем и речью правдив,
Молись, волю бога в делах утвердив.

Что бог ни велит — будь к смиренью готов:
Служенье — обязанность верных рабов.

Будь мягок с людьми, сердцем чуток и прям,
И повод быть добрым отыскивай сам.

Твори людям благо, не делай им зла,
Будь добрым, круши все пороки дотла.

Тогда блага жизни все будут с тобой,
Лежи, паслаждаясь блаженной судьбой!

А смерть подойдет — будь надеждой ведом,
Что бог за добро награждает добром!

Вот слово мое — ты услышал, элик,
О доблестях, нужных для блага владык.

И мужа, что доблестям этим — приют,
Правителем ставят и беком зовут.

И муж этот — людям надежный вожак:
Все люди вкушают дары его благ.

Внемли, что сказал муж, высокий умом,
Всем людям пример, и премудрый притом:

«Когда бек и мудрый, и умный, и правый,
Сердечность и ум наградят его славой.

А будет он щедр и умен — безусловно,
И власть его будет добра и любовна.

Он должен быть кротким, спокойным и скромным,
Прощающим ближних с терпеньем огромным».

И если он в доблестях сих искушен,
Введет он для подданных добрый закон.

И там, где правитель столь славных высот,
Не ведают бед и страна и народ.

Там светочем счастья сияет страна,
Да жаль, даже доблестным смерть суждена!

Вот то, что я понял, достойный элик,
Поведал я все, что мой разум постиг!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Да, — молвил элик, — твой ответ справедлив, —
Ты все рассказал, ничего не забыв.

Но вот еще что я хочу разуметь,
И ты на вопрос мой открыто ответь.

Скажи: если доблести бека велики,
Каким же везир должен быть при владыке?

Ведь он, верно, должен упрочить казну,
Чтоб холить народ, города и страну,

Законы блюсти и за всем надзирать
И доброй заботой задабривать рать,

Чтоб жили бы люди, не ведая зла,
А добрая слава владыки росла?»

29

Огдюльмиш рассказывает элику о том, каким должен быть муж, пригодный для должности везира

Ему Огдюльмиш отвечал: «О элик,
Опорой везир должен быть для владык.

Властителю должность везира нужна:
Хороший везир — беку доброго сна!

Везиру — нести его тяжкую кладь,
Везиру — основы основ укреплять.

Ему самым избранным быть надлежит,
Пока ум понятлив, а сердце стучит.

Умом и познаньем, как море, глубок,
Он в поте лица должен все делать в срок.

Ему честь и честность должны быть сродни,
Чтоб в поисках истины шли его дни.

Лишь мудрый для крупного дела пригож,
Муж чести великой — всецело пригож.

Ему рассудительность, знанья нужны,
Сметливость и дар обаянья нужны.

Разумный достойное сеет зерно,
Ему, не зачахнув, взрасти суждено.

Он должен быть праведным в вере, прямым,
Тогда он доверьем народа храним.

Кто праведен, тот лучше всех из людей,
Скорбящим от горя он — врач-чудодей.

Муж праведный зоркостью мысли велик,
Далекий от зла, он все тайны постиг.

Народу глава он — за беком вослед,
Владыке нужны его труд и совет.

Без роду и племени муж нехорош,
А кто нехорош, тот в везиры не гож.

Лишь тот славен верностью, кто родовит,
Безродный людей вероломством язвит.

Внемли справедливого мужа слова,
А муж справедливый — народу глава:

«Мужи родовитые знатны по роду,
Их верность — надежная помощь народу.

Хоть сахаром пичкай утробы безродных,
Жестокость присуща безродному сброду!»

Везиру и совесть и честность нужны,
Бессовестным быть — хуже всякой вины.

И надо быть скромным, не алкая благ, —
Не ведает сытости алчность у скряг.

Тот истинно славен, в ком совесть жива:
Кто совесть имеет — всем людям глава.

Доверь ему смело любые дела:
Имеющий совесть — преграда для зла.

Бессовестный — самый дурной человек:
Язык его правды не скажет вовек.

Внемли мужа совести добрый завет,
От чистого сердца дает он совет:

«Подальше от тех, кто бессовестен, стой,
Их — взор выдаст сразу, враждебно пустой.

Бесстыжий с лица — что бесплотная кость,
Внутри у него — безысходная злость!»

Стыдливым за совесть — и честь и почет,
За совесть и слава им есть и почет.

Муж должен быть ладен, прекрасен челом,
Полезен народу и правдой ведом.

И если муж честен и нравом не крут,
На благо народу идет его труд.

А если нечестен ведущий дела,
Все криво у бека, и бед — без числа.

Слуга должен быть прямодушен и прям,
Тогда бек его и допустит к делам.

Хорош и в деяньях, кто с виду хорош,
Полезен народу, кто нравом пригож.

А с виду хорош да пригож — не забудь:
У ладного обликом ладна и суть.

И мысль много знавшего мужа мудра,
Познал он различие зла и добра:

«Единое облик и сущность роднит:
За внешней красой нрав такой же сокрыт.

По виду обличья о сути суди:
Вид — сути подобен, по сути — и вид!»

Везир — тот, кто ладен, величьем богат,
А ладен везир — и в делах будет лад.

Он должен быть вдумчив, расчетлив весьма
И ведать премудрость наук и письма.

Расчетливым быть — его дело и труд,
Не будет расчетлив — дела не пойдут.

С расчетом дела человек поведет —
Сочтет он их на день, на месяц, на год.

И в слове «расчет» говорится про «счет»:
Где счет да расчет, там неведом просчет!

Не будешь умен — все пойдет наобум:
Людскими деяньями ведает ум.

Что люди поймут, то запишут письмом,
Запишут — и все уже сведущи в том.

И признак ума — в разуменье письмен:
Муж, знающий письменность, очень умен.

Несведущ в письме человеческий сын —
Не знать ему счета идущих годин.

Когда мудрецы бы не создали книг,
Кто счета бы суть и основу постиг?

Еще до создания мира творец
Скрижаль сотворил и наладил резец.

И ангелам бог начертать повелел
Весь список рабам предуказанных дел.

Нужны тихий нрав, доброта языка,
Тогда людям будет дорога легка.

Кто кроток, тот будет друзьями любим,
И людям приятно общение с ним.

Внемли слову мужа, что кроток душой,
А кротость души — это дар небольшой:

«Кто кроток душой — всех людей покорил,
А сердцем жестокий — всем людям не мил.

Смиренный да смирный познает почет,
А гордый да твердый не знает высот!»

Везиром быть должен всесведущий муж,
Причастный к науке всеведущей муж.

Он должен быть праведен, прям и правдив,
И честен, и добр, и во всем справедлив.

И должен он вдумчиво делать дела
И ведать отличия блага и зла,

И знать в услуженье безропотном толк.
Быть честным душою и ведать свой долг.

Того, кто всех доблестей этих достиг,
В везиры призвать к себе может элик.

И если везир у владыки такой,
И бек и народ обретают покой.

И все у элика нак надо течет:
В расцвете страна, богатеет народ.

Негожий везир — это гибель страны:
В разрухе богатый и бедный равны!

Хороший везир людям благо несет,
А в пользе народа — владыке почет.

Внемли слову мужа, чьи знанья — река,
Чья доблесть в познаньях была велика:

«Когда бек и речью хорош и душою,
Идут его слуги дорогой прямою.

А ежели бек всех неволит жестоко,
Идут его слуги дорогой порока».

У доброго бека и слуги добры,
И беку не ведать печальной поры.

И ежели бек и не зол, и не лих,
К себе не приблизит он злых и лихих.

Дурного с дурным так и тянет сойтись,
Достойный, с достойным сдружиться стремись!

Хороший с дурным не сойдутся вовек,
Прямому с кривым не сомкнуться вовек.

Тьма ночи — не ровня сиянию дня,
И влага — не пара пыланью огня.

Захочешь узнать, кто хорош, кто негож,
Спроси, кто им близок, — и сразу поймешь.

Любезно всему в свое стадо идти,
Стой прямо — к кривому не надо идти!

И стих может правду сего подтвердить,
Прочтеньем его свою душу насыть:

«На всех — на ходячих, летучих — взгляни:
Все держатся близких — похожей родни.

Дурное с хорошим не сблизишь вовек,
Всему есть чета — так велось искони!»

Везиру при беке наперсником быть,
А значит — ему как бы сверстником быть.

И добрый бедняк да не дружит с дурным:
Дурной — тяжкий груз, совладаешь ли с ним?

А где бек достойных к себе привлечет,
Стране — благоденствие, беку — почет.

А если уж беки приблизят дурных,
Все плохо, и слава дурная у них.

Найдется подобный везир, о элик,
Народ крепко спит, бек блаженства достиг.

И бек обретает желанное враз:
Любой исполняется точно приказ.

Народ богатеет, в расцвете страна,
Казна нарастает, добры времена.

И слава владыки навек молода,
И власти его не подточат года.

Тогда — оба мира обрел властелин,
И счастливы дни его долгих годин!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял, — ответил элик, — все слова,
В речах этих добрая правда жива.

Скажи мне теперь: возглавляющих рать
В военных делах что должно отличать?

Как войско возглавить и в битву вести,
Оплошных шагов не свершив на пути?

Скажи мне, кто годен для этих трудов —
Громить вражьи силы, крушить всех врагов?»

30

Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, возглавляющий войско

Ему Огдюльмиш отвечал: «О элик,
Суров будь с врагами и силой велик.

Да, беку потребен водящий полки,
Чтоб сна и покоя не знали враги.

Муж нужен могучий для этого дела,
Все в жизни видавший и бьющийся смело.

Искусство великое — править войсками
И в бой их водить для побед над врагами.

Он должен быть зорким и бдящим всегда,
Чтоб войско в бою не настигла беда.

Он должен быть храбрым и метким стрелком,
И щедр и широк — с хлебосольством знаком.

Да, должен быть щедрым начальник-воитель,
Тогда лишь он — лучшим мужам предводитель.

Готов он все всем раздавать без изъятья —
Соратники будут при нем и собратья.

Раздаст он одежды, оружье, коней —
И к славе всесветной пути нет верней.

Пусть он для потомков не копит добра,
Не жаждет угодий, садов, серебра.

Пусть он утверждает мечом свое право:
Что взял — то раздай, и — возвысится слава!

Да будет он щедр, всех кормя, одевая,
Коней и невольников всем раздавая.

Несчетных мужей соберет его меч,
Горой за него они рады полечь!

Ему нужно смелым и знающим быть,
И стойким, и в битвах дерзающим быть.

А воин трусливый в сраженье не нужен:
Кто слаб да труслив — только с женами дружен!

Трусливые страхом всю рать разлагают
И смелых, трусливым под стать, разлагают!

В бою надо смелым и сдержанным быть:
Враг двинет коней — не поверженным быть.

Любому прийти может смертный черед,
А час не настал — и храбрец не умрет!

Внемли, что сказал муж, врага победивший,
О смерти не думая, недругов бивший:

«До времени смерть над рожденным не властна,
Завидев врага, не пугайся напрасно!

Будь смелым, как пламя, сражайся с врагами:
До смертного дня тебе смерть не опасна!»

Муж должен беречь и хранить свою честь,
Бороться с врагами, готовя им месть.

Муж чести любого врага сокрушит,
Бежит от врага лишь утративший стыд.

Трус, помня о чести, становится смелым,
Но гибнет смельчак, если стал оробелым.

У смелых душа духом чести богата:
Муж чести умрет, лишь круша супостата.

Муж смелый и правый, но кроткий душой,
Любим всем народом любовью большой.

Кто скромен, тот греет людские сердца,
Отвратна для воинов речь гордеца!

И ежели военачальник — надменный,
Падет он от мести врага непременной.

Он, этот гордец, беззаботно кичливый,
Падет или недругу станет поживой.

А если муж стоек, величествен, смел,
Он славится доблестью воинских дел.

Он должен быть твердым — грозой для дурных,
И добрым — с такими, кто кроток и тих.

Глава над войсками для власти — опора,
Где лад в ратном деле — правление споро.

Где сильная власть, там и рать — для защиты,
Где войско возглавлено — воины сыты.

А если не будет у войск вожака,
Считай, о элик, что погибли войска!

С дурным — обходительным быть надлежит,
С достойным — почтительным быть надлежит.

Всех лучших пожалуй достойной наградой,
Ничем не неволь их, чем можешь — возрадуй!

Всем любы награды, добро — животворно:
В ответ на добро люди служат покорно.

О муж добронравный, сей речи внемли,
Прочти этот стих и себя взвесели:

«Будь добрым — и вольный рабом тебе станет,
В путь истины только добро и заманит.

К тебе человечны — будь сам человечен,
На этой основе добро не престанет!»

И свойства нужны для возглавивших рать,
С какими дано им врага покарать.

В бою смелость львиную надо иметь,
А хватку тигриную надо иметь,

Кабанье упорство и волчий бросок,
Медвежью свирепость, олений наскок.

Воитель, как лисы, будь хитростью лют,
И яростен, словно взбешенный верблюд.

Да будет муж бдителен — зорче сорок,
Да будет, как ворон в горах, дальнооок!

Да будет во гневе он яростней льва,
Да будет недремлющим, словно сова.

И тот, кто подобных даров удостоен,
Достойный воитель и подлинный воин.

И воин-воитель от века таков —
И мстящий врагам, и громящий врагов.

Должны быть хлеб-соль и еда — по нему,
Одежда, оружье — всегда по нему.

Муж сыт, напоен — он и бьется бедово,
Еда и питье — его жизни основа.

Внемли, что сказал муж из рода Ыла:
«Познавшему толк в хлебосольстве — хвала!

Прославиться хочешь — корми посытней,
Жить хочешь в довольстве — еды не жалей!»

И тот человечнее, совестью чище,
Кто жалует воинов щедростью пищи.

Величия хочешь — корми и пои,
Лишь этим продлишь ты и годы свои!

Вот доблести, что полководцу нужны
Для лучших успехов в веденье войны:

Во-первых, будь честным, прямым и правдивым,
Народ не поверит обманным призывам.

Второе — будь щедрым, всех жалуй добычей,
Корыстный — без войска, таков уж обычай.

И третье: будь смелым, сражайся с задором,
Лишь трусу привычно прикинуться хворым.

В-четвертых, знай хитрости разных уловок:
Осилит и льва тот, кто в хитростях ловок.

Готовят прорыв лишь упорством умелым,
А воинов в бой вести — нужно быть смелым.

Когда полководец — сих доблестей муж,
Врага побеждай, славу недруга рушь!

И если сей муж возглавляет войска,
Десница его для врагов нелегка.

Едва лишь к врагу обращает он взор —
Ни сна, ни покоя врагу с этих пор.

Для войск не бессчетность важна, а добротность,
А доброму войску — в оружье бессчетность.

И грозная рать без главы-вожака —
Безглавая рать: она в битве жалка.

Муж опытный молвил: «Управишься с боем,
Владея двенадцатитысячным строем».

Изрек муж, познавший в бою торжество:
«Четыре лишь тысячи нужно всего!

В растянутом войске — всегда суматоха:
И строй не наладить, и править им плохо!»

Муж славный сказал: «Для победы наладь
И храбрую и оснащенную рать!»

Внемли, что прославленный воин изрек,
Тебе в его слове — совет и урок:

«Для войск не бессчетность потребна, а сила,
Да чтобы оружье отличное было!
Налаженный строй — лучше рати несметной:
В растянутом войске все худо и гнило!»

И военачальник, возглавивший рать,
Обязан в дела свои близко вникать.

Заставы обязан он выслать дозором,
Тогда будет чуток он слухом и взором.

Он вышлет заставы — дозорный отряд
Разведает, много ли вражьих засад.

Должна быть приставлена к войску охрана —
Ни дальше, ни ближе, ни поздно, ни рано.
И нужно убежище сделать — со стражей,
Чтоб зорко высматривать замысел вражий.

Знаменщик блюсти должен поле войны,
Чтоб воины все ему были видны.

И стан основать нужно в месте надежном,
Собрать там все войско и быть осторожным,

Не зная беспечности, быть начеку,
Беспечного легче осилить врагу.

Снять вражий дозор надо в дерзостной схватке
И грянуть лавиной на вражьи порядки.
Следи, чтобы враг не забрал «языка»,
Не вызнал бы, как твоя рать велика.

А вражьего взять «языка» подобает,
Проведать про вражьи войска подобает.

А выведал все — и завязывай бой,
В бою да поплатится враг головой!

И все это — дар прозорливости, ведай:
Кто в битве был бдителен — тот и с победой!

Совет тебе — мудрого бека слова:
«Мечом погоняй, если сел ты на льва!»

Два рода оружья — основа победы,
От них супостату — смертельные беды.

И прежде всего это — хитрость, обман,
Хитри, чтобы враг был до боя заклан.

Второе — будь зорок, во всем осторожен:
Блюдешь осторожность — и враг уничтожен.

И если ты бдителен, зорок всегда,
Претерпит твой недруг немало вреда.

И если у недруга войско сильнее,
Ты в бой не спеши, а готовься вернее.

Мирись, если можешь на мире сойтись,
Не можешь — доспехи надень и борись.

Готовься, обманом наскакивай ночью —
Кто ж видит во тьме твои силы воочью!

А если не можешь громить, нападать,
Послов высылай и с врагами поладь.

Будь в речи хитер, все обдумай заране,
Смолчи, не спеши к преждевременной брани.

А если удачи не даст этот шаг,
И к битве с тобою склоняется враг,

Не медли и войско налаживай к бою,
И воинов кличем зови за собою.

А битву затянешь — и недруг прозрел,
А все распознавший становится смел.

Внемли, что сказал муж, врага победивший,
Немало видавший и много поживший:

«Не видишь врага — и не знаешь, какой он,
А свидишься с ним — и твой взор успокоен.

Грянь молнией, чтоб не опомнился недруг,
Промедлишь — погибнешь, смелее будь, воин!»

До боя в засаду часть войск уведи,
А лучников двинешь — скачи впереди.

Возглавь свое войско отрядом бывалых,
Чтоб воинов вел он и в бой увлекал их.

Бывалые смелы и хватки в бою,
А смелые держат порядки в бою.

Все юные бойки в задиристой силе,
А чуть неудача — глядишь, и остыли!

Вперед и назад выставь смелых — кто лих,
А справа и слева поставь остальных.

А рати сойдутся, и битва начнется,
Отряды схлестнутся и станут бороться,

Тут выпусти стрелы из дальних засад,
А ближних брось в пики — и враг будет смят.

Мечом и секирой сражайся умело,
Зубами, ногтями терзай вражье тело.

Держись — да не видит спины твоей враг,
Борись, а не можешь — так жертвою ляг!

Внемли слову мужа, что в битвах был смел:
«Упорствуй! Упорный врага одолел!»

Невестам отрадны их брачные ночи,
Мужи тем смелее, чем битва жесточе.

Смельчак мчится в бой, чтобы жертву настичь,
Как сокол, на клочья терзающий дичь.

Муж гонит врага, весь и в пене и в мыле,
Другие заботы чужды его силе.

Муж доблестный в битве становится львом:
Сразить или пасть, а скакать напролом!

При виде врага муж челом распалится,
А в битве дано и земле обагриться!

И вот — все доспехи от крови красны,
А прежде румяные лица бледны.

И ежели конница вражья прорвется —
Держаться, стоять, до победы бороться!

А враг только дрогнет — не медли, не жди,
Преследуй, гони, наседай позади!

Настигни врагов, поскакавших в запале,
Хватай их, следи, чтоб твоих не хватали!

Зарвавшихся в гонке в ряды перестрой,
Пусть снова преследуют вражеский строй.

А враг побежден — возвратись с полдороги,
Не то возвращенья не выдержат ноги!

Поверженный враг страхом смерти объят,
А кто же стерпел ее гибельный взгляд!

Да знает, кто молод, — блюсти себя надо,
Иначе придет ли от смерти пощада!

Беспечного цепкая смерть стережет,
Не будешь беспечным — достигнешь высот.

Поведал мне опытный муж свое слово,
А слово бывалых — всех знаний основа:

«Бегущих врагов не преследуй задаром —
Сразит тебя недруг ответным ударом.

Разгромленный враг нападеньем не грянет,
Водою залитый огонь не воспрянет.

Готовится к смерти в бою побежденный,
Но мыслит о смерти на смерть обреченный!»

Добычею всех смельчаков одели,
Чтоб радостью лица достойных цвели!

Кто мужествен был — отличи храбреца,
От щедрых наград да забьются сердца!

Дурного похвалишь — и ладным он стал,
А ладный не портится и от похвал.

Похваленный воин и льва разорвет,
Настигнет и зверя и птичий полет.

Кто ранен — леченьем его исцели,
И вызволить пленных обменом вели.

Кто пал, тех с почетом вели погрести,
А детям их щедрой рукой отплати.

Одобрят все воины доблесть твою —
Все пасть за тебя будут рады в бою.

Будь ласков, приветлив и щедр на дары —
Три доблести эти добры и мудры.

И вольный за доброе станет рабом,
И жертвенный пыл воспылает в любом.

Об этом, о мудрый, и верное слово,
Посмотришь, в нем сказана правда толково:

«Приветлив, и ласков, и милостив будь —
Всех вольных к тебе привлечет этот путь.

Не золотом, не серебром привлекай —
Всем любо к трем этим достоинствам льнуть!»

Нужны полководцу достоинства эти,
И войско его будет лучшим на свете!

И злато и серебро жертвуй, о муж,
Воздастся тебе чистым золотом душ!

За три эти доблести слуги усердны,
Да будут все беки сим доблестям верны!

И ежели бек-полководец таков,
Он будет удачлив во веки веков.

И если у мужа столь добрые свойства,
Он счастлив, избавлен от мук беспокойства.

Он может везиром прекрасным служить
И военачальником властным служить.

Ему беки могут во всем доверять,
В желанном они обретут благодать».

Сказал Огдюльмиш: «О элиқ достославный!
Два дела великих есть важности главной —

Везиром служить и главою войскам,
Дан меч одному, а другому — калям.

В их веденье узы-узлы всех забот,
Едиными будут — кто их разорвет?

Над всеми должны возвышаться они,
А с беком строптивы — возьми да казни!

Полезны они, если пользе верны,
А козни их — бедствие целой страны.

Бек — избранный муж среди лучших людей,
А двое сих слуг — из отборных мужей.

Всем благо дается их верной рукой,
А в благе всех подданных — беку покой.

Сказал ведь премудрый властитель, заметь,
А мудрое слово — что добрая снедь:

«Мечом побеждает народы воитель,
Калямом правленье свершает властитель.

Меч страны смиряет, им силой грозя,
А править страной без каляма нельзя.

Меч гнетом страшит и неволит и строжит,
Но властвовать силой он долго не может.

А если калям города покорит,
К желанному путь благодатный открыт!»

Что знал я, элик, до тебя я донес,
Старался ответить на твой я вопрос!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял, — ответил элик, — твое слово, —
Еще есть вопрос, муж познанья благого.

Ответь мне, премудрость свою обнаружь:
Кто годен в хаджибы — сколь доблестный муж?

Кто быть всем хаджибам главою пригоден?
Кто в жертвенной службе душой благороден?

Кто беку и подданным будет отрадой,
Того благодарной молитвой возрадуй!

Скажи мне, — промолвил элик, — свой ответ,
Открой своей речью очам моим свет!»

31

Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, достойный должности великого хаджиба

Сказал Огдюльмиш властелину в ответ:
«Живи, благоденствуя, тысячу лет!

Великий хаджиб совершенным быть должен,
Правдивым и в вере смиренным быть должен.

Он должен быть знатен и нравом не крут —
Заботливо пестовать подданный люд.

Достойным бывает муж доброго рода,
А доблестный муж — благодать для народа.

Муж добрый — источник всех благ бытия:
Достатка в насущном, еды и питья.

Кто добр и учтив, тот отзывчив на слово,
Отзывчивость — добрым деяньям основа.

Нежаден и совестлив, щедр и умен,
Он должен быть знаньем наук умудрен.

Нежадные люди на подкуп не падки,
Срам беку — хаджиб, вымогающий взятки.

Где взятки — там в полном развале дела,
Где взятки — там хворь, и — пропали дела!

Кто совестлив, нравом хорош образцовым,
Приносит он пользу и делом и словом.

Стыдливый от дел недостойных далек,
Дурного он чужд и с негожими строг.

Достойному счастье по праву дается,
Достойному благо во славу дается.

Разумный не знает корыстных забот,
А мудрому в деле неведом просчет.

Отлично сказал муж великого знанья,
А знающим много дано пониманья:

«Быть беком — великие знанья нужны,
Невежды во всем, что ни делай, дурны.

Лишенный познаний невежда-глупец —
По виду живой, а по сути мертвец!

Лишь мудрый высот и почета достиг,
Он всех превзошел и во всем он велик.

Невежда — лишь красок случайный замес,
Ученому место — над высью небес!»

Разумным и мудрым быть надобно в деле,
Лишь мудрые люди в делах преуспели.

От разума польза крепка и мудра,
И разум — основа всех благ и добра.

Неумные — ровня деревьям бесплодным,
В бесплодных деревьях — что пользы голодным?

Разумного свет двух миров осенит,
Разумный заслуженной славой покрыт.

В разумном, ученом — вся суть человека:
Избранник, стоит над людьми он от века,

Муж должен быть ладен и ясен челом,
И голосом властен, и словом весом.

Всем должен быть люб он красою приглядной,
Войдет ли, уйдет — быть с осанкою ладной.

Муж, ладный собою, степенством влечет,
Степенным даруются честь и почет.

Он должен быть набожным, в благости зрелым,
Кто праведен с виду, тот праведен делом.

И праведный муж предан вере всегда,
Участливость к людям ему не чужда.

Муж праведный — друг человеческих бед,
На свете людей лучше праведных нет.

Хаджиб постоянно на людях, и взгляду
Краса его лика должна быть в отраду.

От этой красы увлажняется взгляд,
Сердца открываются, души блестят.

У мудрого мужа есть слово об этом,
Да будет оно тебе добрым советом:

«Сколь благостен вид красоты для очей!
Как будто во взор твой струится ручей.

Краса — это доброе знаменье, знай,
Да будешь ты благ, и — не надо речей!»

Сердечным быть надо, разумным и четким,
А лучше того — быть смиренным и кротким.

Сердечный обету быть верным привык,
Бездушный к словам лицемерным привык.

Бездушному мужу неведомо дело,
Неумному чуждо заведомо дело!

В бездушном нет сути — один внешний вид,
Душевный — с участьем к делам прилежит.

А нужно быть умным, к участью готовым,
Радеть неимущим, сиротам и вдовам.

И вдумчивым надо быть, ведать закон,
Все доблести мира — от тех, кто умен.

Кто скромен со всеми и сердца не злого,
Уста его — мед, слаще сахара — слово.

Муж должен быть светел, приветлив челом,
Красна человечность добром, а не злом.

Над словом смиренного мужа размысли:
Будь скромен, злосчастный, и в речи и в мысли!

Кто скромен, того доля счастья найдет:
На мягкость и ласку отзывчив народ.

Приветливой лаской согрет, человек
Рабом твоим верным пребудет вовек!»

Владея собой, терпеливым быть надо —
Умеренной речью, смиренностью взгляда.

Слух должен быть остр, ум и знанья сильны,
А сердце и речь правде дела верны.

Все надо уметь и в письме быть умелым
И все свои знанья оправдывать делом.

Все знать и радеть обо всем до конца
Великий хаджиб должен в поте лица.

И если подумать, суть дел разумея,
Служенье хаджиба — всех служб тяжелее.

Зовешься хаджибом — всем этим владей —
И сможешь вести за собою людей.

Об этом сужденье поэта глубоко,
Несведущим слово его — будто око:

«Хаджиб должен десять достоинств иметь:
И оком, и слухом, и сердцем владеть,

Быть умным и статным, красивым и ладным,
Разумным и мудрым, и — делу радеть!»

И сколько элику ни выпадет срока,
Великий хаджиб — его бдящее око.

И если хаджиб все законы блюдет,
Для них нет закрытых путей и ворот.

И сказаны мудрые речи об этом,
Да внемлют и следуют этим советам:

«Заботы хаджиба — великое дело,
Лишь опытный муж с ними сладит умело.

Хаджибом ли, беком быть — дел без предела,
Крупны ли, малы — всем отдайся всецело!»

Писец ли придет, казначей ли — прими,
Портной ли, сапожник — знай дело с людьми.

С чужим ли, с послом — надо дело вести,
Подарки, награды раздай, угости!

Ему — всем ночлег дать, подумать про снедь,
Довольным помочь и бездольных жалеть.

Ему — и гостей поджидать на пути,
Ему — и закон неотступно блюсти.

Ему — бедных, вдов и сирот защитить.
Всех выслушать, всех в свой черед защитить.

И если просителей горе гнетет,
Помочь, пособить им и делу дать ход.

И где неполадки — вовне ли, внутри,
Поставь им заслоны и зло присмири.

Все эти заботы трудов его ждут,
Великий хаджиб в них влагает свой труд.

Всем этим делам его помощь дана,
А в чем есть просчеты — его же вина!

Хаджиб, о элик, должен быть осторожен,
А в нескольких случаях — очень надежен.

Долг первый его — волю бека блюсти,
Второй долг — все страсти умом оплести.

И третье — следить за собой каждый миг,
От лишних речей удержать свой язык.

Пусть взяток не терпит он в службе своей
И к беку приблизит достойных людей.

Когда видишь в людях два свойства дурных,
Элик, избегай полагаться на них:

Во-первых, язык, если лжив он, лукав,
Второе — нечестность, увертливый нрав.

В ком оба греха воедино сошлись,
Того ты, элик, приближать берегись.

У слуг и еще есть три рода забот,
Кто в них нерадив — ни за что пропадет.

Чью речь ни услышал — язык свой запри,
Увидел оплошность — глаза притвори.

И третье — во всем справедливость храни,
Во благо тебе да пройдут твои дни!

Внемли же, слова мудреца не забудь,
Прими сей совет — будет добрым твой путь:

«Не хочешь беды — слово бека храни,
Цела голова — избегай болтовни!»

Предашь людям тайну — прощай голова,
Лишишься зубов, если любишь слова!

Немало я видел дурных болтунов,
За сплетни они не сносили голов.

И сколько я слышал: язык не смолчит,
Откроется тайна — сболтнувшему стыд.

И слово премудрого мужа усвой:
«Несдержанный платит за все головой!»

И нужно хаджибам себя соблюдать:
Держи острым глаз, слов излишних не трать!

К владыке, пока не зовут, не входи,
О деле не спросят — молчанье блюди.

Внемли слову мудрых, над ним поразмысли,
Речь мудрых — стезя к разумению мысли:

«Явись властелину в назначенный час
И речь заводи, лишь услышав приказ.

Свое предуказано время всему,
Чему срок пришел, то открыто для глаз!»

Вот нужно каким быть по свойствам и знанью,
Великий хаджиб правит мощною дланью!

Сказал я тебе все, что знаньем постиг,
И это — ответ на вопрос твой, элик!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял, — ответил элик, — и опять
Тебе на вопрос я велю отвечать.

Каков же дворцом управляющий муж
И должность сию исполняющий муж?»

32

Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж — управитель дворца

«Достойный элик, — отвечал Огдюльмиш, —
Да ведаешь ты и блаженство и тишь.

Всепреданным должен быть сей управитель,
Да служит душой своей всей управитель.

В ночи во дворце он, как солнце, взойдет,
И там же встречает он солнца заход.

Служа, должен знать он закон и обычай,
И должен быть мужем высоких отличий.

И, щедр, хлебосолен, он должен добром
Мужей привлекать к себе — златом-сребром.

Он на ночь посты ставит, прежде, чем ляжет,
Всем службу назначит, всем место укажет.

О пришлых ему разузнать надлежит,
Неспящих призвать и принять надлежит.

Когда лишь присмотрит, как заперт дворец,
Дневной его службе приходит конец.

И вновь во дворце он с зарей — утром рано,
А на ночь налажена им же охрана.

Придет час приема — он первым войдет,
А ждущим назначит по чину черед.

И выйдет он, всех подготовив к приему,
Входить вслед за ним и тому, и другому.

А воины входят с отбором, не сплошь,
Ему и следить, кто пригож, кто не гож.

Прием завершен — входит сам управитель,
Непринятых воинов — он представитель.

У них разузнав суть их просьб и обид,
Просящих о помощи — он защитит.

Одним — серебра даст в награду и злата,
Другим новый пост или званье — отплата.

Кто служит с любовью и сердцем правдив,
Кто худ и в служенье своем нерадив,

Кто к делу пригоден, пригож и полезен,
Кто доблестен, славен, хорош и полезен,

Он беку расскажет, кто чем знаменит,
Отметит, возвысит, почтит, отличит.

И, выйдя от бека, он добрым указом
Согреет просителю сердце и разум.

Укажет он всем, где им встать и где сесть,
И все без ошибок он должен учесть.

Увидит пришельцев — чужих по приметам,
И всех, как собратьев, почтит он приветом.

Следит он, когда угощенье внесут,
Чтоб не было где неудавшихся блюд.

Напитки внесут — он следит и за ними,
Чтоб их не касались руками дурными.

А яства уносят — опять он следит
За тем, чтоб раздали дары без обид.

И сколько раздать ему надо съестного,
Дарами почтив и того, и другого!

Два блага крепят славу бека всегда:
У входа — бунчук, а в покоях — еда! *

Два блага и славу дворца приумножат —
Величию бека путь счастья проложат.

Два мужа есть знатных — хаджиб-управитель
И старший привратник — дворцовый смотритель.

Два мужа сих — слава дворца, его честь,
Их доблесть должна эту славу вознесть.

Постельничьи, чашники и повара —
Под их наблюденьем с утра до утра.

Сокольничим, лучникам и звероловам —
Всем надо заданье дать делом и словом.

И даже к себе направляясь домой,
Гостей к угощенью веди за собой!

Накормишь гостей, напоишь доотвала —
Глядишь, без даров им уйти не пристало!

Себе лишь коня сохранишь да доспех,
А все остальное — подарки для всех.

А если чужие на службу приспели —
Прими, дай жилье им, пристрой их при деле.

На службе за ними получше смотри,
Корми да коней и одежды дари!

Изволь все узнать обо всех, как ни сетуй,
Кто сыт, кто не сыт, кто нагой, кто одетый.

И если кого стали беды гнести,
Отплатой потери ему возмести!

И ежели кто не пришел на прием,
Узнай, расспроси, доложи обо всем.

Кто болен, того навести и проведай,
А кто нерадив — разберись с приведой.

Властителю служишь — так верность нужна,
На радость владыке усердность нужна.

Внемли, что сказал в службе опытный муж,
Прославленный службой безропотной муж:

«Кто служит, быть верным ему надлежит,
Служа, быть усердным ему надлежит.

И ежели предан и верен слуга,
Основа владычества бека долга!»

Кто предан, корыстною думой не занят,
Тут пользе владыки служить не устанет.

Полезен терновник — ему я покорен,
Цветок вредоносен — подрежу под корень!

И ежели предан слуга властелину,
Его предпочту я неверному сыну.

Изменит родня — отрешись от родни,
Полезного друга — люби и цени!

Язык должен мягким быть, слово — смягченным,
Душа — присмиренной, чело — просветленным.

Нахмуренный лик, злая речь — леденят,
Навеки в душе остается их яд.

Об этом есть правильный стих, не забудь,
В нем смыслом уловлена самая суть:

«Бранчливое слово и злобная речь —
Что пламя душе, а для тела — что меч.

И тяжким раненьям дано заживать,
А злобе дано нескончаемо жечь!»

Когда бек верхом — в бранный бой ли поскачет,
Охоту, объезд ли, игру ли назначит,*

Тут надо его неусыпно беречь —
Защиту от бедствий ему обеспечь!

Все беды случаются — ведай заране,
Когда бек в седле — на охоте и в брани.

И кто ненадежен — держи их вдали,
Вниманье сомнительным всем удели.

А тех, что надежны и в верности рьяны,
Держи ближе к беку — для верной охраны.

И спереди в войске — охранный отряд,
И тыл его смелые зорко хранят.

И малым отрядам, и крупным отрядам,
И дальним, и ближним — идти своим рядом.

Места во дворце есть — сидеть и стоять,
И так же, о доблестный, строится рать.

Муж верный, дворцовых порядков блюститель
Таким должен быть, о всесветный властитель!

Таков вот дворцом управляющий муж —
При беке дела совершающий муж.

Сказал я — ты слышал, элик, верь поруке:
Найди себе мужа по этой науке!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял, — элик отвечал, — твое слово,
На новый вопрос ты ответствуй мне снова.

Властители мира, ты знаешь, конечно,
Послов шлют в чужие пределы извечно.

Скажи мне все то, что ты знаньем обрел,
Каков посылаемый в страны посол?

Каким должен быть муж для дела посла,
Чтоб вера в него у владыки была?»

33

Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, отправляемый послом

Ему отвечал Огдюльмиш: «О элик,
И в эту премудрость ум знающих вник.

В после редкий дар воплощен должен быть:
Разумным и знающим он должен быть.

Из божьих рабов, что достойны хвалы,
Всегда лучше многих бывали послы.

Послами вершатся благие дела,
Их доблесть величье тех дел вознесла.

Быть мудрым, степенным послу надлежит,
Он должен быть в мудрости слов даровит.

Он должен все тонкости слов превзойти —
Уметь и пропащее дело спасти.

Внемли, что сказал муж, весь мир покоривший,
Премудрым владыкой народов прослывший:

«Муж мудрый над всеми возвышен, пойми,
Того, кто разумен, и ставь над людьми!

То дело, которому ум — вожаком,
Главнее всех прочих — я с этим знаком!

К чему муж разумный свой ум ни приложит,
Он все покорить, подчинить себе сможет.

Где ум и познания дело ведут,
Успешен любой, самый тягостный труд!»

Посол должен предан быть, сердцем широк,
В делах безупречен и в честности строг.

О благе владыки радеет слуга —
Любовь к властелину ему дорога.

Знай: предан лишь тот, кто в служенье хорош,
Будь рад, если верного мужа найдешь.

Сердечный слуга — ближе сердца в груди,
Он — кровь твоя, сам обо всем рассуди!

Корыстный — невольник корысти своей,
И должность посла — не для жадных людей.

Нежадный и нищ, а богатым слывет,
Терпеньем во всем достигают высот.

А жадные — скряги, быть скрягой — позор,
Порочными скряги слывут с давних пор.

И вот что нежадный сказал, разумей,
Нежадный богаче любых богачей:

«Кто жаден — корыстью себя же беднит,
Он рад проглотить целый мир, а не сыт.

Кто алчен, тот — собственной алчности раб,
Спасет только смерть из лихих ее лап!»

И ладно сказал муж, познаньям учивший,
Сквалыгу своим назиданьем учивший:

«Богатым быть хочешь — корысть заглуши,
Копи, о достойный, богатства души.

Достойнее бека нежадный бедняк,
И бедные лучше властительных скряг.

Корыстный властитель — бедняк бедняком,
А раб бескорыстный — с величьем знаком!»

И нужно быть кротким: кто скромен и тих,
И мягок — достигнет познаний больших.

Нескромный — презренья изведает гнет,
А к истине совесть одна лишь ведет.

Кто тих и спокоен — познает почет,
А мягкость — сердца всех людей привлечет

И ежели муж просвещен и умен,
Умом все дела подчинит себе он.

Прочти этот стих, его смыслу внемли,
Чтоб делу помочь твои знанья могли:

«Все знаньем постигни, обдумай все зрело,
И счастье твое да не знает предела!

Лишь разум поможет желанному сбыться, —
Познай и пойми, а потом уж — за дело!»

Умом постигают премудрость письмен,
А чтением книг станешь пуще умен.

Кто пишет, читает, внимает словам,
Тот знанья и разум растит в себе сам.

И тот, кто все доблести эти постиг,
Сияньем ума озаряет свой лик.

Читающий книги суть слов познает:
Стихи понимает и сам создает.

И должно знать звезды и сны толковать —
По их показаньям уметь врачевать.

Счисление знай, землемерьем владей,
Знай корни из чисел, расчет площадей.

И нард и шатранч надо ведать,* да так,
Чтоб насмерть в игре был повержен твой враг.

Човган надо знать и метание стрел *
И ведать искусство охотничьих дел.

На всех языках надо речью владеть,
Знать все письмена и в письме преуспеть.

И ведай: все это познавший посол
В желанном надежное благо обрел.

И если посол прозорлив и смышлен,
У бека — пора благодатных времен.

А если посол неудачлив и худ,
Его властелина хвалой не почтут.

Посол должен быть мужем доблестных дел,
Тогда он в деяньях удачлив и смел.

Уловки везде ожидают посла,
Разгадку нашел — ему честь и хвала.

И что бы ему ни сказали мужи,
Пойми да усвой и в уме придержи.

И если посол все уменья постиг,
Властитель его будет славой велик.

Внемли, что мудрец седовласый изрек,
Кто сути не понял — умом недалек:

«В ком доблестей много, тот славой покрыт,
Без доблестей старятся в доле обид.

Кто доблестен, тот меж людей знаменит,
Кто доблестней всех — вольной птицей взлетит!»

Кто на руку ловок да разумом скор,
Пригнет до земли он вершины всех гор.

И нужно быть скорым на умный ответ —
Главенствовать словом в любой из бесед.

И нужно не пить и себя соблюдать:
Владеешь собой — обретешь благодать.

От хмеля и умный становится глуп,
И вовсе дуреет глупец-винолюб.

Вино и познанью и разуму враг,
И верный исток всех раздоров и драк.

Любой, хоть умен и премудр он стократ,
Привыкнув к вину, вносит в дело разлад.

Любой, как ни совестлив он и пригож,
Напившись, негожее делает сплошь.

И жаль, что негожим пристрастье дано
И разум и честь продавать за вино!

Не пей же — все счастье утратишь вконец,
Кто пьет, тот совсем безнадежный глупец!

Проглотишь вино — изойдет болтовня,
А ей дано жечь тебя, словом пьяня.

Вниманьем своим ладный стих не оставь,
Он все объяснит тебе — тайну и явь:

«И пить, и пьянеть — свойство гадкое в муже:
Все тайны души сразу будут снаружи.

Разумный, хмелея, весь разум утратит,
А глупый напьется — стократ станет хуже!»

Должны быть прекрасны и сердце и речь,
Язык свой и разум пристало беречь!

Приятен тот муж, чей воздержан язык,
Кто речью хорош, тот и делом велик!

Что скажут — запомни, но в сердце держи,
Услышал — будь стойким, другим — не скажи.

И надо быть ладным с лица и на вид:
Послу отличаться от всех надлежит.

Будь мужествен, ревностно делу радей —
По этим двум доблестям ценят людей.

И должен быть мягким и сладким язык,
Смягчатся от слов твоих мал и велик.

В деяньях посла много значат слова,
И доброе слово — залог торжества.

Элик достославный, такого найдешь —
Для дела посольского он и пригож.

Пошли его смело в любой дальний дол:
Чужбина — не близко, да близок посол!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял, — ответил элик, — твое слово,
Еще есть вопрос, отвечай мне толково.

Что скажешь ты мне, я услышать хочу,
А я за послугу тебе отплачу.

Каким должен быть письмоводец-писец,
Чтоб бек ему мог доверять, о мудрец?»

34

Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть писец-письмовод

«Элик, — отвечал Огдюльмиш, — это дело —
Для тех, кто по разуму действует, зрело.

О бек, я поведаю этим рассказом
Всю правду об этом, что понял мой разум.

Как ни был бы бек и премудр и толков,
А нужен писец для писания слов.

Писцу — ведать тайны, их мало ли, много,
А все сохранять и беречь надо строго.

Лишь честный заветное строго блюдет,
Доверие — верящий в бога блюдет.

А если писец не блюдет уговора
И тайну предаст, бек сгорит от позора.

И как властелин своих тайн не хранит,
Ему двум мужам их вверять надлежит.

Писец и везир — оба в чине особом:
Все тайны вверяют двум этим особам.

Обоим довериться словом изволь,
И жаловать их быть готовым изволь.

Двум эти мужам доверяешь ты слово,
Предаст хоть один — твое дело бедово!

Совет Отюкенского бека хорош:
«Кому вверишь слово, того и пристрожь!»

О ты, кому верят, будь верен обету,
Не сдержишь — глядишь, головы твоей нету!

Подобен открытой пещере твой рот,
И слово — что лучик зари: лишь блеснет,

Глядишь, а уже ярко светит повсюду,
И всем слышно слово твое — всему люду.

Из уст изойдут то огонь, то вода,
От них много блага и много вреда.

Огнем обжигает негожее слово —
Смолчи, не сгори от пылания злого!

А доброе слово живит, как родник:
Куда потечет, там сверкает цветник.

О ты, что зовешься всезнающим мужем,
Не выболтай тайн суесловьем досужим!

Внемли, добрый сердцем, прочти этот стих,
Храни тайны сердца от злых и дурных:

«Храни тайны сердца, не выдай их словом,
А выдашь — раскаянье будет суровым!

Твой алый язык — враг главы твоей черной,
Смири его — будешь живым и здоровым!»

Писец должен быть просвещен и умен,
В письме изощрен да и в слоге силен.

Изящность письма — что отрада для сердца,
И чтенье приятно для взгляда, для сердца.

А если по почерку ладен и слог,
Весь строй у письма и у речи высок.

Муж рода Ыла, к этим тайнам причастный,
Сказал, что искусство письма — дар прекрасный:

«Письмо — добрых слов нестираемый след:
Записана речь — ей забвения нет.

И если бы не было письменных строк,
Кто мудрые знания ведать бы смог?

Когда б мудрецы не писали письмен,
Кто знал бы события давних времен?

И если бы людям письмом не владеть,
Кто верил бы устному слову? — ответь!

Послания шлют из предела в предел,
Язык без письма что сказать бы сумел?

Письмо очень важно и нужно весьма —
Властители властвуют силой письма!»

И бекам способствуют пользою явной
Три рода мужей, о правитель державный:

Во-первых, наук знатоки, мудрецы,
Еще — возгласители слов их — писцы.

Мужи-храбрецы служат третьей опорой,
Им драться с врагами — с их волчьею сворой.

О деле премудрые выскажут суд,
Где что говорить — свой совет подадут.

Письмом о делах пишут разного рода,
Письмом исчисляют прибыток дохода.

Подъемлют воители-воины меч —
Врагов усмирить, вражьи козни пресечь.

Три рода сподвижников если едины,
В желанном удачливы их властелины.

И много мужей есть еще, кроме них,
Но им — быть опорою этих троих.

Меч делом победы над странами правит,
Калям — управление ими возглавит.

Рассудок и знания правят страной,
Три рода мужей — всей округой земной.

По знаньям законы властители вводят,
А разум делами всегда верховодит.

Меч людям и странам приносит войну,
Калям сохраняет и множит казну.

Бек начал войну — кровью меч обагрило,
Но золотом каплют с каляма чернила.

Два в мире устоя, всему свой черед:
Былое — что было, и — то, что грядет.*

О бек, оба эти начала велики,
И помнить их в деле должны все владыки.

Об этом гласит очень вдумчивый стих,
Внемли же, о муж помышлений благих:

«Достойное дело — стремиться к познанью,
Достойно и меч направлять своей дланью:

Мечом обретают владенья-угодья,
Калямом дается свершенье желанью!»

Писец должен чуждым быть зависти скряг —
Быть преданным, честным, не жадным до благ.

Нежадный к вещам не имеет пристрастья,
Его не осилит вещей самовластье.

Кто жаден, тот — раб этой страсти своей,
Дари, ясноликий, свое, не жалей!

И бек если жаден, он — раб своей страсти,
А жадность скупых — хуже всякой напасти.

Корыстный писец и свой слог осквернит,
И жадностью суть своих строк осквернит.

И если охоч он на золото льститься,
И бека он сгубит, и сам осрамится.

А верный слуга в услужении рьян:
Всегда он в придверье, едва только зван.

О благе владыки радеет он делом —
Богатство его множит духом и телом.

К вину не пристрастен и нравом он чист —
Не склонный к поступкам лукавым, он чист.

Писец, если пьет он, теряет все знанья,
А чуждый познаньям оплошен в писанье.

Писцу — в услуженье быть ночью и днем,
Всегда быть готовым, где вспомнят о нем.

Для дел двух мужей надо выбрать умело,
А дельных нашел — поручи им два дела.

И это — писец, что искусность обрел,
И ладно владеющий речью посол.

У ближних ли, дальних ли свары и ссоры —
Ты знай, что от них от двоих все раздоры.

От них от двоих и огрехи в делах,
От них от двоих и успехи в делах.

Допустит один неуместное слово —
Другой скажет вовремя лестное слово.

Таким, о элик, быть писцу твоему,
Чтоб мог ты во всем доверяться ему.

Такому во всем можно верить, конечно,
Суть дел его будет всегда человечна.

Вот это, элик, и сумел взять я в толк,
Ответил тебе я, исполнил мой долг!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял все это, — элик произнес, —
Ответь и еще на один мой вопрос.

Каким казначею быть ,— вот что открой,
Чтоб вверить ему управленье казной,

Ведь он — страж сокровищ и злата страны,
Ему эти ценности все вручены!»

35

Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, достойный должности казначея

«Элик, — отвечал Огдюльмиш, — ведать надо:
Всем золото любо, в нем — душам отрада.

И должно быть честным, над правдою властным,
Чтоб сердцем надежно владеть беспристрастным.

Внемли, что сказал муж, торги возглавлявший,
Объездивший мир и богатство знававший:

«Всем любо богатство — любезнее жизни,
И злато порою полезнее жизни!

Смягчает сердца всех пород — серебро,
И даже негнущихся гнет серебро.

Когда человек к серебру бескорыстен,
Он с ангелом схож — это истина истин!

Любой, видя злато, готов умягчиться,
И даже кто словом суров — умягчится!»

И нужно нежадным быть, честным, прямым,
Муж этих примет долгим счастьем храним.

На золото надо взирать безучастно
И кары творца опасаться всечасно.

И надобно знать, где — закон, где — запрет,
Во всем разграничивать благо и вред.

Нежадных не манят чужие достатки,
И честные на ублаженья не падки.

Кому с малолетства богатство дано,
В том алчных стремлений не будит оно.

Он с должной боязнью покорствует богу,
И к правде найдет он прямую дорогу.

Быть честным — сокровище истинных благ,
С ним вечно пребудешь удачлив и благ.

Кто честен, вся жизнь у него безупречна,
И счастье его будет прочно и вечно.

Внемли, что сказал добродетельный муж,
О славный, наказа его не нарушь:

«Будь искренен, честен и делом и словом,
Сень счастья тебе станет добрым покровом.

Кто честен, все дни его в счастье продлятся:
Он радостным будет, счастливым, здоровым!»

Муж должен быть прям, благороден, умен,
И тысячи благ да изведает он!

И совестным, кротким быть надобно тоже,
Бесстыжих чуждайся, быть с ними негоже.

Преграда негожему — совесть и стыд,
И совесть тебя от дурных защитит.

И надо не пить и держать себя строго,
У строгого к счастью прямая дорога.

Пристрастный к вину все пропьет, чем богат,
Все к людям уйдет ни за что — без отплат.

Хранитель казны должен быть скуповатым:
Расчетливый лучше присмотрит за златом.

И верность в служенье должна быть строга,
Упрочит казну только верный слуга.

И верность — примета надежных, примерных,
Достойный, держи в услуженье лишь верных!

Радив казначей — не испортит он дела,
И все он учтет неоплошно, умело.

Ничто не упущено тем, кто смышлен:
Все взвесит, учтет и обдумает он.

Забывчивость — свойство повадки бездумной,
Развалит дела казначей неразумный.

Где вдумчивость — там и учет и расчет,
А кто ж без раздумий дела разберет!

И записи в книгах важны при учете,
Учет и хорош, если запись ведете.

Запишешь — видны и доход и расход,
Во всем только запись порядок блюдет.

Год, месяц и день — все пометь непременно,
Во всем надо счет разуметь непременно.

Лишь записью строгой учет и вести:
Сочтешь да учтешь — все открыты пути.

Послушай, что сказано преданным мужем:
«При должном учете мы должно и служим.

Без записи делу не быть без потерь,
Не все, о мой сын, своей памяти вверь.

Запишешь — запомнишь, упустишь — забыто,
Оплошен в учете — все дело убито.

Кто в записях сведущ и строг на учет,
В делах его все без препятствий течет.

А если учета не ведают слуги,
Как дело к расчету — дела будут туги!

Но как хорошо ты учет ни наладь,
А в памяти многое нужно держать!

Бывает и сложной в учете работа —
Тут надо знать правила высшего счета: *

Такой же используют сложный расчет
Для меры земель и небесных высот!»

Послушай, о мудрый, разумное слово,
А умное слово — как пища, здорово:

«Глубок в землемерии точный расчет,
Лишь мудрые головы он увлечет.

Он все семь небес, как зерно, рассечет,
И все в нем получит и счет и учет!»

И нужно быть знающим, умным, правдивым,
Разумные верны делам справедливым.

У знающих праведны все их дела,
А где справедливость — там правда светла.

Собою владеть не умеет неумный,
И с делом вовеки не сладит бездумный.

Дела при дворце казначею вести,
Со строгостью должен себя он блюсти.

Прямым должен быть он и в речи и в деле,
Чтоб пламя и дым его честь не задели.

Храни беспристрастными взор свой и речь,
Ты должен умом все порывы пресечь.

Глаза заглядятся — душа пристрастится,
Душа пристрастится — уж ей не смириться.

Душа всему телу глава-господин,
За беком все слуги идут, как один.

Сказал мудрый муж, все обдумав глубоко:
«Достойный, блюди свою душу и око!

Душе в своей власти все тело держать,
И ей уготована тяжкая кладь.

Порочен лишенный души человек:
Он может и мудрых стыдом замарать!»

Расчетливым надо быть, твердым и властным,
Казну не подвергнуть потратам напрасным.

И щедрость прекрасна — ей честь и почет,
Но лишь от своих, а не чьих-то щедрот!

И надо торговлю знать разного рода,
Торговли не знающий муж — без дохода!

И в разных товарах знать надобно толк,
И ведать различие цен — его долг.

Кто в ценностях смыслит — не будет обманут,
С него на торгах рвать излишек не станут.

При купле-продаже любезно держись,
С великим и малым умей обойтись.

Кто сам не промедлит со скорой отплатой,
Уважат всегда его спорой отплатой.

Кто честность блюсти при торговле привык,
Ему все, что надо, найдут в тот же миг.

Когда властелин награждает подвластных,
Ни распрей, ни смут не бывает напрасных.

А скуп казначей — войску много обид,
А много обид — войско бека винит.

Сказал муж достойный, чья щедрость велика,
Прими наставленье его, горемыка:

«Утратить привязанность верный есть путь:
Сначала сулить, а потом обмануть.

Не надо сулить, если сделать не сможешь,
Но выполни все, в чем людей обнадежишь!

Бек слово не сдержит — нет веры в него,
А там, где нет веры, там нет ничего!»

И надо быть четким, не вялым, умелым,
Нечеткий слуга не управится с делом.

Кто службу при беках радиво несет,
Немало и нужд у него и забот.

Нехватка, нужда ли, большая ли трата —
Указом от бека дается доплата.

Не даст казначей или дать не спешит —
Просивший уже не забудет обид.

Когда в нужный час на твой зов отзовутся,
И малое может слоном обернуться.

Внемли, что сказал седовласый мудрец,
Откликнись на просьбы просящих сердец:

«Когда в нужный миг исполняют желанья,
И жизни не жалко отдать в воздаянье.

Слоном станет малость, приспевшая впору,
Так было и будет во всем мирозданье!»

Найдешь столь достойного мужа, элик,
Что разумом, знаньем и честью велик,

Такой при казне в казначеи годится,
Ты можешь во всем на него положиться!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял, — элик отвечал, — твое слово,
Еще есть вопрос, — ты ответствуй мне снова.

Служитель, что ведает пищей-едой,
Как должен служить он, быть сути какой,

Чтоб мог бы правитель есть пищу его
И верить ему, не боясь ничего?

Еда и питье — дело тонкостей сложных,
Не должно питаться из рук ненадежных.

Ответствуй мне, знанья свои обнаружь,
Хочу все узнать я, о доблестный муж!»

36

Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть главный повар, стольничий

Ему отвечал Огдюльмиш: «О элик,
Сей муж должен быть благородством велик.

Избраннику, мужу, чья честность надежна,
Доверить питанье властителя можно.

Лишь честный пригож для такого труда,
Кто совестлив, предан, услужлив всегда.

Он должен быть верным, в правдивости смелым
И преданным беку душою и телом.

Опасности к беку идут через рот,
А умыслы повара кто разберет?

Всегда властелинам хранить себя надо,
А в пище, в питье — с пущей зоркостью взгляда.

У правящих тысячи недругов есть,
А там, где враги, всех ловушек не счесть.

И ежели повар нечестный, неверный,
Опасность властителю будет безмерной.

Он должен быть опытным, зрелым в труде —
Размеривать сладость и горечь в еде.

И если он честен, прилежен в заботе,
У бека он будет в доверье, в почете.

Послушай, что муж достославный сказал,
Его разуменье достойно похвал:

«Во что люди вложат заботы и труд,
То больше всего они любят и чтут.

А то, чему люди всю жизнь посвятят,
Как самую жизнь они любят стократ.

И жизнь не тяжка, тяжки муки труда,
Но жизнь без забот и усилий худа.

Неведома мужу о жизни печаль,
Но тщетно затраченных сил ему жаль!»

Душою богатым быть надо, нежадным,
По сути — достойным, по внешности — ладным.

Быть мудрым, чтить веру, блюсти шариат,
От доблестных в мире — порядок и лад.

У беков тонка, благородна природа,
Питаться ль им пищею грубого рода?

Где повар отменный — отменна еда,
А вкусная пища любима всегда.

Кто нравом корыстен, тот жаден и к пище,
Еду он испортит, тяня к ней ручищи!

Все зло — от испорченных алчностью рук,
Порочность для мужа — жестокий недуг.

И сколько ни есть и достойных, и верных,
Ты сам выше их, их достоинств безмерных.

И как бы надежно ни верил ты им,
Да будешь ты сам своим оком храним!

И сказано доброе слово об этом,
Последуй, о славный, разумным заветам:

«Всем верь, но надежно себя стереги,
Верней своих глаз не бывает слуги.

Ведь жизнь твоя — дар, и нет дара ценней,
Без лишних словес свою жизнь береги!»

И нужно быть ладным, в деяньях умелым,
Красивым и сердцем, и речью, и телом.

Всем любо пригожесть ценить, красоту,
А повар не чист — все застрянет во рту!

И господу люба приятность в обличье,
Сей доблестью муж достигает величья.

Приятность всем людям желанна всегда,
Приятной должна быть и пища, еда.

Гони от котла тех, чья суть неприятна:
Отвратный и дело свершает отвратно.

По правде и чести вершить надо труд,
У тех, кто нечестен, дела не пойдут.

И если глава поваров будет гадок,
Его подчиненные — тех же повадок.

Сберется к котлу воровская орда,
Какая уж тут будет беку еда!

Правдивым и честным и добрым быть надо,
Желанная станет доступна отрада.

Внемли, что сказал муж достойных примет,
Достойным во благо дарован весь свет:

«Кто честен, дано ему счастья добиться,
Для честного солнце вовек не затмится.

А там, где предательство след свой проложит,
Источник добра не иссякнуть не сможет.

Едва лишь предатели руку протянут,
Моря иссякают и пастбища вянут!»

И преданно бека любить надлежит,
Иметь и степенность, и совесть, и стыд.

И надо быть знающим, сведущим в деле,
Чтобы быстро варилось и вовремя ели!

И надо по правилам службу нести
И знать, когда выйти и кстати войти.

И в деле от бед охранит тебя разум,
А знанья научат блюсти себя глазом.

Добудешь ты верностью беку почет,
И вечный за то человеку почет!

Разумные люди взыскуют почета,
И верность для мудрых — мечта и забота.

Дар разума — знак человечности всей,
А знающий — лучший из лучших людей.

Что молвил разумнейший муж, — не забудем,
Разумный — глава и наставник всем людям:

«Разумный да верный — всем людям основа,
Душа их быть жертвой всем людям готова.

Жестоки и грубы деянья негожих,
Не любо держать им и данное слово!»

Сказал я, каким должен быть, о элик,
Муж, призванный ведать питаньем владык,

Как должен питанью он дать управленье,
Чтоб бек ел бы пищу, не зная сомненья.

Элик, я сказал все, что ум мой постиг,
Во что я сознаньем и сердцем проник!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Я понял, — элик отвечал ему, — это,
Еще есть вопрос, и хочу я ответа.

Скажи: муж, что ведает делом питей,
Каким должен быть он в работе своей,

Чтоб бек ему верил во всем без предела
И брал бы питье от прислужников смело?»

37

Огдюльмиш рассказывает элику, каким должен быть муж, ведающий напитками

«Элик, — Огдюльмиш, отвечая, изрек, —
Сей муж должен быть в этом деле знаток.

Он долго копить должен опыт умелый —
Терпеньем достигнуть искусности зрелой.

Он должен быть верным, не знающим зла,
И прям его нрав должен быть, как стрела.

И ежели чашник — подобного нрава,
Доступна ему с этим делом управа.

Он должен держать разных зелий набор —
Лечить несваренье, понос и запор.

И жидкое есть у него и густое —
Все снадобья, мази, растворы, настои,

Все соки, сырой ли, засушенный плод,
Все то, что находит свой путь через рот.

Опасностью беку грозит его глотка,
А повар и чашник блюдут ее четко.

И ежели оба — нечестной руки,
Для бека еда и питье нелегки.

Внемли же, о мудрый, суть слов непреложна,
Что, глотку блюдя, надо есть осторожно:

«Цела голова, если скромны уста,
В умеренной пище — услада для рта.

Немало я видел пропавших голов,
Их жизнь погубил неумеренный зёв.

Уста человеку приносят недуг,
И в них же льют зелья — спасенье от мук!

Должны быть и разум и ум безупречны,
Деянья разумных всегда человечны.

Разумный всегда убегает от зла,
У мудрых и прямы и честны дела.

Кривым деревам суждено стать дровами,
Неправый — невольник, горящий во сраме.

О доблестный муж, будь в деяньях правдив,
Будь преданным правде, — таков мой призыв!»

И должен быть честен меж чашников главный —
Душою и сердцем и разумом славный.

И если он праведен, честен всегда,
К нему не приблизятся зло и беда.

Напитки вливая своею рукою,
Он должен хранить их, скрепляя тамгою.

Все снадобья, зелья, целебный настой
Чисты, если сделаны верной рукой.

Сухие, сырые плоды, сок медовый
Хранить должен сам он с приглядкой суровой.

О горьком и сладком заботясь с душой,
Сосуды блюдя, долг он выполнит свой.

А ежели слуги усердны к послугам,
Приносит усердие пользу и слугам.

Во что люди вложат старанья и труд,
В то дело они всей душою врастут.

И к этому доброе слово пригоже,
А доброе слово всех знаний дороже:

«Во что люди вложат терпенье и труд,
Они, словно жизнь свою, любят и чтут.

И тяготам люди всю жизнь отдают,
И любят свой груз, как бы ни был он лют!»

Найдешь ты служителя с сутью такою —
Всем чашникам быть он достоин главою.

Муж доблестный нужен для этих забот,
И светочем сердце тогда расцветет.

Подручные пусть ему будут подмогой —
Юны, безбороды и внешности строгой,

Прекрасны лицом, лунолики челом,
Стройны, чернокудры и ладны во всем.

Широки в плечах и тонки нежным станом,
С белейшею кожей и с ликом румяным.

А яства несут — чтоб пригож был любой
В одежде багряной, цветной, голубой.

И — чтоб они были бы все безбороды,
Не то волосинки попасть могут в воды!

Пушинка попала — негоден сосуд,
Один волосок лишь — а вкус уже худ!

Есть слово о том — очень мудрого взгляда,
Что чашникам быть безбородыми надо:

«Красив должен чашник быть, ликом пригож,
Из рук его все с удовольствием пьешь.

Красивый, приветливый что ни подаст, —
Все любо, все — благо, любой пить горазд!»

О муж любознательный к мыслям изрядным,
Внемли, что стихом этим сказано складным:

«Пригожим быть надо и ладным на вид,
Что ладный подаст — саму правду струит:

Голодным краса его слаще еды,
И жаждущий сколько ни пьет, а не сыт!»

Таким должен быть главный чашник прекрасным.
Такими же быть ему в службе подвластным.

Тогда ему беки доверят сей труд —
Доверьем, приблизив к себе, облекут.

Вот, видишь, элик, сколько слуг надо верных —
Надежных и преданных, в службе примерных.

Во-первых, посланник, писец — во-вторых,
И повар, и чашник еще, кроме них.

И, всех избирая, ты тщательным будь,
Иначе несчастий тебе не минуть.

Посол и писец если будут дурны,
От них много бедствий придет для страны.

А если и повар и чашник лихи,
Заплатишь ты жизнью за все их грехи.

При выборе их, о элик, будь умел,
Вверяй лишь отборным ведение дел!»

Еще произнес Огдюльмиш: «О элик,
Велики и дело и слава владык.

Болит голова от великих забот.
Не вылечишь боль — все величье падет.

Послушай премудрого мужа совет,
В словах его — жемчуга блещущий свет:

«Не требуй услад, а неси груз невзгод,
К блаженству, о бек, путь страданий ведет!

Где в тяготах бек, там в расцвете народ,
Лишь в этом и бек свое счастье найдет!

Блаженства достигший, ты счастью не верь:
Блаженству сопутствуют муки потерь!

Сколь ни были б повар и чашник честны,
О доблестный муж, сколь они ни верны,

Ты сам себя будешь верней охранять,
Других таких нет, — слов излишних не трать!»

Послушай премудрого мужа наказ,
Запомни, спиши и прочти много раз:

«Ты верность души своей собственной чти,
Другой столь же верной души не найти.

Храни ее зорко, блюди, береги,
Утратишь — к леченью не сыщешь пути!»

Вот мой, о элик достославный, ответ
О том, что потребно, о средствах от бед.

Такие вот люди возвысят владык,
Чтоб бек, побеждая врагов, был велик.

Тебе все сказал я, что знать мне дано,
Но есть у меня еще слово одно.

Элик соизволит послушать — скажу,
А нет — так его при себе придержу».

Вопрос элика к Огдюльмишу

Элик отвечал: «Муж познанья благого,
Скажи, не скрывай, что таишь ты за слово?

Твои мне полезно послушать реченья,
Ты — море познаний, река разуменья!»

Ответ Огдюльмиша элику

«Элик, — Огдюльмиш, отвечая, изрек, —
Элик для народа — познанья исток.

Сказал я, каков услужения путь,
И что слугам бека вменяется в суть,

Что бекам положено ведать про слуг,
Чтоб долго вкушать все плоды их услуг.

И если у бека на слуг есть права,
У слуг за плоды их услуг есть права.

Раз беку от службы рабов — благодать,
То должен и бек их права соблюдать.

Слуге воздаяние служба дает,
И трудно ему, если беден доход!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Ответь мне, — элик произнес, — все открой:
Слуге воздается отплатой какой?»

38

Огдюльмиш рассказывает элику об обязанностях беков по отношению к слугам

«Все беки, — сказал Огдюльмиш, — по заслугам
Должны назначать воздаяние слугам.

Во-первых, кормить и поить их всегда,
Во всем помогать им в несенье труда.

Служение трудно, немало в нем мук,
Понятливый бек чтит и радует слуг.

Всю душу отдаст услуженью слуга,
Когда радость бека ему дорога.

И голоден, сыт ли, продрог ли, согрет,
В бою ли, элик, он — твой верный клеврет.

Направо ль, налево, назад ли, вперед —
За бека всегда он на муку пойдет.

Враги нападут ли, для бека он — щит:
Умрет, а властителя он защитит.

Для блага владыки, радея о нем,
Он тяготы терпит и ночью и днем.

По службе бек должен и плату начесть —
Почет воздавать и оказывать честь.

Внемли, что сказал властелин Уч-Орду,
Достойнейший муж в его славном роду:

«О бек, твоя власть над народом — большая,
Чти слуг своих, верных рабов возвышая.

Могущество бека — надежные слуги,
Их силою держится мощь всей округи.

С рождения бек величавый велик,
Слуга — своей доброю славой велик!»

Величье души — человечности суть,
Величье души — это истинный путь!

Путь к истине — доблесть, и, это известно,
Открыт он тому лишь, кто трудится честно.

Слуга в услуженье надеждой согрет,
А нету надежды — и доблести нет.

О слугах их беки все ведать должны:
Какие — полезны, какие — вредны.

Всегда по заслугам должна быть награда,
И плату — по службе начитывать надо.

О бек, человек ведь не хуже, чем скот,
Усвоишь ты это — и дело пойдет:

Насытишь утробу скота доотвала —
Тогда лишь о пользе и думать пристало.

Когда ж беки словом слугу поощрят,
За бека он жизнью пожертвовать рад.

И слуги, что верностью сердца велики,
Себя не щадят ради блага владыки.

Сказал муж, познавший немало наук,
А знаньями люди крепят силу рук:

«Всей жизнью отплатят за доброе дело,
Одно добро сделал, а десять приспело.

За щедрость верны тебе слуги всецело —
Готовы к невзгодам любого удела!»

Ты щедрым будь с верными в службе людьми —
Нагих одевай и голодных корми.

Элик, тот не гож для властительной доли,
Кто слуг не избавит от нищей юдоли.

Послушай премудрого старца наказ,
Для юных слова мудрых старцев — что глаз:

«За службу, что жертвенным пылом богата,
Всегда человечной бывает отплата.

А тех, кто за ближних страдать не готов,
Людьми не зови: они хуже скотов!»

Есть два рода слуг с непохожею долей:
Одни служат волей, другие — неволей.

Зависим неволею служащий люд:
Рабов, нерадивых в служении, бьют!

А вольные служат по собственной воле,
Их служба не ведает тяжкой недоли.

У вольных их суть в услуженье добра,
Их надо направить дорогой добра.

И вольным быть ровней с рабами негоже:
Чти волю свободных, с рабами — будь строже.

Чертог властелинов — блаженства чертог,
И долг охранять его — честью высок.

Слуга богатеет — властителю слава,
В молитвах навечно она величава.

Элик! Властелин в отношенье слуги —
Как будто торговец, ведущий торги:

Торговец продаст покупателю вещи,
А тот — оборот затевает похлеще.

Годами он прибыли копит в доход,
С другими торгуется — прибыль идет.

Вот так и слуга со своим властелином —
В сообществе, связаны счетом единым:

Властитель слуге все, что надо, отдаст,
А тот должен быть в услуженье горазд.

Мечом, жизнью жертвуя, действуют слуги,
Покорствуют грады, селенья, округи.

Покорствует враг, крепнет сила казны —
Стремленья и замыслы все свершены.

И все это — блага великого прока,
А тех, кто их дарит, чтить надо высоко.

Реченьям главы всех торговцев внемли,
Он прибыль искал в разных странах земли:

«Доходный слуга — ближе сына родного,
Безвыгодный сын — хуже недруга злого.

Стремленье к доходу присуще всему,
Ловец без добычи зачахнет в дому.

Властителю воины — перья и крылья,
А птица без крыл не взлетит от бессилья.

Есть войско у бека — и сила живет,
Он может распутать узлы всех тенет.

Составится войско из силы отменной —
И властвовать можно над всею вселенной!

А если у бека все доблести есть,
Он все, что желает, сумеет обресть.

И с тысячей тысяч достоинств властитель
Себе покорит всего мира обитель.

Цени же достоинства, сын мой, услышь:
Ты с ними в высоты как лебедь взлетишь!

У славных достоинств — полет лебединый:
И птица и доблесть — породы единой!»

Внемли седовласого старца совет,
Весь мир превзошедшего дряхлостью лет:

«Уменья и знанья учи и цени,
Тебя вознесут и прославят они.

Учись неустанно, зря время не трать,
Час добрый придет — возблестят твои дни!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

Одобрив столь ясный ответ на вопрос,
«Мудрец благородный, — элик произнес, —

Ты мне объяснил человечности суть —
Мужей справедливых и праведных путь.

Я правлю народом, подвластен мне он,
Сильна моя власть, мое слово — закон.

Но нет мне отрады от власти такой,
Хотел бы я тишь обрести и покой.

И чтобы любой, кто ко мне ни примкнет,
Богат был и в силе достиг бы высот.

Дни бека грядущею пользой светлы,
Мне хватит мольбы обо мне и хвалы.

А злато, казну, всех богатств благодать
Сбирал я, чтоб воинам щедро раздать.

Мне — доброе имя, богатство — другим,
И волею бога да буду я чтим!

Да станет любой, кто служить мне был рад,
По смерти моей беспредельно богат.

Уйду я из жизни — и верный народ
Молитву творцу обо мне вознесет!»

Ответ Огдюльмиша элику

Ему отвечал Огдюльмиш: «О элик,
Суть дела умом ты и знаньем постиг.

Что смертным иное даруется в яви,
Чем мысли об имени добром, о славе?

За блага сей жизни плати серебром,
Грядущее ценится тем же добром!

Ни золота, ни серебра не жалея,
Пределы страны ты расширишь смелее.

Внемли слову бека, был мудр он и зрел,
Основы величья крепить он умел:

«О бек, все раздай, силу войска умножь,
Ты козни любого врага пресечешь.

Крепить не казну — силу войск надлежит,
Пусть бек небогат, да народ будет сыт!

Пока есть войска, не скудеет страна,
А войска не будет — и власть непрочна.

Довольны войска властелином своим —
Любая держава падет перед ним.

Щедра у властителей будет рука —
Их сила в обоих мирах велика!»

И сказано в мудром совете прекрасном,
Что жадный правитель не может быть властным:

«Две вещи есть рядом, но им не сойтись:
Корыстных чуждайся, а щедрых приблизь!

От жадных достойные люди бегут,
А к щедрым охотно стекается люд.

Достоинство бека и жадность — враги:
Где жадность — там ссоры, от жадных беги!»

Две силы должны государство беречь —
Червонное золото, поднятый меч.

И щедрость страну укрепляет, элик,
Поистине, щедрый властитель велик!

Смельчак лишь взмахнул искрометным булатом —
Все жилы порвало врагам-супостатам.

А золото только протянет рука,
И — правь без меча, силой слов языка!

Двум силам вот этим — и править державой,
Кто ими владеет, тот — муж величавый.

От золота хмурый яснеет челом,
И золотом чинится в деле пролом.

Где меч навострен — там и золота много,
Где злато блеснет — и мечу там дорога.

Дари серебро — и сберутся войска,
А копишь в запас — разбегутся войска.

Есть войско с оружьем — добудешь и злата,
А копишь — в добычу мечам супостата.

Скупой властелин прячет злато в тайник,
А смелый мечом все возьмет у сквалыг.

Вот так и устроены в мире дела:
Скупым — поношенье, а щедрым — хвала!»

Умолк Огдюльмиш, пал он ниц пред эликом
И бога восславил в смиренье великом.

Ответ элика Огдюльмишу

Одобрил элик сей ответ на вопрос,
С молитвою к богу он руки вознес:

«О светоч любви, нам светящей, творец,
Надежду в беде нам дарящий творец!

Нет, кроме тебя, мне опоры иной,
Ты — радость надежды, лелеемой мной.

Какой я не знал от тебя доброты,
Какой ты моей не исполнил мечты!

В мольбе моей слов, кроме праведных, нет,
Ты вечно безбеден, а я — в доле бед.

Защиты прошу я — всемилостив будь,
Наставь, укажи мне мой праведный путь.

Но лучше всех данных мне благ бытия
Сей муж, Огдюльмиш, он — отрада моя.

За то, что ты мне этот дар ниспослал,
Тебе от меня — сотни тысяч похвал!

Он жертвует жизнью, мне верность храня,
И множит молитвы людей за меня.

Дай сил мне воздать ему должной ценой,
Во благо да будет он сердцем со мной!»

Элик продолжал: «Кто умен, кто учен,
Тобою любой, Огдюльмиш, восхищен.

Где разума ждут, там твой разум хорош,
А жаждущим знаний ты знанья даешь.

Ты верен и предан, ты честен и смел,
И, властвуя, праведным быть ты сумел.

Ты мне послужил выше платы любой,
Не сыщешь послуг, не свершенных тобой.

Достоин ты самых высоких даров,
Тебе отплатить я всей жизнью готов!

Как ты мое сердце возрадовать смог,
Пусть тою же мерой воздаст тебе бог!»

Умолк и стоял неподвижно властитель,
Пал ниц перед ним и поднялся служитель.

И вышел он, радость на сердце храня,
И к дому отправился, сев на коня.

Служил день и ночь он всей силою пыла,
И счастье врата перед ним растворило.

Росли его знанья, стал разум глубок,
Крепил его власть и радел ему рок.

Внемли, что сказал муж благого удела,
Прославленный счастьем, не знавшим предела:

«Кому воля счастья удачу несет,
Главой он достигнет небесных высот.

А счастлив — глядишь, и богатство пришло,
Душа оживает и рдеет чело».

Об этом сказал седовласый мудрец,
Внемли его слову, о славный храбрец:

«Кто в мире богат, тот и славы достиг:
Вся кривда его станет правдою вмиг!

И жалок мудрец, если он не богат:
Как он ни речист, а в оковах язык!»

Таков в этом мире порядок неправый —
Богатство владеет почетом и славой:

К дурным обернется — почет им и честь,
А малых в великие может возвесть.

Богатство придет — и все станет изрядно:
И тайно и явно все ладно да складно!

Придет — и доступны желанные цели,
И слава гремит во вселенском пределе.

А если уйдет — все с собой унесет,
И в черную землю низвергнет с высот.

Внемли же, разумный, муж мысли великой,
Не льстись на соблазны, беды не накликай!

К чему тебе тьма и погибельный мрак?
Стремись к миру вечных сверкающих благ!

Сей мир — что темница, не верь его скверна́м,
Спокойно стремись к целям высшим и верным.

Внемли слову мудрых, о сердцем правдивый,
В деяниях путник стези справедливой:

«Муж ревностный, думай о мире нетленном,
И ты награжден будешь счастьем бесценным.

Забудь преходящее, думай о вечном,
Отмщая, сей мир шлет забвенье беспечным.

Сей мир вероломен, не будь ему верен.
Тебя он почтит, если сам будешь сквéрен.

Внемли же, заблудший, удел твой — пропащий.
Не льстись на соблазны пучины манящей.

В пучину попавший не знает пощады,
Ему не спастись и не ведать отрады.

Тащи себя кверху, спасайся из бездны,
Тебе покаянье, смиренье полезны.

Вернись, и да будут благи твои цели,
И речью заботься о вечном уделе!»

И к правде элик стал душой обращен,
И дал он народу надежный закон.

Народ стал спокоен, а тощие — в теле,
Все преданны стали, враги ослабели.

Был счастлив он радостью прожитых дней,
Хвала ему в мире была все сильней.

Дни днями сменялись и шли втихомолку,
Привольно жилось и ягненку и волку.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Однажды элик Огдюльмишу велел
Отчет ему дать о ведении дел:

«О днях, Огдюльмиш, мне поведай идущих,
Каких больше подданных — бедных, имущих?

И много ль негожих есть — движимых злом,
Скажи без утайки о люде моем.

И толки какие слышны ли в народе —
Хула ли, хвала ли сейчас в обиходе?

Бранить ли меня, восхвалять ли не прочь?
Скажи — я размыслю, чем делу помочь!»

Ответ Огдюльмиша элику

«Элик, — отвечал Огдюльмиш, — как ни глянь,
Желанное — в силе, крепка его длань!

Под властью элика весь мир — словно сад,
Он бедами беден, а счастьем богат.

Народ богатеет, исчезла нужда,
Сердца веселеют, цветут города.

Всем подданным в радость их добрые дни
И счастливо ночи проводят они.

И все тебя хвалят и славят, любя,
Все сущее молит творца за тебя.

Гнет — словно огонь, а закон — что вода,
Водой ты загасишь огонь без труда.

Закон укрепил ты, упрочен весь свет,
Нигде в государстве насилия нет.

Три зла, о элик, всех насилий исток.
Одно из них — бек, что ленив и жесток.

Второе — когда бек от немощи хил,
И третье — сквалыга, что всех притеснил.

В тебе этих трех несуразностей нет,
Откуда же взяться злу гнета и бед?

Ты — бек справедливый и честью высок,
Дал доблести, знанья и ум тебе бог,

Стезею добра пролагаешь ты след,
Народ благоденствует, сыт и одет.

Воздай же творцу, преклонясь перед ним,
Да будешь ты благом покоя храним!

А если напасти нагрянут извне,
Я — верный твой раб, ты доверишься мне!»

Элик благодарность творцу возгласил
И руки воздел он к зиждителю сил:

«Велик ты, господь милосердный, я — слаб,
Тобою возвышен твой немощный раб!

Ты мне даровал всю свою благодать,
И долг мой — тебе похвалою воздать.

Но как я достойной хвалою воздам?
Молю: за меня ты воздай себе сам!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«О мой Огдюльмиш, — как-то молвил элик, —
Ты послан мне богом, — он щедр и велик.

Исток и основа всех праведных дел,
Закон укрепил ты и гнет одолел.

Господь дал мне путь к разным добрым делам,
Но дар в десять раз всех ценнее — ты сам.

Ведь как бы ни силился сам властелин,
Без помощи слуг что́ свершит он один!

Бек видит, что близко, а в дальнем, далеком
Долг преданных слуг — быть и словом и оком!

Ты — взор мой, язык мой, моя ты рука,
Тобой моя добрая слава крепка.

Внемли, что промолвил могучий хакан,
Себе подчинивший народы всех стран:

«Желаешь, чтоб слуги служили добром,
Обсыпь их и золотом и серебром.

И если ты преданных слуг приобрел,
Ты будешь счастливцем, не знающим зол.

Слуга, если предан и честен, — хорош,
Да много ли преданных слуг ты найдешь?

А если бы не было преданных слуг,
То где б человечность сыскали вокруг?»

Теперь, Огдюльмиш, я скорблю об едином —
Что был у отца ты единственным сыном.

А будь хоть один столь же верный другой,
Во всем бы последовал он за тобой.

Лишь ты верен мне, муж благого пути,
Утрачу тебя — где другого найти?

О том, что один ты, грущу я, скорбя,
О доблестный, был бы собрат у тебя!

Чтоб не было тягот излишних тебе,
Все дни провожу я в смиренной мольбе.

Подумай, кто есть меж собратьев-друзей,
Способный помочь тебе в службе твоей!»

Ответ Огдюльмиша элику

«Элик, — Огдюльмиш властелину в ответ, —
Еще потружусь я, — будь жив много лет!

Да будешь спокоен ты в доле благой,
В желанной тиши да найдешь ты покой!

Элик, да не знать тебе муки-тоски
О том, что заботы мои нелегки!

Нелегок мой труд, но и отдых не худ,
Отрады и тяготы рядом идут.

А ежели ты для властительных дел
Найти, государь, себе мужа хотел,

Внемли, что сказал властелин многодумный,
А ум утончается властью разумной:

«Где помощь сподвижников бека сильна,
Там беку легко, и цветет вся страна.

Чем больше полезных и умных людей,
Тем беку во благо их помощь верней!»

И как же не быть — меж собратьев моих
Есть доблестный муж, и познаний больших.

Умел и способен он, вдумчив и зрел,
Он сведущ и знающ в решенье всех дел.

Зовут Одгурмыш его. Честен и прям,
Ко многим причастен он добрым делам.

Но он отвратил от мирского свой взор,
И, праведен сердцем, живет среди гор.

В служенье творцу его муки лихи,
Смирением он искупает грехи.

Меня он сторицей во всем превзойдет,
Он — избранный муж небывалых высот.

И был бы сей славный собрат мой со мной —
Он стал бы умом всему делу главой!

И ты бы при нем жил спокойно, элик,
И, правя всем миром, блаженства достиг!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Желанно мне, — молвил элик, — чтобы скоро
Нашли его, — сердцу была бы опора.

Что думаешь ты предпринять для того,
Чтоб мне поскорее увидеть его?

И как поступить мне, — я думой томим, —
Кого бы скорее послать мне за ним?

Письмо ли послать, иль отправить гонца,
Исполни, что надобно, все до конца!»

Ответ Огдюльмиша элику

И молвил в ответ Огдюльмиш: «На вопрос
Ты сам, о элик, и ответ произнес.

Тебе про собрата поведал я честно,
Придет ли он, нет, — это мне неизвестно.

Придет если — значит, он ценит твой зов,
А нет — значит, был он к приказу суров.

Не будет ли в этом элику обид,
Меня пред тобою сей муж посрамит!»

Ответ элика Огдюльмишу

Элик отвечал: «Я тебя вопросил,
Ответил ты мне в меру знаний и сил.

Зови, пусть приходит, а будет суровым —
Какие ж обиды? — не связан он словом.

Его ты за доблести многие славил,
Мне муж нужен добрых достоинств и правил.

Сказал ты, что он просвещен и умен,
И стал еще больше желанным мне он.

И знанья и ум — человечьи отличья,
А если их нет, люди — в скотском обличье.

И ведают дело познанья и ум,
И действуют смело познанья и ум.

Есть слово об этом — с такою же думой,
О муж благородный, внемли и подумай:

«Познания — ключ к разрешенью загадок,
Все знай, все пойми — чти разумный порядок.

Все знай: где, когда применить свои знанья,
Учись и не будь на безмыслие падок!»

Не мне одному от него будет прок,
Тебе от собрата — и прок, и урок.

Нашелся сородич — сородич полезен,
А нет его — сердцу и сродный любезен!

Сказал очень складно властительный бек
О том, что роднею силен человек:

«Имеющим родичей — честь и почет,
Имеешь друзей — слава есть и почет.

Нет родича — другом его замени:
Надежный товарищ — не хуже родни!»

Ответ Огдюльмиша элику

«Элик достославный, — сказал Огдюльмиш, —
Все сделаю я, если ты повелишь.

Прикажешь — к отшельнику сам я пойду,
Его призову, разговор заведу.

Всех дел объясню ему суть и основу,
По разуму слово прилажу я к слову.

А если элик сам наказ свой напишет,
Тот муж его властную волю услышит.

Не принял бы весть он за мой произвол,
Приказ твой услышав бы, прочь не ушел!

Скажу ему я — будет прок невелик,
Другое — приказ, что напишет элик!

Внемли, благородный, словам мудреца:
«Указ ловит в сети простые сердца!»

У мудрых еще есть прекрасное слово:
«Развяжет все узы всевластное слово!»

Раба теплым словом порадуют беки —
И раб уже их не забудет вовеки.

И ежели бек сладкоречье постиг,
Весь люд его любит — и мал и велик!»

Ответ элика Огдюльмишу

«Что ж, — молвил элик, — я его заманю,
Письмо напишу — залучу в западню!

Готовься пока и пойдешь ты к нему,
Не медля, сейчас приступлю я к письму».

39

Повествуется о том, как элик Кюнтогды написал и отправил письмо Одгурмышу

Бумагу потребовал он и чернила,
Письмо стал писать, дело начато было.

Сначала сказал он о боге всесущем,
Все в мире создавшем, взрастившем, ведущем:

«Письмо начинаю я с имени бога,
Оно нам во всех наших бедах подмога.

Бессчетны мои похвалы-величанья
Творцу, что вовеки не знает скончанья.

Создать пожелал он и создал всех сущих,
Для жизни дал пищу, вскормил всех живущих.

Поистине славен творец всемогущий,
Создавший всех тварей, им силы дающий!

И небо он создал, и солнце с луною,
И тьму, и сиянье, и время земное.

Он создал всю ширь поднебесных раздолий —
Кружиться дано им господнею волей.

Но прежде творенья дал силы он року —
Смирись, покорись этой силы истоку!

Ей все удается свершить, что желанно,
В велениях воля ее невозбранна!

Мудрец, шлю тебе я привет мой и зов,
Надеждою льстясь, что ты жив и здоров.

Здоров ли, дана ли тебе благодать,
Легко ли несешь ты судьбы своей кладь?

Я слышал, что доблестью ты наделен,
Какой и не знают мужи всех времен.

Свою благодать даровал тебе бог —
Быть умным и мудрым тебе он предрек.

Слыхал я тебе очень много похвал
И ясный твой лик увидать пожелал.

Тебе эту весть принесет Огдюльмиш,
Твой родич, — ты слово мое да услышь!

Но ты от родни своей близкой далек,
К селеньям и людям не знаешь дорог.

В горах, одинок, ты несешь свой обет;
В служенье таком веры истинной нет!

И что за обида тебе от родни,
Что ты отрешен от нее, объясни!

Обиды ли были тебе или гнет,
Приди, объясни мне причину невзгод.

Я силой законные меры приму,
Живи здесь и счастью будь рад своему.

Родные бывают полезны родным,
А польза приятна всем людям земным.

С роднею поддерживать лад надлежит,
С друзьями быть добрым, как брат, надлежит.

И ежели в людях согласие есть,
Поверь мне, плодов его пользы не счесть.

Внемли, что гласит назидательный стих
О том, сколь полезно согласье двоих:

«Где в черную землю льют светлые воды,
Богаты цветеньем обильные всходы.

Где в добром согласье друзья и собратья,
Они — как родные на долгие годы!»

Стезею служенья идешь — не забудь:
Служение людям — вот праведный путь.

И в селах и градах есть много святош,
А путь отрешенья от всех — нехорош.

Служению нужен учения свет:
Без знания — пользы в служении нет.

Два рода мужей — верх отличий людских:
Кто учится сам и кто учит других.

А все остальные — не лучше скотов,
Какою дорогой пойти ты готов?»

Наставление элика Одгурмышу

«Какой ты из двух изберешь себе путь? —
Скажи! А о третьем и думать забудь.

И если постиг ты ученьем все знанья,
Используй их, брось ты свой путь испытанья!

А если не ведаешь знаний — учись,
Себя к испытаньям служенья приблизь.

Внемли слову мужа, учащего знаньям,
Он ведал, как службу нести послушаньем:

«Служить хочешь богу — все знанья учи,
В науках — к заветным запорам ключи.

Сознательно служишь — бессчетны награды,
Глущам и молитвы не дарят отрады.

Невежде и бденье в поклонах не впрок,
Мудрец и во сне благодатью высок!»

И в городе служат смиренным обетом,
А ты там, в горах, преуспеешь ли в этом?

Обет послушанья твой очень уж прост,
О сын мой, — всего лишь молитва да пост!

Какое еще покаянное бденье
Возможно вершить там, — скажи в объясненье!

Подвижником ныне себя ты зовешь,
Да только обет твой — не подвиг, а ложь!

И тешишь себя ты обманом опасным,
Не льстись — покаяние будет напрасным.

О рвенье твоем да не ведает люд:
Как ты в нем ни стоек — все малым сочтут!

Достойный подвижник, всепреданный вере,
От глаз посторонних закроет все двери.

Внемли, ведь об этом и сказана речь,
Достойный, старайся совет сей беречь:

«Мужи свою суть берегут от зевак,
И сто лет послужат, а чтут за пустяк.

Обет покаянья таи от людей,
И слово мое — скрытой истины знак!»

Приди, здесь обет твой — где села и грады,
Отверзнется дверь тебе высшей отрады.

Будь людям полезен, их нуждам лихим,
Будь близок с родными всем сердцем своим.

Всем сердцем сочувствуй сиротам и вдовам,
Увечным, незрячим, хромым, нездоровым.

Со всеми — как надо, по чести — молись,
По пятницам — с ближними вместе молись.

И все, что имеешь, раздай неимущим,
Будь добрым, отзывчивым, помощь дающим.

Вот это и есть настоящий обет —
Спокойствие сердцу дарящий обет!

Достойный, в глуши позабыл ты об этом,
Лишь пост и молитву блюдешь ты обетом.

Себя лишь ты тешишь постом и мольбой,
Бездушен, кто занят одним лишь собой!

И ладно сказал муж один родовитый,
Сердечен, он людям был верной защитой:

«Достойный не помнит о пользе своей,
Он в муках радеет о благе людей.

И нужно быть мягче, сердечней, добрей,
И добрым и злым всей душою радей!»

Полезным быть людям — сколь сердцу любезно,
И лучше не жить, если жизнь бесполезна!

Достойные благо всем людям несут,
Они насыщают и пестуют люд.

И раб, что поверил в обет свой убого,
Не знает пути, чтоб возрадовать бога.

А если возрадовать хочешь творца,
Возрадуй рабов его верных сердца.

Что богу в твоем покаянном обряде!
Рабом ему будь чистой совести ради.

Зовешься рабом — верой, правдой служи,
А раб без служения — детище лжи.

Служить — долг раба, и служи неустанно,
И рвенье свое укрепляй постоянно.

Сказал очень верно всезнающий муж,
Внемли ему, правде внимающий муж:

«Служа послушаньем, кичливым не будь,
Служи, — ценит бог не бахвальство, а суть.

Служенье творцу — долг и доля раба,
Но, помня обет свой, про ум не забудь!»

Внемли, Одгурмыш, моему ты призыву,
Не мни, что себе я замыслил поживу.

Придешь — будет благо тебе самому,
А нет — я печалью себя не дойму.

И благу людей я служу моим зовом,
Не рушь их надежд ты упорством суровым.

Обдумай слова мои, — если я прав,
Не медли с уходом, суть дела поняв.

При мне будь, служи мне опорой-отрадой,
Заботой своей обездоленных радуй!

Тебе — воздаянье, мне — честь и почет,
Два мира господь тебе в дар наречет.

Наставь меня к благу — будь добрым слугою:
Идут за благими дорогой благою.

Будь в добрых деяниях мне образцом —
Обласкан ты, доблестный, будешь творцом.

Послушай, что сказано мудрым таджиком,
А мудрость таджиков в почете великом:

«Когда бек хорош для народа во всем,
Все — люду во благо, он счастьем ведом.

Не собственной пользе, а беку радей:
Где беку — добро, там — добро для людей

Подвластный хорош — он себя лишь блюдет,
А доблестен бек — процветает народ!»

А спросят про сущность меня человечью,
Про пользу всех дел человечьих, — отвечу:

Все доброе любят, у всех к нему тяга,
И вот в чем я вижу суть этого блага.

Все доброе — то, что полезно народу,
А польза — всегда человеку в угоду.

Муж добрый всегда предан людям, сердечен,
Будь предан и добр — будешь ты человечен.

Все это сумел я поведать письмом,
Калям осушил и кончаю на том!

Конечно, не все я сказал, но твой брат
Про все остальное сказать будет рад!»

Сложил он письмо и поставил печать
И стал Огдюльмишу посланье вручать

«Ступай, — он сказал, — о мудрец благородный,
Дополни письмо речью, сердцу угодной.

Прийти ко мне волю мою возвести,
Смотри, без него и не думай прийти!

Внемли, что сказал благородный мудрец:
«Не трать лишних слов, — был бы умным гонец!»

Какой еще речью тебя удостою? —
Все речи мои, о достойный, с тобою!

Ты сам и скажи все, что нужно сказать,
И все, что для дела потребно, уладь!»

Взращен в благонравии был Огдюльмиш,
Он вышел, сказав: «Будет так, как велишь!»

Коня оседлав, он поехал домой,
И дома, раздевшись, вкусил он покой.

И солнце зашло и к земле приклонилось.
Чело всего мира лучами багрилось.

Высь неба кудрями закрыла чело.
Завесою локонов мир облекло.

Свершив омовение, он помолился,
Велел сделать ложе и в сон погрузился.

Но вдруг он проснулся и поднял главу,
Свой лик эфиоп осветил наяву.*

И, снова омывшись, с мольбой вдохновенной
Ждал утра и четки низал он, смиренный.

И небо подъяло опущенный щит,
И мир был сияньем улыбки залит.

40

Повествуется о поездке Огдюльмиша к Одгурмышу

Он — сразу в седло, и, от дома гоня,
К отшельнику-брату направил коня.

И в дальний примчался он к родичу дол,
И, спешившись, прямо к нему он пошел.

И в дверь постучал он рукою, смущен,
И встал Одгурмыш, прерывая поклон.

И встретился с братом он, дверь приоткрыв,
И крепко связал их объятья порыв.

Брат взял гостя за руки, ввел его в дом,
И гость и хозяин уселись вдвоем.

И был он увидеть сородича рад,
И славу творцу возносил он стократ.

Сколь радостно после печальных разлук
Живыми-здоровыми встретиться вдруг!

И благо, когда, от родни отдалясь,
Опять обретаешь и близость и связь!

Сколь благостно, ежели любящий брат
По-дружески с братом увидеться рад!

И радостно, если сородичи-братья
Сердечно раскроют друг другу объятья.

Внемли, что сказал муж, радевший родне
И родичам преданный сердцем вполне:

«Когда бы все свиделись после разлуки,
Окрепло бы счастье, исчезли все муки!

Сколь это прекрасно, когда разлученным
Дарується благо друг другу дать руки!»

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

«Здорова ль родня?» — вопросил Одгурмыш,
«Здорова», — ему сообщил Огдюльмиш.

И снова спросил Одгурмыш: «Возвести,
Как ехал ты, как оказался в пути?

Я слышал, с эликом ты вместе всегда
И служишь народу по чести всегда.

И как ты оставил свой пост и людей,
Ведь тяготы службы — на шее твоей!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Тебя, — Огдюльмиш ему молвил в ответ, —
Узреть я хотел, ясноликий мой свет!

Тебя увидать поскорей мне хотелось,
Распутать узлы всех скорбей мне хотелось.

Хотел тебя видеть давно я, поверь,
А случай представился только теперь.

Не видел тебя уже долгий я срок,
И жаждал узреть, да собраться не мог.

Приспело свершенье желанья благого,
И я возношу благодарное слово.

Давалось бы лишь благоденствие нам,
Дано, мой желанный, свершаться мечтам!

Внемли, что сказал муж, стремившийся к цели,
Превратности времени знавший на деле:

«Живому дается свершенье желаньям,
Но благо даруется мукой-страданьем.

Покуда ты жив — все, что хочешь, добудешь,
Все дастся тебе, если целым ты будешь.

Цени не желанья, а жизнь, о живущий,
Желанное дарится жизнью бегущей!»

Послал исполненье желаний мне бог —
Во благо с тобою я свидеться смог!

Есть слово к тебе у меня, Одгурмыш,
Его я поведаю, ты — да услышь!»

41

Повествуется о том, как Одгурмыш беседовал с Огдюльмишем

«Твоим, — отвечал Одгурмыш, — я словам
Внимал, а теперь я ответ тебе дам.

Родством ты со мной себя крепким сопряг,
Даст бог тебе славу и тысячи благ!

Ты что-то еще мне поведать хотел,
Теперь же скажи, не откладывай дел».

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

Ему отвечал Огдюльмиш: «Моя речь
Твой взор сможет благостным светом возжечь!

Когда человек сам свой путь изберет,
На нем он, о мудрый, не помнит невзгод.

Услышь, что бывалый поведал об этом,
Внемли, о достойный, разумным заветам:

«Когда по желанию начато дело,
Едва только ступишь — и помощь приспела.

С мечтой и далекое кажется близким,
За близкое жизнь свою жертвуют смело!»

Нельзя мне, — сказал Огдюльмиш, — мою речь.
Скорбя о тебе же, на этом пресечь.

Родных ты покинул, живешь ты в глуши,
Вдали от людей, и кругом — ни души.

Сколь тягостный груз — твой жестокий зарок:
Ты голоден, наг, ты — один-одинок!

И родичам жаль всей душою тебя,
Как видеть все это, душой не скорбя!

Безлюдье сынам человеческим — вред,
Каких только тут не претерпишь ты бед!

Ка́к дома сидеть с этой болью я мог,
Не вытерпел мук я, не снес я тревог!

Творцом не тебе уготован был ад,
Тебе ль он судил долю мук и утрат?

За что же терпеть тебе эту страду,
Поведай про все мне, ответа я жду!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

Ему отвечая, сказал Одгурмыш:
«Я выслушал все, — ты ответ мой услышь!

Сердечные ты говорил мне слова,
Они — признак братства, примета родства.

А если родному родного не жаль,
Чужим и подавно — какая печаль!

Зачем изменил я родне и родству,
Зачем в этой дальней глуши я живу?

Я видел, что в вере я немощно хил,
И мнилось, что здесь укреплю я свой пыл.

Затем и пришел я в далекий предел,
Отшельником богу служить я хотел.

Привязанный прочно к соблазнам мирским
Не может обетом служить неземным.

И кто от людей не закроет врата,
Его служба богу — одна суета.

Смирять надо жестко и страсти и плоть,
Блаженство найти — значит их побороть!

И верно сказал муж достойных примет,
Что страсти для веры — преграда и вред:

«Два лютых врага наших — прихоть и страсть,
И праведный может в их путы попасть.

Поддашься страстям — станешь жертвой их пут,
А прихоти плоти в неволю влекут.

Умом пресекай все причуды страстей
И разумом прихоти все одолей!»

И суетных градов презрел я искус,
Влачу в этом доле я тяжкий мой груз.

И в этой глуши, удалившись от всех,
Забыл я пустого злословия грех.

Ты молвил, о брат мой, что сир мой досуг,
Но память о боге — мой преданный друг.

От родичей близких я ныне далек,
Я их от забот о себе уберег.

Непросто беречь человечьи сердца,
И лечит их раны лишь милость творца.

И если от дел моих польза мала,
То пусть от меня хоть не ведают зла!

И польза, и вред, и добро, и беда —
Все волей господней вершится всегда!

От горнего свода до водного дна
Все беды льнут к господу — все, как одна.

Все люди, о доблестный, сколько их нет,
Во благо все делают или во вред.

Ты спросишь — чем верность обету блага?
В дверь счастья войдет верный богу слуга!

Господня раба мы рабом и зовем
За то, что он кается ночью и днем.

Одобрит иль нет его бог — не забудь:
В служении — неизреченная суть.

И мне не во вред одинокий мой дол,
От прихотей плоти я волю обрел.

Послушай, о чем этот стих говорит,
И сам оцени его суть, а не вид:

«Укройся под сень одинокого крова,
Будь сирым и ведай свое только слово.

Свершенью обета служи одиноко,
Что можно свершить в одиночестве злого!»

О брат, ты общенье с людьми превознес,
Но как с ними жить и дружить, вот вопрос!

Пойми: вот ты ныне приехал ко мне,
И я не могу уж служить в тишине.

С одним лишь тобой я и побыл, а все ж
Мне — вред и ущерб, ты меня не тревожь!

Ведь ежели к людям вернусь я теперь,
Какое уж тут покаянье! — Поверь!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Я выслушал все, — отвечал Огдюльмиш, —
Но ты не гневись и ответ мой услышь.

В речах твоих с виду и есть будто прок,
А правду сказать, это все лишь предлог.

Живой должен ближнему благо принесть,
Тогда воздадут ему славу и честь.

Скажи, чем же суть человека добра,
Когда он не делает людям добра?

Жену надо взять и детей завести, —
Бездетный мужчина у всех не в чести.

Сказал муж достойный, внемли его речь,
Что нужно жениться и род не пресечь:

«Когда умирает бездетный, ворчат:
„О, если б оставил по смерти он чад!“

Оставит умерший детей и внучат —
Ему похвалы и по смерти звучат!

Бездетный скончался — и кончился род,
За ним — пустота, его имя умрет!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

«Хоть это и правда, — сказал Одгурмыш, —
Бывает иначе, чем ты говоришь.

Когда дети сердцем добры и чисты,
Все точно пойдет, как и сказывал ты.

А дети дурны — будешь жить ты, скорбя,
И сразу по смерти забудут тебя!

Покроет позором тебя их грызня,
Воспрянут враги, твое имя кляня.

С детьми враждовать — смысл вражды-то каков?
Гораздо приятнее жить без врагов!

Что светлого может дарить нам вражда?
«Вражда» и по звуку-то — родич «вреда»!

И смысл в изреченье глубоком сокрыт:
«В потомстве муж облик свой вечно хранит».

Об этом разумные помни слова,
В них праведность щедрого сердца жива:

«Печешься о детях, не зная покоя,
Да внятно ли им твое рвенье такое!

Вскормив домочадцев, уйдешь ты навеки,
Тебе — муки смерти, им — благо мирское!»

Кто женится, тот словно в лодке плывет,
Выходит он в море бушующих вод.

Детьми обзавелся — в посудине течь,
И как тут от смерти живых уберечь!

Должна бы отцу быть услада от чад,
Но дети отцу —и услада и яд!

И дети, когда у них черствы сердца,
Не вспомнят по смерти ни мать, ни отца!

Бывают ли дети такие верны?
О, нет — они плохи, дела их дурны!

Отец этих чад ношей мук сокрушен,
Он бремя мучений таскает, как слон!

С друзьями, сказал ты, с собратьями ладь,
Добро! Но и это — нелегкая кладь.

Премудрый вложил много разума в речь,
Что души нежны, их непросто беречь:

«Душа человека — что хрупкий сосуд,
Храни ее, сын мой, будь мягок, не крут.

И вот подтверждение нежности душ:
Их плавит жара, они мерзнут от стуж.

Порань душу друга — он злобой объят,
Обидишь врага — он враждебней стократ.

Где козни врагов, там и жизнь не сладка,
А жизнь, если враг она, — вовсе горька.

Сколь ни был бы мал и ничтожен твой враг,
Считай его сильным, о мудрый смельчак!

Комар, хоть и мал, а как недруг — силен:
От боли укуса подпрыгнет и слон!

Сказал муж, познавший, что значит вражда,
Проведший в борьбе своей жизни года:

«Будь чуток и к малым враждебным потугам,
Смотри, не кичись — не проймешь, мол, испугом.

Забудь про беспечность, общаясь с врагами, —
Врагу будь враждебен, а другу — будь другом!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

Ему отвечая, сказал Огдюльмиш:
«Пойми своим сердцем совет мой, услышь!

Господь сотворил этот свет с разуменьем,
Еду и питье осенил дозволеньем.

Кто дружит с людьми благородной души,
Дела его славны, друзья — хороши.

Кто людям полезен, будь с теми любезен,
Любой человек службой людям полезен.

Злосчастен и зол тот, кто сир-одинок,
Себя на бесцельную жизнь он обрек.

Кто людям не служит, тот — будто в могиле,
Не будь мертвецом и служи, пока в силе.

Муж доблестный, дружбой и братством ведом,
Прославлен в народе и славен трудом.

Ему все, что любо, при жизни открыто,
И в мире ином ему будет защита.

Ты будешь в беде — он умрет за тебя,
И счастьем твоим будет счастлив, любя.

Про все, чем ты славен, он людям расскажет,
А ты оплошаешь — язык себе свяжет.

Покоя лишает людей только враг,
Он все разгласит — будь ты плох или благ.

Но если бы враг не вредил столь лукаво,
Откуда взялась бы у доблестных слава?

Чем выше у мужа и слава и честь,
Тем больше врагов у избранника есть.

Кто знатен и честен, чья доблесть известна
Вражда у бесчестных к нему повсеместна.

К тому лишь, кто доблестен, недруг суров,
Дурной, как и мертвый, не знает врагов.

И знай: если муж ненавидим врагами,
То значит — он доблестней многих делами.

С врагами боровшийся — славой покрыт,
Вражды не изведавший будет забыт!

Внемли, что сказал муж достойный и зрелый,
Достигший желанного доблестью смелой:

«Мужчина ли тот, кто от тысяч врагов
В укор не услышал по тысяче слов?

Но волк обернется ль хоть раз на собак,
Заслышавши лай даже тысячи псов?»

Вот ты мне сказал, что людьми пренебрег ты,
И, чужд суесловию, сир-одинок ты.

Людей-то здесь нет, — говоришь ты о ком?
Живешь ты один, не в толченье людском!

А муж должен быть средь людей, но в общенье
Лишь сдержанной речью заслужишь почтенье.

Тебе нагрубят — мягок будь, не перечь
И сладко ответствуй на горькую речь.

Сам груз свой неси, помогай всем несущим,
Будь мужем, добром и за зло воздающим!

Всю злобу из сердца изгнать поспеши
И выскажи все до конца от души.

Внемли, что сказал муж достойный и честный,
Чья слава за это была повсеместной:

«Ни слова обиды себе не позволь, —
В душе от обид — неуемная боль.

Хвали даже тех, кто тебя и бранит, —
Тебе будет честь, им достанется стыд.

И даже на злобу ответствуй добром,
Муж дружит с добром, а негожий — со злом!

И если родные с тобой разошлись,
Ты сам, о достойный, себя к ним приблизь.

Обидчикам все их обиды забудь,
Прости их, и праведным будет твой путь!

И раб ли, рабыня ошиблись — прости,
А вины простил им — держи их в чести.

Муж доблестно должен нести свою кладь,
С терпением смертный свой час поджидать!»

Отшельником здесь ты живешь одиноко,
Достойный, какого дождешься ты прока?

Ни блага не видишь ты здесь, ни добра,
Не ведал ни золота, ни серебра.

Не нажил угодий, дворцов и палат ты.
Детей не имеешь — ничем не богат ты!

Неведома мощь тебе, власть над людьми,
А ею даруется слава, — пойми!

Утратил ты все, что копил год за годом,
Отшельником кличут тебя, сумасбродом.

Муж, многое кинувший малого ради,
Отшельником станет к своей же отраде.

Всем прочим сей путь — кров от бед-неудач,
Вся хитрость у них — лишь терпенье да плач!

А мужествен тот, что, удачлив в желанном,
Как муж, равнодушен к дарам, ему данным.

Он бедных и поит и кормит всегда,
И верность творцу в его сердце тверда.

Он сердцем не предан богатствам-соблазнам,
Потерь не оплачет стенанием праздным.

Достигнув желанного, власть утвердив,
В степенстве он сердцем и речью правдив.

И к этому есть подходящее слово,
Внемли, о достойный, в нем — делу основа:

«Тот — истинный муж, кто в заботе любой
Могуч и силен и владеет собой.

А самый достойный всех строже к себе,
Когда он обласкан счастливой судьбой!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

«По правде скажи, — отвечал Одгурмыш, —
Какое желанье ты в сердце таишь?

Что я ни скажу, ты прервешь мое слово,
Ответом меня остановишь сурово.

В чем умысел твой, ты открыто поведай,
Желанья свои растолкуй мне беседой!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Скажу, — отвечал Огдюльмиш, — тебе боле,
Я прибыл сюда по властительной воле.

Меня, услыхав тебе много похвал,
Элик Кюнтогды за тобою послал.

Тебя увидать он желаньем томим,
Доставить тебя к нему послан я им.

Как это ни трудно, а ты поспеши-ка,
Ступай и предстань перед взором элика!

Элик — повелитель, достойный султан,
Доверием подданных он осиян!

Блажен, кто увидит властительный лик, —
В обоих мирах он блаженства достиг.

Внемли, что сказал повелитель вселенной,
Суть власти познал его разум бесценный:

«Всеправедный бек благодатью храним,
Всем подданным благо даруется им.

Где праведный бек, доброй славой хорош,
Туда и ступай, там ты счастье найдешь!

Закон, справедливость — опоры небес,
Подгнили опоры — и в кровле провес!

И если бы беки закон не блюли,
Господь бы разверз все семь глубей земли.

Кто лик справедливого бека узрел,
Тому дан счастливый, безгрешный удел!»

Ты видишь — я ныне муж знатного чина,
Элик сей отрады и счастья причина.

Господь дал мне разум и знанье наук,
Благие свершенья — дела моих рук.

В служенье добру дал мне бог благодать,
Для блага людей я подъемлю их кладь.

Элик и тебя хочет видеть слугой,
Возьми, развяжи этот узел тугой.

Тебя повелел он мне вызвать к нему,
Не дай мне, достойный, уйти одному.

Письмо написал он своею рукой,
Взгляни, что он пишет, — прочти и усвой!»

Он, вынув письмо, дал его Одгурмышу,
И тот развернул его — что, мол, услышу.

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

Задумавшись, он в суть прочтенного вник,
«Весть мудрую, — молвил он, — шлет мне элик.

«Предстань предо мной!» — шлет элик мне свой зов,
И сказано много в письме добрых слов.

И все это мне — знак великих примет,
Что делать я должен — подай мне совет!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Элик тебе пишет, — сказал Огдюльмиш, —
И ты, уж конечно, в ответ не смолчишь.

В письме ты помянут, и это — почет,
Тебя он желает увидеть и ждет.

Кто сердцем любим, кого видеть желанно,
О том и в речах говорят неустанно.

Влюбленный сказал стих прекрасного склада,
Что образ возлюбленный — сердцу отрада:

«Возлюбленный лик перед взором витает,
А сколько ни смотришь — он тает и тает.

О том, что для сердца любезно-желанно,
Уста лишь откроешь — и слово слетает!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

«Скажи, — Одгурмыш ему молвил в ответ, —
Как быть мне, о доблестный, дай мне совет!

Ты — брат мой любимый, опора души,
Совет мне подай — братский долг свой сверши.

Прошу, помоги мне советом-наказом,
И в деле мне будет опорой твой разум!

Ты — родич мой, будь же и другом моим,
Равны близкий родич и друг-побратим.

Лишь ты мне и мил, чужд ты лести и лжи,
Я верю тебе, — что мне делать, скажи!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Зачем на вопрос. — произнес Огдюльмиш, —
Ты мне отвечать, о достойный, велишь?

Я — вестник элика к тебе, вестовой,
Зачем же потребен совет тебе мой?

«Поедем», — могу я сказать лишь одно,
И мне «Оставайся» сказать не дано!

Нам вместе служить — для меня благодать,
А ради себя как советы давать!

Услышь, что сказал преученый чигиль,*
Внемли ему, неуч, гордыню осиль:

«Не спрашивай тех, чей корыстен совет,
О доблестный, будет тебе только вред.

А добрый советчик, о брат мой, лишь тот,
Кто, давши совет, себе выгод не ждет.

А тот, кто для собственной пользы глазаст,
Заведомо вредный совет тебе даст.

Что ты ни замыслишь — с людьми обсуди,
Но дело, лишь сердцем одобрив, веди.

Ты сам больше всех себе верен в любви,
Других не расспрашивай, слово прерви!»

Ты сам себе в избранной цели — совет,
Зачем тебе мой в этом деле совет?

Тебя прибыл взять я из сих дальних мест,
И вот мой совет — собирайся в отъезд!

Те блага, что дарит общенье с людьми,
Найти не дано в этом доле, — пойми!

Ты сам выбирай: в жизни градов и сел
Немало есть благ, я их все тебе счел.

Ты знаешь, в словах моих правда мудра,
Тебе, видит бог, я желаю добра.

Тебя что за боль от людей увела?
Ступай к людям, делай людские дела!

Служи правоверным, помочь им стремись,
Дарует господь тебе райскую высь!

Будь сердцем и словом и делом правдив,
Живи, всюду счастье свое утвердив.

Живи не в безлюдье, а в гуще людской,
Людей не вини — наблюдай за собой!

Об этом, о мудрый, гласит этот стих,
Держись его смысла в деяньях своих:

«Куда ни пойдешь, добродетельным будь,
Не знатность цени в себе — добрую суть.

Кто служит добру, тот блюдет и себя,
Во всем избирай только праведный путь!»

Муж должен быть добр и в деяньях хорош,
В награду ты тысячи благ обретешь.

Благое вовеки пребудет благим,
Кто благо свершает, тот благом храним.

Свершай лишь добро, никому не вреди,
Куда ни пойдешь, без боязни иди!»

42

Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу о пороках сего мира

«Прилежно, — промолвил в ответ Одгурмыш, —
Я слушал, — и ты мое слово услышь.

Пленил этот мир тебя очень глубоко,
За благо ты чтишь проявленья порока.

И дива в том нет, — поговорка гласит:
«В любимом любой недостаток — не в стыд».

Плепен этим миром ты, все недостатки
Тебе в нем, о доблестный, милы и сладки.

Внемли, что влюбленный про то говорил:
«Кто мил, в нем и каждый изъян будет мил».

Вот признак любви, о достойный: дурное
В любимом и то не считают виною.

Ты любишь сей мир — вот тому верный знак:
Пороки его для тебя — лучше благ.

И если сей мир возносил ты хвалою,
Тебе я скажу, что я в нем вижу злое.

Бог дал нашим предкам за грех долю бед:
По воле творца стал темницей весь свет.

И что же в темнице желаешь найти ты?
В раю испроси себе благ и защиты!

В раю прародители ели зерно, —
Смиреньем очиститься в мире дано.

Лишь милое дьяволу богу постыло,
А все остальное создателю мило.

Кому бог дарует в награду почет,
Того он от скверны мирской бережет.

Довольство мирскими дарами убого:
Оно отвращает от веры, от бога.

Гордец, что себя вровень с богом вознес,
Мечтал о вселенной, а сдох, словно пес!

Богач неуемен в гордыне задорной,
Бедняк — и душою и сердцем покорный.

Рожденный нагим умирает нагим,
Зачем же тянуться к соблазнам мирским?

Зачем же, о смертный, ты спесь свою холишь?
Ты — гость на два дня в этом мире всего лишь!

Ты знаешь, живому есть смертный черед,
И смерть, затаившись, поры своей ждет!

В сей мир только входишь — и снова ворота,
И смерть в них уводит всех смертных —
без счета!

И тешиться в мире тебе лишь два дня,
Не жги себя жаром дурного огня!

Изменчив сей мир, его счастье сурово:
Что послано в дар — все отнимется снова.

Едины для смерти и бек со слугой,
Одно для нее и дурной и благой.

Одних призовет она к власти, и сразу
Им смена идет — по ее же наказу.

Не тень ли — соблазны, что дарит сей свет:
Ты к ним — они прочь, ты от них — они вслед.

Об этом же сказано верное слово,
Внемли его смыслу, муж сердца благого:

«Бежишь за соблазнами — их словно нет,
Ты — прочь, а они — за тобою вослед.

Соблазны мирские — враг веры твоей,
Опомнись: соблазны — всей вере во вред!»

Сей мир — что невеста с красой показною:
Лишь глянешь — и в сердце волненье шальное.

А сердце отдашь — пред тобою карга,
Ухватит за ворот — и свара долга!

И, нравом привычна к виляньям досужим,
Не сможет прожить и трех месяцев с мужем!

А если уж сердцем привязан ты к ней,
Всю жизнь тебе сгубит, — жалей-не жалей!

А жизнь человека отменно прекрасна,
Нельзя на тщету ее тратить напрасно!

Ведь жизнь — это благо: чтоб блага свершать,
Напрасно, о славный, ее не потрать!

Три вещи есть в жизни, их суть триедина:
Дурное, законное и середина.*

За скверное — кара, законному — счет,
А в том, что сомнительно, нужен расчет.*

Сей мир завлечет тебя да и прогонит:
Потешит — и вмиг благосклонность отклонит.

Лелея, он вскормит, изнежит тебя
И вновь заморит, гнетом бедствий губя.

К мученьям вести предуказано счастью,
И благу дано обернуться напастью.

Под кровом отрады — всегда слой невзгод,
Где мука вначале — там добрый исход.

Внемли, чему речь прозорливого учит:
«Забудь мир соблазнов — тебя он измучит!»

Богатство твое — горше нищих заплат,
Ты тем, что за бедность считаешь, богат!

И недругам всем, что тебя загубили,
Отмстишь ты, когда уже будешь в могиле.

Всему, что ты строил, наступит развал:
Развеется все, что в запас ты сбирал.

Недолог сей мир жизни быстробегущей,
Но вечен иной мир — за нею грядущий.

Всему отойти наступает черед,
И будет с тобой то, что следом грядет.

Разумный не тешит себя преходящим,
И мудрый грядущего ждет в настоящем!

Кто помнит о смерти, тот чужд суеты,
Кто знает, что смертен, — не знает тщеты.

Идущий в дорогу не связан жилищем:
Кочуя, мы лишнего скарба не ищем!

Ты — нутник, а мир — лишь стоянка в пути,
Тщетою в дороге себя не гнети!

Порочно пристрастье к богатству земному,
Оно суть и нрав изувечит любому.

Отшельникам чуждо прельщаться мирским,
Подвижники глухи к соблазнам земным.

Невидимый ловчий тебя ждет в засаду —
Соблазны рассыпал он, словно приваду.

Беспечны все люди, их — жадность влечет,
И как избежать им опасных тенет!

И сказано мужем, весьма многодумным,
Познавшим сей мир размышленьем разумным:

«Приманка видна, да не видно ловца,
Невеста нарядом пленяет сердца.

Ты жаден, беспечен, терпенья лишен,
А клюнул — в капкане нога молодца!»

А взять все богатства, что люди сбирали,
Всем тысячу лет можно жить без печали!

Да только что пользы: всем черный подстил
В земле уготован — во мраке могил!

И жизнь, что ты прожил, — тебе же отплата:
Лишь то, что ты дал ей, тобой будет взято.

В грядущий твой день к покаянью не льни:
Свидетель делам твоим — прошлые дни!

Три блага на свете — сей жизни услада,
Равно им всем трем естество наше радо.

И первое благо — еда и питье,
Жену взять — другое блаженство твое.

И третье — когда твое тело здорово,
И это вот благо — всем прочим основа.

И эти три блага — отрада отрад,
Но есть и три зла, — избегай их, собрат!

Еда и питье — это дело благое,
Но может, о брат, быть от них и дурное.

Всего лишь с трех пальцев еду бери в рот,
А больше глотнешь — перегрузишь живот!

Еду не усвоишь — разладится тело,
А в теле разлад — и болезнь подоспела!

Недуг — это первый от смерти гонец,
А смерть безотрадна, о славный мудрец!

Еще одна сладость — общенье с женою,
Ты словно умылся водой ледяною!

Да кроме того, еще дети пойдут,
Но вырастить их — тяжкий груз да и труд.

Внемли, есть и правильный стих на примете
О том, сколь накладны жена да и дети:

«Большая услада — общенье с женой,
А вред — словно мылся водой ледяной.

Бывает ли сладость вреда лишена?
Заплатишь за сладкое горькой ценой!»

Услада дана в жизни нашим желаньям,
Но вреден сей путь и чреват он страданьем.

Сколь радостна жизнь — ее сладостный срок,
Сколь горестна смерть, сколь исход мой жесток!

Все благо сей жизни — три рода утех,
И вот, о достойный, расплата за грех!

Один враг — соблазны, другой — наше тело,
Два этих врага манят в сеть нас умело.

И дьявол, враг веры, — вот третий наш бич,
Не дай нас, господь, его злобе настичь!

Но тело — глава всем лихим супостатам,
Оно нас и к бедам ведет и к утратам.

Помянешь ты бога — и дьявол ушел,
Отвергнешь соблазны — избавлен от зол.

А тело свое от себя не отринешь,
Его лишь велением смерти покинешь!

И верно сказал вящей мудрости муж,
А мудрых советов, смотри, не нарушь:

«Мне плоть моя шлет много трудных задач —
То смех от нее мне дается, то — плач.

Объять целый мир меня так и зудит,
То голод терплю, то по горло я сыт.

Исполнится прихоть — другая со мной,
Найти б исполненье еще лишь одной:

Я сам не могу их в себе побороть,
Пошли мне от них избавленье, господь!»

Да, тело — беда, все подачек канючит,
Чем больше жиреет, тем горше и мучит!

А жирной кобыле идти уж невмочь:
Спихнет седока и бредет себе прочь!

И пес зажиревший негож для охоты:
Чужды ему гончего дела заботы.

Утробу набьет — и забудет про дичь,
Ничто ему окрик хозяйский и клич.

И тело похоже на малое чадо:
Поест и умчится, куда ему надо.

Объешься — не встанешь, как силы ни трать,
Всем прихотям плоти нельзя потакать!

Три дня в этой жизни — всему завершенье,
А все остальное — лишь мрак сновиденья.

Грядущий день, прошлый — недолог им счет,
А встретит ли завтра кто ныне живет?

И мыслить о том, что за этим пределом,
Поверь, я считаю нестоящим делом.

Общенье с женой — лишь один краткий час,
Чтоб огненный пыл в теле мужа погас.

Погасишь ты жар этой страсти короткой
В объятьях с красоткою или с уродкой.

Услада для глотки — насытить живот,
А сытый не знает полезных забот.

Халва ли, ячмень, а насытишь утробу —
Полно все нутро, пища катится к зобу!

Но сласти ли ел или только ячмень,
Проспишься — несытым встречай новый день.

Послушай, что молвил бедняк многодумный,
Богат он был сердцем и зоркостью умной:

«Ты сладко едал, твое благо велико,
Я — просо и отруби ел, горемыка.

Насытившись, оба мы на ночь ложились,
Так шли и прошли мои дни, рассуди-ка!»

Ты копишь мирское — глядь, тело мертво:
Тебе два полотнища нужно всего! *

Богат ли ты, беден — для смерти едино:
В могиле все люди — единого чина!

Всего на два дня нам дарован покой,*
Так что ж обольщаться нам жизнью такой?

Ты жаждешь богатства, к мирскому корыстен,
А смерть тебя словит — вот истина истин!

И жизнь от тебя убежит в свой черед,
И злобная смерть твои жилы порвет!

Умрет, отойдет каждый ныне живущий,
Хотя и неведом день смерти грядущей.

Мы в юности ждем, чтоб росла борода,
А вырастет — ждем, когда станет седа.

А стали седыми — и смерть подоспела,
И нет на нее ни стрелы, ни прицела!

Себя в смертный час свой огнем не пали,
Что печься о благах сей бренной земли!

Не схожи ли блага с водою соленой:
Напиться нельзя, и язык — как сушеный!

Все люди подобны сухому песку:
Все жадный поглотит, хоть вылей реку!

Дела сего мира — что призрак бегучий:
Ты к ним — они мимо чредою зыбучей!

На призрак лишь глянешь — его уже нет,
Уйдет, как бы ты ни бежал ему вслед.

Кто плотскому чужд, тот в служении — спорый:
Не точит сей враг его хилостью хворой.

Не дай телу властвовать, шею не гни,
Шальны его прихоти — сгубят они.

Прошедшая жизнь безвозвратно промчалась,
И знать не дано, сколько жизни осталось!

Не порти оставшихся дней своих зря,
Жди смерти, смиренно молитву творя.

Внемли, что сказал муж, ко благу прозревший,
Все смуты и скверны в себе одолевший:

«Ты прожил свои быстротечные дни,
А дальше, кто знает, пойдут ли они?

Меж прошлым и будущим — краткий привал,
Вот жизнь, и о ней разговор не тяни!»

Давно уж я здесь и не знаю напасти:
Шло время, и я одолел свои страсти.

А ты вот зовешь меня в села и грады!
Поддамся страстям — где искать мне пощады?

Да, плоть наша — враг, зло у ней на примете,
И ею повсюду раскинуты сети.

Препятствуй, противься ее вожделеньям,
С ней ладит лишь тот, кто высок разуменьем.

Внемли, что сказал муж, себя одолевший,
Смиривший зло страсти, в нем прочно засевшей:

«Невольником плоти, о мудрый, не будь,
На веру способна она посягнуть!

И тот человек не зовется разумным,
Кто в деле страстям потакает бездумным.

Нет, разум тому человеку неведом,
Кто всюду за прихотью движется следом.

Неумным всегда вы того назовете,
Кто щедрую дань отдает своей плоти!»

Вся суть у глупцов, о мой брат, такова:
В них прихоти страсти — всему голова!

Таков этот мир, вот пороки его,
Пойми мою речь, я не скрыл ничего!»

43

Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу, как грядущий мир обрести служением этому миру

Сказал Огдюльмиш: «Муж счастливых примет!
Внимательно выслушал я твой ответ.

Внемли мне, и речь моя будет ясна,
И знанью и разуму в помощь она.

Ведь если сей мир полон горьких утрат,
Зачем же свой путь делать горше стократ?

Не суживай мир, будь к себе не суров,
Есть милость господня для грешных рабов!

Немало есть мук, но и милость сильна,
Во благо даруется грешным она.

Мучений страшись, уповай на творца,
Служи, рабский чин свой блюди до конца.

У тех, что уходят из градов и сел,
Удел покаянья в пустыне тяжел!

Весь мир для них рушится, жизнь их мертва,
С людьми у них рвутся все узы родства.

Бог создал два крова для собственных чад:
Один из них — рай, а другой из них — ад.

Все люди — в заботах мирских искони,
И в спешке мелькают их ночи и дни.

Ад — тем, кто не бога, а суетность чтит,
Но рай-то ведь тоже не пуст, не закрыт!

Два глаза, два уха бог создал, — заметь, —
Сей мир и грядущий и слушать и зреть.

Даровано людям и по две руки,
Два мира в объятья свои завлеки!

Дал людям всевышний и по две ноги,
Чтоб им в оба мира направить шаги.

Прекрасно сказал муж премудрости славной,
Достойный, прославленный мощью державной:

«О ты, кому дар разумения ведом,
Будь зорок, смотри, не случиться бы бедам!»

Обоим мирам бог и жизнь дал и строй,
Сей мир ты обрел, путь держи во второй!

Создал человека всесильный господь
И жаждущим и насыщающим плоть.

Ему и одежда нужна и еда,
О брат, в этом — жизнь, ее суть и нужда.

Живому, мой друг, без пожитков не жить:
И тело прикрой, и утробу насыть!

А если случится законный доход,*
Дай долю и бедным — пусть им отойдет.

Не ведать бы людям вещей и еды!
Увы, не прожить им без этой нужды.

Страшись божьей кары, но к богу взывай,
На милость господню всегда уповай.

И эти две думы — твой долг, не забудь,
Не сбейся с пути, знай смирения путь.

Муж мудрый прекрасно поведал об этом,
Невеждам слова его служат заветом:

«Боязнь и надежда — два верных крыла,
Держись их — благи твои будут дела.

Господним веленьям внимай, божий раб,
Взлетишь в небеса ты, не ведая зла!»

Надежда и страх — два крыла, их полет
Любого в высоты небес вознесет.

Надейся, не бойся, что много грешил,
Вложи в услужение богу весь пыл.

Служи, божий раб, в этом — должность раба,
Рабу его служба должна быть люба!

Веленьям внимай, перед ними смирись,
В смиренье к высотам дано вознестись.

Ты беден пред богом, смиренью будь рад
И помни: бедняк лишь грехами богат.

И, помня, что ты хуже всех из людей,
Всем людям добром, добрым словом радей!

Вот, все я сказал, что я знаю об этом,
Во благо себе следуй этим советам.

А если не примешь ты сказанных слов,
Ответь мне, достойный, я слушать готов.

А то ведь пространная речь бесполезна,
Она, если слов не пресечь, бесполезна!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

Задумался тут Одгурмыш тяжело
И вновь обратил он к пришельцу чело.

«О брат, — он сказал, — нелегко мне, не скрою,
Как истинный брат говорил ты со мною.

Полна твоя речь добрых дум и тревог,
За добрые чувства воздаст тебе бог!

И все ж, как помыслю об этом я деле,
Не вижу в нем, доблестный, правой я цели.

Что сердцу претит, от того оно — прочь:
Опасно все то, до чего не охоч.

И сказано мужем, разумно судившим,
Любимый людьми, был он чуток к любившим:

«Когда ты заботой о деле томим,
Сперва посоветуйся с сердцем своим.

Все замыслы-думы с людьми обсуди,
Но сердце силком за собой не веди.

Ты сам себе ближе всех прочих людей:
Что сердцу не любо, о том не радей!

Свершая немилые сердцу дела,
Добьешься, о славный, не блага, а зла!»

Нет к этим делам в моем сердце любви,
Оставим и речь о них, — милость яви.

Прости меня, доблестный, волею братней,
Покинь меня, здесь мне остаться приятней!

Для службы элику лишен я даров,
Ни делом, ни словом служить не готов.

От мира бежав, здесь живу я — в пустыне,
Зачем же назад возвращаться мне ныне?

И, связан обетом, служу я творцу,
И людям служить мне теперь не к лицу!

Позволь служить богу мне верно, не всуе,
Пред ним и мольбу за тебя вознесу я.

А будет нужда, чтобы свидеться нам,
Ко мне не езжай, я найду тебя сам.

Мне — тяжкий удел, тебе — добрая доля,
Элику служи, его подданных холя.

Внемли, что сказал добродетельный муж,
Приближенный к службе радетельной муж:

«Печалишься сердцем о благе людей —
Желанное близко, — бери и владей!

Кто с честным желаньем намерен идти,
Тот счастье найдет, не устав от пути.

Когда человека желанье влечет,
Отыщет он все, и усталость — не в счет!»

Муж, всеми любимый, сказал очень складно,
За верность была его слава изрядна:

«Все близкое сердцу не ведает дали:
Что близко, то в сердце живет не всегда ли?

От дальнего запада близко к востоку,
Когда близкой верностью сил вам придали!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Я выслушал все, — отвечал Огдюльмиш, —
Теперь и ты тоже ответ мой услышь!

Как хочешь, тебя я неволить не стану,
О брат мой, не надо таить в сердце рану.

Я смолк, что ж, живи, тишь и благость храня,
Ответ дай письмом, не позорь ты меня!

Письмо тебе было рукою элика,
И, раз ты не едешь, ответ напиши-ка!

Готов от тебя взять ответ я теперь,
Обдумай слова, силу слов соразмерь.

Пиши же письмо, ничего не забудь,
О мудрый, к элику держу я свой путь!»

44

Повествуется о том, как Одгурмыш написал и отправил письмо элику

В ответ произнес Одгурмыш: «О мудрец,
Письмо напишу я, и — делу конец».

Спросил он бумагу, калям и чернил
И тут же начало письму положил.

Сначала сказал он о боге всесущем,
Все в мире создавшем, взрастившем, ведущем.

«Хвалам моим богу неведом и счет —
Вовеки, на долгие годы вперед.

Он землю и небо и солнце с луной —
Все создал, — свет солнца и сумрак ночной.

И создал он тварей живых без числа,
И пищу им всем его воля дала.

Един, создал он двух миров вещество,
Не выразить счетом единство его!

Един он и сущ, вездесущ, но безлик,
Не тщись в своем сердце держать его лик.

Един и могущ он, велик и высок,
Стоит он над всем, чему имя нарек.

Всех создал он — сонмы подвластных своих,
И он осенил милосердием их.

Во тьму был одет сего мира чертог —
Он волей своею в нем солнце возжег.

Вверху сотворил голубую он высь,
И солнце с луной там, и звезды зажглись,

Над бурой землею и светлой водой
Вверху — чистый ветер и жар огневой.

И создал он все — сушь и водь, жар и зной,
Всего дал и всем — каждой твари земной.

И всем он воздать по желаньям их смог,
Все создал один он, не зная подмог.

Все в воле его: лени выказать честь,
А рвенье притворное вредным почесть.

Исполнится все, если скажет он «Будь!» —
И воли его никому не минуть.

Посланнику тысячи тысяч похвал,*
Ведя нас, он всем правый путь указал.

С мольбой об элике пишу я ответ,
Здоров будь, о мудрый, не ведая бед.

Письмом своим честь оказал мне элик,
Прочтя его, я свет блаженства постиг.

Наказам и добрым советам я рад,
Слова их добрей самых высших наград.

И славен властителем данный обет,
Что буду почтен я, и сыт и одет.

Любой, кто вкусит от таких же щедрот,
С великой охотой весь мир обойдет.

И если, еще не служив, я почтен,
Как мне не ценить этих добрых времен!

Но есть в этом знак и недобрых примет:
Пойти к тебе — беды накликать вослед.

Во-первых, в служенье неопытен я,
Не в радость тебе будет служба моя.

Законы-обычаи слуг мне чужды,
Дурны у неопытных слуг и труды!

Второе: я знаю, что мир сей жесток,
От козней его сам впаду я в порок.

Доверившись богу, я веру блюду,
И бог да не даст мне изведать беду!

Для глотки все есть у меня и для плеч,
А что же еще мне из скарба беречь!

Одежда для плеч и для глотки еда
В достатке даны мне от бога всегда.

Он создал меня и доныне берег,
И впредь, о владыка, поможет мне бог.

Тебе бог послал твою долю даров,
Ужели ко мне он пребудет суров?

Богатство и бедность, и радость и гнет —
Приемлю я все, что господь мне дает.

В господних вратах несть обет я свой рад,
Всем людям собраться б под сень этих врат!

А если к твоим я отправлюсь вратам,
Каким добрым помыслам жизнь я отдам?

У господа оба рабы мы с тобой,
И в рабстве — единой судьбы мы с тобой!

Слугой у раба быть негоже рабу,
Позор, если раб служит тоже рабу!

Когда в человеке есть ревностный пыл.
Он богу служить изо всех должен сил.

Прекрасно сказал муж чистейшей души,
О мудрый, себе эту мудрость внуши:

«Ни сытым не надо служить, ни голодным,
Зачем ты влечешься к послугам бесплодным?

Лишь богу служи — днем и ночью, бессменно,
У врат его стой, будь ему лишь угодным!»

Внемли четырем моим просьбам, элик,
С покорной мольбою к тебе я приник:

Бессмертье мне дай, вечных лет благодать,
Дай вечно быть юным, старенья не знать,

Здоровье мне дай, прочь все хвори гоня,
И сделай богатым, не бедным меня!

Исполнишь — к твоим припаду я стопам
И всю свою жизнь тебе в жертву отдам!

И если мольбу ты исполнишь мою,
Я — раб твой, элик, — тебе руку даю.

3760 А если не властен ты мне порадеть,
То чем же сильнее меня ты? — ответь!

Что съесть, что надеть, — я не знаю забот:
В чем будет нужда — все господь мне пошлет.

От бога — и славный, и жалкий удел,
И жизнь он дарует и смертный предел.

Кто чтит эту истину — мудр и велик,
А есть ли иное, владыка владык?

Хранит меня только всевышний господь,
И ты себя этой нуждой не заботь!

3765 Служа тебе, должен тебя я беречь,
Здесь — бог бережет меня, — вот моя речь!

Пока ты не сыт, мне еды не иметь,
А бог сам не ест, но дарует мне снедь.

Не надо просить мне о бедах моих:
Я рта не раскрою — он знает о них.

Без стражи живу я, без поводыря,
Ничей меня гнет не обидит зазря.

Ты мне не простишь ни одной из обид,
А бог мне и тысячу вин извинит.

3770 Услышь согрешившего верную речь,
Заветную тайну сумел он изречь:

«О добрый господь мой, ты — мой господин,
Лишь ты надо мною владыка — один!

Лишь ты мне надежда в юдоли скорбей,
Бездольным опора — в поддержке твоей.

Ты — помощь в недугах, услада от мук,
Опора в беде, в одиночестве — друг.

И все, чему рад я, чем тешусь, любя,
Все это, всевышний, — дары от тебя.

Я грешен безмерно, господь, пред тобой,
Но что все грехи пред твоей добротой!

Прости, ведь не трудно тебе, ты могуч,
Что пользы карать меня мукой? Не мучь!

Я грешен, а ты милосердьем велик,
Тебе подобает щадить горемык!

Накажешь — достоин я кар, — удостой!
Простишь — так прости, — ты велик добротой!

Ты знаешь, что мне только ты — господин,
Я знаю: ты понял, ведь ты — всеедин.

Порочный, влачусь я в пороках, скорбя,
Ты — добрый, и вся доброта — от тебя!

Правдив я, — возьми мою душу в залог,
Другого залога найти б я не смог!»

Сей мир быстротечен и краток, элик,
И жизнь, чуть начавшись, кончается вмиг!

Зачем мучить думой пустою себя,
К чему обольщать суетою себя?

Глядишь, все отходят — отец, сыновья,
И братья, и мать, — где родня, где семья!

Все смертные смертны, и каждый живой
Покрыт будет в час свой урочный землей.

Беспечен не будь, стань радивым, элик,
По смерти будь доброю славой велик.

И если ты зря прожил прошлые дни,
Хоть будущих дней суетой не черни.

Возьми лишь что нужно из прожитых дней
И к будущим дням подготовься верней.

И я как размыслю и в толк все возьму,
Мне ехать отсюда к тебе — ни к чему!

Всем сердцем отверг я жестокий сей мир,
И верен творцу я, спокоен и сир.

Пусть даст мне элик жить в затворе моем,
И я вознесу здесь молитвы о нем.

Чем я пригожусь тебе — пользой какой?
Будь сам себе нужен, — совет тебе мой!

Будь ты, как и я, от людей в стороне,
Они и тебе не во благо и мне.

Я здесь доживу дни оставшихся лет —
В отраду творцу свой исполню обет.

Мне хватит всего, а иное — тщета,
И жалок сей мир, его суть — пустота.

Проносится жизнь, словно вихрь-ураган,
Прозрел я, и жаром скорбей обуян.

Утробою — сыт я, и телом — одет,
А мир — пусть он сгинет, в нем доброго нет!

Сказал человек, что одет был и сыт:
«Кто всем обеспечен, тот беком глядит».

И ладно сказал муж, судьбою довольный,
Обретший в довольстве дар жизни привольной:

«Накормлен я тем, что дарует сей свет,
Одет — тем, во что я сегодня одет.

Пока буду жив — пропитанье найду:
Поможет господь, если нужного нет!»

Элик меня кличет для службы при нем,
Но знаньями слаб я, и плох я умом.

Он думает — я буду годен для дел,
Не гож я и все — тут и слову предел!

А речь о делах — я в делах слабоват,
За тысячу слуг тебе служит мой брат.

А хочешь, элик, мне хвалу вознести,
Так сам будь хорош и себя предпочти.

За тысячей добрых забот не гонись,
К единой стезе свое рвенье приблизь.

Ведь тысячи тех, кто во славе велик,
Собрал при себе для служенья элик.

Элику какой от меня будет прок?
А делал без пользы — ничем не помог.

Меня не неволить прошу я тебя,
Оставь меня здесь, обо мне не скорбя.

О многом поведать тебе я был рад,
А все остальное расскажет мой брат!»

И тут же конец положил он письму,
И брату он отдал письмо своему.

«Вот, все, — он сказал, — я не скрыл ничего, —
Ты знаешь, мой друг, суть письма моего.

Да внемлет элик, — все слова свои взвесь,
И пусть он позволит остаться мне здесь.

Ведь носят послы и ответную весть,
И ты должен тоже ответ мой отнесть.

Внемли, Уч-Ордынский властитель изрек,
Он это сказал всему люду в урок:

«Посол не собьется — тогда он пригож:
Он истину слов передаст, а не ложь!»

Мысль тюркского хана отлична была:
«Посланник правдив — не сбивайте посла!»

И ведай: бессмертен правдивый посол,
Что речь по наказу пославшего вел.

Послу быть посредником слова дано:
Его передаст он — бессмертно оно!

И если посол все, как есть, передал,
Ему не жалей ни наград, ни похвал!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Ты слово сказал, — отвечал Огдюльмиш, —
И внял я всему, что ты мне говоришь.

В ответ на письмо написал ты и сам,
Давай мне письмо, я его передам.

Но, брат, я скажу о сомненье моем:
Властитель не даст тебе быть не при нем.

Меня с тем же словом пошлет он опять,
Тебя он, о мудрый, желает призвать!

Он снова мне ехать к тебе повелит,
А ты не приедешь — он будет сердит!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

На это сказал Одгурмыш ему: «Брат,
К чему эти речи, что душу язвят!

Поверь, я не в силах отсюда уйти,
И ты во второй раз себя не гнети.

Молить об отказанном — злая беда,
Взывать безответно — сгореть от стыда!

Внемли, речь разумного мужа мудра,
Немало видавшего зла и добра:

«Отказ получив, и не тщись умолять,
Просить безответно — усилий не трать!

По дальним дорогам не ходят пешком,
А если пошел — так неси свою кладь!»

Ступай же, — сказал Одгурмыш, — в дальний путь,
А вновь не езжай сюда, — не обессудь!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

И, встав, произнес Огдюльмиш: «Я гляжу,
Иссякли слова мои, я ухожу!»

И брат провожал Огдюльмиша, и снова
Про все, что он думал, сказал ему слово.

Коня оседлав, по дороге прямой
Скакал Огдюльмиш и приехал домой.

Лик солнца, сокрывшись за землю, исчез,
И стало как соболь чело у небес.

Стал мир, словно в уголь, во тьму погружен,
Смежились глаза — тишь повсюду и сон.

Велев постелить себе, лег Огдюльмиш,
Поспал и стряхнул с себя сонную тишь.

С востока палящее пламя взошло,
Как будто невеста открыла чело.

Воздвигнулся солнца сияющий щит,
Чело всей вселенной, как жемчуг, блестит.

И утром пошел во дворец он из дома
И там попросил у элика приема.

Вопрос элика Огдюльмишу

«Ну как Огдурмыш там? — элик произнес. —
Поведай мне все, отвечай на вопрос.

О чем речь он вел, много ль терпит невзгод,
О чем помышляет, с кем дружбу ведет?»

Письмо Огдюльмиш дал, послушен приказу,
Элик развернул и прочел его сразу.

Зардел его лик, но потом, просветлен,
Вздохнул глубоко и задумался он.

«Да, — молвил он, — брат твой в словах ядовит:
Я — с шелком к нему, он — шипами язвит.

Но нету вины за правдивое слово,
Ведь слово правдиво, а правда сурова!

А устно что молвил он — речью какой?
Что слышать пришлось тебе, все мне открой!»

Ответ Огдюльмиша элику

Элику словами дополнил он весть,
Всю правду поведал ему — всю как есть.

«О, мы, — он сказал, — говорили о многом, —
То я, а то — он, — в рассуждении строгом.

Я долго вел речь, отвечал он короче,
Настаивал я — он смежал свои очи.

И что я ни делал — все было не впрок,
И смолк я, а он был по-прежнему строг.

И речи его все ты слышал, владыка,
Мудра его мысль, разуменье — велико.

Да, если уж сердце тоскует, томясь,
Во всем человеке беда завелась.

И ладно сказал муж, он смелым прослыл:
«Расстроено сердце — все тело без сил!

Главенствует сердце над членами тела,
Вослед за главой слуги следуют смело.

Желаешь чего-либо — сердце упрочь,
Не то ему в тяготах будет невмочь!»

Ответ элика Огдюльмишу

«О, да, — отвечал Огдюльмишу элик, —
Твой брат человечною сутью велик.

Не слышать бы мне его слово и слог,
Не знать бы, сколь он совершенством высок!

Но слышал я все, и — в душе он моей,
Будь верен мне, просьбам моим порадей:

Да будет при мне он, — ты дело уладь,
Негоже веленьям моим не внимать!»

Ответ Огдюльмиша элику

В ответ Огдюльмиш произнес: «О элик,
Ты, избранный, сутью и властью велик!

Я брату сказал, завершая беседу:
Элик повелит мне — я снова приеду.

Тебя не оставит он жить среди скал,
С почтеньем, но я ему это сказал.

«Не езди за мною, помилуй, — просил он, —
Уволь, не нуди меня силой!» — просил он!»

Ответ элика Огдюльмишу

«Я это, — промолвил элик, — понял тоже,
Но все это бред, — заблуждаться негоже.

Да что ж это будет: задумаешь дело,
Мечтаешь — а тут неудача приспела!

Властительным быть властелину легко ли,
Когда не блюдут его власти и воли!

Приметы величья правителя в деле —
Достигнуть удачи в желаемой цели.

Когда сердце хочет, а в деле помеха,
Лекарство одно лишь — добиться успеха.

А эта мечта моя — словно недуг:
Не будет леченья — умру я от мук!

Послушай и твердо усвой этот стих,
Пойми, мой желанный, суть мыслей благих:

«Хоть каждой болезни лекарство полезно,
Иному недугу знахарство полезно.

А сердцу, мечтой заболевшему прочно,
Исполнить ее без мытарства полезно!»

Ответ Огдюльмиша элику

И вновь речь повел Огдюльмиш: «Досточтимый!
Не сыщешь ты болести неисцелимой.

Да будет элик вечно жив и здоров,
Твой раб жертвой пасть за владыку готов!

Я речь свою вел в исполнение долга,
Нет пользы о горе печалиться долго.

О том же гласят и слова мудреца:
«Веди осторожно всю речь до конца!

Но есть и в молчании польза и прок,
Язык на меня много бедствий навлек.

Не сказано слово — оно тебе раб,
А сказано — раб ты его цепких лап.

Без спешки подумай, словам веди счет,
Поспешность к раскаяньям поздним ведет!»

Не думал я, что зрелый муж Одгурмыш
К тебе не поедет, когда ты велишь.

Элик его ждет, ну а я и стократ,
Его доброй помощи я буду рад.

Мечтаю, что мы вместе с доблестным мужем
Элику единую службу сослужим.

Но сколько ни тщился поладить я с ним,
Противился он уговорам моим.

А снова идти — что ж, пойду я к нему,
Скажу все, что нужно, — быть может, пройму!

Но ты и письмо напиши ему вновь:
Чтоб верил он мне, ты письмо приготовь!»

Ответ элика Огдюльмишу

Элик отвечал: «Ты письмо уже свез,
А вышел ответ на него — горше слез!

Зачем это я и письмо еще дам? —
Довольно того, что поедешь ты сам!»

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш: «О властитель, внемли,
Ты лучше письмо ему все же пошли.

Посол как бы ни был и прям и правдив,
А все ж без письма будет тщетен призыв.

Письмо — от знакомого знак и привет,
Где есть подтвержденье, там хитростей нет!»

Ответ элика Огдюльмишу

«Что ж, — молвил элик, — я на просьбу твою
Ему напишу — на своем постою.

Письмо-то письмом, но, смотри, от письма
Успеха не жди, муж благого ума!

Что нужно сказать, все скажи ему въявь,
Ко мне призови, привези и доставь!»

45

Повествуется о том, как элик Кюнтогды отправил второе письмо Одгурмышу

Бумаги себе испросив и чернил,
Элик взял калям и к письму приступил.

И с имени господа начал он слово —
Создателя, господа сил всеблагого:

«Всемощному тысячекратна хвала,
Чья воля превыше и правды и зла.

Ни с чем не слиян, быль он плоти лишит
И все небылое во плоть воплотит.

Будь сердцем и разумом — с вечно единым,
Смиренно склонись пред своим господином.

Он вмиг воплотит ему нужную суть,
И явится все, чему скажет он: «Будь!»

И дар бытия дал живущим он всем,
И смерть сотворил наравне с бытием.

Хвала и хула — у него под началом,
Главенствует он над великим и малым.

Знать думы господни уму не дано,
Веленья пресечь — никому не дано.

Да славится тысячекратно пророк,
С ведущим к добру да сведет меня бог!

И верным друзьям его всем — восхваленья,
Господь, дай мне с ними пребыть в единенье!

И много похвал в самой первой мольбе,
О славный мудрец, возношу я тебе.

Всем сердцем пишу я посланье мое,
Скажи, как, о мудрый, житье да бытье?

Тебе через брата я шлю эти вести,
Хочу, чтобы здесь был со мною ты вместе.

Не любо тебе, видно, ехать сюда —
Увидеть мой лик, быть со мною всегда.

И то, что ты сам написал мне в ответ,
Твой брат мне дополнил во время бесед.

Письмо я прочел, твоему внял я слову,
Внемли неуклонно и ты сему зову.

Я слово сказал тебе — слаще услад,
А ты мне в ответ дал испить горький яд.

Теперь и меня ты послушай опять,
Старайся, достойный, все в толк себе взять.

Подвижником веры ты стал среди гор
И праведным мужем слывешь ты с тех пор.

Об этом — о праведной славе твоей
Великая ходит молва у людей.

Во славу себе ты свершаешь обет,
Смотри, не подействуй себе же во вред!

Когда покаянье — толпе напоказ,
Вся высшая суть его рушится враз.

Держать нужно в тайне служенье творцу,
Его выставлять напоказ — не к лицу!

Возлюбленных слуг своих бог бережет,
Не должен судить их деянья народ!

Не ведает раб божий сам своих нужд,
Кто ж может узнать — люб он богу иль чужд?

Езжай сюда, к людям, живи среди них,
Смешайся с народом, безвестен и тих.

Довольствуйся малым — чем сыт каждый день,
Голодных насыть и нагих приодень.

Дозволенным сытый, муж добрых примет
В обоих мирах будет сыт и одет.*

О ты, не хотящий приехать, внемли,
Что мудрого мужа слова изрекли:

«Добром, коим доброго день одарит,
В обоих мирах и одет он и сыт.

А то, что скопил ты сверх пищи дневной,
Тяжелой обузой тебя истомит!»

Господним рабам, о мудрец, послужи,
Радетельны к людям благие мужи!

Ты здесь правоверным, при мне, порадей,
Зову тебя, праведник, волей моей!

Ты здесь будь полезен им в горестях их,
Не служащий людям — мертвец средь живых!

Не тот — человек, кто себя лишь блюдет,
А тот, кто о людях исполнен забот.

Не в том, чтобы вещи копить, благодать,
А в том, чтобы душу за ближних отдать.

И добрый — не тот, кто избрал тихий кров,
А тот, кто — с людьми и помочь им готов.

И что, скажи, люди зовут добротой?
Ответом, о мудрый, меня удостой!

Все добрым зовут мужа высших примет —
Того, кто людей исцеляет от бед.

Внемли мне, премудрый и доблестный муж,
Пойми мою речь, зрелый ум обнаружь.

И, если верны мои речи, тогда
Гордыню смири и — скорее сюда!

Досадливы речи из долгих словес,
Разумный слова свои тратит в обрез.

Довольно словес, не тяни свою речь,
Рассудку, сознанью, уму не перечь!

И если сказали не все мои речи,
Твой родич тебе все доскажет при встрече!»

И, кончив писать, свой калям он омыл,
Письмо завязал, осушив от чернил.

Клеймо приложил он к посланью — печать
И стал Огдюльмишу письмо он вручать.

Элик наставлял: «Отвези эту весть
И устно скажи, Огдюльмиш, все как есть.

Используй, как сможешь, умелость свою —
Вели ему ехать к людскому жилью.

Пусть скажет он все о желаньях своих:
Сюда он приедет — исполню я их!»

И «Ладно!» сказал Огдюльмиш, и домой
Приехал сей доблестный той же порой.

Вошел он, уселся, поел и попил
И лег отдохнуть в подкрепление сил.

Румийская дева сокрыла чело,
Весь мир эфиопскою тьмой облекло.*

Орлиная тьма небеса облегла,
Взъерошен весь мир, словно перья орла.

Велев постелить, с трудной думой он лег,
С заботой — что скажет он брату в урок.

Немного поспавши, проснулся он вдруг,
Ночь угольной тьмою чернела вокруг.

И встал он, уснуть ему было невмочь,
И черный свой полог раздвинула ночь.

И солнце взметнуло лучей перелив,
Жемчужной улыбкой весь мир озарив.

Умывшись, в мольбе преклонился он ниц,
И, встав, он молитву шептал, яснолиц.

Слуге повелел оседлать он коня
И выехал в путь, радость в сердце храня.

И спешился он, не доехав чуть-чуть,
И, пеший, молясь, продолжал он свой путь.

Пришел и к двери лишь притронулся он —
Открыл ему брат, прерывая поклон.

И дверь он открыл, преступая порог, —
Здороваясь, брата к себе он привлек.

И в дом Одгурмыш вместе с братом вошел,
Целуя, к почетному месту подвел.

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

Спросил он: «Зачем ты тревожился, брат,
И что привело тебя снова назад?

Ты слышал мое непреклонное слово,
Сам мучась, меня ты неволишь сурово!

Внемли, речь разумного мужа мудра,
Он ведал различие зла и добра:

«Разумному надо лишь раз посмотреть,
Ему только молви — все знает он впредь.

Чтоб ведать, чем разнятся злато и медь,
Их следует камнем лишь раз потереть!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Мне, брат, — отвечал Огдюльмиш, — тебя жаль,
Не мучь свое сердце, меня не печаль!

Слуга повеленьям властителя рад,
Он сразу же сделает все, что велят.

Посланье твое я властителю свез
И суть твоих слов до него я донес.

И он тебе тоже послание шлет».
И отдал ему он письмо — на, мол, вот!

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

И взял то письмо Одгурмыш и, смущен,
Прочел его с крепкою думою он.
«О брат, — он сказал, — в чем же суть и причина,
Что гневно письмо твоего властелина?»

43

Повествуется о второй беседе Огдюльмиша с Одгурмышем

Ему отвечая, сказал Огдюльмиш:
«О брат мой, пойми мое слово, услышь!

Желает добра тебе только элик,
И он в доброте своей добр и велик.

Конечно, ты здесь служишь ревностно вере,
Благие тебе да отверзнутся двери!

Но доброе дело — жить вместе с людьми,
Тебе говорил я об этом, — пойми!

И счастье мирское — не зло, не порок,
Обретший его будет славой высок.

Ты праведен, предан ты жизни грядущей,
Сей путь — путь, к великому благу ведущий.

Но злом не зови ты и блага земли,
Ешь сам, людям дай, их чело просветли!

И ладно сказал доброй щедрости муж,
Усвой сей завет и его не нарушь:

«Богатство — к деяньям добра проводник,
Любую болезнь оно вылечит вмиг.

Обретший достаток — учен и умен:
Великие блага добыл себе он.

Все цели доступны тому, кто богат,
Он к небу взнесется, не зная преград.

Паломником хочешь быть — нужен доход,
И к воинским почестям он же ведет.

Тому, кто достатка добыть не сумел,
Вовеки не ведать и доблестных дел!»

И что же забыл ты про истину эту,
Не внемлешь рассудка благому совету?

И можно ли верить в столь жалкий обет:
Обетом гордишься, а нищ и раздет!

Обрящешь ли бога ты службой такой?
Нет, путь поклонения — путь непростой!

И тысячи верно служивших обетом
На смертном одре забывали об этом!

А тысячи грешных, не знавших служенья,
В миг смерти познали благое смиренье.

Я знаю, что любо творцу моему, —
Мольба покаянья любезна ему!

А если об этом понятия нет,
То что же тогда настоящий обет!

А ежели так, надлежит покаянье
Вести до конца, — вот мои пожеланья.

О том, что сказал я тебе, рассуди,
Ответствуй мне, прав ли я, — все разгляди.

И ежели прав я в реченьях моих,
Последуй им, муж помышлений благих!

Смири свое сердце и, чуждый гордыне,
С людьми, тих и скромен, свяжи себя ныне».

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

Ему отвечал Одгурмыш: «Слушай, брат,
Печалишь меня ты, льешь в пищу мне яд.

Допустим, я слову бы внял твоему,
Поехал к элику, служил бы ему.

Служить — значит ведать закон и обычай,
И делом и словом держаться приличий.

Входя и садясь, ничего не нарушь,
Измучится службы не знающий муж!

Внемли, что служенье познавший изрек,
Он знаньем и опытом все превозмог:

«Когда при владыках ты службу несешь,
Будь сердцем и словом правдив и хорош.

Законы и правила службы познай,
Познаешь их — будешь для службы пригож!»

Далек от людей, я давно их оставил,
Ни делом, ни словом не ведаю правил.

И как стану беку служить я теперь?
О, нет, для меня заперта эта дверь!

Зачем же меня он неволит сурово?
Властителю ты передай это слово!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Негож, — отвечал Огдюльмиш, — твой ответ, —
О муж справедливый, в нем истины нет!

Властитель простит тебе все с добротой:
Сесть хочешь — садись, а стоять хочешь — стой!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

«О, нет, — отвечал Одгурмыш, — это слово
Негоже, о муж совершенства благого!

Тебе или мне, иль иному дано ли
Без правил все делать по собственной воле?

Нет, править страной, дать народам уклад —
То бекам дано, чтобы в мире был лад.

Устройство правления — дело владык,
Народ подчиняться законам привык.

Затем и дарована сила владыкам,
Им править дано в разуменье великом!

И ладно сказал всего мира властитель,
Народов разумный и мудрый правитель:

«Ум нужно иметь для властительных дел,
Народами правящий должен быть смел.

При этом должны быть и слуги добры —
Служеньем закону-укладу мудры.

Тогда и властитель величьем силен,
И недругов всех покорит себе он!

И если мы чтим и закон и уклад,
Годится ли в ладность вносить нам разлад!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«О брат, — отвечал Огдюльмиш, — что за речь?
Еда не трудна — стоит только налечь!

Закон и порядок я знаю, поверь,
Подумай о том, что скажу я теперь.

Не зная чего-либо, можно учиться:
Обучишься — все, что захочешь, свершится!

Об этом и муж, много знавший, сказал,
Не внявший словам его — разумом вял:

«Никто еще не был рожден мудрецом,
И разум и слово приходят потом.

Изучишь дела — станешь в них знатоком,
Кто знанья достиг, тот и с делом знаком!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

«Мысль эта, — сказал Одгурмыш ему, — странна, —
Тебе это любо, а мне нежеланно!

Вот ты меня мучишь теперь этим зовом,
А в чем твоя служба, — поведай мне словом.

Пойму или нет, но я слушать готов,
Хотел бы постигнуть я суть твоих слов.

О сути закона поведай мне мысли,
Порядки обычаев мне перечисли!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

Ему отвечал Огдюльмиш речью внятной:
«Ты верно ответил мне, о благодатный!

Был путь твой от разума очень далек,
Но ты себя к истине ныне повлек.

Я все расскажу, и да внемлет твой разум,
Внемли, все узлы развяжу я рассказом.

И если ты хочешь понять мою речь,
Не надобно лишних словес, не перечь!»

47

Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу о законах и правилах служения бекам

Есть два рода тех, кто служенье несет,
Влача день за днем груз забот и хлопот.

Один служит, с юности занятый делом,
Другой службе учится в возрасте зрелом.

Из этих двоих предпочтительней тот,
Кто с юности сердцем в служенье врастет.

Я все расскажу, и да будет началом
Рассказ о служении в возрасте малом.

Начнешь с середины — конец будет худ,
А в том, что негоже, недуги живут.

Желаешь быть зрелым — пусть речь будет зрелой,
Прямым хочешь быть — с прямотою все делай!

Кто хочет открыть услуженья врата,
Начать его в малые должен лета.

Он должен познать суть закона-уклада —
Входить-выходить благонравно, как надо.

С утра себя к делу послуг обратив,
Он должен быть скромен, прилежен, учтив.

В делах должен быть он и скорым и спорым —
Радивым и быстрым и слухом и взором.

А если при старших ты службу несешь,
Язык придержи да и слово устрожь.

А если сей малый прилежен к заботам,
Он будет и беком приближен с почетом.

И к беку входить ему дарится честь —
И выразить мненье и просьбу принесть.

Юнцу, что достиг сих высоких ступеней,
Властитель сам выберет путь услужений.

Служитель, смышленый в ведении дел,
В приеме просителей будет умел.

Отважного должно в стрелки назначать,
Правдивому можно доверить печать.

Кто праведен нравом и ликом пригож,
Для дела храненья напитков хорош.

Казну вверь тому, кто письмо знает, счет,
Разумный — для дел писарских подойдет.

Все слуги, когда им посилен их труд,
Боязненно, ревностно службу несут.

Внемли, что сказал муж, служение знавший,
Желанное службою верной снискавший:

«При беке себя благородно веди —
Боязненно стой и с опаской гляди.

Смиренным, опасливым, собранным будь
И, сердцем правдив, в речи меру блюди!»

Служеньем любое деянье свершится,
Служеньем дано с добрым другом сдружиться.

Добра себе хочешь — о службе радей,
Служи — и чело твое станет светлей.

При беке знай службу и взором и слухом:
Потупь очи долу и чуток будь ухом.

Ногами стой прямо, а руки сложи
И правую руку на левой держи.

Ступай прежде правой ногой у порога,
Внимай повеленьям прилежно и строго.

С прошеньем пришел — на колени пади,
Будь благостен, руки держи у груди.

Ни вправо, ни влево не глянь ненароком,
Веления слушай в смиренье глубоком.

Позволят сказать тебе — правду ответь,
Все в точности сделай, что будут велеть.

Не пей, не будь праздным, держи себя строже,
Беги от всего, что порочно, негоже.

О слышанном — будто не слышал, молчи,
Что видел — таить свой язык приучи.

Кто служит с уменьем, тот годен для дела,
И счастлив он будет во всем без предела.

Один из таких станет войску главой,
Другой — поведет конный строй боевой.

Кто годен в хаджибы, кто войско возглавит,
Иные себя и в науках прославят.

Достигший служеньем столь славных высот
Удачу в желанном и славу найдет.

Один в разуменье проявит отличья,
Другой прилежаньем добьется величья.

Один — при владыке наперсник и друг,
Другой славен доблестью ратных заслуг.

Ябгу ли кто станет, югрушем, эльбеком,*
Снискавшим почет будет он человеком.

А если слуга станет славой богат,
Превыше того не бывает наград.

И ежели бек слуг возносит с почетом,
От них ему мзда — по его же щедротам.

Где слуги в почете, там польза верна,
И беку в желанном удача дана.

А если негожие будут в почете,
Немало вы бедствий от них обретете.

И мудрому мужу слова удались:
«Негожего мужа, смотри, не возвысь!»

Еще лучше мудрость такой вот науки:
«Подальше держи от невежд свои руки!»

Неумным и знанье не в пользу идет:
Невежды-глупцы развращают народ.

Когда бек радеет неумным смутьянам,
Он сам прежде всех спознается с изъяном.

И если неумный достигнет высот,
Властитель его ни за что пропадет.

И следует беку радеть своим слугам —
По разуму их, по делам и заслугам.

Слугу испытай, его нрав изучи
И только потом — по уму — отличи.

А бека — любить, ему верным быть надо,
Тогда от него тебе будет награда.

Внемли, что сказал бек, ценивший закон,
Законным обычаем властвовал он:

«Слуга есть слуга, сколь бы ни был ценим,
И служит он беку, что властен над ним.

А бек, как ни мал он, а все же он — бек,
И слуг своих выше он славой навек!

О ты, кому беками слава дана,
Чти их со смиреньем во все времена,

И с беками силой тягаться не смей,
И речи веди, взвесив все до речей!

Им послано счастье безмерных высот,
Они — что огонь, и тебя он сожжет!

Они — воплощенье и сущность судьбы,
И рады их власти должны быть рабы!»

И ладно сказал очень опытный муж —
Вознесшийся службой безропотной муж:

«Когда тебя беки приветят с доверьем,
Не льстись их приветом, будь зорок, не верь им.

И службой не льстись, не кичись и не чванься,
Тебе не простятся обман с лицемерьем!»

Велик ли он, мал или славой покрыт,
Слуга при служенье всегда состоит.

В служении бекам прилежность большая
Поможет путь службы пройти, не плошая.

И как тебя бек ни приблизил, ты сам
Держи себя строго, будь честен и прям.

Как беки ни ласковы, будь боязливым,
Не мни себя равным, будь зорким, сметливым.

Их речь то огнем жжет, то влагой журчит,
То будешь смеяться, то плакать навзрыд.

Три вещи опасны, не будь им соседом:
Огонь и вода приведут тебя к бедам.

К тому же повадками бек — словно лев:
Погладишь — что шелк, и сидит, присмирев.

А станешь дразнить — и простись с головою,
Упьется твоею он кровью живою.

Когда бек во гневе — подальше держись,
А раз подошел — тут уже не спастись.

Ответь, когда спросят, входи лишь по зову,
Чтим будешь, живя подобру-поздорову.

Что слышал — таи, будто глух ты совсем,
О виденном тоже молчи, словно нем.

Послушай, что сказано бдительным мужем,
Опасливым и осмотрительным мужем:

«Войти повелят — это честь и почет,
Уйти повелят — значит гнев тебя ждет.

Будь зорок и вдумчив, собою владей,
Кто сдержан и строг, тот достигнет высот!»

Трех зол сторонись, не пятнай себя срамом:
Во-первых, не будь, — так скажу я, — упрямым.

Второе — обман, третье — жадный расчет,
Один у трех зол — безысходный — исход!

Будь чужд пересудам, не действуй наветом,
Ни в чем не таясь, будь правдивым при этом.

Будь честен во всем, делай с честью дела,
Властители честны, им честность мила.

Когда во дворце ты — будь точен приглядкой:
Уважат тебя — действуй той же повадкой.

Входи без гордыни, развязным не будь,
Следи, чтоб руками кого не толкнуть.

Учтиво садись и в положенном месте,
Смотри — не затронуть бы чьей-либо чести!

Не харкай, не плюйся, не брызжи слюной —
Отвратнейший вид у привычки дурной!

Сиди не поджавшись, не вздумай ложиться,
И не хохочи — хохотать не годится!

Ногтей не грызи и не ставь врозь колен —
Утратишь почтенье и будешь презрен.

И ежели старшие речь повели,
Оставь разговоры и старшим внемли.

В речах будь правдив — станешь ладен и славен,
Беседу веди с теми, кто тебе равен.

И, выпив вина, не ходи во дворец,
Кто пьет, тот себя опозорит вконец.

Три правила есть, если их не блюсти,
Простись с головою — ты это учти!

Внимать бекам — первое, слушать их речь,
Как жизнь свою, все их наказы беречь.

Второе — с правдивой стези не сверни,
Будь верным, особенно — в смутные дни.

И третье — в служенье будь честен всегда,
Подальше от скверны держись, от вреда!

Хотя бы в одном оплошал лишь едва,
Как ты ни велик, а прощай голова!

Достойный, пока ты стоишь — затаись,
До времени лезть на глаза воздержись.

А если уж сел на положенном месте,
Когда позовут — встань напротив, по чести.

Когда беки спросят — порядка не рушь
И слов не тяни, о достойнейший муж!

Расспросят — ответь все, что знаешь, и споро,
А речь прекратят — не тяни разговора.

Когда тебя беки едой угостят,
По правилам ешь, знай порядок и лад.

Ешь правой рукою — размеренно, строго,
А прежде, о мудрый, восславь имя бога.

И в пищу соседа не суй своих рук,
Ешь то, что стоит пред тобою, мой друг!

Ешь все без ножа, не возись и с костями,
Еду не смакуй — ни один, ни с гостями.

Не с женской повадкою ешь, не спеши,
От женских ужимок себя отреши.

И сколь ты ни сыт, а у бека есть надо:
Быть позванным к беку — большая награда.

Какое бы дело ни стал ты свершать,
Будь предан ему — обретешь благодать.

Послушай, что мудрый сказал претолково,
Усвой его золоту равное слово:

«Когда тебя с беком дорога свела,
С умом, о достойный, верши все дела.

И если ты даже безмерно высок,
Во всем да пребудешь ты верностью строг.

Пусть даже тебе власть над войском дана,
Будь верным, о славный, во все времена!

И если ты много владений обрел,
Раздаривай блага, будь добр и не зол.

А должность везира во власть получив,
Не действуй неправдою, будь справедлив.

Советчиком стал — рассудительным будь,
Властитель ошибся — исправь его путь.

Наперсником станешь — будь в верности рьян,
И поясом счастья повяжешь ты стан.

А войско возглавишь и воинский строй —
Тут ухо и око на правду настрой!

А станешь хаджибом — чуждайся даров,
Сирот опекай, неимущих и вдов.

А если поставят тебя над казной,
Будь честен, не ведай заботы иной.

А писарем станешь — все тайны храни,
Словам веди счет — избегай болтовни!»

Вот звания тех, кто служенье несет,
Но службу несущим окончен ли счет!

Еще слуги есть для потребы двора:
Постельничьи, гонщики птиц, повара.

И если далек ты от всех этих слуг,
Тебе вместо радостей — тысячи мук.

И ежели хочешь ты править с почетом,
Цени своих слуг по их добрым заботам.

Достойных уважь, кто велик — возвеличь,
Тогда ты и сам сможешь счастья достичь.

Внемли же премудрого старца наказам,
Кто слушает старцев, тот станет стоглазым:

«Почтение к старшим — обычай, закон,
Где встретишь их — стоя отдай им поклон.

Положено младшему старшего чтить,
Но старшим и младший да будет почтен!»

Сказал Огдюльмиш, кончив слово: «Учти,
Вот так слугам должно служенье нести.

Я все рассказал, и ты понял, о брат,
Каков в услуженье обычай и лад.

Таков закон службы, она непроста́,
Но службой откроешь ты счастья врата!

И ведай: вот так служат благу мужи,
И если ты понял, ступай и служи!»

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

«Я слышал, — ему отвечал Одгурмыш, —
Все, что ты мне, доблестный, ведать велишь.

Но есть у меня и еще одно слово,
Ответь на вопрос мой, — прошу тебя снова.

Ведь если служить я к элику пойду,
Мне — быть во дворце и у всех на виду.

Мне надобно ведать, каков там обычай, —
О брат мой, вся жизнь там — особых отличий.

Средь многих мужей мне придется там быть,
И нужно таким, как ведется там, быть!

И ты растолкуй мне все это беседой, —
Хочу все понять я, и ты мне поведай!»

48

Огдюльмиш рассказывает, как должно обходиться с мужами, несущими службу во дворце

Ему отвечал Огдюльмиш: «О мой брат,
Все должное я рассказать тебе рад.

Да будет урок мой воспринят тобой,
И ты, как вести себя должно, усвой.

Живя там с людьми, ладить с ними умей:
Одних чти как братьев, других — как друзей.

Со всеми, какие там будут мужи,
Общайся, беседуй, сходись и дружи.

А если недобро себя с ними весть,
Вся жизнь тебе станет не в радость, не в честь.

Внемли, что сказал муж, достойно служивший,
Надежный закон во дворце утвердивший:

«Кто хочет быть беку доверенным другом,
Тот должен быть близок к его близким слугам.

И тот, кто достигнуть величия хочет,
Со слугами дружбу свою да упрочит!

Как беки ни будут тебя отличать,
Будь сам справедлив и со всеми поладь!»

В дворцовой приемной есть три рода слуг,
От них и зависит все то, что вокруг.

Одни — это те, что стоят над тобой,
Служи им — и будешь ты счастлив судьбой.

Ты их почитай, их наказы цени,
Возвысят тебя, осчастливят они!

Внемли мудреца благодатную речь,
Советами мудрых нельзя пренебречь:

«От старших и малым дается почет:
Кто старшим послужит, тот счастье найдет.

Прислуживай старшим и чти их наказ,
Послушаешь старших — достигнешь высот!»

Все блага нам старшие дарят мужи,
И счастья желаешь — им верно служи.

Вторые — что вровень с тобою стоят:
Чужды будут — враг ты, близки — ты им брат.

Они тебе — ровня и в равной чести:
За все им в ответ равной мерой плати.

И третий род — те, что помладше тебя,
Их пестовать надо, браня и любя.

Ни в чем не потворствуй им, строг и суров,
Шутить воздержись и не трать лишних слов.

Сплошавших побей, а радивых отметь,
Ни часа не дай им в безделии млеть.

Да будут с тобою собратья-друзья:
Когда их полно — выше слава твоя.

И к людям вражду из души изыми:
Нет радости тем, кто враждует с людьми.

И в малой враждебности много вреда,
Нет, я не скажу, что полезна вражда!

Внемли, что сказал муж надежный и верный,
Познавший беду от вражды беспримерной:

«И мало врагов, да велик от них вред,
И много друзей, а как будто их нет!

Никто еще пользы не знал от врагов,
А если и знал — лишь ценою побед!»

И чтобы друзья тебе стали отрадой,
Сам делай добро и друзей своих радуй!

Кто равен тебе, тех и чти полюбовней,
Дружить и пристало с ровесником, с ровней.

Чуждайся дурных, дружбы к ним не лелей,
Дурные собьют тебя с верных путей.

И если жить хочешь ты с доброю славой,
Суров будь с дурными, с их злобой неправой.

Все сущее в стаю родную стремится —
И люди, и скот, и букашка, и птица!

Внемли, что промолвил муж власти немалой.
И зло и добро испытавший, бывалый:

«Я видел скворца, что чирикал, летая,
Была черноперой и вся его стая.

Где белые лебеди, черным — не место:
У белых — своя высь, у черных — иная».

А если уж птица с друзьями кружит,
И людям друзей выбирать надлежит.

Но в дружбе двоякий бывает союз,
Двояка природа у дружеских уз.

Есть дружба такая, что богу мила,
Вовеки не ведать ей кривды и зла.

Есть дружба другая, в ней — жадный расчет,
Натужна она и к разрыву влечет.

И если ты дружишь, как бог нам велит,
Дели с другом беды, не помня обид.

От дружбы такой скорых выгод не жди,
Награда от бога тебе — впереди.

А ежели алчностью движим твой друг,
Беги от его недостойных потуг.

Вот мужа, познавшего дружбу, совет,
Он все испытал в ней — и пользу и вред:

«Испытывай друга и злом и добром,
И что разузнаешь — стой твердо на том.

Захочешь узнать сердце друга — попробуй
Его испытать гневным словом и злобой.

Захочешь узнать, где любовь и где ложь,
Вещь, милую другу, спроси и поймешь.

И кто не насупится с гневным испугом,
Того и считай самым искренним другом!»

Будь дальше от тех, кому дорог навет:
Что жгучее пламя — язык у клевет.

Наветы — источник и смут и грызни,
О доблестный, всех, кто доносит, казни!

Еще сторонись вымогателей, скряг,
Сквалыга — в том нет и сомнения — враг!

Жадюга, когда он корыстью влеком,
И «братцем» тебя назовет, и «дружком».

Не дашь, что он просит, — и ты уж не мил,
Как будто он сроду с тобой не дружил.

Ищи без корысти, кто брат твой и друг,
И верь им во всем — проживешь ты без мук.

Друзья — это те, кто в дни счастья, в беде
Надежно помогут всегда и везде.

И если желаешь любимым ты быть,
Будь честен, друзей хлебом-солью насыть.

Два блага сих знающий — сердцем согрет:
Дано ему все в пору счастья и бед.

Об этом сказал вящей мудрости муж, —
О доблестный, мудрых наказов не рушь:

«Людей привечай, хлебом-солью корми,
И, светел челом, будь приветлив с людьми.

За два этих свойства все люди верны,
Других свойств не знаю, найдешь — перейми!»

Врагов тоже есть две породы, — заметь, —
Для жертв своих ими раскинута сеть.

Одни — во вражде своей к богу тверды,
То — сопмы неверных, что вере чужды.

Еще и враждебность корыстная есть,
И движет такою враждебностью месть.

Стремись нечестивых сурово карать,
Все силы и душу на это потрать!

С врагом, норовящим корысть соблюсти,
Не ссорься, поладь с ним, о славный, прости.

Задобришь врага — и уже он не враг,
И зла уже нет, а зато много благ.

С врагами сойдись, с супостатами ладь,
И будешь безбедно ты жить-поживать.

Усвой и пойми: бесполезна вражда,
От суетных дел отрешись навсегда.

И всем услужи — строй врагов не умножь:
Враждуя, ты сонмы врагов наживешь.

Бери лишь достойных и славных в друзья,
Не то будет жалкою участь твоя!

С достойными хочешь дружить — разумей:
Сведут тебя с целью два рода друзей.

Одни — благородного званья мужи,
Ты с ними, о доблестный, ладь и дружи.

Другие — чей ум веру в бога сберег,
Они — человечных достоинств исток.

И этих и тех чти друзьями всегда:
От добрых за все будет добрая мзда.

А тем, чья известность дурна, не радей,
Черны все деянья у этих людей.

О светлый душой, к черным людям не льни:
На светлом всю грязь оставляют они.

И добрый совет дан всезнающим мужем,
Науку для мудрых мы в нем обнаружим:

«Чуждайся дурного, о доблестный нравом:
С дурным поведешься — сам станешь неправым.

О добрый, чуждайся людей злого нрава,
Пойдет за тобою недобрая слава!

Увидишь дурных — обойди стороною:
Тебя заклеймят они славой дурною.

Мужей, прежде славных, я видел немало,
Их дружба с дурными вконец донимала.

Знавал я достойных, с дурными друживших,
Утративших силу и горе нажившим!»

Пристанище беков — дворец их, чертог,
И прочно сплетен он из сплетен и склок.

Всегда при дворце много суетных ссор,
А там, где есть ссоры, — вражда и раздор.

Кто старше — унизить тебя норовит,
Терпи униженья и горечь обид.

Тебе и от зависти равных невмочь:
Не видно добра, день твой темен, как ночь.

И младшие злы, зависть их недобра,
Они тебе не пожелают добра!

Где много придворных, там много притворных,
Смертельна враждебность их нравов раздорных!

Души моей свет! Никому не завидуй
И будь справедливым — не действуй обидой!

Да, зависть — что хворь, не излечишь и в год:
Источит тебя ее горестный плод.

Над злом и добром воля бога сильна,
И зависть нарушить ее не вольна!

Завидовать людям — какой в этом прок?
Завистливый сам себя гибнуть обрек!

Будь к добрым делам всею силой влеком
И верь: на добро отвечают добром.

Кто радостен, с тем его радость дели,
Горюй вместе с тем, к кому беды пришли.

Полюбят тебя, станешь славой богат,
С тобою дружить все как есть поспешат!

Внемли же, брат, позабудь о вражде,
Ищи и друзей и собратьев везде.

Но ежели враг тебе сети совьет,
Готовь и ему путы прочных тенет!

Внемли, что сказал муж, знакомый с враждою,
Врагов обуздавший надежной уздою:

«Врагов сторонись, ловко их обмани —
Расставь незаметно для них западни.

И, помня, что враг твой силен и умен,
Железным заслоном себя охрани!»

Снеси ношу друга — старайся помочь,
Совет не забудь мой — храни и упрочь.

Ведь если твой друг, став заклятым врагом,
На честь и добро твое льстится тайком, —

Уж кто, как не он, знает тайны твои, —
Он все отберет, как добро ни таи!

Захочет — добро отберет у тебя,
Захочет — сразит тебя, насмерть губя!

И как сам себя ты стремишься беречь,
Так друга храни, — вот и вся моя речь!

Легко друга выбрать, сберечь — нелегко,
Легко начать ссору, пресечь — нелегко.

И если есть враг у тебя — берегись:
Немногим дано от врагов упастись!

Два рода людей есть — держись с ними врозь,
Смотри, как бы бед претерпеть не пришлось!

Одни — чье занятье донос и навет,
Другие — двуличьем наносят нам вред.

Еще сторонись тех, что дружат с вином,
Порок вероломства в их нраве дурном.

И друг себялюбец не стоит любви,
Тебе он враждебен, и ты с ним порви!

Чтоб долго дружить, так себя поведи:
И хочешь просить, а не спрашивай, жди.

И если желаешь безбедно прожить,
Смотри, никого не унизь, не обидь.

И словом и златом задобри чужих —
За бороду прочно ухватишь ты их!

А ближних отвадить такой способ гож:
Не дай то, что просят, и словом пристрожь!

И сжели хочешь ты долго прожить,
Будь щедрым и всех хлебом-солью насыть.

А хочешь быть всеми любимым — пойми:
Ты должен быть мягок и ласков с людьми.

Желаешь познать уваженье и честь —
Стремись и людей уваженьем почесть.

А хочешь богатства — будь малому рад,
Доволен будь всем — и ты станешь богат.

И если ты хочешь от всех похвалы,
Да будут твой лик и деянья светлы!

Вот в чем у людей благородная суть:
Во всем человечности преданным будь.

А хочешь и сам благородство познать,
Деянья и слово на правду наладь!

Прочти ладный стих и над ним поразмысли,
В слова его вложены верные мысли:

«Желаешь узнать, кто по сути каков,
Суди по достоинствам сердца и слов.

Кто сутью хорош, тот и добр и правдив,
Вот истинный знак благородных основ!»

О муж благородный, к негожим не льни,
Твой облик и лик опозорят они!

Внемли, что сказал муж, обычаи знавший,
Премудрый, дурных от себя отдалявший:

«С дурными, о доблестный муж, не дружи,
От них, сын мой, распри, от них — мятежи.

От тех будь подальше, кто злобою лют:
По злобе всю верность они предадут!»

И тайны и мысли таи ото всех,
А если открыл — сам пеняй на свой грех!

И если ты хочешь со всеми дружить,
Корыстным расчетом людей не обидь.

И если желаешь быть весел всегда,
Будь честен — тебя не коснется беда.

Чтоб был ты и славой и словом велик,
Будь скромен — тогда ты покоя достиг.

Чтоб облик твой был непорочен, держи
Подальше язык свой от скверны и лжи.

Где счастье главою поднимется ввысь,
Его поддержать, о достойный, стремись!

Будь счастью чужому без зависти рад,
Не то и еда станет горькой, что яд.

И, чтоб у речей твоих веский был след,
Да будет правдивым всегда твой ответ!

И не суесловь, за спиной не шепчись,
Ни бранью, ни ложью людей не унизь!

Слова, словно вихрь, болью сердце проймут,
А тот, кто обижен, на мщение лют.

Со старшим не чванься во время бесед
И грубого слова не молви в ответ.

Всем старшим оказывай честь и почет —
И сам с ношей счастья достигнешь высот.

Да будут к друзьям твои чувства добры,
Одаривай их, принимай их дары.

Тебя уважают — ты тем же ответь,
А тех, кто презрел тебя, должно презреть.

За все, что ни есть, тем же самым плати,
На ласку сумей слово ласки найти.

За доброе дело добро сотвори,
Дурных за дурное дурным отдари.

Сказал знавший цену обычаю муж,
Вознесший народ свой к величию муж:

«Тебе скажут „вы“ — ты на „вы“ обратись,
А можешь и лучше того обойтись.

И знай: хуже эха в горах быть негоже,
Тебе скажут „ты“ — и в ответ молви то же!»

Вот средство и способ общенья с людьми,
Желаешь жить с ними — ты это пойми!

Поведал я все, что мне слышать пришлось,
Всем сердцем пойми, все сомнения брось!»

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

Ему отвечал Одгурмыш: «Это слово
Я понял теперь, о муж сердца благого.

Другое есть, что я хочу разуметь,
И ты мне, о мой благодатный, ответь.

Ведь если я в селах и градах жить буду,
С людьми мне придется общаться повсюду.

И как мне себя с ними нужно вести,
Поведай мне, в этом меня просвети!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«Да, знать это нужно, — сказал Огдюльмиш, —
Доподлинно, истину ты говоришь.

И раз уж меня ты об этом спросил,
Внемли, — я тебе объясню в меру сил».

49

Огдюльмиш объясняет Одгурмышу, как должно обходиться с людьми простого звания

Дела и поступки незнатных людей
Согласны с умом их, с природою всей.

Не ведает простонародье приличий,
В общенье ему неизвестен обычай.

А дел не свершают без этих людей,
Будь вежлив, но с ними равняться не смей!

Черны-пречерны все поступки у черни,
Себя не черни — не запачкайся в скверне!

У всех у них нрав и повадки дурны,
Дела их, замашки — с их сутью равны.

Еда на уме у них, сытый живот,
Они, кроме плотских, не знают забот.

Внемли, что сказал муж, людей повидавший,
Отличия простолюдинов познавший:

«Все думы у черни — про сытый живот,
Живет лишь утробою темный народ.

И сколько людей погубил жадный рот:
Под черной землей пламя ада их жжет!»

При сытости чернь невоздержна на слово,
А слову дашь волю — оно бестолково.

Но нужно, о брат мой, общаться и с ней, —
Корми и пои, с чернью ладить умей.

Будь мягок на слово, отдай, что попросят, —
Дарение — дарующим пользу приносит.

Язык свой смири, речь рассчитывай точно,
И помни: обильное слово не сочно!

Вот мужа, собою владевшего, речь.
Разумно умевшего слово беречь:

«Сдержи свой язык от нежданного слова,
Скажи только то, что обдумал толково.

Я видел разумных — они не болтливы,
Раскаянье позднее ждет пустослова!»

50

Повествуется о том, как должно обходиться с людьми благородного происхождения

Меж подданных бека еще люди есть,
И с ними общаться, о брат, тебе честь.

Средь этих людей есть потомки пророка,
Блажен, кто сумеет почтить их высоко.

Люби их всем сердцем, всем пылом души,
Дары посылай им, добро им верши.

Мужи эти близки пророкову дому,
Люби их во имя любви ко благому.*

Чти добрую суть их, ни в чем не перечь,
И даже в ответ на недобрую речь!

51

Повествуется о том, как должно обходиться с людьми учеными и знающими

Еще род людей есть, кто знаньем богат, —
Их знанья звездой путеводной горят.

Любезен, учтив будь с такими людьми,
Хоть малое знанье от них перейми.

Где зло, где добро — различают они,
Известен им праведный путь искони.

Стремись мудрость знанья от них перенять,
Дары подноси им, слов лишних не трать.

Они истой веры устои крепят,
И силой их знанья могуч шариат.*

И если на свете не стало бы их,
Не зреть бы плодам благодатей земных!

Их знаньям дано свет всем людям нести —
Где свет, там и ночью не сбиться с пути.

Одаривай их, будь учтивым без лжи,
Всегда угощай их, им честно служи.

Будь сдержан в речах и смиреньем объят.
Болтливость, развязность для них — словно яд.

Почтителен будь, подноси им хлеб-соль,
Несдержанной речи себе не позволь.

Верь знаниям их, делай все, как они,
Судить их не вздумай, их дел не брани.

Тебе их познанья нужны, не забудь,
Укажут тебе они праведный путь.

Они — словно в стаде овечьем козел:
Прям путь у овец, если он их повел.

Ты с ними общайся, по-доброму ладь —
И ты в двух мирах обретешь благодать.

52

Повествуется о том, как общаться с лекарями

И сколько еще есть сословий людских,
Различны деянья и знания их!

И ты среди них лекарей отличи,
Они — врачеватели хворей, врачи.

Подумай, они тебе тоже нужны,
Без них тропам жизни не знать прямизны.

Здоровых подчас поражает недуг,
А лекарь отыщет лекарство от мук.

Болезнь — спутник смерти и к ней правит шаг,
А смерть — самой жизни отъявленный враг.

Врачей уважай, с ними дружбу веди,
Нужны они людям, — права их блюди.

53

Повествуется о том, как должно обходиться со знахарями

И знахари есть — колдуны-ведуны,
Они лечат тех, что бесовством больны.

И с ними общенье беречь надлежит,
Бесовство лечить — их привлечь надлежит.

И чтобы от них тебе пользу познать,
О доблестный, с ними общайся и ладь.

Хоть лекарь не верит словам знахарей,
А знахарь не хочет и знать лекарей,

Один из них лечит лекарствами хвори,
Другой — против бесов силен в заговоре.

54

Повествуется о том, как должно обходиться с толкователями снов

Еще есть наука о веданье спов —
Рассказанный сон объяснить до основ.

Заснет человек — видит сны; если сон
Толкуется правильно, сбудется он.

И ежели сон истолкован надежно,
Все будет ко благу, и радость возможна.

А если опасен твой сон, нехорош —
Одаривай бедных — и душу спасешь.

Науке о снах свои знаменья бог
Для блага рабов милосердно предрек.

Когда сон хорош — будет радость большая,
А плох сон — молись, на творца уповая.

Одаривать бедных себя приохоть —
Тебя от напастей избавит господь.

Чтоб понял тебя прорицатель вполне,
О видящий сны, будь толков и во сне!

Есть люди, что сны объясняют умело, —
Мудры, добродетельны, ведают дело.

О брат, доброты твоей стоят они,
Ты их как друзей и как братьев цени.

55

Повествуется о том, как должно обходиться со звездочетами

Помимо сих названных есть звездочеты,
Посмотришь, у них очень тонки расчеты.

Все нужно им знать — годы, месяцы, дни,
Сколь нужен, о доблестный, счет сей, цени.

Учись, чтобы знать его, сложным расчетам —
Дано вести к знаньям лишь этим воротам.

Познай умноженье, деленье и дроби —
Цель эта трудна и премудрой особе!

Познай в совершенстве закон степеней
И корни из чисел исчислить умей!

Мерь площади точно, их четко дели,
Семь высей небесных знай лучше земли!

Знай алгебры действия разного вида,
Пытливо стучись и в ворота Евклида.

И знай: в этом мире и в мире грядущем
Все смерено счетом, нам мудрость дающим.

О доблестный, если разладится счет,
В обоих мирах все неладно пойдет!

Дела затеваешь — спросить надлежит,
Хороший, дурной ли им час предстоит.

Дни месяцев разны — добры, недобры,
Ты выспроси день благодатной поры.

И старец премудрый сказал очень зрело:
«Советуйся с мудрым, задумавши дело!»

Когда в дело вложена мудрость науки,
К задуманной цели дотянутся руки.

Глава всем делам — разуменье наук,
Без знаний все дело упустишь из рук.

У всех расспроси, а поверь не всему,
Лишь господу ведомо все одному.

По-доброму ладя с такими людьми,
Расспросами лишними их не дойми!

56

Повествуется о том, как должно обходиться со стихотворцами

Еще есть поэты, слова — их дела,
И людям от них — и хвала и хула.

Их речь, словно меч, и остра и резка,
Путь мысли их тоньше, чем нить волоска.

Чтоб тонкие речи их верно понять,
Внимай им, свой ум на их речи наладь.

Всей сутью их ум с морем разума дружен,
Они добывают в нем много жемчужин.

Кого они хвалят, тот знает почет,
Хула их любому позор предречет.

Стремись с ними добрую дружбу беречь
И с их языком избегай лишних встреч!

Желаешь от них похвалы, о мудрец, —
Будь с ними любезен, и слову конец!

Попросят — им все отдавай, что ни есть,
От их языков береги свою честь!

57

Повествуется о том, как должно обходиться с земледельцами

И про земледельцев скажу я теперь —
Они очень нужные люди, поверь.

Общайся, дружи с ними — вот мой совет,
И будешь ты сытым, не ведая бед.

Отраду от них видит весь сущий люд:
Они и питье и питанье дают.

Всем дышащим сытость приносит еда,
И есть у живого в кормящем нужда.

И ты добротой сих людей не забыт:
Заботами их ты накормлен и сыт.

Дружи с ними — станет нутро твое чище:
Ты вдоволь получишь дозволенной пищи.*

Послушай, что муж благочестья изрек,
О многих делах поразмыслить он смог:

«Кто хочет идти по благому пути,
Тот должен, о праведный, глотку блюсти.

А хочешь ты праведным слыть, то допрежь
Надень, что дозволено, праведно ешь.*

Про бедность забыв, хочешь быть ты богат —
Будь тверд, от себя отстраняя разврат.

И если желаешь почет обрести,
О праведный, блуд от себя отврати!

Разврат все до самых основ сокрушит,
Развратному путь благодати закрыт.

Все счастье загубит развратная смута,
И пламя порочности будет раздуто.

Прекрасно сказал муж достойных заслуг,
Свершавший дела с разуменьем наук:

«От смуты разврата подалее стой,
Разврат опорочит тебя чернотой.

От тех, кто развратен, и счастье уйдет,
И дива в том нет: краток гостя постой!»

И все землепашцы добры щедротой —
Им господом данной щедры щедротой.

Всем сущим на свете питанье дано:
Ходячим — еда, а летучим — зерно.

И с ними общаться тебе надлежит,
Будь в речи любезен, а ликом — открыт».

58

Повествуется о том, как должно обходиться с торговцами

Еще есть торговцы; и ночью и днем
В заботе они о доходе своем.

В исканьях дохода весь свет им — дорога,
В скитаньях они уповают на бога.

И с ними ты добрую связь береги:
Давай им, что просят, наладь и торги.

Нужны они миру, о том не забудем,
Они доставляют все лучшее людям.

От края до края лежат их пути,
Чтоб мог ты желанную вещь обрести.

И тысячи тысяч сокровищ вселенной
Найдешь ты, о мудрый, в их ноше бесценной.

Не будь их, объявших всесветный предел,
Кто б мех соболиный на плечи надел!

Когда б из Хытая не быть караванам,
Привез ли бы кто-нибудь ткани-шелка нам?

И если б торговцам в походах не быть,
Кто смог бы увидеть жемчужную нить!

Но если дать волю таким перечетам,
Отсохнет язык, утомленный подсчетом!

Вот — свойства купцов, этим людям ты верь,
Дружи с ними, настежь открой для них дверь.

Дружи с ними честно, без мысли лукавой, —
Прославишь себя ты далекою славой!

Их слава известна в просторах земных,
Все — дурно ли, добро ли — помнят о них.

Дары их тебе служат доброй отрадой,
И ты их ответной усладою радуй!

Где польза, где вред — у них тонко чутье,
Простри на них благоволенье свое.

Послушай, что сказано мужем бывалым,
Видавшим сей мир на пространстве немалом:

«О жаждущий добрую славу иметь,
Гостей и скитальцев приветливо встреть!

О страждущий быть вознесенным молвой,
Обычай быть щедрым с купцами усвой!

О мнящий о доброй хвале, разумей:
Будь к путникам добр — к караванам гостей!»

Вот так подобает с купцами общаться,
И слава и доблесть твои взвеселятся!

59

Повествуется о том, как должно обходиться со скотоводами

Еще скотоводам отличья даны,
Пасут они в долах стада-табуны.

Они все — бесхитростный, праведный люд,
И людям от них — ни несчастий, ни смут.

Одежда, еда, кони — все из их стад,
Они же и вьючных животных растят.

Кумыс, молоко, масло, сыр и творог,
Подстилки и седла их — все тебе впрок.

И все это — пользы великой мужи,
И ты их доверье добром заслужи!

Корми их, пои, с ними близко водись,
И с правдой дано тебе в жизни сойтись.

Что спросят — давай им, что нужно — возьми,
Я видел: у них нету лжи меж людьми.

Неведом закон им, они не мудры,
Но вольною ширью поступков щедры.

Но к ним и приглядка должна быть востра:
Бывают они далеки от добра.

Будь с ними правдив, но дружить — и не мни:
Забитые люди, невежды они.

Муж, знавший порядки, совет нам дает,
В общении тесном познал он народ:

«Сходиться с невождой усилий не трать,
Он то совершит, что негоже свершать!»

Мудрец еще лучше поведал о том,
Что все совершать нужно мудро, с умом:

«С невеждой не знайся, держись стороны,
Всем сдержанным добрые дни суждены.

Подальше от неучей будь, берегись,
Слова и дела у невежды дурны!»

И все скотоводы — таких же примет,
Ты, с ними общаясь, учти мой совет.

Я все рассказал, будешь ведать ты впредь,
Как жить, чтоб от них тебе пользу иметь.

60

Повествуется о том, как должно обходиться с ремесленниками

Еще есть ремесленных дел знатоки,
Их кормит уменье искусной руки.

И в них у тебя есть потребность-нужда,
Себе же во благо радей им всегда:

Умельцам сапожных и кузничных дел,
Швецам и точильщикам луков и стрел.

Краса сего мира лишь ими жива,
Все дива вселенной — плод их мастерства.

Их много: считать — далека будет речь,
Сам думай, а я должен слово пресечь.

И с ними общенье свое приумножь,
Их радуй — и в радости ты проживешь.

За труд воздавай им немедленной мздою,
Пои, накорми их обильной едою.

Тогда не осудит молва тебя, верь,
И слава твоя не претерпит потерь.

Прекрасно сказал очень сведущий муж,
Любивший людей да и честный к тому ж:

«Пекись не о жизни — об имени славном,
Ему и дано в жизни быть самым главным.

Тебя долговечнее имя твое,
Чем праведней имя, тем слаще житье.

А если у имени слава худа,
То лучше б тебе и не жить никогда!

Не жизнь дорога — славен именем будь,
Лишь в добрых делах к вечной славе твой путь!»

61

Повествуется о том, как должно обходиться с бедняками

Еще бедняков встретишь ты меж людьми,
Одаривай их, напои, накорми.

Молитвой тебя они вознаградят,
А это — прекрасное дело, о брат!

Не жди от них платы за щедрость твою,
Сам бог даст за то тебе место в раю!

Вот — суть всех людей и различий людских,
Друг в друге нужда — у тебя и у них.

Будь предан душой им, в делах с ними ладь,
Тогда тебе близкими все смогут стать.

Тебя двух миров благодать осенит,
И, славой почтен, станешь ты знаменит.

62

Повествуется о том, как выбирать себе жену

Задумал жениться — будь зорок, смотри,
Жену подостойней себе избери.

Да будет она благородна, честна,
Стыдлива, чиста, непорочна, умна —

Из дев, что не тронул еще ни один,
Видавшая только тебя из мужчин,

Чтоб очень любила и верной была,
Пороков чуждалась, не делала зла.

И пусть будет меньше тебя родовитой,
На знатность не льстись: муж у знатной — забитый!

И сказано мужем бывалым и зрелым,
А опытный зрелостью славен и делом:

«Жену выбирай не знатнее себя,
И радостно ты проживешь, не скорбя.

Не облик красив должен быть, а душа,
Нрав доброй жены просветлит и тебя!»

Не с равною родом старайся сойтись,
Разумную взять, о достойный, стремись.

Не облик красив должен быть, а душа:
Нрав добр у жены — значит, вся хороша!

Любитель красивых, не льстись красотой,
Румяный свой лик не желти бледнотой!

Захочешь, достойный, жену завести —
Четыре возможных отличья учти.

Один, смотришь, взять побогаче непрочь,
Другой пялит взор — до красивых охоч.

А третий захочет найти познатней,
Взмечтав о величье в гордыне своей!

Иной ищет ту, что умом не худа,
Найдет — и привяжется к ней навсегда.

Какая всех лучше — совет я подам,
Захочешь жениться — внемли сим словам.

О жаждущий выбрать жену побогаче,
Не стань ей рабом, не познай неудачи!

В ней жадность взыграет, на зависть востра,
Богатств подавай, добывай ей добра!

О ты, что прельстился красивой женою,
Ты станешь всем людям забавой смешною!

Все любят красивых, а нрав их бесстыж:
Лишь милостью бога жену сохранишь!

О жаждущий чести жениться на знатной,
Не знать бы потери тебе невозвратной!

У знатных, влиятельных — длинный язык,
Смотри, к доле рабской бы ты не привык!

О жаждущий с умной сойтись, не иначе,
Как ты обретешь все четыре удачи!

Нашел себе умную — тут же спеши,
Бери ее в жены, муж доброй души.

Захочешь достатка — жена бережлива:
Ты станешь богатым, жить будешь счастливо.

Правдивая — значит, красива жена:
Жена добродетельным нравом красна.

Умна да честна — значит и благородна,
И всем трем достоинствам суть ее сродна.

Да будет сойтись тебе с умной дано:
Четыре в ней свойства, и все — как одно!

И если сумеешь с такою сойтись,
Не медли, о доблестный, сразу женись!

63

Повествуется о том, как воспитывать сыновей и дочерей

Родятся в семье луноликие чада —
Их дома, не где-нибудь, взращивать надо.

Кормилицу им подостойней найми —
И чада здоровыми будут детьми.

Учи их наукам, дай им воспитанье,
Два мира даны будут им в воздаянье.

Отдай дочек замуж, жени сыновей,
Безбедно живи, все печали развей.

Учи сыновей добродетелям строго,
И благ они разных добудут премного.

Смотри, чтоб без дела твой сын не сидел, —
Бесцельна вся жизнь у сидящих без дел.

Не дай дочерям долго чахнуть без мужа,
Без хвори умрешь, от печали недужа!

Внемли мне, о друг, я в словах буду прям:
Уж лучше бы вовсе не быть дочерям!

А если родятся — уж лучше в могиле
Им лечь с мертвецами на черном подстиле!

Держи женщин дома и строгим к ним будь,
У них ведь не схожи обличье и суть.

Чужих не пускай в дом, а женщин — из дома,
А ну как собьет их с дороги истома!

Не видишь — и в сердце желания спят,
Но любо нам то, что приметил наш взгляд.

Не дашь воли взору — и сердце не хочет,
А сердце не хочет — неволя не точит!

С мужчинами женщинам есть запрети,
А если позволишь — от бед не уйти!

И женщин из дома пускать не годится:
Вне дома легко им с пути совратиться.

Суть женщин — что мясо: храни, не гнои,
Сгниет — бесполезны все меры твои!

Чти женщин, дари им, что любо их взорам,
Но двери держи от мужчин под запором.

Ведь издавна в женщинах верности нет:
Идет у них сердце за взором вослед.

И сжели ветви насильно привиты,
Плоды их не пробуй, они ядовиты!

Мужей-храбрецов сотни тысяч доднесь
Под корень подрезала женская спесь.

И сколько цветущих мужей с ясным ликом
Погибло от женщин во сраме великом!

И сонмы преславных сынов сей земли
Живьем из-за женщин в могилу сошли.

Но как от беды упасутся они?
Всевдящий господь, их от бед охрани!

64

Повествуется о том, как должно достойным образом содержать подвластных

Подвластных тебе неусыпно блюди,
Едой и питьем и одеждой снабди.

Дай ношу по силам их — в равенстве строгом,
За них ты ответ понесешь перед богом.

Излишним трудом их неволить не смей,
Господь поразит тебя карой своей.

Они все — рабы перед волей господней,
Гнетя их, спознаешься ты с преисподней!

Ты — старший над ними, они все — малы,
А старшие к малым должны быть не злы.

И если высок ты, принизься до мала,
Большому быть малым и скромным пристало.

Внемли, что сказал тебе сведущий муж,
Советов его, о мудрец, не нарушь:

«Когда ты стоишь над народом главою,
Будь сдержан — тебе да воздастся с лихвою.

Смотри, не зарвись и не сбейся с дороги,
Счастливец, не следуй дорогой кривою!»

Достойным укладом свой дом содержи,
Достигнешь, о славный, счастливой межи.

Держи в нем хлеб-соль и обильную пищу,
Тебе будет слава и счастье — жилищу.

Живи, согласуя приход и расход,
И, тратясь, доходы бери на учет.

В расчетах держись справедливости строго:
Где точен расчет, там — прямая дорога.

И если к тебе затрудненья пришли,
Своих неудач на людей не вали.

И любящий в этом подмогой не будет,
А тот, кто не любит, — с насмешкой осудит.

Тебя и друзья и собратья презрят,
И будешь ты мукой сердечной объят.

Общайся лишь с теми, кто доблестью славен,
Будь сам человечностью с лучшими равен.

И выгод не жди, и богатства не множь,
Раскаяньем весь свой румянец сведешь!

И дом свой не ставь возле главной дороги,
Подумай, тебя одолеют тревоги!

Ни круче соседом не будь, ни реке,
От крепости тоже держись вдалеке.

Тебе не во благо три этих соседства,
От бедствий вовек не отыщется средства!

Спроси о соседях, ища себе дом,
Купить хочешь землю — знай, где водоем.

Чуждаясь порочных, не знай оговорок:
На правду, как конь, будь и чуток и зорок.

Доволен будь всем — сам себе будешь бек,
Живи беспечально, будь счастлив вовек!

И помни о смерти, не будь обольщенным,
Чти бога — и станет твой взор просветленным.

Обдумывай речи — не грянет беда,
Зря время не трать — проживешь без стыда.

Не вязни в гордыне — всем будешь досаден,
Смири в себе жадность — не жалуют жадин!

Послушай, что муж очень скромный изрек,
Он был в человечности сердцем высок:

«Кто хочет быть доброю славой известен,
Да будет он щедр и усерден и честен.

И вольного даже в неволю заманишь,
Когда его щедро задаривать станешь.

До горнего хочешь вознесться предела —
Верши все дела и с умом и умело.

Захочешь всесветной ты славы добиться —
Гостей привечай, — конь твой быстро помчится.

И если в блаженстве ты хочешь жить долго,
Забудь про беспечность, муж чести и долга.

И если ты верно служить хочешь богу,
Закрой своеволью и дверь и дорогу.

И если во всем хочешь быть ты счастливым,
Смирись, не поддайся негожим порывам!»

Разумнейший муж дал совет дорогой,
Внемли же, о вдумчивый, речи благой:

«Не смей покоряться желаниям тела:
Поддашься — глядишь, голова и слетела!

Где прихотям — воля, там думам — неволя,
И зло твою шею согнет до предела!»

«Вот так, — заключил Огдюльмиш, — о мой друг.
И следует думать о сущпости слуг.

Я речь вел, ты слышал, в чем дела основа,
И, если ты понял, — не надо ни слова!»

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

«О праведный муж, — отвечал Одгурмыш, —
Усвоил я все, что ты знать мне велишь.

Но снова вопрос у меня есть другой,
Ответь на него мне, всю правду открой.

С людьми если жить мне, тогда, безусловно.
Мне с ними общаться придется любовно.

Меня к угощенью, глядишь, позовут,
И мне надо звать, чтобы шел ко мне люд.

Как в гости ходить, за едой как сидеть,
На зовы мне как отзываться, ответь.

Прошу, расскажи мне, что знаешь об этом.
Воспользуюсь я твоим добрым советом!»

65

Огдюльмиш объясняет Одгурмышу обычаи посещения угощений

«Тебе и об этом поведать я рад, —
Сказал Огдюльмиш, — это знать надо, брат.

У всех приглашений различна природа,
И суть угощений — различного рода.

То — свадебный пир иль иная причина —
Рождение или обрезанье сына.

И сверстник и сродник тебя пригласят,
И старший и младший, и родич и брат.

Зовут, воздавая хвалу погребенным,
Зовут, имена нарекая рожденным.

И если тебя есть и пить пригласили,
Ты сам и подумай — идти, не идти ли.

Когда тебя родичи-братья зовут,
Пойти ли тебе — сам ты вынесешь суд.

А ежели в гости ты позван чужими,
Ты — мало ли, много — поесть должен с ними.

Зовет близкий друг ли, сосед к угощенью,
Сей зов — добрый знак под господнею сенью.

Иди к ним охотно и сердцем будь прям,
Их радуя, сын мой, возрадуйся сам!

Когда угощенье дают в твою честь,
Порадуй позвавших — ступай пить и есть.

К иным приглашеньям — на прочие зовы —
Будь глух: могут следствия быть и бедовы!

Бывает частичный и полный запор.
Ты, доблестный, станешь недужен и хвор.

Где хмель — там бывает случиться и ссоре,
Не сварится пища — появятся хвори.

За всякий кусок и глоток распостылый
Себя не позорь, не нуди себя силой.

Внемли, что сказал муж, утробу смиривший,
Преграды ей волей своей положивший:

«Смири свой живот, не погрязни в дурном,
Не стань ни утробе, ни глотке рабом!

Я видел немало преславных мужей,
Познавших беду из-за глотки своей.

Мужей я видал, достославных в делах,
Рабами утробы упавших во прах.

Богатых я видел, чей жадный живот
Их в нищее рабство низвергнул с высот.

О холящий чрево, нейди к нему в плен:
Попал к нему в рабство — не жди перемен!»

К какому б ни звали тебя угощенью,
Внимателен будь к своему поведенью.

Невежда, презревший законы приличий,
Презрен будет всеми, кто знает обычай.

При старших — уж так повелось искони —
К еде после них свои руки тяни.

Ешь правой рукой, помяни имя бога, —
Богат будешь, благ тебе будет премного.

Еды, что стоит пред другими, не трогай,
Бери лишь свое, ешь с повадкою строгой.

За нож не берись и не трогай костей,
Не вздумай спешить — обгонять всех гостей!

И ешь, сколь бы ты ни насытился туго,
Есть надо согласно, смотря друг на друга.

Жуй медленно, пищу разжуй без остатка
И помни, что дуть на горячее — гадко.

И волоком пищу негоже тянуть,
Не рушь красоты своей, сдержанным будь.

Держись не дурных, а пристойных повадок:
Кто дурно воспитан, тот мерзок и гадок!

Муж, знавший порядки, слова нам оставил:
«Достоин почета знаток добрых правил».

Всему есть устав и законный уклад,
Блажен, кто блюдет их, цветет его взгляд.

С невеждой, ведущим себя неумело,
Не знающим правил, — не сделаешь дела!

Еду есть со вкусом, с усердием надо, —
Хозяину добрая в этом награда.

С заботой он делал еду для тебя,
Не рань его, попусту пищу губя.

Муж, доблестный сердцем, сказал справедливо.
И мысль его, как порассудишь, правдива:

«Душа человека — стеклянный сосуд:
Смотри, не разбей, мягок будь, а не крут.

А душу надломишь — она уж худа:
И дружба и радость уйдут навсегда.

Кто люб тебе, душу его не тревожь:
Разбил ее — дружбы уже не вернешь!»

Ешь в меру, не много, повадкой спокойной, —
Мне так говорил муж разумный, достойный:

«Кто жаден к еде, к тому горе придет:
Болезнь непременно к обжоре придет!

Смири свою глотку — вся хворь от нее,
Умерь свою пищу — еду и питье!

И этот недуг человека крушит:
Не будешь лечить его — смерть поспешит!»

Говаривал славно мудрец-врачеватель,
Слова мудрецов нашим бедам не кстати ль?

«Болезнь — весть о смерти, примета примет,
Всем бо́лестям смерть — самый близкий сосед.

Болезнь — это горе, от смерти гонец,
А в смерти ни блага, ни сладости нет!»

Чтоб быть к человечьему званью пригодным,
Горячее надо размерить с холодным.

Еду выбирай своей сути согласно,
Будь зорок, негожую — выкинь: опасна!

Горячим насыщен — холодное пей,
Остынешь — горячим лечись поскорей.

Когда еще юн ты, идет твое лето —
Холодное ешь, — кровь и так разогрета.

За сорок тебе — твоя осень прохладна,
Нутро согревать уже нужно изрядно.

Когда в шестьдесят встретить зиму пришлось,
Горячее ешь, все холодное — брось!

Где холод и сушь, там нужны жар и влага,
Два этих лекарства двум хворям — во благо.

Когда тебе влажное, стылое — в горе,
Сухим и горячим лечи свои хвори.

Остывшее тело горячим согрей,
А жар свой холодным заешь поскорей.

А в ком полужар или полупрохлада,
С горячим холодное смешивать надо.

И если ты верно блюдешь свое тело,
Здоровье твое невредимо и цело.

Послушай, что лекарь искусный изрек,
Прими сей совет — и живи без тревог:

«Я плоть твою всю объясню тебе делом:
В ней — красное с желтым и черное с белым.

Враждебность друг другу — сих сутей основа:
Чужак завсегда отличает чужого.

Разумный да ведает склад свой природный,
Питаясь едой, его телу пригодной.

И тем человек отличен от скотин,
Что ест только годное телу, мой сын!»

Послушай, что старец сказал седовласый,
Внемли ему, знаньем себя опоясай:

«Кто сам свою суть в сорок лет не постиг,
Тот — ровно бы скот, — я скажу напрямик.

Того, кто не предан познанью наук,
Нельзя человеком назвать, о мой друг.

Кто много пожил, а несведущ в простом,
Того справедливо назвать и скотом.

И кто без ума весь свой век проживет,
Того не зови человеком, он — скот!»

Прекрасен совет лекарей, он не нов:
«Кто в пище умерен, тот весел-здоров».

И, чтобы болезнь тебя не донимала,
Знай, доблестный, средство по имени «мало».

И, чтобы покой твой был сроком велик,
Ешь мясо, которому имя «язык».

66

Огдюльмиш объясняет Одгурмышу обычаи приглашения к угощению

Когда ты задумал гостей к себе звать,
Зови без отсрочки и дело наладь.

Должны быть готовы дом, утварь, посуда,
Сиденья, подушки, продумай все блюда.

Вся пища должна быть чиста и вкусна,
Чтоб гости с охотой все съели до дна.

Когда без гостей ешь несладко — ну что же,
А сотне гостей сесть невкусно негоже!

Смотри, вкусом добрым еду надели,
Чтоб гости довольны и сыты ушли.

Родню и друзей зови — дальних и ближних,
Чти всех, не дели на угодных и лишних.

Кто хочет — придет, а иной не придет,
Зато нет обид — всем оказан почет.

Но если обижены глотка, утроба,
До смерти в обижепном ныть будет злоба!

Смотри, чтобы всех накормить, напоить,
К еде опоздавшего тоже насыть.

Едят твои гости — готовь им напитки,
А выпьют — еще заготовь, и в избытке.

Где много еды, нужно много питья,
И все соразмерить — забота твоя.

Когда у едящих напитков нет рядом,
Все яства для них могут сделаться ядом.

Кто браги захочет, кто сока попьет,
Кто спросит шербета, кто пить будет мед.

А что из напитков еще подается,
Спросить тебе сведущих в этом придется.

Насытятся старшие — младших уважь,
Ты им и еду и напитки отдашь.

Корми и следи, всем довольно еды ли,
Всех выпусти сытыми, чтоб не бранили.

Когда поедят, принеси для гостей
Сушеных и свежих плодов и сластей.

Дари, сколько сможешь, богатые ткани,
Всем поровну дай, чтобы не было брани.

О яствах кончаю я речи вести,
Открой свою дверь — всех гостей отпусти.

Четыре породы есть в гости зовущих,
Четыре породы есть в гости идущих.

Один откликается сразу на зов,
И все, что дадут, есть и пить он готов.

Другой не зовет к себе — зря, мол, морока,
Нос в пищу уткнувши, он ест одиноко.

А третий охотно и в гости пойдет,
И сам приглашает гостей в свой черед.

Четвертый не примет и сам приглашенья,
И дома другим не подаст угощенья.

Мертвец он, его за живого не чти,
Не силься напрасно с ним дружбу вести.

Но есть и такие: не любы им зовы,
А гостю забить всю скотину готовы.

Их разум и ум — самых добрых примет,
Достойны похвал они, лучше их — нет.

И — ходишь ли в гости ты, глух ли ты к зовам,
Смири свою глотку — и будешь здоровым.

Прожорливый, жадный — болезнен и хвор,
И лица бледны у презренных обжор.

Сказал один лекарь об этом присловье,
Был мудр он и ведал все тайны здоровья:

«Все хвори в нас входят с едой через рот,
А хворь нас и старит и к смерти ведет.

Смиряй свое чрево — не будешь болеть,
Румянца лишит тебя хворый живот!»

Еде и питью сей закон и пригож,
Зовешь ли гостей или в гости идешь.

Я все рассказал, ты слыхал мою речь,
И хватит словес — их пора и пресечь.

Так мир сей устроен, такая в нем суть, —
Об этом, живя меж людьми, не забудь.

О праведный муж, свет души моей, думай,
И в суть моих слов вникни крепкою думой!

67

Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу о том, что следует отвратить чело от мирских соблазнов и довольствоваться тем, что есть

«Я выслушал все, — отвечал Одгурмыш, —
И ты мой ответ теперь снова услышь.

Постигший всю суть твоих мудрых речей
Достигнет желанного в жизни своей.

Но жаждущий жить и общаться с людьми
Вот что должен знать, о премудрый, пойми.

Добро копят люди средь мук и тревог,
А век их недолог, — какой в этом прок?

Когда человек весь во власти сует,
Служению богу в том — гибель и вред.

Ты ныне пришел вот из дальних сторон,
И рвенье мое претерпело урон.

От встречи с одним я уж чувствую боль,
Общаться с другими меня не неволь!

И если мне в села и грады пойти,
С людьми надо мне речь и дело вести.

И как же нести мне обет мой? Поверь:
К служенью творцу заперта будет дверь!

Не юн я уже: что ни день, то старей,
Служение богу — суть жизни моей.

К бесцельной тщете возвращаться назад
Пристало ли мне, о возлюбленный брат?

Прекрасно учил муж, чьи знанья — река,
Внемли, о достойный, сколь мысль глубока:

«О старости думай всегда — с юных лет,
У старых ни силы, ни времени нет.

Служи богу с юности, время не ждет,
Под старость, поверь, не познаешь невзгод.

Благим с малых лет будь, пока ты не стар.
Придет к тебе старость — остынет твой жар.

Сколь благостны дни твоей юной поры,
От всех тебе благ воздаянья добры!

И жалок в преклонных годах человек,
Бесцельно потративший свой юный век!»

Все блага мирские для жизни даны,
А кончится жизнь — и они не нужны.

Богатства ты копишь, твой век суетлив,
Кому их оставишь ты, дух испустив?

Допустим, служить я к элику пойду,
Познаю друзей и людей, их страду,

Что пользы? Для всех — в лоне смерти приют:
Умрешь — на тебя две холстины навьют! *

И что суетиться так — греться и стыть,
Двум целям и служит-то вся твоя прыть.

Одна из них — больше богатств обрести,
Другая — в могуществе жить и в чести.

Добро б еще смерти не знал человек
И два этих блага обрел бы навек!

Но все исчезает у смертной межи,
К чему ж все мирское, о мудрый, скажи!

У тех, что отмечены счастьем, есть знак:
Растет благодать им дарованных благ.

Но студит людей гнет несчастий и зла
И к старости их сокрушает дотла!

Прекрасно сказал превеликий мудрец,
Да внемлет ему ясноликий юнец:

«Блажен, кто всегда — до поры старых лет
Не делает зла, добрым сердцем согрет.

А самый несчастный из смертных людей,
Кто, старясь, бежит за страстями вослед!»

Где ныне весь мир покоривший воитель,
Железных твердынь-крепостей устроитель? *

Где пес недостойный, всем миром владевший,
На черном орле к поднебесью взлетевший? *

Где богом себя возгласивший в гордыне
И сгубленный богом в бездонной пучине? *

Где жадно сбиравший несметные блага,
В могилу унесший сокровища скряга? *

Где тот, что на запад прошел от востока
И длань распростер над вселенной далеко? *

Где муж, что жезлом с острым жалом змеиным
Морским повелел расступиться пучинам? *

И где ныне слывший великим владыкой
Всех тварей — несметной толпы многоликой? *

И где ныне муж, мертвецов воскрешавший
И сам в лапы смерти безвинно попавший? *

Где ныне избранник, стоявший над миром? *
Стал мир без него и ущербным и сирым!

Столь избранных смерть не щадила ничуть,
Ужели тебе этой доли минуть!

Таков в этом мире порядок-закон,
И что из того, люб иль нет тебе он!

И сколько людей под землею лежит,
А зев ее черной утробы не сыт!

Взгляни только в черное чрево земли,
Там сонмы избранников в муках легли!

И сколько владык там, распавшихся в пыль,
И сколько премудрых, полегших во гниль!

Там бека нельзя отличить от раба:
Одна у богатых и бедных судьба.

И сонм гордецов, не болевших ничем,
Полег под землею, недвижим и нем.

И сколько людей полегло в твердозем!
А ты или я разве вечно живем?

Все люди — скитальцы, и — вдаль им идти,
Не ставят жилищ на великом пути!

Все страсти свои я сумел побороть,
Оставь меня, мне да поможет господь!

Лишь алчность людей превращает в рабов,
А я всем доволен, мне чужд ее зов.

Сказал все мирское презревший мудрец,
К соблазнам мирским охладевший мудрец:

«Желанного я в этом мире достиг
И, алчность презрев, от соблазнов отвык.

И сбросил я бремя желаний мирских:
Иссякли желанья, и — нем мой язык!»

Сей мир — это поле, и знай наперед:
Что в поле посеяно, то и взойдет.

При добром посеве и всходы добры,
И, значит, ты сыт и одет до поры.

А плохо засеял — плохое взошло,
И завтра твой вьюк тебе несть тяжело.

И если ты нынче страстей не пресек,
То завтра добра не познаешь вовек!

Забудь же сей мир с его злобной тщетой,
Оставь, пока он не пресыщен тобой.

Не кинешь его — он покинет тебя,
Не бросишь его — он отринет тебя.

Быть с ним? Для чего? Что тебе в нем далось?
Пока строит козни он — сам его брось!

Оставь его, думай о мире ином,
Ты вечный покой обретешь только в нем.

А если мечтаешь о лучших дарах,
Забудь навсегда об обоих мирах!

Владыке обоих миров поклонись,
В нем сей мир и тот воедино слились.

И все, что он создал, ты в нем обретешь,
Что он сотворил — в нем самом обретешь.

Без страха покинь тех, кто им сотворен,
Страшись лишь творца: он — твой щит и заслон.

И разве пристало, творца позабыв,
К созданьям его устремлять свой порыв?

У дела служенья два выбора есть:
Кто служит достойно, тому будет честь,

А если негожи, неладны труды,
Напрасна вся жизнь, дни и годы худы.

За добрую службу властитель почтит,
А кто нерадив, тот изведает стыд.

И голоден ты или сыт, а беги:
Покой — для властителя, труд — для слуги.

Но если неладен, нескладен твой труд,
Дни жизни твоей бесполезно пройдут.

Что доброго тут для слуги самого,
И в чем будет радость от службы его?

Внемли, что сказал муж из рода Ыла,
Ему суть служенья известна была:

«Посмотришь, трудна участь бековых слуг:
Послужишь с лихвой, а оценят не вдруг.

Понравишься — жизнь твоя станет что плен,
Не нравишься — будешь все боле презрен.

О в службе усердный, не верь ей, усвой:
За службу поплатишься ты головой!

Как будто и рады, а смотришь — бранят,
Как будто одобрят, и вдруг — хмурый взгляд.

Понять, что хотят от тебя, и не ладь,
И прихоти тоже нельзя разгадать!»

О сын мой, сей мир — словно ветер лихой,
Он — тень, коей ввеки неведом покой.

Он — словно бы призрак: узришь его след,
Захочешь поймать, а его уж и нет!

Миг счастья исчезнет, едва лишь возник,
Он скор и неверен и старится вмиг!

Сей мир я теперь ни за что не приму,
Мне миг его счастья ловить — ни к чему!

Мне память о боге — отрада отрад,
Наказам его несказанно я рад.

Любил бы господь, что в любви мне другой?
Враг господа, бес — враг заклятый и мой!

Мне бог — упованье и смысл бытия,
Прибежище мне он и радость моя!

Овчина — покров мой, ячмень мне — еда,
И мной бренный мир позабыт навсегда.

Внемли слову мужа, что предан был вере,
Отшельником жил он в далекой пещере:

«Всего мне довольно, доволен я всем,
Овчиной прикрыт я и отруби ем.

И слаще, чем сахар, те отруби мне,
И шелк не достойней лохмотьев ничем!»

И пищи полно — хоть все чрево набей:
Хватает для сытости мне отрубей!

А есть надо — только бы жизнь поддержать:
Беда, если ешь ты скотине под стать.

Не зарься на сласти — ярем их суров:
Расплата за сладость — разверзнутый ров!

Все сладости глотке милы, животу,
А тешащий чрево подобен скоту.

Одежды милы людям, бархат с парчой,
О доблестный, плоть свою только прикрой!

Насытишь утробу — два дня будешь сыт,
Накинешь одежду — два года прикрыт.

За два этих блага стать людям рабом,
Служить им — подумай: что доброго в том?

От горнего свода до влажных низин
Все сущие в муках живут, как один.

Один только бог сам не ведает мук,
Но мукам людским он — всеведущий друг.

И я к одному только богу влеком:
Взыскуя его, мыслю я лишь о нем.

Мне ясно: едино его существо,
И сердцем и словом я верю в него.

Бессонно я верю в его благодать,
А где обрету ее — мне ли то знать!

Мой ум неусыпно к творцу прилежит,
Видны лишь дела его, сам он сокрыт.

Кто ищет — не спит: неусыпно ищи,
На то, что не смог отыскать, не ропщи.

Ищи неустанно — нет края пути,
Не будь лежебокой — мол, мне не найти.

Кто ищет, тому отдыхать не дано,
Усталым желанное не суждено.

Без отдыха ищущий как не найдет?
Лежащий желаемых благ не найдет!

Он первый меня возжелал, возлюбил,
Дарю ему ныне ответный я пыл.

От века и вечно желанный ему,
Теперь я стремлюсь лишь к нему одному.

И как же, скажи, не любить мне творца,
И как не искать его в поте лица?

В печалях и бедах опора моя,
Спасает меня он от мук бытия.

Им избранный, им я от века иском,
И сам я к нему всей душою влеком.

Он создал меня, — это истинно так, —
Взрастил, воспитал, дал дары своих благ.

К нему я прибегнул, покинув людей,
Меня да хранит он всей силой своей!

Один я, со мной — только память о нем,
Со мной имя господа ночью и днем.

Господь мне — утеха, опора и щит,
Он — пища мне, голоден я или сыт.

Внемли, что сказал богу преданный муж,
Благой, чистоты неизведанной муж:

«Все тайны души я открою тебе,
Лечу я своею мечтою к тебе.

Господь, ты мне — помощь, отрада отрад,
Стремлюсь я, забыв все мирское, к тебе!»

Для мира иного сей мир тебе дан:
Не бросишь сей мир — и в ином ты не ждан!

От этого мира свой лик отврати,
Тогда лишь иной мир дано обрести.

А ежели мыслишь ты лишь о мирском,
Как будет тобой мир грядущий искомым!

Опасен сей мир: и глоток его — яд,
Ищи непорочных и чистых услад!

Мечты о мирском навсегда позабудь,
Найдешь ты в грядущее праведный путь.

Всю правду об этом узнай, Огдюльмиш,
Я все расскажу тебе, ты — да услышь!

Четыре преграды сломить не сумел —
Не сделаешь ты четырех своих дел.

Пока мир соблазнов тобой не забыт,
Тебе мир грядущий навеки закрыт.

Пока ты, о брат, не покинул людей,
О верности богу и думать не смей!

Пока ты страстям не сломаешь хребет,
Вовеки дорог тебе к истине нет.

Стремленье к соблазнам в душе уничтожь,
Тогда лишь и к богу любовь обретешь.

Сей мир — лишь темница для всех мусульман,
Блаженства не жди, храни душу от ран!

Смири свою плоть, не потворствуй страстям,
Тогда лишь твой путь будет ровен и прям.

Напрасно не трать быстротечные дни,
Запомни: вовек не вернутся они.

Зря жизнь пробежит — муки ждут впереди,
А жизнь ты загубишь — второй и не жди!

Мудрец, чьи познанья — что море, изрек,
Он тих был и скромен, а сердцем — высок:

«Кочуя меж селами, из края в край,
Кочевью заранее путь выбирай.

Блажен, кто заране к кочевью готов:
Цветет его взор от успешных трудов.

Но ложью не тешься: спеши, не спеши,
Конец всех кочевий — в безвестной глуши!

И — бек ли ты, раб ли — беспечным не будь:
Не вечен ты, смерть преградит тебе путь.

Живи восемнадцать ли, тысячу лет —
Ты смертен, — оставь по себе добрый след!

И нищ ли ты, беден, имущ ли, богат,
А жизнь твою дни без остатка съедят!

Да будь ты величьем взнесен до небес,
А смотришь — под черной землею исчез!

И кто бесполезную жизнь проживет,
Тот сам себя сжег, он — бесчувственный скот!»

Кто телом здоров, а тщетою объят,
Нелепа вся жизнь его жалкая, брат!

О брат, не печалься печалью моей,
Горюй о себе, о себе слезы лей.

Тщета сего мира страшней западни:
Заманит и хлопнет, — к приманке не льни.

И если тебе счастья вдоволь дано,
Не верь его ласкам: не вечно оно.

И помни о смерти: ей близок черед,
Нежданно она из засады скакнет.

Немало беспечных сгубила она,
Немало богатств разметала сполна!

Внушал некий муж, прозорливый умом,
Что смерть — это зло, ты, мол, помни о том:

«Да, смерть порассеяла много людей,
Наплачешься, только помыслив о ней!

И сколько кичливых владык не спаслось:
Их войско, оружье — ее не сильней!»

Беспечен не будь: жизнь мелькнет без следа,
Прошедшие дни не вернешь никогда!

Покоем не льстись — дни напрасно пройдут,
И счастью не верь: вздорный нрав его худ!

Хвастливых бахвалов развеяла смерть,
И всех самохвалов развеяла смерть.

Селенья дотла рушит смерть, города,
Дворцы и чертоги крушит навсегда.

И сонм мертвецов под землею лежит,
Зовя нас, живых, за собою, лежит.

Открой свои очи — поймет ли твой взгляд,
Где слуги, где их властелины лежат?

Где смерть, там и сан и величье — не впрок,
От смерти никто уберечься не смог!

Благих провозвестников смерть унесла,
Где сыщется средство от этого зла!

Коварен сей мир, он — мучитель людей,
Лукавый, неверный, жестокий злодей!

Дни быстро бегут, и уходят чредой
Достойный и добрый, дурной и худой.

Голодные смертны и сытые — всяк:
Ни бек не спасен, ни богач, ни бедняк.

Исход и блаженству и тяготам скор,
К чему же разлад и крикливый раздор?

Я добрую речь мудреца приведу,
Душа и дела его были в ладу:

«Гордец и при малой удаче спесив:
До неба взнесется, себя позабыв.

А смерть подоспеет, сразит гордецов,
Потушит им очи — смирит их порыв!»

Вел речи я, движим к тебе добротой,
О славный, вниманием их удостой!

Кто внять этой правде доподлинно смог,
Тому бренный мир будет чужд и далек.

Не юн я, и стать моя стала стара,
На мускус волос уж легла камфара.*

Готовиться к смерти приходит мне срок,
О доблестный, час мой уже недалек.

Боль смерти приблизилась, радость ушла,
А что после смерти — какие дела!

И если я помыслом чую беду,
Зачем же теперь я к элику пойду?

Элику ничем я помочь не смогу,
И пользы не будет, — поверь, я не лгу.

Он мнит меня этого мира жильцом,
Я ж кинул сей мир, — пусть помыслит о том!

Господь сотворил человеческий род
Для двух разных дел — двух различных забот.

Одним рай судил он, другим — адский дол,
Тех — ввысь он вознес, этих — в бездну низвел.

Кто высей желал, тем он дал ясный путь,
И низкой стезе им указана суть.

Но чтобы свой долг раб исполнить бы смог,
Подмогу во всем да пошлет ему бог!

И ежели бог ему помощь дарит,
Рабу путь ко всякому благу открыт.

И если в служении пыл его жгуч,
К несчитанным благам отыщет он ключ.

Все знанья мои сих нелегких наук
Тебе я поведал, о добрый мой друг.

Нужны вам слова наставлений благих,
Вот эти слова, они лучше моих:

«Мир вечности ищешь — сей путь к нему прям,
А как найти бренное — знаешь и сам.

Когда ты удачлив и счастлив в судьбе,
Все будет дано, что желанно, тебе!»

О чем же мне, друг, и мечтать о другом,
Помочь мне желанно вам в деле благом!

И богу меня да поручит элик,
Молиться о нем буду я каждый миг.

Знай: все, что меня объяснить ты просил,
Ты слышал, я все рассказал в меру сил.

Внемли мне, а если не внемлешь, ну что ж:
Не нынче так завтра сам правду поймешь.

Мудрец, чьи познанья — как море, изрек,
Прислушайся — ты расцветешь, как цветок:

«Тебе нынче кажется сном моя речь,
А впредь из нее сможешь правду извлечь.

Используй наказ мой, беспечен не будь,
Посмеешь ослушаться — бед не минуть!»

Элик мои вины, грехи да простит,
Сам думай, чем вылечить горечь обид.

Тебе выпал труд: путь нелегкий далек,
Но мздой, равной солнцу, воздаст тебе бог.

Печалью мне сердце, о брат, не круши
И дружбу с тобой сохранить разреши!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

В ответ Огдюльмиш произнес: «О, поверь,
Мне праведный путь стал понятен теперь.

Внимательно выслушал все я слова,
И я умолкаю: в них правда жива.

Правдива и праведна слов твоих суть,
А все остальное — неправедный путь.

Ты — прав, я ж — во власти тщеты и забав,
Смиряюсь я, тщетное правдой поправ.

И я ухожу, будь и цел и здоров,
О муж, внявший правде обоих миров!

О брат мой, господь да пошлет тебе сил,
Чтоб ты в час молитвы и нас не забыл.
И ты за меня попроси у творца,
Чтоб истину он мне открыл до конца!»

И слово прервал он, сбираясь домой,
Простился и — к дому дорогой прямой.

Коня оседлал он, приехал он к дому,
Вошел, отдохнул, подавляя истому.

Поел и попил он и, думой объят,
Он все, что услышал, обдумал стократ.

И солнце подернулось черною дымкой,
Весь мир притаился во тьме невидимкой.

Румийская дева сокрыла чело,
И тьмою кудрей ее мир облекло.*

Черны, словно раб, смеркли горние дали,
Летучие — стихли, ходячие — стали.

Омывшись, склонился в ночной он мольбе
И лег, повелев сделать ложе себе.

И он пробудился, поспавши немного,
И видит: уж Марс опустился полого.

Он видит: Плеяды пошли под уклон,
И в небе с востока встает Скорпион.

Лежал он, но мукой терзался бессонной,
Как будто больной, лихорадкой сраженный.

И думал он думу бессонной порой,
И небо белело уже камфарой.*

Но небо еще, словно амбра, темнело,
Ростками лучи прорезались несмело.

Но солнце взошло, и рассеялся мрак,
И вздыбился с алой расцветкою стяг.

И встал Огдюльмиш и, свершив омовенье,
В молитву вложил он весь пыл разуменья.

Когда красный щит над землей стал высок,
Пошел Огдюльмиш к властелину в чертог.

Элик повелел ему тут же войти,
Вошел он и руки сложил на груди.

И знаком элик повелел ему сесть,
Тот сел, соблюдая обычай и честь.

Вопрос элика к Огдюльмишу

И, дав ему сроку, элик произнес:
«Ответь мне, о доблестный муж, на вопрос.

Что брат твой сказал? Как с наказом моим?
Зачем ты ко мне? Почему ты не с ним?»

Ответ Огдюльмиша элику

В ответ Огдюльмиш все поведал толково,
Какой разговор был — от слова до слова.

О чем говорилось во время бесед
Поведал он все властелину в ответ.

Элик призадумался думой большой,
И плакал он, сердцем скорбя и душой.

Ответ элика Огдюльмишу

«Да, брат твой, — сказал он, — ответил правдиво,
И речь его вся до конца справедлива.

Мы силой гнетем себя, нам же немилой,
И нудим его произволом и силой.

Сей мир преходящ, все пройдет без следа,
И то, что придет, отойдет навсегда.

Мир вечности — да, он насгупит, конечно,
Ни благо, ни зло в этом мире не вечно.

Блажен в вечном мире достигший высот:
И благо себе он и честь обретет.

Прав, видно, твой брат — муж, прозревший надежно,
Призвать его к нам — эта цель невозможна.

Мы все — лишь невольники наших страстей,
Напрасна тщета наших суетных дней!

Узнай, что сказал муж великой души,
Усвоить сей добрый совет поспеши:

«Дашь прихотям волю, поддашься страстям —
Ты верную месть предречешь себе сам.

Где страсти живут, там душа не жива,
А в мертвой душе верность богу мертва.

Мертво наше сердце, мы — в тяжком плену,
Страстей наших древо растет в толщину.

А слава, величье, счастливые дни,
О муж справедливый, не вечны они!

Добра в мире мало, да много невзгод,
Гнетут нас недуги, проклятье гнетет.

Прекрасен премудрого мужа совет,
Сей мир он познал, да и зрелых был лет:

«Величьем не льстись, о достигший высот,
У тех, кто велик, много тяжких забот.

Где радость, там — бедствий и горестей гнет,
Где благо, там тысяча мук тебя ждет!»

Вопрос элика к Огдюльмишу

Элик снова молвил: «О мой Огдюльмиш!
Причину, зачем его звал я, услышь.

Когда бы себе от него ждал я благ,
То разве об этом я пекся бы так!

Не хочет быть здесь он, в упорстве он лих,
Не хочет он видеть друзей и родных.

Но правду сказал он, ничуть не дерзя,
Неволить его, как я вижу, нельзя.

Твои тоже были докучны труды,
Устал ты от долгих бесед и езды.

О доблестный, что ж — поглядим, подождем,
Что будет — свершится своим чередом.

Грядущее скрыто во мраке ночей,
Оно заблестит от рассветных лучей!

И время — что туго натянутый лук,
И мечет оно стрелы блага и мук.

И ты все веленьям творца предоставь:
Срок выйдет — родится из небыли явь.

Когда что начнешь, а дела недобры,
Попытки, о мудрый, оставь до поры.

Таков уж сей мир: не даются дела,
Отчаешься — смотришь, удача пришла.

Давай испытаем его, подождем,
Одарит нас время удачливым днем!

И сам пожелает увидеть он нас,
И сам обо всем поразмыслит не раз!»

На том было кончить угодно элику,
И встал Огдюльмиш, и покинул владыку.

И время бежало, и шел день за днем,
Элик размышлял и о том и о сем.

68

Повествуется о том, как элик Кюнтогды в третий раз послал за Одгурмышем

Призвал Огдюльмиша элик как-то раз.
«Есть дело к тебе, — свой он начал наказ.

Твой брат не приехал на зов мой и клич,
Желанной мечты не сумел я достичь.

Отверг я несбывшийся умысел мой,
Теперь озабочен я думой другой.

Иная теперь в моем умысле суть:
Хочу на него я воочью взглянуть.

И я ли пойду к нему, он ли ко мне,
О свет мой, мы свидимся наедине.

Пускай он приедет и, дав мне совет,
Вернется опять исполнять свой обет.

Не в тягость ему ведь добром мне помочь,
Сомненья мои да изгонятся прочь!»

Ответ Огдюльмиша элику

В ответ Огдюльмиш произнес: «Достославный,
Исполнена речь твоя истины явной!

Элик повелит — я поеду к нему
И, чтобы призвать его, меры приму.

Поеду к нему, твою речь передам,
Его привезу, чтоб не ездил ты сам.

А лучше вели мне поехать с письмом,
Тогда славный муж мне поверит во всем!»

Ответ элика Огдюльмишу

Элик отвечал: «А зачем быть письму?
Ты — лучше письма, он поверит всему!

Письмо шлют с гонцом, суть посланья тая,
Иному кому ж, как тебе, верю я!

Внемли, что сказал бек из рода Ягма,*
Во всем, что ни есть, был он мудрость сама:

«Когда гонцу верят, посланье излишне,
Раз веришь, иные старанья излишни.

Устами скажи и на слух слушай слово,
Письмо же — усвой назиданье — излишне!»

И эта задача не столь тяжела,
Чтоб так уж бояться ее, словно зла!

Зачем устной речи подмога письма,
Ты сам — и письмо, муж благого ума.

Приедет ко мне и уедет назад,
Я воле его не поставлю преград.

И вот с чем я шлю тебя волей моей:
Добром позови, а неволить не смей.

А он не приедет — ну что ж, не беда:
Сам съезжу и, свидясь, приеду сюда!»

Ответ Огдюльмиша элику

«Все думы заветные сбудутся в срок, —
Сказал Огдюльмиш, — если помощь им — бог.

И я послужу неустанно тебе,
Исполню я все, что желанно тебе.

Лишь был бы здоров ты, не ведал невзгод,
А бог тебе все, что ты хочешь, пошлет!»

И, выйдя, верхом сел он, путь недалек,
Приехал домой и одежды совлек.

Багряного солнца желтело чело,
И словно бы золотом мир облекло.

И стало как будто шафранным светило,
И небо вселенной лазурно светило.

И, брови нахмурив, свод неба темнел,
И стал чернокожим вселенский предел.

Поев и омывшись, свершил он намаз,
Велел постелить и заснул он тотчас.

Лады соловья огласили весь дол,
Он в страхе проснулся, и сон уж не шел.

Без сна он лежал, и внимал его слух,
И тешил он звуками пенья свой дух.

И ночь длилась долго, а сна — словно нет,
И был ему в радость забрезживший свет.

И черный свой ворот рванул небосвод,
И блещущий лик глянул с горних высот.

Улыбкой расцвел дивный девичий лик,
И светом залил он вселенную вмиг.*

Багряное в небе зардело чело,
И стало везде во вселенной светло.

И встал он, умылся, надел свой наряд,
Молитву свершил, доброй думой объят.

Коня повелев оседлать себе, он
Отправился к брату, душой просветлен.

И, к брату приехав в глухой его дол
И спешившись, он к его двери пошел.

И в дверь постучал он рукой, и на звук
К нему вышел брат, услыхав его стук.

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

И тот, увидав Огдюльмиша, изрек:
«Да, брат, ты себя долгим долгом облек!

Зачем дал себе ты мученье такое,
Зачем и меня ты лишаешь покоя?

Давай-ка войдем, я прошу рассказать,
Зачем же ко мне ты приехал опять?»

И братья вошли. Был отшельник сердит:
Насупился он, не скрывая обид.

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«О праведный, — молвил пришелец ему, —
Не хмурься и слову внемли моему.

Тобою тогда мне реченные речи
Элику я точно поведал при встрече.

С прилежным вниманьем все слушал элик,
И в суть твоих слов он старательно вник.

Тебя он не станет неволить, поверь,
Но есть у него еще просьба теперь.

Меня он прислал передать тебе слово,
И ты не кори меня, славный, сурово.

У всякого дела есть мера и грань,
Крушителем собственных дел ты не стань!

Внемли, что сказал муж разумного слова,
Всему, что ни есть, в его речи — основа:

«Ни меры ни в чем не нарушь, ни предела,
А если нарушишь — потеряно дело!

Всему есть законные грани и мера,
Все в меру свершенное живо и цело!»

Оставил элик прежний умысел свой,
Лишь свидеться хочет теперь он с тобой.

Поедешь ли ты к нему, он ли сюда,
Тебя новидать у него есть нужда.

Тебе это, брат мой, не будет во вред,
Сломи же суровость, дай добрый ответ.

Элик очень добрый и мудрый владыка,
Его милосердие к бедным велико!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

Ему отвечал Одгурмыш: «Это слово
Разумнее прежних, муж сердца благого!

Предписано праведным единоверцам
Гостить друг у друга, о доблестный сердцем!

И добрый покорно приемлю я зов,
Его навестить в сей же день я готов.

И вот почему я не ездил доселе:
Он ждал от меня себе помощи в деле!

Теперь он другой идет — верной — дорогой,
И мне дорог путь справедливости строгой.

Элик пусть не ездит, я еду к нему,
Зачем ему тяготы — я их приму.

Элику дано быть народу владыкой,
Достоин он чести и славы великой.

Он всех наставляет и делом и словом
И ставит преграды порочным основам.

Сказал муж, чей разум как море глубок,
Был мудр он и скромен, и сердцем высок:

«О подданный, волю властителя жалуй,
Подвластны ей все — и великий и малый.

Чти бека и волю его неотступно,
Будь он даже раб, что закуплен менялой!»

И мною приказ повелителя чтим,
Его навещу я, побуду я с ним.

Езжай и элику скажи мое слово,
Мол, еду я, принял я честь его зова.

Едва лишь сокроется свет за покровом,
Я еду, дай место под старым мне кровом.

А днем ехать — люди за мной побегут;
Молва разгорится да суд-пересуд.

Езжай и жди дома, и в знак уговора
Ты спать не ложись, я последую скоро.

Приеду к тебе я, мы вместе побудем,
Как быть и что делать — подробно обсудим!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

Был рад Огдюльмиш и в ответ он сказал:
«Ты прав, твои речи достойны похвал!

Я еду и тотчас пойду я к элику —
Обрадую доброю вестью владыку.

Держи свое слово, езжай мне вослед,
В задуманный час свой исполни обет!»

И вышли они, порешивши на слове,
Довольны, они уж не хмурили брови.

«О брат, — вновь пришелец решил помянуть, —
Ты слова не рушь, о достойный, — прибудь!

Едва лишь светило за землю заглянет,
И угольный полог все тьмою затянет,

Езжай, буду ждать я, — сказал он ему, —
И меры, какие потребны, приму!»

Коня оседлал он, приехал к элику,
Спросил разрешенья увидеть владыку.

И он властелину сказал обо всем,
И рад был элик — просветлел он челом.

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Добро, — он сказал, — эти вести пригожи, —
Надеюсь, твое и его слово схожи.

Когда он приедет, — вопрос был, — ответь,
И где мне его, о премудрый, узреть?»

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш, отвечая ему:
«Едва ночь оденет лик мира во тьму,

Ко мне он приехать намерен — в мой дом,
К тебе он придет, как назначишь прием!»

Ответ элика Огдюльмишу

«Да, ты претерпел много мук и тревог, —
Элик произнес, — да воздаст тебе бог!

Ты этим лекарством мне вылечил хвори,
Утешил мне сердце ты в тягостном горе.

Дождись его дома, меня извести,
А я велю слугам за вами прийти.

Последуй и ты с твоим родичем вместе,
Его я приму, как и должно, по чести.

Об этом и сказана мудрая речь,
Умей из нее суть и правду извлечь:

«Когда нашим душам благое желанно,
Надеждой мы тешим себя непрестанно.

А сыщем заветное — рады всем сердцем,
Уже мы не судим об этом пространно!»

И: «Ладно!» — сказал Огдюльмиш, и опять
Пошел он домой, чтобы гостя принять.

И спрятало лик свой за землю светило,
Весь мир тьма ночная туманом покрыла.

Вселенную вдовий наряд облекал,
Тьма неба была — как бесовский оскал.

Все стихло, все сущее очи сомкнуло;
Ни ссор, ни раздоров, ни слова, ни гула.

69

Повествуется о приезде Одгурмыша к Огдюльмишу

И прибыл в назначенный срок Одгурмыш,
И встретил с почтеньем его Огдюльмиш.

С поклоном он гостя взял за руки, в дом
Вошли оба доблестных мужа вдвоем.

Оказана гостю едой была честь,
О госте элику отправили весть.

Элик им отправил ответ в свой черед,
Призвал их к себе, оказал им почет.

70

Повествуется о встрече элика Кюнтогды с Одгурмышем

5035 И оба к элику пошли, и в покоях
Он сам их приветствовал — встретил обоих.

Элик их с поклоном встречал, и при этом
Отшельника первый почтил он приветом.

Любезно приветив отшельника, он
Спросил о здоровье, челом просветлен.

И рядом с собой он велел ему сесть,
Во всем оказал благосклонность и честь.

«Твой путь, Одгурмыш, был и лих и тяжел,
Сюда ты, — сказал он, — пешком, верно, шел!»

Ответ Одгурмыша элику

Сказал Одгурмыш: «Знай, очей моих свет:
Тебя увидал я — и тягот уж нет!

По собственной воле пришел я сюда,
Откуда же будет, элик, мне беда?

Когда человека желанное манит,
Он даже от тягот — и то не устанет.

Внемли, что сказал муж и мудрый и знатный,
Он мудростью славы достиг благодатной:

«При сильном желанье и дальнее — рядом,
Дано приближаться к желанным усладам.

По зову души к дальней цели спешащий
Приблизится быстро к удаче манящей.

А если идут не по зову души,
Даль ближе не станет, спеши, не спеши!»

Конечно, дорога пешком тяжела,
А сердце зовет — и не ведаешь зла.

Элик, шел к тебе я с заветною думой,
Откуда же тяготам быть, ты подумай!

Когда сердцу дорог и мил кто-нибудь,
Становится близким любой дальний путь!»

Вопрос элика к Одгурмышу

«Из многих вопросов, — элик произнес, —
Ответь мне на мой самый первый вопрос.

Вот ты, говоришь, шел по зову души,
Тогда ты мне вот что спросить разреши.

Ты знаешь: в приветствии — честь и почет,
Приветствуешь первым — и дан делу ход.

Меня увидав, ты не отдал поклон,
За что я тобой этой чести лишен?»

Ответ Одгурмыша элику

Сказал Одгурмыш: «Я ведь первым поклон
Не делаю с умыслом с давних времен.

Здороваться — значит желать быть здоровым.
Желают здоровья приветственным словом.

Приветствие — милость, от болестей кров:
Желают здоровья — и будешь здоров.

Об этом и сказано верное слово,
Внемли же ему, о муж сердца благого:

«Благим пожеланьем мы милость дарим,
Даруется здравье приветом благим.

В благом пожеланье — защита от бед,
Ответивший тем же — вовек невредим!»

Великим приветствовать малых пристало,
Все будет к добру, если славно начало.

Где младший чтит старших и мудрость их слов,
Наказам их внемлет — он жив и здоров.

Где младший от гнева великих спасен,
Под сенью добра благоденствует он.

Элику немилостей ждать от меня ли?
Я мал, а какие от малых печали!

Могуч своей властью над всеми элик:
Свершит все, что хочет, во гневе он вмиг!

И смерду негоже лезть к беку с приветом,
А в чем суть, о мудрый, — сказал я об этом.

Меня ты сначала призвать захотел,
Чтоб я послужил себе с пользой для дел.

Но был твоему непослушен я слову,
Коварен сей мир, я не внял его зову.

И гостем меня пригласил ты тогда,
И, зову послушен, я прибыл сюда.

Я в страхе предстал пред тобою, с опаской,
Меня ободрил ты приветом и лаской.

И страх пред тобой повергал меня в дрожь:
Я думал — о прежнем ты речь поведешь!

Теперь я поверил тебе безусловно,
Я вижу, что ты меня примешь любовно!»

Ответ элика Одгурмышу

Элик отвечал ему: «Хуже худого,
Когда бек не держит им данное слово!

Ему не во благо ни власть, ни почет,
Когда он посулов своих не блюдет.

Кто лжив и к горячности склонен мгновенной,
Не может эликом быть — править вселенной.

И как же он править-то будет людьми,
Когда он и лжив и не властен, — пойми!

Об этом и сказано очень толково:
«Лишается счастья нарушивший слово».

Обманщики подлы, и хуже их — нет,
А самый дурной — кто нарушит обет.

Прекрасно сказал муж правдивого склада,
Правдивому богом дается награда:

«Бек должен быть честным, правдивым во всем, —
Мы мужем обманщика не назовем.

Мужи не нарушат обета вовек,
Одним только сплетницам ложь — нипочем!»

Ответ Одгурмыша элику

Ему Одгурмыш отвечал: «О элик,
Ты этих высоких достоинств достиг.

Всевышний владенья твои да умножит,
И доблесть твою укрепить да поможет!

Все беки — избранники, честь им, хвала,
Да чтутся их речи и все их дела!

Мудрец поучал словом, верным вовеки:
«Народ богатеет при правéдном беке».

Другой муж учил, — головой был он сед,
Сей мир он познал и преклонных был лет:

«Будь доблестен нравом, властитель вселенной, —
Прийти и уйти дано радости бренной.

Покрой свое имя достойною славой,
Обманчиво счастье повадкой лукавой!

Будь чужд, о властитель, порочным основам,
Заботься о благе и делом и словом.

О славный, изменчивы власть и величье,
Нетленны одни лишь благие отличья.

За благо подвластных, за доброе ратуй,
Тебе да воздастся достойной отплатой.

Дни жизни подобны ветрам-ураганам,
Счастливые дни обернутся обманом!»

Ответ элика Одгурмышу

«О мудрый, — элик отвечал, — мне желанно
Твоим наставленьям внимать постоянно.

И я одержим сокровенной мечтой,
Чтоб был ты, о доблестный, рядом со мной.

Помог бы советом ты мне ежечасным,
Как волю направить к свершеньям прекрасным.

Здесь — толпы мздоимцев, сквалыг, приверед,
Лишь верных и честных, о праведный, нет!

Здесь беки на страсти и прихоти скоры,
А сердцу ни в ком не отыщешь опоры.

Глядишь, во дворце всюду — головы сплошь,
А делу радеющих — нет, не найдешь!

Об этом и стих есть отличного склада,
Усвоить его тебе, праведный, надо:

«Есть люди: мужами назваться спешат,
А толку не жди от них — он маловат.

Иной больше тысячи прочих свершит:
И тысячи рук его дел не свершат!»

Внемли, Одгурмыш, — еще молвил элик, —
Господних ты милостей многих достиг.

Деянья твои твоей славе под стать,
Свою да пошлет тебе бог благодать!

Дай долю даров мне, что дал тебе бог,
Чтоб сердцем я скверну страстей превозмог!»

Ответ Одгурмыша элику

«О бек мой, — ему Одгурмыш отвечал, —
Лишь облик мой внешний достоин похвал.

А если б ты ведал, что скрыто под ним,
Я был бы и прогнан тобой и браним.

Молва есть, что праведник я и аскет,
Но это — свершенью обета во вред.

Подумай: молва эта сгубит меня,
Гордыня растет во мне день ото дня!

Украсил я лавку на вид, напоказ,
А польза ль торговле от этих прикрас?

О людях по виду, элик, не суди,
Нутро их, сокрытую суть разгляди!

Бывает, что дыня красою блестит,
Отменны и запах, и свежесть, и вид,

А если нет вкуса — беде не помочь,
Отбрось эту дыню, о доблестный, прочь!

Внемли прозорливым словам мудреца:
«Нутро украшай, а не то, что с лица!»

Всему — по достоинствам сути цена,
А нет доброй сути — краса не нужна!»

Ответ элика Одгурмышу

Элик отвечал ему: «О благодатный,
Твой облик — под стать твоей сути приятной!

Покинув сей мир, ты спасен от обуз,
А я связан бременем — тяжек мой груз.

В мирском я погряз и прикован к суетам,
И мне не служить уже господу, — где там!

Подай мне совет, и я, верен ему,
Очищусь душой — благо в сердце войму!»

Ответ Одгурмыша элику

Сказал Одгурмыш, отвечая: «О бек,
Да будут с тобою все блага вовек!

О муж, чьи познанья — как море, усвой:
Дурнейший из божьих рабов пред тобой!

Есть слуги у бога дурней? Это ложь!
Вот я — это я, хуже ты не найдешь!

И что тебе проку от наших бесед:
Послужит ли в пользу тебе мой совет?

Надеждой на бога еще я храним:
Прощенье он даст прегрешеньям моим.

Внемли, что сказал муж, немало грешивший
И бога простить прегрешенья моливший:

«Я — грешный твой раб, вероломный, дурной,
И тяжек мой грех — все свершенное мной.
Господь, ты — опора мне, кто же иной?
О, сжалься, молю, над моею виной!»

Ответ элика Одгурмышу

«О доблестный, — был от элика ответ, —
Ты благ, и достоинств прекраснее нет!

За то, что себя ты считаешь дурным,
Ты будешь людьми и любим и хвалим.

Чисты в тебе сердце, и слово, и суть,
Совет мне подай, наставителем будь.

Ты праведен, муж добродетельных дел,
О, если б советом ты мне порадел!
Господь тебе дал много благ, просвети,
О доблестный, как верный путь обрести?

О добрый, советом бы ты мне помог,
Воздал бы тебе щедрой платою бог!»

71

Повествуется о том, как Одгурмыш давал наставления элику

В ответ Одгурмыш начал речь: «О элик,
Господь да поможет тебе, он велик.

Обманчив сей мир: себялюбец и скаред,
Он, сам не старея, властителей старит.

Подобных тебе — всех губил он «любя»,
Теперь изготовился он на тебя.

И, право же, ты не тянись к нему сердцем,
Порви с недостойным доверья зловерцем!

Зачем же моих поучений ты ждешь?
Совет сей — для всех, и тебе он пригож.

И прежде всесветных владык возносило,
Где ныне они, где их слава и сила?

Подумай о них — путь куда им пролег?
Идти вслед за ними твой час недалек!

Сейчас ты всевластен в величии пущем,
Но краток твой век, помышляй о грядущем!

Свершил ты для этого много ли благ?
Сверши их теперь — станешь завтра ты благ!

В час смерти раскаянье мучит жестоко —
Твори лишь добро и чуждайся порока.

Одним мудрым мужем дан добрый совет,
А мудрое слово — что перл-самоцвет:

«О видевший мертвых, и ты ведь не вечен,
Готовься к кончине и стань безупречен.

Беспечный! Ведь знаешь ты: смерть впереди,
Пройдет твоя жизнь, с пользой дни проводи!

О раб вожделений, беспечно живущий,
Попомни о смерти, тебя стерегущей!

Помысли о сущности прожитых дней:
Они пронеслись, словно сон, — разумей!

И если ты доброе делать захочешь,
Ты думы о вечном отце да упрочишь!

А если всю жизнь свою прожил ты зря,
Рыдай день и ночь, покаянье творя.

Нам жизнь не по нашему спросу дается,
И юная сила назад не вернется!

Не трать всуе срок, что отпущен тебе,
И к смерти готовься в смиренной мольбе!»

Подумай, элик: до тебя год за годом
Отец твой властительно правил народом,

Казною он, свитой и войском владел,
Шло время — обрел он желанный удел.

Но смерть подошла, и приспела расправа
Ему не во благо пошла его слава.

Отец, умирая, тебе дал наказ,
Что сахар, совета отцовского глас.

Послушай об этом такое реченье,
Во благо оно тебе, словно бы зренье:

«Отец, когда близко подступит кончина,
Мирским не прельщаться напутствует сына:

„Меня смерть словила, тебя — тоже словит,
Об имени добром радей — для помина!“»

Когда умирают отец твой и мать,
То — детям завет, чтобы разуму внять:

Смотри, мол, родителей смерть не щадила,
Тебя ли в твой час не поглотит могила!

Сей мир уготовил им долю невзгод,
Тебе ли он добрую долю пошлет!

Цени свою жизнь, для людей поработай,
Себя ограничь, все отдай им с охотой.

Дни жизни спешат, лишь о нужном пекись,
Свое совершай, — им дано пронестись.

Взвали себе на спину бремя людское,
Будь зорок и вдумчив, не зная покоя.

К тебе рвутся стаи голодных волков,
Овец, о властитель, храни от врагов!

Один лишь из подданных голоден к ночи —
Господь с тебя спросит, — открой свои очи!

Сегодня, элик, ты, как светоч, горишь,
А свет твой другим предназначен, услышь!

А срок твоей жизни дойдет до предела,
Кому из людей до тебя будет дело?

Не жги себя ради людской суеты,
Напрасным огнем не пали себя ты!

Величье, всевластье, отличья почета —
Все сгинет, едва смерть откроет ворота.

Будь сам справедлив, справедливость наладь,
Незыблемо власть твоя будет стоять.

Прекрасно сказал муж учености строгой,
Усвой его речь, следуй этой дорогой:

«Желаешь ты власть укрепить — не забудь:
В надежном законе лишь праведный путь.

А хочешь всем миром ты править с победой,
Опять же скажу: справедливости следуй!

Не смей — мол, всевластен я — пялиться ввысь,
Неверен сей мир — от него отрешись!

Не верь сего мира непрочному счастью:
Готово оно обернуться напастью!»

Сей гордый чертог, сей дворец, о элик,
Всего лишь приют, тебе данный на миг.

И все, кому прежде был кров этот ведом,
Прошли чередою — за прежними следом.

Сегодня дворцы и чертоги — твои,
Но думай, где завтра дороги твои!

И ведай: дворцы эти строить не надо:
Бегут твои дни, и чужда им пощада!

Готовое ложе, взгляни, пред тобой,
Получше его, о достойный, устрой!

«Дворец этот — мой!» — ты себя тешишь думой,
Да только разумно ли это, подумай!

Внемли слову правды о сути дворца,
О славный, в нем истинно все до конца:

«„Мое, да мое“, — ты твердишь бестолково,
А что тут твое, и зачем это слово?

Наследник придет — повелит убираться,
В устах его то же „мое“ уж готово!»

О властный! Темница сей мир, разумей,
А что есть в темнице, помимо скорбей!

Не жди от темницы услады, отрады,
В раю лишь даются благие награды.

В минутных отрадах услад не найти,
Непрочную радость за радость не чти!

Бегучее счастье не твердо в устое,
Развеет оно все тобой нажитое.

Дано лишь в ином мире жить и спастись,
Презри этот мир и к тому обратись!

О вечном помысли, не льстись быстротечным,
Но помни: нелегок путь к радостям вечным!

Подумай и верь: милость бога мудра,
И сколько она совершила добра!

Над сонмом людей он стоит властелином,
Даруя желанное словом единым.

Внемли, тебе равные божьи рабы
К тебе льнут в юдоли их тяжкой судьбы!

Яви свою милость им ныне, сегодня,
Будь милостив к тяготам люда господня!

Для праведных дел ты возвышен творцом,
Будь праведен, будь только правдой ведом!

Да будет в деяньях вести тебя разум:
Не прихотям следуй, а сердца наказам.

Любовью весь подданный люд оделив,
К великим и малым да будь справедлив!

Но если узришь ты деянья порока,
Тотчас пресекай их, карай их жестоко.

Внемли слову мужа, чей ум — океан,
С умом делай все — будешь ликом румян:

«Ты хочешь, чтоб всюду добро процветало,
Сам доблестным стань, о властитель, сначала!

Ты жаждешь владенья очистить от смут,
Безгрешен будь сам — твой пример переймут.

Властитель — глава, и подвластному люду
Дано за властителем следовать всюду.

Народ станет плох — беки зло пресекут,
А кто бека вылечит, если он худ?

Будь праведен, честен, все делай достойно,
Народ станет добрым — и властвуй спокойно!

И если ты хочешь добро совершать,
От зла отрешись, слов излишних не трать!

Не знайся с дурными, беги от разврата:
И то и другое позором чревато.

Желаешь от зла ты себя уберечь —
Не делай его, — вот и вся моя речь!

К вину не тянись и чуждайся соблазна:
Они — что трясина, где топко и грязно.

Будь мужем достойных деяний и дум,
Советчик твой — знанья, а спутник твой — ум.

Да будут и сердце и речь твоя строги,
Собою владей и не сбейся с дороги.

Не будь ни гордыней, ни спесью томим,
Не чванься — мол, войском владею большим.

Взгляни, сколько славных гордыня сгубила,
Их смерть погребла, приняла их могила!»

Прекрасно сказал муж познаний больших,
Внемли сим словам — мудрость истины в них:

«Не вздумай кичиться великой казною,
Не чванься — мол, свита и войско со мною!

Кто пялится грудью, кичась своей силой,
Не властен вовек и над мухой дурною!»

В делах не ярись и удерживай гнев:
Взъяришься — умолкни, собой овладев.

Спешить — лишь к молитве одной и пристало,
А в деле спешить — не полезно нимало.

Кто стоит награды — скорей награди,
Карать — не спеши, будь спокоен и жди.

Ни словом, ни делом не знайся со спешкой:
Терпение ценится — лучше помешкай!

Будь щедрым с людьми, не жалей им даров:
Бек жаден — о нем суд народа суров.

Будь сдержан, себе не позволь грубой речи,
От грубости стынут сердца человечьи.

С людьми разговор веди мягко, не зло,
Держи лик открытым и светлым — чело.

Ты — избранный, будь в этой доле умелым,
Будь праведен сердцем и речью и делом.

И если народ твой хорош, стой над ним:
Ты, избранный, должен быть самым благим.

И если у беков столь добрые нравы,
То тысячи благ будут людям державы.

Когда у властителей нравы дурны,
Зло силу берет — все лукавы, дурны.

Не будь же дурным, не порочь своей славы,
Не дай воли тем, что дурны и лукавы!

Пороки — что яд, ну а яд не едят:
Нет жизни тому, кто попробует яд.

Приблизь к себе умных — в ком разум немалый,
Внемли слову мудрых, цени их и жалуй.

Правдивых, достойный, чья слава светла,
К себе призови и доверь им дела.

Коварен сей мир, он — хитрец лицемерный,
Смотри, берегись: все пути его скверны.

Прикрасившись, манит он, словно любя,
А сердце отдашь — он обманет тебя.

И помни о смерти — без мук, непрестанно:
Не дай, достославный, ей грянуть нежданно!

Не спи, о элик, беззаботность — дурман,
Не будь же от хмеля всевластия пьян!

Не тешься блаженством сегодняшним, сущим,
О завтрашнем думай блаженстве — грядущем!

В ином мире радость блаженства долга,
Такому блаженству цена дорога!

Желаешь добра себе — будь человечным,
Ты будешь блажен в благоденствии вечном.

Внемли, что сказал много знавший мудрец,
За знания славу приявший мудрец:

«Уж если бог милостив, то без предела,
И ты его милость познаешь всецело.

В немилости будешь унижен презреньем,
А муки презренья чье сердце стерпело?»

Элик, ты — что лекарь недугов людских:
Народ к тебе тянется — толпы больных.

Те — в немощи лютой утратили силы,
Другие — от бедности скорбны и хилы.

Один голодает, другой наг и бос,
Иные от бедствий страдают до слез.

Твой долг — их лечить и лекарства давать им,
Врачом быть, здоровья нести благодать им.

А если ты хвори не вылечишь им,
Ты сам станешь в жизни их горем лихим.

Ответствовать завтра тебе перед богом,
Готовься к суду на судилище строгом.

Твоя жизнь пройдет, власти беков — стоять,
Ищи доброй славы, зря жизни не трать.

Сей мир, о элик, это всхожее поле:
Что сеяно, то и пожнешь ты — не боле.

Стремись сеять доброе — зерна добра,
И вечно к тебе будет почва щедра.

Послушай, что сказано знающим беком.
Всевластным, дела понимающим беком:

«О жаждущий беком быть — людям главой!
Ты скромность себе же во благо усвой.

О жаждущий быть повелителем властным!
В делах будь с наукой в союзе согласном.

В союзе с наукой верши все дела:
Где знания, там хороши все дела!

Не вечно мирское, и жизнь быстротечна,
Упрочивай блага, живущие вечно.

Рожденный умрет — жизнь земная жива:
О добром и злом остается молва.

Не знайся со злом — все добро оно плавит,
Лишь доброе имя след добрый оставит!»

Будь вдумчив и дважды будь зорок, элик,
Беспечных ждут тяготы мук каждый миг.

Да, вдумчивость, зоркость — всей власти основа,
И в них же ищи блага мира иного.

Беспечен не будь — власть развеется в прах,
Беспечный несчастен в обоих мирах.

Не множь себе недругов, властвуй бескровно,
Страшна будет смерть твоя — дважды греховна!

Не ешь запрещенную верой еду:
Едящим запретное — место в аду.

Всем людям яви свое благоволенье,
Им зла не желай, это — путь заблужденья.

Хмельного не пей и отвергни разврат,
Два этих греха все твердыни крушат!

Все смертны, бессмертного нет человека,
В посмертной молве о нем — след человека.

Жизнь — малая горсть, и глядишь — ее нет,
Но плох ли, хорош, а останется след.

Тебя тешит лестью сей мир быстротечный,
Не дай усыпить себя лени беспечной!

Беспечность влечет нас в объятия сна,
Заснувший о деле забудет сполна.

Когда б люди не были столь безмятежны,
Они, словно ангелы, были б прилежны!

Муж умный сумел очень верно изречь,
О доблестный, прочно усвой его речь:

«Беспечность — основа услад и утех,
Тот губит себя, кто беспечнее всех.

Смотри, берегись безмятежного сна, —
Господь, отведи от меня этот грех!»

И взором и слухом с людьми осторожен,
Ты мягкостью сердца будь тоже надежен.

За все с тебя спросит всеведущий бог,
Для грешных ответ перед богом — силок!

Сказал мудрый муж, его речь ты обдумай,
Все делай в согласии с этою думой:

«Бездельник, питающий к спеси любовь!
Господь с тебя спросит, ответ приготовь.

О любящий прихоти сердца глупец!
Настанет твой час — с тебя спросит творец.

О падкий на яства! Смотри, не забудь:
Готовься к ответу, ищи правый путь.

Всем бог повелит дать ответ за долги,
Где сыщешь спасенье, туда и беги!»

И меч, о элик, и нагайка — с тобою,
Дурным уготовь наказанья, побои.

И если у злых не убавится зла,
Следи, чтоб и кара на убыль не шла!

А если дурным и побои не впрок,
Стой дальше от выбранных ими дорог!

Порочен элик — вся держава в упадке,
А зла не пресечь — заблуждения гадки.

Всех добрых цени — добрым сердцем согрей,
И станут, о славный, все люди добрей.

От игр и забав удержи себя строго,
Блаженству не верь: жить осталось немного.

Закон справедливый крепи на века:
Где крепок закон, там и власть высока.

И сколько есть сил — столько выкажи рвенья,
А будешь оплошен — моли о прощенье.

Услышь одного властелина слова,
Его справедливость хвалила молва:

«О бек, всею силой трудись неустанно,
Да будет твоя справедливость безгранна!

А выйдет оплошность — моли о прощенье,
В смиренной молитве склонись покаянно!»

Не прячь в казну золото и серебро,
Дари все, какое накопишь, добро!

По смерти тебе в нем какая отрада?
А ну как во зло все используют чада!

Старайся при жизни богатства раздать,
Им счет не веди, на себя их не трать!

И некий властитель сказал в речи умной,
Прослыл превеликим сей муж многодумный:

«Властители мира! Мила вам казна,
А зря: после вас она вам не нужна!

Минует блаженство — сочтется с тобой,
Была бы тебе доля бед не дана!

О избранный муж, стать богатым хотящий,
Презри все богатства для благости вящей!

Неверен сей мир, будь душою не с ним,
Не верь ему, — станешь ты мукой томим.

О муж, чье могущество — власти основа,
Отринь свою власть ради блага иного!

О преданный думам корыстного зла,
Раздай все добро, пока смерть не пришла!

Подступится смерть — и богатства не надо,
Добро пропадет — что тебе за отрада?»

Будь сдержан в еде, богу службой радей,
Учись добронравью без лишних речей.

Будь милостив к бедным, сиротам и вдовам —
Сколь праведно быть им защитой и кровом!

Любителей сплетен к себе не приблизь,
Доносчиков, ябед, лгунов сторонись.

Подобные люди — всех прочих вреднее,
А вредные, ведай, — твои лиходеи!

Корыстным не вверь управительных дел:
Они разорят и цветущий предел!

Твори лишь добро, берегись преисподней,
Да будешь храним ты под сенью господней!

Твой нынешний день, дни грядущей поры
И ночи твои — все да будут добры!

Прекрасно сказал мудрый муж разуменья,
Тебе предписал он благие свершенья:

«Ответа за нынешний день не минуть,
О будущем думай и праведен будь.

Будь зорок и вдумчив, очнись и не спи,
Очей не смыкай, все иное — забудь!»

Две ветви — мирское и вера — несхожи,
Пути их различны, их путать негоже.

Мирское и веру срастить и не тщись,
Доподлинно знать надо: им не срастись.

Приблизишь одно — отдалится другое,
Держать два пути — заблужденье пустое.

Сей мир — словно ветер с грозой: лишь подул,
Гроза грохотнула — и стих ее гул.

Придет твое счастье — все к двери приманит,
Потом — все другому отдаст и обманет.

Хотел быть богатым — а станешь ты гол,
Почета хотел — а презренье обрел.

И голодом станет вся сытость мирская,
Блаженство бедой обернется, сникая.

Сурово смиряй свои страсти, элик,
И прихотям воли не дай ни на миг.

Они — худший враг, и с повадкой особой:
Ты к ним — с добротою, они — с лютой злобой.

Им служишь добром ты, они тебе — злом,
Озлишься на них — отвечают добром.

Чти душу свою, подави страсти разом,
Твой ум станет беком, а ханом — твой разум!

Сей мир тебе — недруг, и страсти — враги,
Они для тебя расставляют силки.

При счастье не чванься в зазнайстве надменном,
Не верь этой жизни, порви с миром бренным.

Расстаться с величьем и властью дано,
Недолгим огнем пылать счастью дано.

О муж благородный, послушай-ка слово,
Внимать доброй речи — благая основа:

«Не льстись, что ты — бек, надо спесь побороть,
Не чванься, к смиренью себя приохоть.

Презренный сей мир позабудь и презри,
В ином мире даст тебе благо господь!»

Три рода мужей важно выбрать для дела,
Элик, им три должности вверишь ты смело.

Один из них — кадий.* Для блага людей
Он праведней всех должен быть и честней.

Второй, кто для блага людей справедлив,
И праведен должен быть, — это халиф.*

И третий избранник — везир,* — до него
Всем подданным дело есть прежде всего.

И если честны, справедливы все трое,
Народ благоденствует в добром покое.

Цветет вся страна, богатеет народ,
Он богу мольбы за тебя вознесет.

А если дурны и порочны все трое,
Житье и у подданных будет дурное.

Присловие к этому можно привлечь,
Услышь, ясноликий, разумную речь:

«Для бека везир — поводырь на пути,
Ему — и народ и владыку блюсти.

И если везир поведет не туда,
Все будет не так, — это слово учти!»

Сей мир — словно скатерть с готовой едою:
Отведает каждый своей чередою.

И те, что до нас к угощенью пришли,
Насытившись, канули в чрево земли.

К великим они ждут нас пиршествам-едам,
Зовут нас — за ними мы шествуем следом.

Еще есть и те, кому чрево — приют,
Они вслед за нами к еде подойдут.

Одни ожидают, когда мы уйдем,
Другие нас ждут в подземелье своем.

Мы скатерти с яствами ныне соседи,
А много ли будет еды нам и снеди?

Нас кличут лежащие в глубях земли,
И те, что в утробах, нас гонят: «Пошли!»

Одни нас зовут, а другие нас гонят,
Какой тут покой! С двух сторон будешь донят!

Не тешься, элик, беззаботностью нег
И помни, о праведный, краток твой век.

Элик, дальше будь от того, что запретно,
Запретное душу чернит неприметно.*

Радетельным хочешь быть, доблестный муж,
Дозволенной пищи закон не нарушь.*

Сказал муж, питавшийся пищей законной,
Радетельный муж правоты непреклонной: *

Законное есть — грех забыть навсегда,
Законное — мира иного еда!» *

Кто чистыми держит и глотку и тело,
От скверны греховной очищен всецело.

И вся чистота — от благого куска,
Где чистая глотка, там пользы — река.

А пользы желай не себе, а народу,
Тебе самому его благо — в угоду.

Властитель великого града изрек,
В различных делах был умом он высок:

«Не благо ли — беки, что счастье дарят:
Народ, если сыт он, — и счастлив и рад.

Ведь беки — что море, где жемчуг сокрыт,
Живущий у моря быть должен богат!»

Все беки — что залежи с серебром-златом:
Копнешь глуби копей — и станешь богатым.

Бек должен быть щедрым дарителем благ,
Тогда весь народ и доволен и благ.

Властитель! Как солнце будь ярок и зноен,
И будет народ твой и кормлен и поен.

Чужое хранишь ты — смотри, не потрать:
Тебе за сохранность его отвечать!

Элик, присмотрись-ка внимательным взглядом:
Ты копишь во благо своим же усладам.

Несметны богатства сокровищ морских,
Тебе не насытиться перлами их!

А ты роешь недра — за залежью залежь
И серебро-злато в казну свою валишь!

Да только ведь всю подземельную кладь
Тебе все равно не сумеют достать!

И все, что растет, — все наземные зерна
Ты тоже в казну собираешь упорно.

И всем, что летят и бегут и плывут,
Не жить от тобою раскинутых пут!

Твои караваны — везде во вселенной,
С шелками, с мехами, с поклажей бесценной!

Но всем чудо-тканям Румийской страны
Вовек не забить твоей жадной казны! *

Арабских коней — всех и всяких — вобрала
Конюшня твоя, только все тебе мало!

В степях и загонах не счесть табунов
Верблюдов и мулов, коней-рысаков.

На пастбищах — овцы в бескрайней округе,
С тобою, о славный, служанки и слуги.

Несметны маралы среди горных гряд,
Коров и быков — не сочтешь твоих стад.

И козы, что в горных раздольях пасутся,
Твои, — от неволи твоей не спасутся!

Там лани, маралы, сайгаки — все есть,
И всех тебе, доблестный, не переесть!

Куланов и туров, пасущихся дико, —
И то тебе словят, о мощный владыка!

Лисица и волк, лев, кабан и медведь —
Как им от охоты твоей уцелеть!

Журавль, пеликан, лебедь, чибис, кулик —
Все те, что летают, — и мал и велик,

И даже парящий в высотах орел —
Никто, бурый волк, от тебя не ушел!

От птиц твоих ловчих нет лёта летучим,
От псов твоих гончих нет бега бегучим!

В безотчестве отчий оставишь ты род,
Без матери гибнуть заставишь сирот!

Но все твари мира, как их ни губи ты,
Не будут, о смелый, тобой перебиты!

Для глотки, для тела ты ладишь грабеж,
А смерть подойдет — бросишь все, что гребешь!

К чему резать, рвать все, что в мире ни жило, —
Сгребет тебя смерть — и оборвана жила!

Посмотришь, от жадности — вся суета,
Да только бывала ли жадность сыта?

Сказал некий муж, всем довольный, не жадный,
А тот и богат, кто в нежадности — ладный:

«Кто алчет забрать целый мир под запор,
Его ли богатым назвать? — Это вздор!

И можно ли бедными звать неимущих?
Нет, беден богач при глазах завидущих!

Кто жаден, тому и богатство не впрок, —
О щедрый, ты скряг бы от бед остерег!

Для жадного мало всесветной поживы,
А малым довольные — в жизни счастливы.

Скупой, сколь бы ни был богат он, — не сыт,
Лишь прахом могилы он зуд утолит!»

Вот все, что познал я и понял, элик,
Я все рассказал, что мой разум постиг.

Ты слышал, что было поведано мной, —
Пойми это сердцем и очи раскрой.

Послушаешь — с прибылью будешь хорошей,
А нет — станешь сам себе тяжкою ношей.

Послушай разумного мужа завет,
Послушаешь — в нем тебе добрый совет:

«Советчик полезным советом дарит,
Попросят совета — и он говорит.

А ежели внемлющий слов не сварит,
Оставь его, — пусть, если хочет, сгорит!»

Ответ элика Одгурмышу

«О доблестный, — молвил элик, зарыдав, —
Воистину, ты — муж прозревший, ты прав.

Ты благостен ныне прозреньем своим,
А я, хоть и властен, бедою казним.

Теперь я прозрел, все понятно и мне,
Обрек сам себя полыхать я в огне.

Плутал я, о славный, на ложном пути,
Ты праведный путь мне помог обрести.

Молись обо мне, Одгурмыш, чтобы бог
Мне доброю помощью снова помог!»

Ответ Одгурмыша элику

Сказал Одгурмыш, отвечая: «О бек,
Да будет господь тебе в помощь вовек!

Старайся умом утешать свои страсти,
Ничтожен поддавшийся их лютой власти.

Тебя губят страсти и прихоти тела,
Гнетет тебя нрав их дурной оголтело.

И старый сей мир, весь увязший в соблазнах,
О, сколько сгубил он властителей разных!

Состарил он многих подобных тебе,
Не даст вечных лет и твоей он судьбе.

Они отошли, нынче ты на престоле,
Подумай о должном — зря жить-то доколе!

Попомни, властитель, о смерти грядущей,
Твой час недалек, за тобою идущий!

Кто ты — вот о чем ты, элик, не забудь,
А если забыл, то прозри свою суть.

Кто эти две мысли в уме не сберег,
От правой стези он безмерно далек.

Сказал свою сущность познавший мудрец,
Умом путы страсти поправший мудрец:

«Попомни о смерти, тебя ждет могила,
Следи, чтобы чванство тебя не томило.

Из семени создан ты, чем же кичиться?
Кичливость и спесь усмиряй в себе силой!»

Невидимо смерть притаилась в засаде,
А грянет — не думай тогда о пощаде!

Когда у живого и нет в жизни зла,
Сама мысль о смерти — и то тяжела.

Довольно и думы ему о кончине —
О гнили, гниющей в земле мертвечине!

А сколько еще будет тяжких забот,
Когда мука смерти к тебе подойдет!

И, помня об этом, муж умный, достойный
И сну и еде внемлет с мыслью спокойной.

Мудрец говорил всем внимавшим в урок.
И знаньями был он и рвеньем высок:

«Будь сердцем высок и радению верен,
Презри этот мир, берегись его скверен.

Сей мир — что темница, пристанище змей,
Оставь его, жить в мире правды умей!

Безгрешной душе твоей черным покровом
Одеться дано в подземелье суровом.

Сей мир — что темница, колодезь без дна,
Кромешная тьма мук и горя полна.

Какого ж ты хочешь в темнице покоя
И в сердце лелеешь желанье какое?

Рассей черный прах этот — жалкую пядь,
Великое, вечное надо искать!

Вздымись же над пыльною мглою и чадом,
Нетленную вечность прозри своим взглядом!»

Ведь сколько б ты ни жил — хоть тысячи лет,
Найдет тебя смерть и изловит, мой свет!

И сколь бы ни длились в мирском твои сроки,
Тягчать будут язвы, все боле жестоки.

Хоть тысячу лет свои прихоти множь,
А всем им свершенья вовек не найдешь!

Внемли, о достойный, сколь слово глубоко
Того, кто изранен был стрелами рока:

«Желаньям, живи хоть и тысячу лет,
Вовеки свершения полного нет.

Подвластный желаньям, желая всего,
Погибнет, спеша всем желаньям вослед!»

Но речь не обильем речений полезна,
И дело не в том, чтобы слушать любезно,

А в том, чтобы вникнуть в разумную речь
И верную пользу из слова извлечь!

Я все рассказал, ты слыхал мое слово,
Воспользуйся им для деяний толково.

Язык мой вел речь, и молчать он не мог,
Слова не иссякли, иссяк в речи сок.

Господь да пошлет тебе помощь, владыка,
Да будет к добру твое рвенье велико!

Господь да поможет в желанном тебе,
Элик, и меня вспомяни при мольбе!»

И слово прервал он, и стал он вставать,
Элик, удержав его, молвил: «Присядь!»

Велел он подать разных яств и питей,
Отведай, мол, доблестный, пищи моей!

И тронул еду Одгурмыш, но рука
Еды и питья лишь коснулась слегка.

Не ел он еды, лишь коснулся немного,
Молитву творя в прославление бога.

И встал Одгурмыш и сказал: «Бог велик», —
И следом за ним сразу встал и элик.

И, выйдя, пошел Одгурмыш — не один,
За ним — проводить его — шел властелин.

И, выйдя, друг с другом они попрощались,
Властитель вернулся, о госте печалясь.

И гость стал сбираться к пределам своим,
Брат, руки целуя ему, шел за ним.

Но брата вернуться просил Одгурмыш,
Простившись, вернулся к себе Огдюльмиш.

Вернулся к себе он, всем сердцем смущен,
Печален он был, и не шел к нему сон.

И солнце главою с востока взошло,
И мир побелел, как лебяжье крыло.

И солнце расправило грудь поутру,
И щедро весь мир источал камфару.*

Светился весь мир, будто ангельский лик,
И на небе отблеск камфарный возник.*

И встал Огдюльмиш и свершил омовенье,
И, благостен сердцем, пал ниц для моленья.

Оделся он, сел на коня и верхом
К дворцу он поехал, оставив свой дом.

И, вскоре войдя во дворец, в ту же пору
Он, позван эликом, предстал его взору.

Вопрос элика к Огдюльмишу

«Что гость — Одгурмыш, — он спросил первым делом, —
Давно ли уехал он к дальним пределам?

О мой Огдюльмиш, — он добавил, — поверь,
Вся пища мне стала отравой теперь.

Как быть мне отныне, как жить-то я стану,
Дано ль распрямиться согбенному стану?

Что власть! Ее груз мне безмерно тяжел,
Я скорбью, тоскою всю душу извел!

Без войска не правит людьми властелин,
А как он управится с властью один!

А войско держать — тут богатства нужны,
Сберешь ли войска без богатой казны!

Учил нас стоявший над воинством муж,
И властью владевший с достоинством муж:

«Мощь бека и сила — войска и казна,
Где есть две опоры, там сила прочна.

При двух этих силах властитель велик,
Венцу его слава величья дана!»

И войско держать — нужен прочный доход,
А прочный доход только сила дает!

Один лишь хребет у меня, — разумей, —
И как мне снести тяжесть ноши моей?

Конечно, и нищий не будет не сыт,
И смерть всем живущим равно отомстит!»

72

Огдюльмиш рассказывает элику о законах управления людьми

В ответ произнес Огдюльмиш: «О элик,
Да будешь в делах ты десницей велик!

О муж, чьи познанья — река! Горьких слов
Не молви, негоже, господь к ним суров.

Не силой забрал ты себе этот сан,
Тебе он господнею милостью дан.

Дар власти господь дал в награду тебе,
О мудрый, воздай ему славу в мольбе.

Чист сердцем, творцу верой-правдой служи,
Народ в справедливости строгой держи.

И разумом страсти старайся смирять,
И мудростью с силою прихотей сладь.

Внемли, что сказал муж, людей поучавший,
Все прихоти-страсти рассудком поправший:

«Прямым хочешь быть — сломи спину страстям:
Без гнета страстей и кривой станет прям.

Будь стойким, не ведай неволи страстей,
Украсть твою веру дано их сетям!»

И что же, о властный, ты так ослабел? —
Дана тебе сила для праведных дел!

Зачем же печаль твоя столь тяжела,
Что даже и жизнь для тебя не мила!

Могучи войска твои, прочна казна,
Тебе мощь ума и познанья дана.

Возрадуй войска — дай им куш из казны,
И — требуй, что хочешь, — все будут верны!

Сказал некий муж, — был к врагам он суров, —
Что золото в прах разбивает врагов:

«Узнай: чтобы войны к победам вели,
Задабривай воинов, щедро хвали.

Задобришь — тогда чего хочешь желай,
Все будет тебе — бей врагов и вали!»

Держи много войск, будь со всеми хорош,
В ответ их любовь в нужный день обретешь.

Войска — на врагов-иноверцев нацель,
Моли сил у бога, — чиста твоя цель.*

Всегда рать готовь на неверных в поход:
Неверный погиб, а безверье живет! *

Сжигай их жилища, рушь идолов — срой,
Там общины сделай, мечети построй.*

Возьми дочерей их, плени сыновей,
Добром их полнее казну понабей.

Суть веры открой им, введи шариат,*
И будешь ты славою славен стократ.

А на мусульман покушаться не смей, —
Сам бог, о элик, — враг подобных затей.

Один мусульманин другому — что брат,
На братьев не зарься, помочь им будь рад.

К народу будь добр, будь раденьем горазд,
И он тебе доброй молитвой воздаст.

И даст тебе благо отрады творец,
И будут два мира — твои, о храбрец!»

Ответ элика Огдюльмишу

«Прекрасен, — ответил элик, — сей урок, —
О, если бы так я и действовать смог!

Какими ж делами, о славный, ответь,
Мне помощь подай — этим целям радеть?

Народ надо пестовать, править державно,
Все знать, все учесть — что и тайно и явно.

Ценить надо верных, давать им дары,
Карать тех, что злы и к тебе недобры.

Страну укрепляй первым делом и сплошь
Вертепы питейные в ней уничтожь.

Народу закон дай — надежный и прочный,
И вытрави скверну неправды порочной.

Как править надежно — неведом мне путь,
Дела за делами — очей не сомкнуть!»

Ответ Огдюльмиша элику

«Не медли, о бек, — отвечал Огдюльмиш, —
Свершай все, о чем ты теперь говоришь.

Зачем же откладывать нужное дело?
Не медли: оглянешься — жизнь пролетела!

Что нынче не сделал, то завтра доймет,
А дел поднакопишь — собьешь их черед!

Не завтра дела совершай, а теперь,
Не то их и завтра не сделать, поверь.

Свершай все дела с прилежанием пущим,
Тебя и народ твой ждет благо в грядущем.

Со всеми будь добрым, с порочными — строг,
Очисти от рук, чтоб не липнул, порок.

Будь честен и прям, действуй только правдиво,
Испортит тебя все, что плохо и криво.

Дана лишь упрямцам нелепая стать —
Сначала испортить, потом выправлять.

С дурными не знайся — хлебнешь ты лишений,
С правдивыми жить — значит стать совершенней.

Внемли, что сказал муж правдивой души,
Язык его прям был, дела — хороши:

«С дурными не знайся, будь честным, правдивым,
Со лживым сойдешься — и станешь ты лживым.

Дурные поступки к несчастьям приводят,
Будь сам справедлив и тянись к справедливым!»

Без войска, элик, твой покой будет худ:
Войска избавляют от тягот и смут.

Войска укрепляй, раздавай им даянья,
Дай бедным богатство, голодным — питанье.

Кто служит, надежда тому дорога,
Изверившись, бросит служенье слуга.

Элик, слуги разны и сутью и нравом,
Приладься, не действуй порядком неправым.

Одни из них любят почтенье, почет,
Уважь их, раз это им радость дает.

Другим любы вещи — подарки, награды,
Все дай им — полечь за тебя будут рады!

А третьим и вещи и слава милы,
Дары им дари, раздавай похвалы.

Кто смел, тем готовь серебро для награды,
Их меч покорит тебе села и грады.

Ученых и умных — кто знаньем богат,
Ты щедрой рукой удостой всех наград.

Дурных, своевольных, жестоких не жалуй,
Им воли не дай — будет вред, и немалый.

Не чти гордецов, с ними щедрым не будь,
От них можешь горького зелья хлебнуть!

Внемли, слово есть — правоты непреложной:
«Спесив при богатстве и самый ничтожный».

О славный, не жалуй богатства дурным:
Дурной, став богатым, становится злым.

А если достойных унизить нуждою,
Их суть от невзгод станет тоже худою.

И если достойных печали гнетут,
Любой самый лучший из них станет худ.

Исправь всех порочных, карая их строго,
Достойных возвысь — станут лучше намного.

Всех верных и преданных к делу приблизь,
Смотри, от бессовестных дальше держись.

Учись различать, о мудрейший, умело,
Кто годен и кто непригоден для дела.

Кто любит тебя и кто — нет, надо знать,
Будь недругу пламенем, с любящим — ладь.

Отвергнут любовь твою — спесь поумерь им,
Любви их не требуй и в деле не верь им.

Не спутай, где — верность, где — верности нет,
Различно оценивай пользу и вред.

Двоим одно дело вверять не пристало:
Доверишь, а дело не сдвинешь нимало.

Тому доверь дело, кто справится с ним,
Не сладивший с делом тоскою томим.

И дело вверяй не услужливым в деле,
А тем, кто полезен для избранной цели.

И сам о себе и о людях радей,
А сам себе выгод не жди от людей.

Себе от людей много блага не требуй,
Да станет их благо твоею потребой!

Тебе служат с пользой — и сам удружи,
А всех бесполезных подальше держи.

Да будет прилежный тобой отличаем!
Прилежных цени и дела поручай им.

Вот те, что свершить тебе надо дела,
Свершишь их — считай, что страна расцвела.

И станешь ты счастлив, познаешь ты славу
И после себя будешь славен по праву.

Народ богатеть будет, власть процветет,
Казне своей вволю наращивай счет.

Послушай, что сказано мужем преславным,
И слава и речь его —в равенстве явном:

«Где бек справедлив, доброй волей ведом,
Там люди богаты и — солнце кругом.

Народ богатеет — богат властелин:
Забота одна об одном и другом!»

Слови в градах-селах воров и смутьянов,
Храни понадежней пути караванов.

Внутри страны всяческий гнет уничтожь,
Вовне — пресекай и разбой и грабеж.

Дурных исправляй, их карая жестоко:
Суровость нужна для леченья порока.

О твердый душой! Чтоб исправить дурных,
В темницах и ямах держать надо их.

И прочие люди различны изрядно,
Умей различать их — и все будет ладно.

Меж них есть и те, чья ученость мудра,
Ученость — источник любого добра.

Ты их почитай и внемли их веленьям,
Блюди шариат, будь исполнен смиреньем.*

Плати им, едой и питьем не обидь,
Чтоб им, о всевластный, без горестей жить.

Да будут они в благолепье душевном
Невежд наставлять поученьем вседневным.

Еще мухтасибы есть, власть им дана,
Рука их, о славный, должна быть сильна.*

Им — злых и беспутных к порядку неволить,
В довольстве мечети и общины холить.

Еще слуги есть при особе твоей,
Чем менее строг ты, тем слуги наглей.

Случается так: не они идут с грузом,
А сам ты — что носчик, привыкший к обузам.

Еще нужно подданный люд помянуть,
Закон ему дай, справедлив к нему будь.

Три рода людей есть, и ты их не путай,
Сводить их в одно — дело кончится смутой.

Одни — богачи, им богатства даны,
Они, о достойный, в народе сильны.

Другие лишь средний достаток скопили,
С богатыми им не равняться по силе.

За этими третьи идут — бедняки,
Их верной защитой от всех опеки.

На средних не взваливай ношу богатых:
Насильные меры с пути совратят их.

Не вскинь ношу средних на бедный народ:
Голодная смерть его враз подсечет.

Поможешь — и бедный на среднего тянет,
А средний — богатым, зажиточным станет.

Бедняк, ставши средним, упрочит доход,
А станет богат — вся страна расцветет.

Народ будет счастлив, страна благоденна,
В мольбах о тебе все склонятся смиренно.

Сказал властелин Уч-Орду, — разумей, —
О доблестном имени, смертный, радей:

«Кто доброе имя по смерти оставит,
Того в неумолчной молитве прославят!

Кто доброй молитвой по смерти почтен,
Того ждет иная жизнь — лучших времен.

Где б ни был ты — здесь, на земле, иль в могиле,
Суть в том, чтоб тебя доброй славою чтили.

Ты смертен, об имени добром радей,
Опо будет вечно по смерти твоей!»

И знай: на тебе перед людом три долга,
Исполни их, — силой не держатся долго.

Во-первых, блюди чистоту серебра,
И проба пусть будет отменно добра.*

Второе — дай людям закон справедливый,
Чтоб не был один для другого поживой.

И третье — пути под охраной держи,
Набеги, разбой изведи, грабежи.

Лишь выполнив долг пред людьми — не иначе,
Ты, доблестный, требуй ответной отдачи.

Три права даровано власти твоей,
Внемли, что ты спросишь с подвластных людей.

Долг первый их — чтить все твои повеленья,
Любое из них приводить в исполненье.

И долг их второй — не должать пред казной,
Платить все в положенный срок, не в иной.

И третье: враждуя с твоими врагами,
Должны они ладить с твоими друзьями.

И если ты праведно долг свой блюдешь,
От подданных красен ответный платеж.

Да следуют беки путем этим ясным,
Такими же быть надлежит и подвластным.

Где доброе видит от бека народ,
Там добрая слава о беке идет.

Элик, если это даровано счастье,
Тебе в двух мирах уготовано счастье!

Еще есть в науках познавшие толк,
Людей обучать всем наукам — их долг.

Еще мухтасибы есть. В общинах властно
Они вытравляют все то, что опасно.*

Купцы пусть врученное им берегут
И чтут волю тех, чей в товар вложен труд.

И пусть земледельцы блюдут свое поле,
И скот скотоводы да множат все боле.

Еще тебе служат войска твои — рать,
Их долг — волчьи своры врагов твоих гнать.

Дарами их радуй, держи их в почете,
Неволить к иной и не вздумай работе.

Дай им по заслугам даров и наград,
Чтоб был каждый воин силен и богат.

Готовь мощь оружья на страх супостатам,
Будь смертью врагам, а собратьям — собратом.

И все будет цвесть-процветать у тебя,
И станет в делах тишь и гладь у тебя!

И станут тебе оба мира отрадой,
Живи безмятежно и господа радуй!

Вот это и праведность, — праведным будь, —
С желанным сведет тебя праведный путь.

Господь да возлюбит твое благочестье,
Иди к людям с честью, не пачкай их местью!

О муж светлосердый, услышь сей наказ,
Он суть этих слов подтверждает как раз:

«Как правда незыблем, стоит небосвод,
Незыблемо зреют растенье и плод.

И ты будь незыблемо прям и правдив,
Правдивый два праведных мира найдет!»

Что ведал, тебе я поведал, элик,
О тайном и явном сказал напрямик.

Равна двум мирам этих слов благодать,
Об этом тебе и хотел я сказать.

Есть блага сей жизни, есть добрая слава,
Сей мир ли, грядущий избрать — твое право!

Мирские богатства уйдут, как ни множь,
Об имени добром радей, — ты умрешь!

Об этом есть доброе слово, размысли,
Слились воедино и речь в нем и мысли:

«Умру я, была бы лишь доброй молва,
Посмертная слава живых не мертва!

Добро совершай, к доброй славе стремись,
Да будет в веках твоя слава жива!»

Услышав ответ, был элик очень рад,
Челом просветлел он, восторгом объят.

Ответ элика Огдюльмишу

Вознес Огдюльмишу он много похвал:
«Ты, — молвил он, —все мне поведал, что знал.

Была бы мне милость творца всеблагого
Держаться тобою реченного слова!

Бог, давший мне в помощь такого, как ты,
Пошлет мне свершенье желанной мечты.

Что любо тебе, все послал тебе бог,
А мне ты, о славный, в желанном помог.

И ныне всей силою верной любви
Ты мне, о достойный, усердье яви!

Я верю тебе, верю в чувства твои,
Советов своих от меня не таи.

Как свет, воссиял этот день мне, поверь,
В тебе вижу я свое благо теперь.

Сказал очень ладно муж сердца благого,
Слились воедино в нем сердце и слово:

«Кому сердце верит, тот — словно зерцало,
Взгляни на него — твоя суть в нем предстала.

Муж добрый — зерцало для видящих взоров:
Исправь, приглядевшись, и нрав свой и норов!

Чье сердце тебе станет любо, — внемли же, —
Тому нужно верить и стать к нему ближе.

А ежели веришь, иди за советом
И, веруя, действуй согласно ответам!»

В ответ произнес Огдюльмиш: «Я согласен».
И был в светлой радости взор его ясен.

Умолкнув, закончил беседу элик,
И, вставши, ушел Огдюльмиш в тот же миг.

Забыв о покое, в труде и мученьях
Радел властелин о подвластных владеньях.

Дурных отдалил он, а лучших людей
Возвысил, приблизив к особе своей.

Цвела вся страна, жил в достатке народ,
Спокойно шли дни, и за годом шел год.

На благо народу вся жизнь расцвела
И стала и радостна и весела.

Элик Огдюльмишу наград не жалел
И вверил ему он веденье всех дел.

Так жил Огдюльмиш, и немалый уж срок
Он нес бремя тягот, забот и тревог.

И он оглянулся на жизнь и дела
И видит: вся жизнь понапрасну прошла.

Всем сердцем скорбя, он прозрел свою тьму,
И сердце очистить мечталось ему.

73

Повествуется о том, как Огдюльмиш, скорбя о прошедшей жизни, обратился к покаянию

«Я жил, — он воскликнул, — беспечно смеясь,
И жизнь в бесполезной тщете пронеслась!

И силы уходят, и слабой рукой
Я силюсь помочь себе жалкой клюкой!»

И каялся он: «Дни уносятся прочь,
Окончена жизнь, и мрачна моя ночь!

Я все блага жизни проел, словно скот,
По-скотски я жил — без высоких забот.

Как жил я! Беспечность, забавы, тщета,
Прошли мои дни, тщетно жизнь прожита!

И юные силы потрачены зря,
О юности плачу я, в муках горя.

И жизнь — у предела, и смерть все видней,
А смерть не прогнать — все пути ведут к ней!

Увы, голова, словно кречет, седа,
Подобна засохшей траве борода.

И тридцать два зуба моих стали гнить —
Разорвана жемчуг державшая нить.

Далекую даль очи видеть могли,
Не видят теперь они и невдали.

Далеко я видел, был острым мой слух,
Теперь мне руками толкуют: я глух.

Как ворон, был черным я, ныне я сед,
Как лебедь я стал, и немало мне лет.

К творцу я припал, — путь к возврату лежит,*
Простить прегрешенья молю я навзрыд.

К возврату мой путь, мои муки лихи,
Молю я творца отпустить мне грехи.

Отбросил я все, чем я плох был и худ,
Очистить бы душу от скверны и смут!»

И он покаянье принять был готов —
Просить у творца отпущенья грехов.

«Но нет, — он подумал, — спешить ни к чему,
Грешно поспешать, я сей грех не приму.

Совета спрошу, обсужу все дела,
Как должно спасаться от скверны и зла.

Советы — разумного дела залог,
Не внемлющий им себе муки нарек.

Внемли златоуста наказ золотой:
«Для дела совет — что целебный настой».

Советуйся с ближними — нужен совет,
Совета спросить — всем делам не во вред.

Советуясь, можно исправить свой путь,
Совет не держать — значит бед не минуть.

Поеду я свидеться с братом моим,
О деле моем посоветуюсь с ним.

Одобрит он — умысел мой я свершу,
Осудит — я все по совету решу.

Нам знать не дано суть поступков своих,
Послушай других и послушайся их.

Совет расширяет познанья людей,
Где разум помог, там и делом владей!

Послушай наставника мудрый урок,
Что в деле совет — всех успехов залог:

«Замыслишь дела — о совете помысли,
Не внемлющих слову друзьями не числи.

Совета спроси, а потом делай дело:
В совете — свершенье заветнейшей мысли!»

И вечером лег он и встал поутру,
Коня оседлав, поскакал ко двору.

Вошел, испросив разрешения, он,
И принят эликом он был и почтен.

Вопрос Огдюльмиша к элику

И вот повелителю он говорит:
«Желанье во мне видеть брата горит.

Ты дашь разрешенье — к нему я поеду
И — сразу назад, лишь окончу беседу!»

Ответ элика Огдюльмишу

«Езжай же, о мудрый, — элик дал ответ, —
Ему передай мой поклон и привет.

Меня да почтит он молитвой смиренной,
К творцу припадая с мечтой сокровенной.

И пусть он умолит властителя сил,
Чтоб вины мои вездесущий простил!»

И, «Ладно!» сказавши, ушел Огдюльмиш,
И дома обрел он желанную тишь.

Весь мир плавил золото в свете багряном,
И солнце рубины покрыло шафраном.

И небо мрачнело, насупив чело,
И очи людей мглою сна облекло.

И он, помолясь, утомленный, прилег,
Но спал он недолго — от дум и тревог.

Вздремнув, он очнулся и думал: вот-вот
Стяг солнца, вздымаясь, на небе взойдет.

Велев постелить, он заснул долгим сном.
Проснулся от страха он — тихо кругом,

Сомкнуть он не смог уже очи свои
И в думах тревожных лежал в забытьи.

И Черная Птица взлетела с востока
И на небо пламенем взмыла высоко.*

Затеплились звезды в созвездии Пса,
И в небе пробилась Весов полоса.

Фазан поднялся, в небеса воспарил,
Трубя на весь мир, возблестел Азраил.*

И встало с востока дневное светило
И темную землю с высот осветило.

И свет озарил весь вселенский предел,
Лик неба пылающим жаром зардел.

Весь мир просветлел от улыбки чела,
Печали сокрылись и радость пришла.

И встал он, омылся, молитву прочел,
Коня оседлав, поскакал в горный дол.

Примчался и в дверь постучал тихо он,
И брат отворил, прерывая поклон.

И брата приветом почтил Огдюльмиш,
И тут же ответ произнес Одгурмыш.

И об руку оба вошли они в дом,
Начав разговор и о том и о сем.

Вопрос Одгурмыша к Огдюльмишу

«О брат, — он сказал, — что случилось, — открой,
И месяца нет, как я побыл с тобой.

Я вижу, что сердцем в печалях ты сник,
Я вижу — стал желтым румяный твой лик.

И что за печаль тебя гложет сурово,
Откройся, скажи мне правдивое слово!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

Сказал Огдюльмиш, отвечая: «О брат,
Я стрелами рока изранен стократ.

Когда светлый рок дарит добрым наказом,
И мертвое сердце ожить может разом!

Проспал сном беспечности долгий я срок,
Наставил меня, пробудил меня рок.

Прозрел взором сердца я, слышу я слухом,
Воспрянул плутавшим доныне я духом.

Окончена жизнь, моя ноша лиха,
И время пришло отступить от греха.

Я, людям служа, жизнь истратил напрасно,
Служить надо богу — прозрел я, мне ясно!

Мирским я прельщен был, но близок исход,
Окончится жизнь — все мирское уйдет!

Для жизни хотел я обрести все земное,
Но кончена жизнь, и к чему мне дурное?

Вот — день мимолетный уносится прочь,
А что за ним будет — настанет ли ночь?

Как лунь, голова моя стала седою,
И, словно бы кречет, я сед бородою.

О будущем впору заботиться мне,
Мудрец, я о завтрашнем думаю дне!

И, кстати, об этом и сказано слово,
Последуй ему, о муж сердца благого:

«Прошла моя жизнь, я жалею о ней,
А много ль еще мне даровано дней?

Напрасно прошли моей зрелости дни,
Оставшийся срок мне прожить бы честней!»

Подумай о близком, тебе предстоящем, —
Так сказано мужем мне, мудрость дарящим.

Сегодня смирись перед богом всесущим:
Послужишь сегодня — воздастся в грядущем!

Бесцельно я жил — ел и пил, словно скот,
Лишь голод и жажда смирят мой живот!

От благ и услад моя плоть ожирела,
И ей отощать уже время приспело.

В блаженстве и неге спала моя плоть,
Пора ей проснуться — себя побороть.

Я много врагов себе нажил, враждуя,
Возрадую их, им на помощь приду я.

Был к людям я делом и словом суров,
Покаяться я перед ними готов.

О славный, людей попирал я неправо,
Сломлю я гордыню негожего нрава.

Я — бога покинувший жалкий беглец,
В грехах и пороках погрязший вконец.

С молитвой вернусь я к нему, со смиреньем,
Обет покаянья приму со смиреньем.

Пока еще жив, сей обет я приму,
А вдруг я умру, чужд обету сему!

Внемли, что сказал муж глубокого знанья,
Тебе, твердосердый, его назиданья:

«При жизни покайся, смири себя властно,
А смерть подойдет — покаянье напрасно.

Покайся, пока смертью ты не поборот,
Смотри, смерть придет и ухватит за ворот!

Смирись, пока юные годы не минут,
Когда будешь стар, тебя силы покинут!

Цени свою жизнь, посвяти ее богу
И, помня о смерти, готовься в дорогу.

Опомнись, пока тебя смерть не поймала,
Потом в этом пользы не будет нимало!»

К тебе и приехал я с думой об этом,
Обдумай-ка все, помоги мне советом.
Ты — верный мой брат, нет роднее родни,
О доблестный, как же мне быть, разъясни!»

74

Повествуется о том, как Одгурмыш давал советы Огдюльмишу

«О брат мой, — ему отвечал Одгурмыш, —
О доблестный, ты мой совет да услышь.

В намереньях ты благородством высок,
Подмогой тебя да возрадует бог!

Но дело понять — слишком мало, заметь,
Тут надобно многое знать и уметь.

Узнай первый признак повадки умелой:
Что нужно — узнай, а потом уже делай!

Тебе лучше там находиться теперь,
А мне лучше здесь оставаться, поверь.

Немало добра от тебя видит люд,
Не будет добра — свары-ссоры пойдут.

Элик мощь и власть над людьми тебе дал,
Творишь ты добро, тебе много похвал.

Народ благоденствует, в силе держава,
Немолчна в молитвах людских твоя слава.

Внемли, что сказал благодетельный муж,
А благость — глава человеческих душ:

«Поверь, меж людьми человек — только тот,
Кто людям и пользу и благо несет.

Не служащий пользе — людьми не любим,
Кто служит ей, тот осчастливит народ!»

Кто добрые помыслы в сердце упрочит,
Тот в жизни добьется всего, чего хочет.

К добру устремленный добро обретет,
Ему и несбывшийся замысел — в счет!

Где прочен закон, там спокоен весь люд,
Элик и народ тебя любят и чтут.

Во всем — добрый лад, и закон всюду строг,
Забыты коварство, обман и порок.

А бросишь все это, уедешь оттуда —
Раскаешься: все будет дурно и худо!

И если нарушить порядок и лад,
Все рухнет, пороки страну разорят.

Поставят негожего вместо тебя —
Народ будет в муках влачиться, скорбя.

Дурной всех направит дорогою зла,
И смута затеет дурные дела.

И ты перед богом ответишь за это,
И славе твоей не уйти от ответа!

Не делай же зла и закон не разладь,
Не вздумай злодеям и злу потакать.

Внемли, что сказал очень праведный муж,
Смотри, его добрый совет не нарушь:

«Чуждайся дурных, не насилуй закон,
Злодеям и злу ставь побольше препон.

Добро совершай и закон укрепляй,
В обоих мирах будешь злом обойден!»

Господь тебе в добрых деяньях — защита,
Стезя тебе к благу любому открыта.

Зачем тебе рушить благие труды,
О славный, тебе не познать бы беды!

Где вред для людей, и тебе там — беда,
За благом каким ты приехал сюда?

Я лучше тебе, мой прекрасный, скажу
О том, что себе я всечасно твержу.

Вот я непричастен к богатствам-соблазнам
И сердце не отдал я прихотям праздным.

Не связан с людьми, я не знал к ним пути,
Не думал и к бекам с поклоном идти.

Не знал я богатств и достатков земных,
Не ведал людей — ни хороших, ни злых.

Я сам, доброй волей, уехал сюда,
И бросить обет мой — затея худа!

Ведь людям, чуждавшимся серебра-злата,
Общение с ним порчей нрава чревато.

Главе всех купцов из Хытая внемли,
Его караваны весь мир обошли:

«Бедняк, что влачится, добра не нажив,
Когда богатеет — недобр и кичлив.

Стал нищий богатым — и зла не минуть:
Забудет он прежний свой праведный путь.

Едва к несчастливому счастье пришло,
Глядишь — стал дурным он всем людям во зло.

И если ничтожный забрал себе власть,
Он будет людей и неволить и клясть!»

Познал ты все блага богатства и власти,
Но в сердце смирил ты все прихоти-страсти.

Отверг ты соблазны, смирился душой,
И ныне с эликом ты в дружбе большой.

Тебе божья милость все это дала —
Все блага мирские и ясность чела!»

75

Повествуется о том, что за справедливость должно воздавать справедливостью и за человечность — человечностью

«Но это — одно лишь, внимателен будь,
Открою тебе и другую я суть.

Забыл ты иль очи твои не прозрели,
Что скрыто в тобою задуманном деле?

Достойный, ты знаешь, есть много похвал
Для тех, кто путь верности людям избрал.

Закон правит миром — о том не забудем,
Он — знак человечности, свойственной людям.

За доброе добрым ответить спешат,
И здесь за единое — десять отплат.

Потомок отцовского чистого рода
Всей верностью служит для блага народа.

А ежели мать крала влагу тайком,
То сын для людей станет мукой и злом.

Ты должен подумать о благе элика,
Тебя одевает и кормит владыка.

Умел и умен ты, всего ты достиг,
Открыл пред тобою все двери элик.

Тебя он почтил и возвысил с почетом,
Открыл тебе двери ко всем он щедротам.

Ужель ты забыл всех даров благодать,
О славный, не время ль отплатой воздать!

О брат, все сказал я и резко, быть может,
Но сердце твое пусть обида не гложет!

Да, истина часто для сердца горька,
А если раскусишь, то польза сладка.

Не ведай обиды на резкое слово:
У резкого слова правдива основа.

Об этом такие скажу я слова,
Внемли им, о славный, в них мудрость жива:

«Хоть правда горька, ты ее проглоти,
Она может пользу тебе принести.

Бывает обидна подчас прямота,
Но в чем еще правду ты сможешь найти?»

Когда отец умер, ты был еще малым,
Не мог ты взрасти у него под началом.

Тебя взял к себе и взлелеял элик,
При нем ты суть дел человечьих постиг.

Рабов, табуны, ширь угодий-раздолий
Элик даровал тебе властною волей.

Ты блага обрел всех отрад и услад,
И славой ты стал знаменит и богат.

И разве теперь, ты подумай, годится
Враждебно тебе от него отвратиться?

Теперь, когда с пользой ты служишь, уйти —
Не значит ли горе ему принести?

Элик к тебе милостив был без предела,
Не впору ль, о славный, ответное дело!

Похвалит тебя и одобрит народ,
За верность — людская молва вознесет.

Внемли, ведь сказал муж предобрый, сердечный.
Что истые люди всегда человечны:

«О доблестный муж, человечным пребудь,
Лишь так утвердишь человечности путь.

Да будут твои человечны дела,
Тебя назовет человечным хвала!»

Элик к тебе добрым был тысячекратно,
Воздай добротою своею отплатной!

Лишь доблестный муж благодарен вовек,
Он — избранный, истинный он человек!

Ты мал, несмышлен был, не ведал участья,
Тебя он направил дорогою счастья.

И душу и жизнь за него положи,
И ночью и днем неусыпно служи.

Добром отплати ему, в доброе веруй,
Господь да воздаст тебе полною мерой!

О доблестный, знай, что об этом изрек
Муж верный, он был в человечности строг:

«Чью пищу ты ешь, на того и работай,
И пищей воздастся тебе и заботой.

Муж чести за хлеб и за соль разочтется —
Он жизнь за кормильца положит с охотой!»

Обрел ты желанное, верен твой путь —
Добром отплати, добродетельным будь!

Богато одет, и в парче ты и в шелке,
Слепит очи недругам, смолкли их толки.

Элика ты славой теперь облеки,
Чтоб шею пригнули враги-чужаки.

Бессчетны награды твои и отличья,
А сам нарастил себе шею — что бычья!

Ты эту вот мощь на элика потрать,
Продлить твою жизнь будут все умолять.

Богат ты, твои — все богатства вселенной,
Седлаешь коней стати самой отменной.

Отдай все элику — для праведных дел,
Чтоб ликом он цвел и желанным владел.

Да правит на троне элик благоденно,
Враги да склонятся во прахе смиренно!

Великой он властью тебя наделил:
Все внемлют тебе, мил ты им иль не мил.

О нем ты молись неусыпно за это,
И будешь ты счастлив на долгие лета.

Лишь славный столь славные блага чинит,
И славой он будет вовек знаменит.

В арабских реченьях есть верное слово
О том, как узнать человека благого:

«По действиям судят о сути людей,
Любой поступает по сути своей.

Кто ладен делами, в том ладна и суть,
По гнусным делам узнается злодей!»

И если элик отвернется от блага,
Его ты храни от неверного шага.

Элик — самый главный над всей добротой,
И ты в стороне, о достойный, не стой!

Доверился ты мне, спросил ты совета,
Сказал я тебе все, что ведал про это.

Сличи свои знания с речью моей
И дело, как надо, уладить сумей!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«О брат мой, — довольный, сказал Огдюльмиш. –
Все надо уладить, как ты говоришь.

Все правильно сказано было тобой,
Развязан отныне мой узел тугой.

Завесой мне суть этих слов закрывало,
Но ты с этой тайны совлек покрывало.

Все страсти и прихоти я превозмог,
Да будет мне твердой опорою бог!

Господь да хранит мое сердце от зла,
Да выправит он мою суть и дела.

Мне помощь подай — вспомяни при мольбе,
Все помни, что ныне я вверил тебе!»

Он встал и простился, прервав свои речи,
Коня оседлал и — в дорогу далече.

Примчался и в дом поспешил он войти —
Поесть и попить, отдохнуть от пути.

И небо, померкнув, сокрыло чело,
И вдовьей одеждой свой стан облекло.

И словно подрезало кудри светило:
Собольею дымкой весь мир призакрыло.

Велев постелить, он прилег, утомлен,
И сладкой дремотой сморил его сон.

Потом он проснулся, приподнял чело —
Уж небо девичьей улыбкой цвело.

И солнце, вставая, свой лик приоткрыло,
Весь мир, словно лебедь, сверкал белокрыло.

И встал Огдюльмиш для забот и для дел,
Омылся, молитву свершил и поел.

Коня оседлал он и — снова к элику,
Вошел и в покоях застал он владыку.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Элик вопросил его: «Что Одгурмыш,
Здоров ли, вкушает ли благость и тишь?

Молясь, вспоминает меня или нет?
Господня молитва — защита от бед.

Молитвой добьется добра человек,
Молитвою рай обретают навек!

Когда бы не доброй молитвы слова,
Все сразу бы гибло, родившись едва!»

Ответ Огдюльмиша элику

«Ты прав, — отвечая, сказал Огдюльмиш, —
Разумно и верно ты все говоришь.

Теперь, одинок в дальнем доле, мой брат
За нас молит бога, печалью объят.

И кто хуже нас небреженьем прельщен? —
Ведь мы прегрешаем, а молится он!

Без устали молится он за элика,
О, сердце его добротою велико!

Иной кто на свете, как он, справедлив?
За нас молит он, свои беды забыв!

Элик! Кто, как мы, жил, не зная забот, —
Зря прожиты дни, их никто не вернет!

Жирели мы, тешась усладами нег,
В блаженной дремоте влачили свой век.

Но плоть нашу черви да змеи съедят,
Раскаяньем час нашей смерти чреват!

Послушай, о славный, разумное слово,
Оно для деяний — совет и основа:

«Ты холишь себя для червей и для змей,
Ты — гость на земле, обольщаться не смей!

Вся жизнь быстротечно мелькнет, словно сон,
Тому подтвержденье — мелькание дней!»

Ответ элика Огдюльмишу

«О мудрый, — ответил элик, — просвети,
Как лучше владеть собой, душу блюсти?

Нет, кроме тебя, столь же верных при мне,
Я верю тебе, доверяю вполне.

Лежу во дворце я, беспечность храня,
Дела, о мудрец, далеки от меня.

Внимай и смотри, ты — и слух мой и взор,
И действуй негожему наперекор.

А если я должен помочь — извести,
Сумею я должное средство найти.

А ежели слуги повздорят — ну что ж:
Храни мой покой и меня не тревожь!

Следи, чтоб никто не неволил народ,
Да гибнет дурное, а разум — живет!

Да станут богаты народ и страна,
И мною им будет хвала воздана!»

Ответ Огдюльмиша элику

Сказал Огдюльмиш, отвечая: «О бек,
Да будет господь тебе в помощь вовек!

Так должно, и в этом же дум моих суть,
Господь да откроет мне праведный путь!

Будь счастлив, элик, правь, не ведая тягот,
Пускай на меня муки трудностей лягут!

Несу тебе в жертву я каждый мой миг,
Спокойно живи, о владыка владык!

Но есть к тебе просьба одна у меня,
Исполни ее, радость в сердце храня.

Ты знаешь: кого приближают владыки,
О том пересуды бывают велики.

И раз уж меня твоя милость хранит,
Случись оговор — гневен будь и сердит.

Внемли, что сказал высших доблестей муж,
Прими сей совет и наказ, не нарушь:

«Ведь сердце — что мясо: сгниет — засмердит,
Его, о могучий, хранить надлежит.

Сколь ни был бы муж слушать ложь не охоч,
А сплетню подчас он послушать не прочь.

Но бек, даже если он очень умен,
Приблизив доносчиков, терпит урон.

Ведь сердце — что бек, члены тела — народ,
А слово владыки то студит, то жжет.

Четыре враждующих сути есть в теле: *
Одна взвеселит, глядь — другие заели!

Одной любо медлить, другой — мчаться вскачь,
Одна весела, а в другой — боль и плач.

Ждешь радости — смотришь, навалится гнет,
Беды ожидаешь, а радость придет!»

Элик достославный, я думаю так:
Доносчики — хуже блудливых собак!

Ты сердцем встревожен, чело омрачил,
Напрасно служил я, тебе я не мил.

К тебе я с покорнейшей просьбой одной:
Меня оболгут — обсуди все со мной.

Подробно спроси, обо всем рассуди,
Порядок во всем, что узнал, наведи.

Доносчика тоже спроси и пристрожь
И точно дознайся, где правда, где ложь.

И сказано мужем достойным, бывалым:
«Все слушай, а в сердце слагай не навалом!»

О том же и лучшая сказана речь,
О славный, стремись ее к делу привлечь:

«Все слушай и то, что пригодно, отсей,
Негожее слово отбрось поскорей!

Всех выслушай, правду отсей ото лжи,
Правдивых приблизь, а лгунов накажи.

Ведь мир могут ложью испортить лгуны,
О властный, будь с теми, что правде верны!»

Ответ элика Огдюльмишу

Элик отвечал: «Муж великой души,
И просьбы и нужды твои хороши!

Бог дал тебе высших достоинств дары:
Твой нрав, твоя речь, твоя слава — добры.

Как может быть суть твоя зла и горька?
Добро ты впитал с белизной молока!

Все, кто на тебя возведет оговор,
Врагами, о мудрый, мне станут с тех пор.

И — много ли, мало ли скажут они,
Ужель снизойду я до их болтовни!

Ужели властителю целой страны
Различия зла и добра не видны?

И бек, чьею волей возглавлен народ,
Где правда, где кривда — ужель не поймет?

И может ли властвовать темный злодей,
Не верящий в верность надежных людей?

Достигнет ли цели, кто вводит закон,
Когда правду с небылью путает он?

Ты — истинный дар, мне послал тебя бог,
Все крепкие путы-узлы ты рассек!

Служил ты мне верно во все времена,
За хлеб и за соль отплатил мне сполна.

Воздать должен доброю мздой я тебе,
Да будешь ты благ в своей доброй судьбе!

Послушай достойного мужа слова,
Его прямоту восхваляла молва:

„Того меж людьми мы достойным зовем,
Кто добр и всегда человечен во всем.

За все человечною платой плати,
Отзывчивый с доброю славой знаком!“»

Ответ Огдюльмиша элику

Ему отвечал Огдюльмиш: «О элик,
Да будешь ты счастлив и властью велик!

Дары двух миров да пошлет тебе бог —
Свершенье всех дум, что в душе ты сберег.

И добрым да будет к тебе небосвод,
И рок исполненье мечты да пошлет!

О доблестный сердцем, о праведный нравом,
Живи неизменно счастливым и здравым!

Приял от тебя я дары всех щедрот —
Еду и одежду, богатство, почет.

И пояс послуг повязал я тугой,
О мудрый, тебя да хранит всеблагой!

Элик, — продолжал Огдюльмиш, — и по праву
Тебе дал всевышний всесветную славу.

Храни ее, счастье послал тебе бог,
А счастье обрел — будь и сердцем высок!

И ежели хочешь ты властвовать долго,
Четыре тебе исполнять нужно долга.

Во-первых, всегда говори с прямотой,
Второе — за твердость закона постой.

И третье — будь щедрым, в заботе усердным,
К народу участливым будь, милосердным.

Четвертое — будь и бесстрашен и смел,
Смири всех врагов силой воинских дел.

Не выполнит бек сих четыре задачи —
Стране в разорении быть, не иначе!

Вот — власти державной основа и суть,
Вот — славных правителей праведный путь.

Сей путь не нарушь, шествуй правильным следом.
Привычен он был твоим предкам и дедам.

Забудешь сей путь — твоя доля худа:
Ушедшую власть не вернешь никогда.

Три рода людей почитай, о владыка,
О них я скажу, а ты сам рассуди-ка.

Одни — смельчаки, чья душа горяча,
Полезны стократ они силой меча.

Второй род мужей — мудрецы, их наказам
Внемли — укрепишь ты могущество разом.

И третьи — писцы, им казне вести счет,
Учитывать точно доход и расход.

Ты их отличай и особой наградой
В согласии с их же полезностью радуй.

И будет всему устроенье дано —
Расширить владенья тебе суждено.

И будешь покрыт ты великою славой,
Весь мир да увидит твой лик величавый!

Мудрец завещал нам благие слова:
«Все смертны, лишь добрая слава жива!»

Сколь славно владеть добрым именем, право:
Умрет человек, а жива его слава!

Бессмертен обретший при жизни почет,
Хоть он и давно под землею гниет.

Не жизни желай — было б имя достойно,
А с доброю славой жить можешь спокойно.

Взгляни, что есть жизнь и добро каково,
Скажи мне, о мудрый, в чем их существо?

Суть истинной жизни — благие деянья,
А доброе делать — всей жизни призванье.

У добрых исполнены жизни сердца,
А злой и при жизни — мертвей мертвеца!

Сей мир преходящ, а добру нет предела,
Живет в добронравии доброе дело.

Тщета сего мира к тебе недобра,
Твори, о достойный, деянья добра!

Не льстись на мирское, беги его скверен,
Пойми, о элик: этот мир нам не верен!

Суть этого мира хитра и крива:
К ногам его льнешь, а слетит голова!

Будь чужд его играм, им верить не смея:
Поддашься — глядишь, и опутана шея.

Хранят письмена очень ладную речь,
Стремись ее, мудрый, в душе уберечь:

«Дела сего мира — забава, игра,
Не льни к нему — что тебе, право, игра!

Ты — раб, и веления господа чти,
А если не чтишь — покориться пора!»

Вот знанья мои, о элик достославный,
Их смысл я поведал и тайный и явный.

Поверь моей речи, внемли сим словам,
А мне не поверишь — изведай все сам!»

Ответ элика Огдюльмишу

Элик отвечал: «С чистым сердцем я к богу
Взываю, чтоб он даровал мне подмогу.

Да будет в делах мне от бога защита,
Все мне объясняй, что таится сокрыто.

Старайся за всеми делами смотреть,
И взором и слухом будь чуток и впредь.

Что в силах твоих, без меня все упрочь,
А в прочих делах я сумею помочь!»

Умолкнул элик, все сказав откровенно,
И, встав, Огдюльмиш удалился степенно.

И вмиг — на коня, путь домой недалек,
Приехал, вошел и одежды совлек.

Поспал он и, снова велев оседлать,
В покои элика вернулся опять.

И вновь Огдюльмиш неусыпно радел
О добром свершенье бесчисленных дел.

Цвела вся страна, был спокоен народ,
Элик правил долго, не зная забот.

И все вознесли ему много похвал,
И вечную славу себе он снискал.

Помысли, сколь славен надежный закон,
Хранит он величье владык испокон!

И ежели правит столь доблестный бек,
Страна и народ беспечальны вовек.

А если послушен и праведен люд,
Властители счастливы — дни их цветут.

Сам бог власти беков величье дает,
Где доблестен бек, там доволен народ!

Где люди дурны, там и бек нехорош:
Сойдутся два зла — все испорчено сплошь.

Где ладен народ, там и бек без греха,
А бек без греха — вся страна неплоха!

Шли месяцы, дни, и за годом шел год,
Прекрасен стал мир, богател весь народ.

И тьма расступилась, и сгинула мгла,
И смутные все разрешились дела.

И богу элик благодарность воздал,
И много творцу возносил он похвал.

76

Повествуется о том, как Одгурмыш, заболев, призвал к себе Огдюльмиша

В одну из ночей Огдюльмиш перед сном
Готов был улечься на ложе своем.

Вдруг шум у ворот суматошный возник,
Слугу он послал — мол, узнай, что за крик.

Ответ слуги Огдюльмишу

5955 Посланец, взглянув, говорит: «Кто-то там
Впустить его просит — мол, весть передам!»

Вопрос Огдюльмиша к слуге

И снова велел он: «Ступай и спроси,
Кто он, что сказал он — мне весть принеси!»

Вопрос слуги к гонцу

Слуга, выйдя вновь, гостю задал вопрос —
Что нужно ему, что за весть он принес.

Ответ гонца слуге

Тот молвил: «Послал Одгурмыш меня. Весть
Я брату его — где он? — должен принесть!»

Ответ слуги Огдюльмишу

Слуга, возвратившись, поведал о том,
Что вести от брата приспели с гонцом.

Вопрос Огдюльмиша к гонцу

И встал он, и гостю был вход разрешен,
И вестник вошел, отдавая поклон.

«Откуда ты прибыл, — спросил Огдюльмиш, —
И с вестью какою ко мне ты спешишь?»

Ответ гонца Огдюльмишу

«К тебе Одгурмышем, — ответствовал тот, —
Я послан, — приехать тебя он зовет!

Он слег, заболев тяжкой болью души,
О доблестный, ехать к нему поспеши!»

Ответ Огдюльмиша гонцу

«Постой, — отвечал Огдюльмиш, — подождем,
Поешь, и мы тотчас поедем вдвоем».

Ответ гонца Огдюльмишу

«О, нет, — тот ответил, — твой брат занемог,
Он плох — видно, путь уж его недалек.

Я тотчас же еду, ждать времени нет,
А ты, о достойный, поедешь вослед!»

Вернулся к себе Огдюльмиш от ворот
И руки развел удивленно — мол, вот!

И в дом он вошел в превеликой печали,
Вся радость ушла, муки-беды настали.

Он лечь попытался, а сон не идет,
И тяжко лежать: ночь тянулась, что год.

И очи смыкал он, пытаясь заснуть,
А сна будто не было вовсе, ничуть.

И встал он, и долго сидел на постели,
Заря поднялась, небеса пожелтели.

И сладко запел в цветнике соловей,
И сердце в волненье забилось сильней.

И он — на коня, мчался, думой волнуем,
Приехал и к брату припал с поцелуем.

И видит: лежит его брат, полужив,
Лохмотья рядна под себя положив.

Вопрос Огдюльмиша к Одгурмышу

И он вопросил: «Что с тобою, о брат.
Узрев тебя, горькой я болью объят!»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

«О брат, — он сказал, — путь мой горестный прям:
Я должен уйти — смерть идет по пятам.

Хоть раз на тебя мне хотелось взглянуть,
Призвал я тебя, был нелегок твой путь!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«О брат, — Огдюльмиш ему молвил в ответ, —
Живой не избавлен от хворей и бед.

Уйми злое слово и сердце не рань,
Болезнь и недуг — за грехи наши дань.

И знающий муж говорил очень верно,
А знаньем из душ изгоняется скверна:

«Болезнь — за грехи нам отплата и мзда,
Безгрешных людей ты видал ли когда?

Настигнет болезнь — все грехи утекут,
А грех утечет — ты спасен от вреда!»

И — много ли, мало — все люди грешат,
Сколь редок на свете безгрешный собрат!

Пройдет твоя хворь, будешь жив и здоров,
И ждет тебя дар — очищенье грехов!

Зачем злое слово пускаешь ты в ход,
Откуда ты знаешь, что смерть тебя ждет?»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

«Скажу, — отвечал Одгурмыш, — я причину:
Во сне всемогущий предрек мне кончину.

Мне истина эта открылась во сне,
Я скоро умру — так указано мне.

И добрую долю и злую судьбу
Всевышний во сне возвещает рабу!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

«И эти слова, — отвечал Огдюльмиш, —
Ты тоже, о доблестный, зря говоришь!

Когда от любой умирали бы хвори,
Живых на земле не осталось бы вскоре.

Болезни гнетут человеческий род,
Но корни его даже смерть не прервет!

Сны видеть во сне — сей обычай не нов,
И внятен их смысл толкователям снов».

77

Огдюльмиш рассказывает Одгурмышу о толковании снов

«Большие познанья в науках нужны,
Чтоб верно и точно разгадывать сны.

В науке о снах много тонкостей есть,
О славный, все надо и знать и учесть.

Невежд не проси толкованьем помочь,
Проси лишь у знающих и не просрочь.

Одно дело — прежде увиденный сон,
Иное — когда снился только что он.

В науке о снах — тьма примет, и с лихвой!
И, чтобы понять их, ты вот что усвой.

Свой сон толковать произвольно негоже,
И всем говорить о нем — лишнее тоже.

Не вздумай болтать, что, мол, это — лишь сон,
В науке о снах много разных сторон.

Сам сны не толкуй, а уж стал толковать —
Так все по науке сличи и приладь.

Увиденный сон толкованием красен,
А неистолкованный — вовсе напрасен.

И сказано мужем, чей ум — океан,
Усвой его речь — будешь ликом румян:

«Сон нужно понять, все обдумав толково,
С умом разберись, что в нем суть и основа.

Как сон истолкуешь, так все и случится:
Во зло не толкуй — будет кара сурова!»

Бывает, привидится пища, еда,
И плохо, когда эта пища худа.

Привидятся года различные сроки —
То значит, что в теле смещаются соки.

Весну если юный увидит во сне
Иль землю, что ярко цветет по весне,

То значит, что кровь его силой бурлит,
И нужно, чтоб крови был выход открыт.

Узрит молодой в сновидении лето
В сиянии желто-багряного цвета,

То значит, что желчь его тело нальет,
И надо искать ей из тела исход.

Когда видит осень муж лет уже зрелых,
Померкшие пастбища в горных пределах,

То значит — в нем страсть преисполнилась сил,
И должно лекарством умерить свой пыл.

А если старик видит зиму и лед
И снег или град иль обилие вод —

Мокрота пойдет у него или слизь,
И, значит, — горячим настоем лечись.

И есть еще сны — что бессмысленный бред,
О доблестный, им толкования нет!

И если заснешь ты с тяжелою думой,
Не сможешь ты сон разгадать, как ни думай.

И есть еще сны, что внушает сам бес:
Увидишь их — ровно бы в воду залез.

И сон, если видишь себя ты при деле,
Нельзя толковать — не добьешься ты цели.

Да, разум и многие знанья нужны
Сличать, различать и разгадывать сны.

Мудрец, знавший снов толкованье, изрек,
Что сны толковать должен мудрый знаток:

«Без знаний свой сон толковать и не думай,
Сон сбудется, если толкуется с думой.

Приснится печаль — значит, ждет тебя радость,
А радость — предвестник печали угрюмой!»

Различия есть в толковании снов,
О славный, все надобно знать до основ.

Одно дело — сны у простого народа,
Иное — у знати из бекского рода.

Привидятся радость, веселье, игра —
Тебя ждет печаль, не дождешься добра.

А если во сне ты рыдал от невзгод,
Блаженство бессчетных отрад тебя ждет.

Бывает и так, что увидишь ты сон,
А благо — другим, не тебе судит он.

О всех сновидениях судят по людям,
Тем больше удачи, чем лучше мы судим.

Бывает, что сон одному судит власть,
Другой видит то же, а будет напасть.

И все это надобно ведать, о брат,
Тогда сны толкуются не наугад.

Поведай же мне, что за сон тебе был,
Его объясню я тебе в меру сил!»

78

Одгурмыш рассказывает Огдюльмишу, какой он видел сон

И начал ответ Одгурмыш ему свой:
«Что я расскажу — ты всем сердцем усвой.

Мне лестница снилась, и в ней пятьдесят
Ступеней, и ход их высок и покат.

И я по ступеням взбирался устало,
И доверху счел я ступеней немало.

Вверху некий всадник поднес мне питья,
И воду испил и пресытился я.

И тотчас вознесся я в выси небес,
И там я бесследно пропал и исчез!»

79

Огдюльмиш объясняет, как должно толковать сон Одгурмыша

Ему отвечал Огдюльмиш: «Этот сон
Прекрасен, — подумай, сколь благостен он!

Зачем же свой сон ты толкуешь столь гадко,
О доблестный, сну подобает разгадка!

Взлетанье во сне означает почет:
Тем больше почета, чем выше взнесет.

Высоко взлетел — будешь счастьем богат,
Узришь много славы и много наград.

Высь лестницы — высь тебя ждущего счастья,
Примета величия, славы, всевластья.

О том же гласящее слово не кстати ль,
В нем сон хорошо объяснил толкователь:

«Во сне видеть лестницу — честь и почет:
Величье сулит всех ступеней подсчет!

Поднявшийся вверх будет ввысь вознесен —
Он счастье, богатство и честь обретет».

И то, что ты воду пил — целый сосуд,
То значит, что долгие дни тебя ждут.

Вот сущность полета до горних высот:
Господь тебе все, что желанно, пошлет!»

80

Одгурмыш говорит о другом толковании того же сна

«Мой сон, — отвечал Одгурмыш, — это — знак,
Он должен быть, друг мой, толкован не так.

Вот если бы ты это видел во сне,
Все было бы так, как поведал ты мне.

Ведь ты помышляешь о благе мирском:
Мирское обрел ты, к мирскому влеком.

Но презрена мной суета эта вся,
И здесь я живу, бремя тягот неся.

Нет, сон мой разгадку таит не такую,
Послушай, как я тебе сон истолкую!

Высокую лестницу, брат, видел я,
И это, толкую я, — знак бытия.

Всю лестницу доверху я одолел,
То значит — пришел моей жизни предел.

А там наверху всадник был на коне,
И выпил я воду, что подал он мне,

Сей муж весь отцами рожденный народ
Лишает отцов, превращает в сирот.

Он все, что ни создано, рушит, крушит,
И все, что ни живо, он жизни лишит!

Ты воду в сосуде, испитую мной,
Толкуешь как жизнь — долгий век мой земной.

Водой, говоришь ты, мне жизнь суждена,
О, если б испить мне сосуд не до дна!

Когда б я испил половинную часть,
Тогда бы не всей моей жизни пропасть!

Но выпил я все, и сосуд опустел,
Окончен мой век, ты — здоров будь и цел!

Послушай-ка мужа разумного слово,
Всему речи мудрых — и суть и основа:

«Когда пьешь во сне ты лишь до половины,
Дошла, значит, жизнь твоя до середины.

А ежели выпил ты все до предела,
Ждет яма тебя, твоя жизнь — у кончины!»

Еще я взлетел в поднебесье во сне —
В его растворился я голубизне.

То значит — душа моя образ земной
Покинула ради юдоли иной.

Господь в сновидении подал мне знак —
Мол, к смерти готовиться надо, смельчак!

Внемли, толкование сна таково,
А ты в нем иное узрел существо!

Ты тешишь меня — сердцем-де не страшись,
А смерть подошла — от нее не спастись.

Взгляни, славный муж: ныне жив ты, здоров,
А сколько уж смерть накопала бугров!

И сколько чертогов, дворцов и жилищ
Разрушила смерть до пустых пепелищ!

Великих и гордых владык без числа
Рассеяла смерть и в могилы свела!

И сколько богатств, состояний, добра
Развеяла смерть, на расправу быстра!

Не диво, что смертный для смерти рожден:
Кто дышит, тот смертен, — таков уж закон!

А диво, что смертный, о смерти забыв,
К мольбе покаянной, увы, нерадив!

И знает беспечный, что смерть суждена,
А скинуть не в силах объятия сна!

Да, смерть мне грозит, и ее не отвесть,
Что будет со мной после смерти — бог весть!

И вот в чем, о друг, моих помыслов пыл:
Чтоб бог после смерти меня не забыл!

Доволен я был долей блага и зла,
Прошли мои дни, но и ночь мне светла!

Корысти не знал я, богатств не копил,
На страсти не тратил сердечных я сил.

Я взвесил груз тягот моих и обуз,
Хочу облегчить я грехов моих груз.

И вот что сказал наставленья дававший,
С любовью наказ в поученье дававший:

«Старайся грехов своих груз облегчить,
Да будет твой путь — словно волоса нить.

Без лени готовься к грядущему дню,
Стремись бремя мук преходящих забыть!»

Любезный мой брат, — дал еще он завет, —
Я скоро уйду, ты — за мною вослед.

Сказал я тебе моих помыслов суть,
Ты их после смерти моей не забудь!

С тобой я всем сердцем, пока не угас,
А после меня — слушай: вот мой наказ!»

81

Повествуется о том, как Одгурмыш давал наказ Огдюльмишу

«Беспечности, брат мой, стремись избежать
И зря свою жизнь на дурное не трать.

Будь прям и прямого пути не оставь,
На нем лишь заветное сбудется въявь.

Будь добр ко всему, что ни дышит, живому,
Прям сердцем и словом, служи всеблагому.

Свершай свой обет, все сомненья презрев,
Будь тих и спокоен и сдерживай гнев.

И, помня о смерти, готовым к ней будь,
И помни себя — осознай свою суть.

Себя не черни, не предайся соблазнам,
Не то покаяние будет напрасным!

Неси весь свой груз, чти веленья творца,
Во благо народу служи до конца.

Будь прям и правдив, добрым словом пригож,
Порочат людей суесловье и ложь.

С людьми будь приветлив, исполнен участья,
И рок да пошлет тебе щедрое счастье!

Будь скромен и, щедро даруя хлеб-соль,
Судить людей словом себе не позволь.

Смири свои страсти и гнев укроти,
И плоть удержи от кривого пути.

Живи не своей, а людскою заботой,
Других не неволь, сам за них поработай.

Богатств не копи, о вещах не радей,
О мудрый, дарами возрадуй людей.

Достойный всегда человеку поможет
И с радостью жизнь за собрата положит.

Об этом муж избранный ладно сказал,
И знанья и ум его — выше похвал:

«Кто людям полезен, тот — избранный муж,
И людям любезен лишь избранный муж.

Дарит человечность два блага-добра:
Добра она к людям и к людям щедра.

Но ум еще доблестней названных благ:
Путь разума доброю пользою благ.

Кто щедр и о ком с похвалой говорят?
О том, кто для ближних всем жертвовать рад!

И щедрость не в том, чтобы дать серебра, —
Готовность пожертвовать жизнью щедра!

Кто щедро дары раздает и не скуп,
К тому люди тянутся — людям он люб.

Две вещи — основа мирского величья:
Богатство и сустной славы отличья.

Но с ними, прожив даже тысячу лет,
Ты к смерти придешь — и простынет их след.

Власть беков служеньем подвластных сильна:
Узда хороша, если есть стремена!

Но редок в подвластных сей благостный дар:
Пока бек дождется его — станет стар!»

Не вечен ты сам, твоя слава не вечна,
И смерть тебя в небыль проводит, конечно.

Кочевник не строит дворцов и палат,
И путники в путь свой не вечно спешат.

О брат, знай и ты: на исходе твой путь,
Не тешься тщетой и прельщенным не будь.

Сей мир преходящ, все идет своим следом,
Ты смертен, хоть день твой урочный неведом.

И всех когти смерти всегда стерегут:
Беспечно идешь, а крючок тут как тут!

Сей мир — что еда: всех, кто тянет кусок,
Попробуй исчисли, а я бы не смог!

Желанья смиряй, таи страсти под спудом
И, нем и безмолвен, будь чужд пересудам.

Послушай достойного мужа завет,
Кто внемлет ему, тот не ведает бед:

«Желаньям потворствуешь — вкусишь услад,
Да только ответ за них мукой чреват.

Где сладость — там горечь, где мед — там и яд,
Где взлет — там паденье, где высь — там и спад!»

Обманчив сей мир, его нрав — что девичий,
О славный, не стал бы ему ты добычей!

Немало подобных тебе он пастиг,
Немало сгубил он всесильных владык!

Следя за тобой, он уж руку занес,
Будь зорок, достойный, не ведать бы слез!

И все, что он дал, он отнимет сурово,
И все, что скопил ты, развеет он снова.

И как ты ни весел, заплачешь навзрыд,
Он все, что ты строил, во прах сокрушит.

И все он гнетет своим нравом худым,
Неярко горит он, да густ его дым!

Тебя он красою притворной заманит,
А сердце отдашь — ноги путами стянет.

Приманит он сластью, а всыплет отрав,
О мудрый, у счастья — обманчивый нрав!

Послушай, что молвил всех мудрых глава,
Счастливец, обдумай благие слова:

«Не верь сему бренному миру, подумай,
О, славный, жесток сей мучитель угрюмый!»

Прекрасно сказал очень доблестный муж,
Всезнающий, умный и мудрый к тому ж:

«Ты к счастью не льни, не криви правый путь,
Неверно оно и готово вильнуть.

Мирское блаженство похоже на тень:
Оно свое место меняет весь день».

О муж, чьи познания схожи с рекою,
Чти веру, не льстись суетою мирскою!

Не тешься блаженством, на благо не льстись
И, помня о боге, смиренно молись.

И пусть не пьянит тебя счастье, о брат,
Очнешься — посыплются слезы, что град.

Послушай, что сказано беком всевластным,
Он слово сказал с разумением ясным:

«Кто счастьем прельстился, тот словно бы пьян;
В могиле оплачет он пьяный дурман.

Кто пьян от величья, тот — людям во вред
И в черной могиле натерпится бед.

Чья спесь от богатства и счастья пьяна,
Те злостнее пьяниц, хмельных от вина.

Упившийся хмелем уляжется спать
И, крепко поспав, протрезвеет опять.

А пьяного счастьем — и сон не трезвит,
До смерти он спит, словно насмерть убит!»

Зовешься рабом — не равняйся с владыкой,
Муж добрый, служи и беды не накликай!

Недолго протянется дней твоих бег,
И слава величья дана не навек.

И смерть, сколько б ни жил ты, не побороть,
Развалится в прах крепко сбитая плоть!

Послушай об этом и ладное слово,
Войми его в сердце, не хмурься сурово:

«Всех благ и услад ты отведать ли смог,
Живой ли воды дал испить тебе рок,

Достал ли рукой ты небесный чертог,
До неба ль вознесся, а в землю ты лег!»

И вот что тебе, брат, скажу я правдиво,
Скрывать ли, таить мне — что в этом за диво!

И кто же не любит богатств и услад,
Кто в мире с красой его знаться не рад!

Но надо отвергнуть соблазны, поверь:
Неверный сей мир мне закрыл эту дверь!

От бога сей мир отвращает умело —
Отводит людей он от доброго дела.

И боязно мудрым мирских этих пут,
Бегут они прочь, бремя тягот несут.

В пещерах, в горах они ищут жилье,
Растенья — их пища, и дождь — их питье.

Иные смятенно влачатся в пустыне,
Страшась божьих кар, они чахнут в кручине.

Иные в лохмотьях на тощем горбе
Бредут в слезной муке и слезной мольбе.

Иным от невзгод голоданья невмочь,
Иные не спят — на ногах день и ночь.

Вот так поступают прозревшие люди,
А мы спим спокойно в беспечности, в блуде.

Храни себя, брат, от мирской суеты,
Весь мир этот — твой, и глава ему — ты!

Смири страсть и прихоть, сломи им хребет,
У мужа нет более верных примет!

Лишат мужа сил оба этих порока,
Они своих пленников мучат жестоко.

Сегодня уйду я — приспела пора,
И вот тебе путь для свершенья добра!

С дурными не знайся, будь добрым, благим,
Дурной в двух мирах тяжкой мукой томим.

Сказал усмиривший желания муж
И к смерти готовый заранее муж:

«Смельчак, будь к дурному суровым стократ,
Не делай дурного: дурное — что яд.

О гордый избранник, на смерть не ропщи
И способ предстать перед нею ищи!

Хвастун, возносящий себя в похвальбе,
Готовься ко смерти, грозящей тебе!

Голодный и алчный и суетный раб,
Тебя словит смерть мощью алчущих лап!»

О брат, ухожу я с печалью моею,
О двух лишь утратах я нынче жалею.

Одна — то, что бог потеряет слугу,
Другая — что богу служить не смогу.

Сегодня ли, завтра я очи закрою,
Молю вас почтить меня вашей мольбою.

О брат, ты, молясь, обо мне не забудь:
Вослед за моим твой окончится путь.

Ты видишь теперь, как я жалок-убог,
Да будет тебе в том целебный урок!

Пришла моя смерть, ухожу я, печальный,
И ты приготовься к кончине недальней.

Расстанусь с тобой я, печалясь сурово,
Бог знает, когда мы увидимся снова!

Что молвил один умиравший, усвой,
В слезах бился об землю он головой:

«Рыдаю о смерти я, скорбь тяжела:
Сокрыта в ней доля блаженства и зла.

По смерти нас ждут два возможных пути,
К какому из них меня смерть привела?»

Любезный мой брат, — он сказал, — слез не лей,
Не рань свое сердце печалью моей.

Не плачь, не крушись, не томись горькой думой,
Смирись и молись, все усердно обдумай.

Не плачь, не стенай, будь и стоек и смел,
Все бог нам дает, — тут и слову предел!

Ступай, возвращайся скорее домой,
Не мучься и сердце свое успокой.

Поведал тебе я всю нужную суть,
О праведный, слов моих не позабудь!

Элику доставь мой приветный поклон,
Последний, наверно, о доблестный, он!»

Ответ Огдюльмиша Одгурмышу

Сказал Огдюльмиш ему, сердцем скорбя:
«Ну как же теперь я оставлю тебя?

Ты тяжко болеешь и ты одинок,
О славный, один что ты сделать бы смог?»

Ответ Одгурмыша Огдюльмишу

«Ступай, — Одгурмыш ему молвил в ответ, —
Зачем тебе, сын мой, печаль моих бед?

Мне память о господе — преданный друг,
Господь не оставит меня в пору мук.

Кому свою милость дарует господь,
Тому он поможет все зло побороть.

Вот ладное слово правдивого мужа,
Бывалого и прозорливого мужа:

«Кому дарит бог своей милости знак,
В обоих мирах тот и счастлив и благ.

Кто сенью господней надежно храним,
В обоих мирах будут милости с ним.

А тот, кого бог милосердьем обнес,
Не лучше, чем волк или брошенный пес!»

О брат мой, давай разговор прекратим,
Ступай и не плачь, будь здоров-невредим!»

И встал Огдюльмиш, горько плача о брате,
Целуя его, он скорбел об утрате.

Рыдая, он вышел, поникнув главой,
Коня оседлал и поехал домой.

И в дом он вошел в тяжких думах своих,
Безрадостен, сердцем подавлен и тих.

Как много невзгод человеку дано:
Мала его радость, а горя — полно.

Он жаждет быть радостным, бодрым, веселым,
А горе придет — и гнетет произволом.

Любовь обретя, он и весел и рад,
А в пору разлук он печалью объят.

То радость свиданий его веселит,
То плачет он, горем разлуки убит.

И что есть на свете грустнее разлуки?
Бездонного моря полней ее муки.

Живые, расставшись, встречаются вновь,
Им свидеться часто случается вновь,

А смерть — тяжелее всех горьких разлук,
Спасения нет от лихих ее мук.

Разлука бывает кратка и длинна,
А смерть — навсегда разлучает она!

Послушай об этом же сказанный стих,
Прочти — верный смысл в его строчках благих:

«Разлучница-смерть — всех разлук тяжелей:
Разлука придет — слезы горькие лей.

Разлука с живыми надеждой красна,
А свидеться с мертвым — падежд не лелей!»

Поел Огдюльмиш, отдохнувши немного,
И встал на молитву спокойно и строго.

И солнце за землю сокрыло чело,
И небо за солнцем по следу пошло.

Велев постелить, он прилег. Сон не в сон:
Очей не сомкнул он, печалью смущен.

И встал он и вышел, рыдая от мук,
Как лик эфиопа, все мрачно вокруг.

И снова вернулся он в дом и прилег,
Исполнен безрадостных дум и тревог.

Румийская дева сокрыла свой лик,
Весь мир в темноте затаился и сник.

А сон все не шел, и узрел его взгляд,
Что долу склонилось созвездье Плеяд.

И долго стоял он, на небо смотря,
Кругом ночь и мрак, и не брезжит заря.

Прилег он, вздремнул и проснулся опять,
И снова за небом он стал наблюдать.

Вдруг Черная Птица взлетела с востока,
Враждебное пламя сверкнуло высоко.*

Вздымала Медведица голову ввысь,
И Псы усмиренно к земле повлеклись.

К земле Близнецы проложили свой след,
И солнце послало предутренний свет.

Он встал и омылся. Умыт и одет,
Молитву свершил он — хвалебный обет.*

Весь мир озарился сиянием злата.
Земля стала пламенным светом объята.

Одежды надел он, вскочил на коня
И — вмиг во дворец, что есть силы гоня.

И он, ко дворцу прискакав, наконец,
Был позван эликом — вошел во дворец.

Вошел Огдюльмиш, и увидел элик,
Что доблестный муж от печали поник.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Элик вопросил: «Что, достойный, с тобою?
Я вижу, ты думою сломлен, бедою.

Какой своим сердцем подъемлешь ты груз,
В морщинах твой лоб от каких-то обуз.

Румяный твой лик побледнел и поблек,
За что бледноту даровал тебе рок?

Ведь счастье тебя еще не обошло,
Неверный сей мир тебе светит светло.

Судьба не обходит тебя стороной,
К тебе благосклонны и солнце с луной.

И я ведь не хмур, на тебя не сердит,
Я весел и рад и не знаю обид.

Кто горе тебе и печали принес,
Что сталось с тобою? — ответь на вопрос.

Что значит, о сын мой, сей горестный миг,
Узнать я хочу, отчего ты поник?

И если ты горем и скорбью объят,
То как же я буду и весел и рад?»

Ответ Огдюльмиша элику

В ответ Огдюльмиш все поведал о горе, —
О брате своем, о лихой его хвори,

О том, как он ездил и виделся с ним,
И сказано что ему было больным.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Заплакал элик, тяжко сердцем недужа,
«Как жаль, — он сказал, — предостойного мужа!

От мук да спасет его душу господь,
И пусть не ослабнут и кровь в нем и плоть!

Теперь-то, — спросил он, — ему каково?
Скажи, как же смог ты покинуть его?

Кто смотрит за ним в его хвори лихой?
Один как лежит он в болезни такой?

И что же ты сам-то не побыл с больным,
Кому поручил присмотреть ты за ним?»

Ответ Огдюльмиша элику

«Всезнающий муж, — отвечал Огдюльмиш, —
Сказал я ему все, что ты говоришь.

Но речью моей он, увы, пренебрег,
А я убедить его лучше не смог!»

Ответ элика Огдюльмишу

Элик отвечал: «Да поможет господь
Подняться ему и болезнь побороть!

Умом он и сердцем слит с богом всечасно,
А бог ничего не свершает напрасно.

Когда от всего отрешившийся раб
В своем упованье на бога не слаб,

Господь охранит его, в бедах поможет,
Желанное даст, его славу умножит.

Об этом разумное слово услышь,
Войми его в сердце — благое свершишь:

«К творцу припади, от всего отрешись
И сердце и слово к благому приблизь.

Господь тебе все, что желанно, пошлет,
Смири в себе беса — пред богом смирись!»

Внемли же, — элик продолжал, — Огдюльмиш,
Не мучься, зачем сердце болью крушишь?

Сей муж — редкой доблести, все его славят,
Умрет он — всевышний его не оставит!

И нас с тобой завтра не то же ли ждет?
Какой была жизнь — что мы скажем в отчет?

Была наша юность дурна, бестолкова,
Сердца наши, мысли — дурнее дурного.

Вся жизнь — словно сон: оглянулся — и нет,
А как ее прожил — таков и ответ!

Оставшийся срок не прожить бы напрасно,
Неволе страстей не поддаться безгласно!

И как ни противься, а смерть подойдет,
Для мук покаянных наступит черед.

Отныне в делах действуй мягко и ровно,
Народ, силы подданных пестуй любовно.

От зла удержи меня, праведен будь,
Господь да пошлет тебе истинный путь!

Внемли, что сказал муж, достойным прослывший,
Господних рабов всей душою любивший:

«Добром воздают за деянья добра,
Прозри же, господня десница щедра.

А делаешь злое — тебе же и вред:
На злые деяния — зол и ответ!

И если привержен ты к злобным делам,
Ну что же, свершай их — наплачешься сам!»

Ответ Огдюльмиша элику

«Элик, если ты, — отвечал Огдюльмиш, —
И впредь меня добрым советом почтишь,

Окрепнет во благо народу закон,
И, властвуя, будешь ты богом почтен.

И, чтобы властитель обрел благодать,
Готов я и душу и тело отдать!

Не славой посмертной ли муж знаменит?
Господь всемогущий ее да хранит!

Не каждый ли миг смерть готова напасть?
Смотри, не проспи эту злую напасть!

Мудрец очень ладно сказал, не забудь,
В словах его — правда и верная суть:

«Незримая смерть точит когти на нас —
Глядит из засады нацеленный глаз.

И всех ждет могила — и добрых и злых,
Приходит кончина в назначенный час!»

Ответ элика Огдюльмишу

Элик отвечал: «Я молю, чтобы бог
И власть и закон укрепить мне помог!»

На этом прервал свое слово элик,
И встал и ушел Огдюльмиш в тот же миг.

И снова прошло еще несколько дней,
И жил Огдюльмиш с болью-грустью своей.

О брате скорбя, он печально поник,
Кручинился он и бледнел его лик.

И скорби своей не сумел он унять,
И к брату решил он поехать опять.

Пошел во дворец он, печалью томим,
И, позван эликом, предстал перед ним.

Вопрос Огдюльмиша к элику

И стал он элика просить: «Отпусти,
Я ныне хочу снова к брату пойти.

Проведаю брата, что стало с больным
И жив ли, беды не случилось ли с ним?»

Ответ элика Огдюльмишу

«Вот верные, — молвил властитель, — слова, —
Ты должен при нем быть по долгу родства.

Езжай, от меня расспроси про недуг,
Утешь его сердце — смягчи бремя мук».

И, «Ладно!» сказав, Огдюльмиш — снова в путь,
И в дом он приехал к себе — отдохнуть.

Поел и попил он, готовясь к дороге,
И к брату поехал, томясь от тревоги.

Приехав, пешком он прошел часть пути,
У двери спросил разрешенья войти.

82

Преемник Одгурмыша рассказывает Огдюльмишу о смерти Одгурмыша

И вышел к пришельцу преемник-мюрид,*
Приветствуя гостя, он плакал навзрыд.

«О брат мой, — он только и вымолвить смог, —
Терпенья и сил да пошлет тебе бог.

В спокойствии здравствуй, живи много лет,
А брат твой, увы, уж оставил сей свет.

Не плачь и стерпи бремя тяжких невзгод,
Живому в кончине — единый исход.

Рожденные смертны, любому — свой срок,
Хоть бек ты, хоть раб, хоть возвестник-пророк.

И всех нас жестокая смерть сторожит,
От козней ее нет ни средств, ни защит!»

Взрыдал Огдюльмиш, услыхав эту весть,
Не в силах безмерную скорбь перенесть.

83

Повествуется о том, как преемник Одгурмыша утешал Огдюльмиша

«Не сетуй, — преемник сказал в утешенье, —
Покорно приемли все божьи веленья.

В назначенный день смерть к любому придет,
Он умер, и знай: твой наступит черед.

И что же рыдать, неизбежное клясть?
Не всем ли роптавшим на эту напасть

Господь посылает дар жизни живой
И снова берет у них дар этот свой?

А взяв, он его уж назад не вернет:
Тебе или мне — всем единый исход!

Сходи на могилу, где брат погребен,
Отдай пред отъездом ему свой поклон!»

84

Повествуется о том, как Огдюльмиш горевал об Одгурмыше

У братней могилы он на землю лег
И, холм обнимая, слезами истек.

«О брат мой, взгляни, безысходен мой крик, —
О, мне бы тебя увидать хоть на миг!

Я ехал сюда, чтобы лик твой узреть,
Зачем же могилою взят ты, ответь!

Возлюбленный мой, как же, сердцем скорбя,
Мне жить? Как же быть мне живым без тебя?

Во сне ль ты явился мне, был ли то бред?
Очнулся от сна я — увы, тебя нет!»

85

Повествуется о том, как элик утешал Огдюльмиша

Элик, эти горькие вести услыша,
Печальный, утешить пришел Огдюльмиша.

«Очнись, Огдюльмиш, от рыданий и слез,
Молись об усопшем, — элик произнес.

Господь да пошлет Одгурмышу прощенье,
Ему да отпустит он все прегрешенья!

Ты в горе утешься под сенью господней,
Прими божью волю — страшись преисподней!

А ты запер дверь, и путей к тебе нет,
Себя оградил ты от встреч и бесед.

Тебе не пристало себя так вести,
Разумному чужды такие пути.

Тебя не гнетут, не неволят ли силой,
Обид каких нет ли? — скажи мне, помилуй.

Ведь ныне твой брат — под господнею сенью,
Иным надо быть твоему поведенью!

Зачем же в рыданьях и стонах скорбеть?
Оставь их, в них доброго мало, заметь!

Рожденный умрет, вознесенный падет,
Дающий возьмет, путник отдых найдет.

Тебе в смерти брата — урок-назиданье:
Терпи — будут сладки господни даянья.

Живой, видя мертвых, настигнутых роком,
Да внемлет суровым и горьким урокам!

Вглядись, в чем усопшего мудрый урок:
«Я смертью настигнут, твой час — недалек!»

Об этом прочти очень вдумчивый стих,
Обдумай всю суть его в мыслях своих:

«Не сонмы ли мертвых, чей кончился срок,
„На нас посмотри“, — тебе дарят урок, —

В беспечных забавах мы жизнь провели,
Но смерть нас настигла, — твой час недалек!»

«Как умер, — элик вопросил, — Одгурмыш?
Поведай мне все, о чем память хранишь!»

Ответ Огдюльмиша элику

И он властелину поведал в ответ,
Какой был умершим оставлен завет.

Сложил пред эликом кувшин он с клюкой,
Завещан, мол, дар властелину такой.

«Вот это, — сказал он, — все вещи его,
Он больше совсем не имел ничего.

Тебе это в дар он оставил, элик,
Будь ныне ты благ и в грядущем велик!»

Ответ элика Огдюльмишу

Взял посох элик. «Этот дар я приму, —
Сказал он, — дано быть счастливым ему.

Возьми сей кувшин, и да вспомнишь ты брата,
Когда будет сердце печалью объято!»

И взял тот кувшин Огдюльмиш, и не смог
Сдержать свою скорбь, и слезами истек.

«И если подумать, — властитель изрек, —
Нам дан этим даром разумный урок!

Вот так он и жил, не прельщаясь мирским,
Но доброе имя оставлено им.

Послушай, что сказано мужем достойным,
Он все совершал в разуменье спокойном:

«И скопишь достаток, а все не во славу,
А с малым достатком ты славен по праву.

На радостный миг в мире тысячи бед,
Влачат люди груз им отпущенных лет.

И прок от богатств после смерти — какой?
Все взято чужой, не твоею рукой!»

А брат твой мирские богатства презрел,
Лохмотья носил он и отруби ел.

Он жизнь свою прожил и все еще жив,
А жил он, нисколько добра не нажив!

Пес бремя он, груз облегчая людской,
Уменьшил он ношу печали мирской.

Он сделал свое и навек себя спас,
А мы — в вечных узах, связующих нас!»

Дал тысячу добрых советов элик,
Он всем существом своим суть их постиг.

И он во дворец возвратился назад,
Суровой и горестной думой объят.

И сам Огдюльмиш горевал много дней,
Но скорбь одолел он и стал веселей.

Забыл он печаль и, как прежде, опять
Он мог есть и пить, блага жизни вкушать.

Сказал очень ладно властительный муж,
Премудрый, в заботах рачительный муж:

«Каких бы ни ведал ты слез и невзгод,
Веселью и счастью наступит черед.

От века на свете уж так повелось:
И зло и добро — все минует-уйдет!»

Настал и слезам Огдюльмиша предел,
И вновь он служением делу радел.

И снова он ревностно, всей мерой сил
И ночью и днем неусыпно служил.

Вопрос элика к Огдюльмишу

Однажды элик Огдюльмишу велел
Отчет ему дать о ведении дел.

«Скажи, — он спросил, — как народ и страна,
Во благо ли ныне текут времена?

Ты — взор мой и слух мой, и должен ты сам
Врата открывать всем державным делам.

Печаль твоя долгой и трудной была,
Далек был от дел ты, — как нынче дела?»

Ответ Огдюльмиша элику

«О бек, — отвечал Огдюльмиш, — твой народ,
Молясь о тебе, благоденно живет.

Ответ Огдюльмиша элику

. . . . . .

Обжорство и сплетни, и зависть и блуд
Обет послушания в небыль сотрут.

Кто жадность и грех суесловья пресек,
Тот будет от всяческой скверны далек.

И тот, кто в себе гнет страстей превозмог,
И запер свой гнев под надежный замок,

Тот муж и разумен и очень умен,
Приверженность к разуму выкажет он.

Разумные люди и речью мудры,
Они справедливы, правдивы, добры.

Им чуждо негожее все искони,
На все, что негоже, не смотрят они! *

Ответ элика Огдюльмишу

Элик отвечал: «Говоришь ты правдиво,
Ты сам и слова твои дивны на диво!

Ответ Огдюльмиша элику

. . . . . .

Дурны и порочны и тело и плоть, —
Их волю своею сумей побороть.

Чем больше ты холил и радовал тело,
Тем большею мукой тебя одолело.

И доблестный муж верно вымолвил слово,
Для тела оно, как лекарство, здорово:

«К кому был ты добр, от того жди вреда:
Пойдут, что ни день, за бедою беда.

Кого обласкал ты, того и страшись:
Поплачешь не раз, твоя доля худа!»

В трех случаях жир не полезен для дела:
Когда жирны сокол, собака и тело.

Пристраживай их, не корми доотвала,
А если распустишь — побьешься немало.

Не сдерживать сокола — словишь ли дичь?
А пес ожиреет — не ведать добыч!

И сытое тело — не лучше верблюда:
Упустишь добро, а нагнать — дело худо.

Но если плох сокол — лишь дичи не словишь,
Ленива собака — добычи не словишь,

А ежели ты — длинношеий верблюд,
Тебя в преисподней рыдания ждут!

Удачлив бедняк, ввек не знавший удачи:
Всему-то он рад — всех богатых богаче.

Поел да прикрыл свое тело бедняга —
И служит он богу себе же во благо.

А счастье, богатство, величье и власть
Лишь спесь раздувают, а делу — пропасть!

Спесивый себя отдаляет от бога,
Чужда для разумных такая дорога.

Бедняк и богач после смерти едины:
Могила их ждет да всего две холстины.

Смерть — благо для бедных, страданьям исход,
Богач умирает — груз тягот несет.

Об этом и сказана верная речь,
Сумей из нее себе пользу извлечь:

«Довольному смерть — что лихая неволя,
Бездольному в смерти — блаженная доля:

Для бедного смерть — всех страданий скончанье,
Богатому смерть — словно злая недоля!»

Слово элика к Огдюльмишу

И вновь говорить стал элик: «Разумей:
Сей мир — что гнездо скорпионов и змей.

Еды доброй мало в нем, все почти — яд,
И слов добрых мало — все больше бранят.

В нем мудрым мужам путь к достатку закрыт,
И знающий — голод свой не утолит.

Для темных невежд этот мир — словно рай:
Безбедно живи, забавляйся, играй!

Для умных сей мир — что терновник колючий:
Ступи лишь — и болью пронзит тебя жгучей.

Для мудрых сей мир — что отравный сосуд:
Отведаешь — сразу все силы уйдут.

И праведный муж, кипув мир и семью,
Один, служит господу в дальнем краю.

И мы ныне скверны, увы, не чужды,
Господь да хранит нас от этой беды!»

Ответ Огдюльмиша элику

В ответ Огдюльмиш произнес: «Это слово
Правдиво, разумно, отменно толково.

Посмотришь, сей мир наделен сутью гадкой:
И видом он — словно дракон, и повадкой.

Взрастит тебя, выкормит этот урод,
И сам же потом истощит и сожрет!

И если всмотреться в устройство вселенной,
То спикпешь навеки в печали смятенной.

Дар жизни был праотцам послан когда-то,
И семя их было потомством чревато.

С тех пор род людской был бессчетно велик —
И сонмы мужей и владыки владык.

Одни были мудры, другие — удалы,
Иные — надменны и тверды, что скалы.

Иные — разумны, умны, прозорливы,
Иные — глупы, сумасбродны, ленивы.

И сколько пророков рождалось благих,
Что божьей стезей направляли других!

Одни жили мало, другие — немало,
Иных гордой славою ввысь воздымало.

Иные на волю господню роптали,
Из луков враждебные стрелы метали.

Прочти и пойми, что гласит этот стих,
Усвой его ради свершений благих:

«Будь тысячелетний ты, будь умудренный,
Стократ будь обласкан судьбой благосклонной,

А все же умрешь и сойдешь ты в могилу,
Раскаяньем в смертный твой час сокрушенный!»

И скольким мужам, что умны и мудры,
Судьба не дала долголетней поры!

И сколько их, словно они и не жили,
Слегло-полегло под землею в могиле!

И сколько людей разных было, подумай,
И всех их сожрала могила, подумай!

Властители пышных дворцов и палат
Под черной землею во прахе лежат!

И спят ли они, бездыханны, безгласны,
Кто знает, счастливы они иль несчастны?

О, верно, они обездолены, нищи,
Но нет им, увы, ни одежды, ни пищи!

Лежат они, каясь и мучась тоской,
И тысячи жажд их смущают покой.

Дар дней наших господом послан нам ныне,
И мы не должны погубить их в гордыне.

Да будет отныне нам помощь от бога
Добру, о достойнейший, следовать строго!»

Сказал Огдюльмиш, речь хвалой заключив:
«Да будет и долог твой век и счастлив!

И мир сей тебя да не будет лишен,
И господом род твой да будет продлен!

И пусть тебе бог все врата отопрет
К дарам вожделенных тобою щедрот!

А если еще есть мечты — не таи,
Господь да свершит все желанья твои!

Да ведаешь радость ты долгих отрад,
Да будешь, достойный, ты счастлив и рад!

И горе, что смертны такие, как ты,
Сгниют под землею во тьме черноты!

О властный! Что сделаешь, ежели бог
Такой уж уклад сему миру предрек!

Такие, как ты, и по смерти живут:
Благими свершеньями полон их труд.

Умрешь ли ты, долго ли ты проживешь,
А подвиг твой доброю славой хорош.

Друзей своих множь, супостатов рассей,
Да ширятся земли державы твоей!»

Пал на землю ниц он, окончивши слово,
Коня оседлал и — до дома, до крова.

Едва лишь до дома довел его путь,
Поел и попил он и лег отдохнуть.

А утром он встал и — за дело опять,
Смотреть за делами, советы давать.

Прямой и правдивый в деяньях своих,
На праведный путь он наставил дурных.

Цвела вся страна, и молился народ,
Хваля времена неизбывных щедрот.

Они отошли, а их слава осталась,
И доброе имя их не затерялось!

Вглядись в суть мужей сих приглядкой безлестной,
Людской ли назвать ее или небесной!

Они — люди давних и славных времен,
А нынешний люд — чем, скажи, славен он?

И если зовут нас людьми, то они,
Конечно же, ангелам горним сродни.

О них и делах их достойных узнать —
Великое счастье, сама благодать!

Разумным — понятье, а знающим — знанье:
Все смертны, лишь мир сей не знает скончанья!

А понято это — не зная тщеты,
Служить должен только создателю ты!

И в этом еще есть великий урок:
У всех прежде живших был свой смертный срок.

И сколько дворцов есть! Взгляни на любой:
Никто, умирая, не взял их с собой!

А многие грады, дворцы и твердыни
Разрушены смертью, и где они ныне!

И сколько селений цвело — без числа,
Все сгинуло, смертью разбито дотла!

Дворец ли, твердыня ли, пышный чертог —
Возьми все себе, а мне люб сей урок!

Воители где, где владыки земли?
Без войск они в черную землю легли!

Где жадно желавшие новых владений?
Неволили всех, а исчезли, как тени!

Вот рок властелинов земель и людей:
Лежи и одной лишь саженью владей!

И где проливавшие кровь мусульман?
Где мощь их? Приют под землею им дан!

Где гнетшие подданных игом невзгод?
В могиле лежат, и земля их гнетет!

Воители где, что весь мир полонили?
Незыблем сей мир, а они уж в могиле!

Где скупщики разных товаров земных?
Всего две холстины — имущество их!

Где ныне владетели многих земель?
Прибежище им — земляная постель!

Таков вот уклад сего мира, поверь,
Поймешь — разуменья отверзнется дверь.

В нем радость — что муки, а счастье — беда,
Утехи — погибель, услады — страда.

Довольствуйся той, что дана тебе, ношей,
А груз будет всякий — плохой и хороший!

Внемли, мудрый муж нам совет подает
С терпеньем нести свою долю невзгод:

«Блаженствуй, счастливый, и бога хвали!
Несчастный, смирись, если беды пришли!

Кто стерпит, тому станет благом беда,
Даны благодарным все блага земли!»

На нынешний век, о премудрый, взгляни:
Все стало иным, переменчивы дни!

Кто мудр, тот унижен, подавлен совсем,
Разумный обижен, затравлен и нем.

Вся сила — у тех, что душою черствы,
А кротким от бед не поднять головы.

Забывшие господа ради вина
Зовутся мужами, их сила сильна.

Развратники чтимы, творящие блуд,
Не пьющих хмельное скупцами зовут!

А те, что посту и молитве верны,
Поверь, о достойный, они презрены.

Запретным взята над дозволенным власть,
И сила запретного тешится всласть.

И вера в одном лишь названье живет,
Увы, ненасытен безверия гнет!

И кто осудил зло безверья хоть раз?
От скверны безверия кто себя спас?

Где верный и честный, не пышащий злом,
Кто судный бы день встретил с ясным челом?

Все души от скверны безверья черны,
Где, сын мой, скажи, благоверья сыны?

Об этом и сказано ладное слово,
Усвой его прочно, муж сердца благого:

«Мой дух опорочен запретною скверной,
И сотой в нем доли нет благости верной!

Гнетут меня страсти, и плоть непокорна,
Неверен я богу, ханжа лицемерный!»

Все, видно, в мирском измепилось укладе,
Сердца человечьи со словом в разладе.

И в людях не верность, а злоба в чести,
Достойных доверья людей не найти!

Нет верности в людях — одно лицемерье,
И веры в людей нет, и нет им доверья.

И брату не близок родной его брат,
И между друзьями раздор и разлад.

Неправедны старцы, невежливы дети,
И много дурных, а не добрых на свете.

6470 И дружба лишь там есть, где в деньгах нужда,
Где честность в делах, что корысти чужда?

Есть слово «обет», а кто верен обетам?
Есть слово «совет», а кто внемлет советам?

Где благо, добро совершающий муж,
Где зло и порок пресекающий муж?

Торговец умельца обманет при счете,
Умелец торговца — в оплошной работе.

И правду открыть не посмей никогда,
А лица открыты у жен без стыда!

6475 Нет правды, а сколько обмана, подлога!
Совсем не осталось боящихся бога!

Теперь людям любо деньгам поклоняться:
Богат серебром — пред тобою склонятся.

Встарь храмы вместить не могли мусульман,
Мечетей полно ныне, нет прихожан!

Послушай, что муж очень умный изрек,
Всем сердцем пойми сей разумный урок:

«Где честный, живущий правдиво? — скажи,
И кто предан богу не лживо? — скажи.

6480 Пороком охвачен, испорчен весь мир,
Да только кому это в диво? — скажи!»

Среди правоверных — грызня и вражда,
Неверным — блаженство: живи без вреда!

Разграблены всех правоверных богатства,
Кто знает: где — вера и где — святотатство!

В ночах не смолкает развратный галдеж.
Где голос корана, наук? — Не найдешь!

Язык размягчился, сердца очерствели,
О чести — лишь память, а где она в деле?

Отцом верховодит, начальствуя, сын:
Отец — в рабской доле, а сын — господин!

Всей жизни — стесненье, раздолье — всем бедам,
Мрак алчности плотен, свет счастья неведом!

Кто бедных жалеет и вдов и сирот?
И в диво ль кому в этом мире разброд!

И сказано верно всезнающим мужем,
Бывалым и все понимающим мужем:

«Весь мир беззаконьем подавлен, увы,
И доблестный злобным затравлен, увы.

И знающий знает, а умный поймет:
Сей мир уж не будет исправлен, увы!»

Почтенья к отцам у детей — никакого,
Само имя «старший» — что бранное слово!

В развале закон и разрушен обычай,
Меж белым и черным не стало различий.

Грядет судный день — нет вернее примет:
Приходит событье за вестью вослед.

Господь да хранит нашу веру: о боже,
Сгуби смуты-беды и все, что негоже!

Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я этому слову дал строй.

Во все, что писал, я вложил разум свой.
Читающий! Что тебе в пользу — усвой!

Какими бы ни были вкус твой и нрав,
Используй хоть часть из того, в чем я прав.

Сей путь — и мирской и указанный верой,
Не сбейся с него, в его правду уверуй!

Мирского пути хочешь — он пред тобой,
Грядущий мир ищешь — и он тоже твой!

Будь богу рабом — укрепит он твой дух,
Нет третьей стези — выбирай лишь из двух.

О боже, ты знаешь, с какою мечтой
Писать начинал я рассказ этот мой.

Не думой о славе я был одержим,
Желал людям благ я — своим и чужим.

Да вспомнят меня, прочитав этот труд,
Молитву хоть раз обо мне вознесут.

Писал я, мечту и надежду храня,
Что доброй молитвой вспомянут меня.

Писала рука, а слова вела речь,
От смерти ни руку, ни речь не сберечь!

И память о них — мой вот этот рассказ,
Его для тебя я, о мудрый, припас.

Живой и живущий! Меня не забудь,
Когда под землей мне придется заснуть!

О вечный, бесскорбный господь, ты велик,
Я — скорбный твой раб, не оставь горемык!

Я, раб многогрешный твой, был нерадив,
Будь милостив, мне прегрешенья простив!

Я — раб, ты — господь, и к кому ж мне припасть,
Ты — мой властелин, надо мной — твоя власть.

Я — раб, ты — господь мой, — о боже, помилуй,
Прости мне грехи всеблагой своей силой!

Прости, всемогущий, помилуй в их скверпах
С востока до запада всех правоверных!

Порочен я, все во мне — грех и порок,
Прости же меня, — ты прозреньем высок!

Где мускус, там дух благовоньем богат,
От гнили — одно лишь зловонье и смрад.

Ты мне — упованье, в надеждах — подмога,
Молю: не оставь, не суди меня строго!

Я — скверный твой раб, и дурна моя суть,
Ты — верный господь мой, всемилостив будь!

От скверных — лишь скверна, о боже, и вред,
А в верных — все верно, иного в них нет!

Прости правоверных, к ним милость храня,
В грехах моих скверных прости и меня!

Воздай от меня и пророку хвалу —
Возвестнику истины, правды послу!

Друзьям четырем его верным поклон
Да будет тобой от меня донесен!

I

Сожаления о прошедшей молодости и о старости

Пронеслась моя молодость тучей летучей,
Пронеслась и вся жизнь, словно ветер бегучий.

Мои годы младые, как жалко мне вас,
Удержать вас не смог я, утратил, не спас!

О вернись, моя младость, вернись ненадолго,
Ляг в ладони мои на постельке из шелка.

Где ты, молодость, где путь твой дальний пролег?
Не сумел я сыскать ни следов, ни дорог!

Всех отрад и услад, что даны юным летам,
Жизнь потом не дает, — всех спросил я об этом!

Милых детских забав, молодых моих сил
Мне теперь не дано, а имел — не ценил!

Что за прок, если я буду праведен старым?
Жаль, что прошлую жизнь загубил я задаром!

О младая пора моя, мне тебя жаль,
Ты умчала красу мою в дальнюю даль!

Аргуванной красой цвел я ликом румяно,
А теперь окроплен желтизною шафрана.

В черный мускус волос свет камфарный проник,
И куда запропал полнолунный мой лик?

Был я словно весна в пору ранних цветений,
Поразнес лепестки мои ветер осенний!

Строен, краше берез, как стрела был я прям,
Согнут я, словно лук, — сломлен стан пополам.

Погубил свою жизнь я в бездумных забавах,
Ныне каюсь навзрыд — весь в слезах я кровавых.

Быстро юность минула и младость ушла,
И поник я и сник — жизнь мутна и тускла.

Я, подобно скоту, ел и пил оголтело,
Пыль вздымал я, гонясь за утехами тела.

Словно сокола гон, меня радовал блуд,
Быстрой птицей мой конь вырывался из пут!

Был друзьям и приятелям люб я, бывало,
А врагов заставлял я попрыгать немало!

Ныне всех я порочу, коря и браня,
И безгрешных гнету я, безвинно виня!

Словно муж-победитель, надутый гордыней,
Как скала я стоял неприступной твердыней.

А теперь я, как пьяница, сбросивший сон,
Перед богом стою, за грехи пристыжен.

Только людям служил я, забывши о боге,
Гнался я за мирским в бесполезной тревоге.

И за бегом страстей я гонялся вослед,
И, как бешеный волк, я неволил весь свет.

Я неволил людей, забирал деньги силой,
Мучил, грыз, обижал, притеснитель постылый!

А ведь спросит господь о свершенном вреде!
Что сказать мне в ответ? Лишь поникну в стыде.

Есть ли в мире дурнее глупцы-сумасброды?
Я в пустых развлеченьях сгубил свои годы!

Счастья нет, да и муки прошли б уж скорей,
Сломлен я покаянною мукой своей.

Даже будь я Хосров иль Кайсар, иль Шаддад,
И, подобно Шаддаду, взрасти райский сад,*

Или, как Искандер, полони я весь свет,
Или долго живи я — до ноевых лет,*

Да имей я пылающий меч, как Хайдар,
Или славы Рустама немеркнущий дар,*

Или будь, как Иса, я на небо взнесен,
Дай, под стать Нуширвану, я твердый закон,*

Да имей, как Карун, я немыслимый клад,
Иль оснуй я твердыню железную — град,*

Что в том пользы? Все в землю уйдет все равно,
Два полотнища мне получить суждено!

Бос и наг я пришел, и уйду бос и наг,
Что мне печься о славе мирских этих благ!

Вся минувшая жизнь пронеслась ураганом,
Жизнь беспечно я прожил, отравлен дурманом.

Где же добрый мой нрав, что для жизни мне дан?
Где же всходы посеянных в детстве семян?

Что посеял — к тому и приспел урожаю,
Что пожал — тем теперь я себя ублажаю!

Прожил молодость, дожил до старых я лет,
И за все, что сказал, сам держи и ответ.

Верно богу служи и не спи, лежебока,
Днем и ночью в грехах своих кайся глубоко!

Будут есть мою плоть червь, змея, скорпион,
Для такой благодати зачем я взращен?

Пробудись же, о спящий, покайся, рыдая,
Чти молитву, не то твоя доля — худая!

Быстро младость прошла, старость стиснула грудь,
Радость-сладость ушла, прям оставшийся путь.

Сколько смертных сей мир мучил злобной неволей,
Что ж ему отличать меня избранной долей!

О всевышний, прозреньем меня удостой,
Не гони, не отвергни, — я чист пред тобой!

Ты один — всепрощающий, добрый и верный,
О, помилуй меня, — я расстался со скверной!

II

О порочности времен и жестокости друзей

Я брожу, обхожу все мирские пути,
Есть ли верность на свете, хочу я найти.

Человечность редка, где отыщешь к ней путь?
Мне сыскать бы ее — только раз и взглянуть!

Все обрел я, лишь верных найти я не смог,
Мне на светлый их лик посмотреть хоть разок!

Мир коварен и зол, а про верность — забудь,
В ком есть верность, скажи, хоть немного,
чуть-чуть?

Мне бы верного мужа найти только раз,
Сам носил бы его, не отвел бы я глаз!

Если верных людей не отыщет мой взор,
Лучше с дикими ланями жить среди гор!

Я травой и водой дождевой был бы сыт,
На песчаных холмах спал бы, рванью укрыт!

Мне бы дико бродить по пустыням земли
От людей вдалеке и от мира вдали!

А нельзя — лучше вовсе забыть мир мирской,
Буйным вихрем кружить, течь прозрачной рекой!

О господь, я в плену вероломства и мук,
Жизнь отдам я, найдись только преданный друг!

«Человек» — звук пустой, человечности нет,
Где она запропала? Найти б ее след!

Верных, преданных нет, я весь мир обошел,
А зачем сердцу тот, кто коварен и зол!

Все, с кем близок я был, пуще ока берег,
Злобны, словно сам бес, и какой от них прок!

Все, кого я любил, всей душою ценил,
Нынче мучат меня, — кто ж из них будет мил!

Человечность красна добрым словом своим,
Злы сердца и слова — как же верить мне им!

С кем теперь в моих бедах я дружбу сведу?
И кому я, как другу, доверю беду?

Мое горе излить, сердце вверить кому?
Лишь немного скажу — всех печалью дойму!

В моих близких друзьях разуверился я,
Даже братья враждебны — что речь им моя!

Говорят: клятвам верь и поклявшимся верь,
Только кто слову клятвы поверит теперь!

Где теперь благодарность за хлеб и за соль?
Весом золота мерить ее соизволь!

Где приятель-сосед, с кем делить бы беду?
Все отдам за него — прочь из дома уйду!

Где собратья, кому душа верить могла б?
Я бы чтил их как беков, служа им, как раб!

Не обрел я друзей, сир я в доле утрат,
Чахну в думах тяжелых, лишь мигу и рад!

Что ж так люди дурны? Что ж отринут закон?
Что за век послан мне, где я жить осужден?

Не безумец ли я иль глупец-сумасброд?
Сам хочу я понять, что язык мой плетет!

Или, страстью объят, я совсем помрачен,
Или сплю я сейчас, или вижу я сон?

Или я все встречал лишь подобных людей,
Или сам, что ли, вывертень и лиходей?

Где же люди, чья верность достойна похвал?
Я бы им на весь мир похвалы воздавал!

Был бы ими упрочен законный уклад,
Были б нравы добры, — о, как был бы я рад!

Или дали б совет, как упрочить закон,
Как достойных возвысить, а зло выгнать вон!

Добрый лад и закон — все утрачено сплошь,
Люди подлы, и где же добро ты найдешь!

Люди прошлого, знавшие славную стать,
Верно, ангелы были, — откуда мне знать!

Эти люди ушли, я живу меж других,
Что мне делать, как быть, гож для дел я каких?

Сколько речь ни веди, всех словес не сказать,
Хватит этих, а лишних, помилуй, не трать!

Лучшей участи я для себя не нашел:
Удалюсь от людей, от жилищ их и сел!

Да не знают, не видят меня с этих пор,
Пусть не ищут, не ждут, — вот и весь разговор!

Комары, скорпионы, собаки вокруг,
Жалят, воют, унять их — не хватит и рук!

И, живя меж дурных, плачу я во всю мочь,
Покаянный свой груз я влачу день и ночь.

Да минует меня доля горя и бед,
Да не буду я грубостью злобы задет!

О господь, мне пророка узреть порадей,
Лик яви четырех его верных друзей!

III

Сочинитель сей книги Юсуф, Великий хаджиб, дает себе наставления

Познаньям учись — и познаешь почет:
Познанья — твердыня и силы оплот!

Без знаний бесплодны и разум и речь,
А знанья — что влага живительных вод.

И сколько б ни знал ты — учись и учись:
Познание все, что желанно, дает.

Кичащийся знаньем от знаний далек,
Признался в незнанье — достигнешь высот!

Познание — море без края и дна,
Как воду ни черпай, она не уйдет!

Разумный умеет владеть сам собой,
У глупого в мыслях — разлад и разброд.

Учись и познаньем себя возвышай,
Иначе ты чужд будешь людям, ты — скот!

Разумный всегда в путах дум и тревог,
Глупцу — все потеха, ни дум, ни забот!

Где медлит разумный, раздумьем смущен,
Глупец, что олень, лихо мчится вперед.

Разумный сомненьями скован всегда,
Глупца напролом своеволье ведет!

О мудрый, ты — в путах, невежда — без пут,
Опутай невежд — будешь сам без тенет!

Я к знаньям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.

Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.*

Я ласков к нему был — оно покорялось,
Но было пугливым еще и задорным.

Но я неустанно обхаживал слово,
И мускус дохнул ветерком животворным.*

Речь вел я правдиво, порою и резко,
Но умные внемлют словам непритворным.

Читающий да не познает обиды,
Прощенья прошу я реченьям зазорным!

Всегда говори только правду, не путай
Правдивое с ложью и белое с черным!

Четыреста да шестьдесят да второй
Шел год, как я слову и жизнь дал и строй.

Слагал восемнадцать я месяцев сказ:
Слова отбери, да приладь, да пристрой!

Закончен рассказ мой, взрастил я цветник,
И полн благовонья он вешней порой!

Закончено слово, но звонкий родник
Взбурлит светлых струй неумолчной игрой.

Внемли, о Юсуф! Что правдиво — скажи,
Негожее слово — получше укрой!

Сдержи многословия буйный поток,
Не люб людям слов надоедливый рой!

Неверен и лжив сей изменчивый мир,
Разумный, подальше от бренного стой!

С мирским себя ныне ты прочно связал,
Порви с ним и сердцу дай новый настрой!

Не верь сему миру и скверна его,
В молитве творцу свою душу открой!

О, сколько людей этот мир подстерег,
Сойти с пути истины он их обрек.

Теперь не тебе ли притворно он льстит?
Не льстись на соблазны, дай твердый зарок!

О, сколько всевластных, всесветных владык
Настиг и увел навсегда смертный рок!

О юные дни! Вас я зря загубил,
Кончается жизнь моя, близок мой срок.

Хоть тысячу лет проживи, а умрешь,
И кто нажитое богатство сберег?

К тебе я, господь, припадаю: спаси,
Беспечный мой сон да не будет глубок!

Бессовестный раб твой, я много грешил.
Лишь ты очищенье послать бы мне мог!

Грешна моя суть, от тебя далека,
Прости же, молю я, и сир и убог.

Во что же ты верил, мой горестный дух?
На что уповал? О, сколь горек урок!

О, выправи путь свой и прямо ступай,
Да будешь в обоих мирах ты высок!

Сей мир ненадежен, в нем радости нет,
Уйди в мир иной от порочных дорог.

Умолкни и вздох затаи и не спи,
Будь взором и слухом от мира далек!

Помилуй же всех правоверных, господь,
В твоем милосердье — их жизни залог.

Да славится тысячекратно пророк,
Друзей его верных да милует бог! *

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Н. Кононов

ПОЭМА ЮСУФА БАЛАСАГУНСКОГО «БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ»

Могущественные, но недолговечные тюркские империи VI—IX вв. — западнотюркский и восточнотюркский каганаты — под воздействием внутренних распрей и натиска внешних врагов распались, оставив для истории в первом случае так называемую Бугутскую надпись [1], а во втором — знаменитые тюркские рунические памятники — бесценный исторический и лингвистический источник для изучения истории древних тюрков и их языка в его письменно-литературной форме.

Новое тюркское государство, положившее конец господству Саманидов и получившее, по определению В. В. Григорьева (1816—1881), в русской, а затем и в мировой науке название империи Караханидов [2], возникло на территории Восточного и Западного Туркестана в первой половине IX в. и просуществовало до начала XIII в. (840—1212).

До сих пор еще нет единого мнения о том, к какому из тюркских племен принадлежали ханы, основавшие Караханидскую державу [3]. По поводу племенной принадлежности Караханидов существует около десятка гипотез [4]. Однако в последнее время все чаще склоняются к мнению, высказанному В. В. Григорье-

[1] *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А.* Согдийская надпись из Бугута. — Страны и народы Востока, X. М., 1971.

[2] *Григорьев В. В.* Караханиды в Мавераннагре по Тарихи Мунеджим-башы. СПб., 1874, с. 6.

[3] См.: *Бартольд В. В.* Сочинения, т. 1, с. 315; т. 2, ч. 1, с. 41 и сл., 127 и сл.; ч. 2, с. 288—289.

[4] *Pritsak O.* Die Karachaniden. — Der Islam, Bd 31, N 1, 1954, S. 21—22.

вым сто с лишним лет назад, что «...хаканы... отнявшие Мавераннагр у Саманидов и водворившие там Караханидскую династию, были собственно *хаканы харлукские...*» [5]. Господствующим племенем в Караханидской державе, как теперь многими признается, были карлуки, точнее — две карлукские ветви: чигили и ягма [6].

Чрезвычайно важное значение для истории культуры и идеологии Караханидской державы имело то обстоятельство, что в середине X в. караханидские тюрки приняли ислам. «Можно принять за верное, — писал В. В. Радлов, — что уже во второй половине X века ислам сделал большие успехи в восточной части уйгурского государства, и что вследствие этого те из уйгурских племенных князьков, которые приняли ислам, возвысились до царей над той частью этого государства, в которой господствующей религией был ислам» [7].

Ислам — религия оседлого населения — постепенно распространялся и среди кочевников.

Предлагаемая вниманию русского читателя поэма Юсуфа Баласагунского в оригинале носит название «Кутадгу билиг», которое все исследователи этого шедевра тюркоязычной поэзии (Г. Вамбери, В. В. Радлов, Р. Р. Арат, К. Каримов, В. Томсен и др.) переводили примерно одинаково: «Знание, приносящее счастье», «Знание, дарующее счастье», «Знание, делающее ‹человека› счастливым», «Наука быть счастливым», «Искусство ‹знание› сделаться счастливым», А. Е. Крымский перевел по-украински «Блаженне знання».

С. Е. Малов (1880—1957) предложил два варианта перевода заглавия этой поэмы: «Книга счастья», или «Осчастливливающее управление», так как известно, что глагол *бил* — имеет два значения — 'знать и управлять'; следовательно форма *билиг* с равным основа-

[5] *Григорьев В. В.* Указ. соч., с. 59.
[6] *Pritsak O.* Op. cit., S. 22.
[7] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, с. 120.

нием могла иметь два значения — 'знание' и 'управление' [8].

Позднее С. Е. Малов [9] принял (и напрасно!) традиционный перевод названия поэмы «Наука о том, как делаться счастливым».

А. А. Валитова, по-видимому, вслед за С. Е. Маловым, предложила два перевода: «Знание, дающее счастье», или «Наука об управлении» [10].

В. В. Бартольд (1869—1930), имея в виду, что в основе глагольной формы (причастия будущего — возможного времени) — *кутадгу* (<*кут-ад-гу*) лежит слово *кут*, которое «кроме первоначального значения ('счастье') употребляется также для обозначения ханского достоинства, подобно нашему 'величество'», высказал предположение, что «название *Кутадгу билиг*, кроме буквального («Знание, дарующее счастье»), могло иметь еще другое: „Знание, образующее царей"» [11].

Переводы заглавия поэмы Юсуфа Баласагунского, предложенные В. В. Бартольдом («Знание, образующее царей»), С. Е. Маловым («Осчастливливающее управление») и А. А. Валитовой («Наука об управлении»), близки друг другу по своему внутреннему содержанию и как нельзя лучше и точно отвечают этико-дидактическому содержанию поэмы, основная идея которой направлена на воспитание и обучение идеального правителя.

С. Н. Иванов, автор первого полного русского поэтического перевода «Кутадгу билиг», предложил свой,

[8] *Малов С. Е.* Кутадгу билиг — факсимиле. — Советское востоковедение. М.—Л., 1948, т. 5, с. 327.

[9] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 224 (В дальнейшем: Малов, ПДТП).

[10] *Валитова А. А.* Юсуф Баласагунский и его Кутадгу билик. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1951, с. 11.

[11] *Бартольд В. В.* Сочинения, т. V, с. 367; ср. с. 113: 'Знание, делающее счастливым' или 'Знание, достойное царей'. — В поэме много раз употребляется словосочетание ilig quti, которое С. Н. Иванов переводит: 'достославный элиг'.

подкупающий краткостью перевод заглавия поэмы: «Благодатное знание», которое достаточно четко выражает основную идею этого произведения и удачно укладывается в размер стихотворного перевода поэмы.

Юсуф Баласагунский в следующих выражениях представляет свою поэму: «Имя книге я дал „Кутадгу билиг“ / Читателю пусть она принесет счастье и пусть [ему] она укажет путь [в жизни]» (бейт 350).

Предельно четко очерчен автором круг читателей этой книги: «Для неучей — книга сия под запретом» (бейт 14). Она рассчитана на людей избранных, образованных: «И ведает цену ей [книге] лишь просвещенный / Что может невежда понять неученый» (бейт 20).

Наши сведения об авторе «Кутадгу билиг», равно как и о его современнике и земляке, великом филологе Махмуде Кашгарском, к сожалению до обидного скудны.

Необъяснимой загадкой в культурной истории Кашгарии и Средней Азии является отсутствие как у современников, так и у позднейших биографов и библиографов сведений об этих двух выдающихся деятелях культуры. Это тем более странно, что многие их современники и земляки — поэты, не оставившие никакого следа в истории тюркской поэзии, упоминаются в различных библиографических справочниках. «Даже такой биограф, как Сам'ани Абу Саид (ум. 1113, посвятивший в своем труде „Китаб ал-ансаб“ почти две страницы (470—472) перечислению почти никому не известных писателей, между прочим и писателей XI в. из Кашгарии, а также сотни страниц другим, еще менее известным писателям Средней Азии, не нашел нужным хоть несколькими словами обмолвиться о „Диване“ и его авторе (Махмуде Кашгарском. — *А. К.*)» [12], равно как и об авторе «Кутадгу билиг».

Данные о жизни автора поэмы «Кутадгу билиг»

[12] *Жуже П. К.* Thesaurus Linguarum Turcorum. Изв. Восточного факультета Азербайджанского гос. ун-та. Востоковедение, т. II. Баку, 1927, с. 28.

состоят из намеков, разбросанных в поэме, и весьма кратких сведений, содержащихся в двух предисловиях к его сочинению, из которых одно — в прозе, а другое — в стихах. Причем уже давно существует предположение, с которым, правда, не все согласны [13], что оба предисловия написаны не автором «Кутадгу билиг», а кем-то другим [14], или же написаны автором по другому случаю и предназначены были для другого сочинения [15].

Некоторые сведения о себе Юсуф Баласагунский сообщает в трех заключительных главах своей поэмы: «Сожаление о прошедшей молодости и о старости» (бейты 6521—6564), «О порочности эпохи и неверности друзей» (бейты 6565—6604), «Сочинитель сей книги, Юсуф, великий хаджиб дает себе наставление» (бейты 6605—6645).

Согласно предисловию в прозе (*Арат*, 1, 2, бейт 23—24), Юсуф родился в Баласагуне, известном также под именем Куз-орду (бейт 57), местоположение которого до сих пор с достаточной достоверностью не установлено. Судя по косвенным данным, этот город следует искать в Семиречье, в Чуйской долине, неподалеку от города Токмака.

В. В. Бартольд отождествлял (сугубо предположительно) Баласагун с развалинами Бураны и Ак-Пишина или Ак-Пешина (Ак-Бешима), при этом он полагал, что Баласагун «с большей степенью вероятности можно отождествить с Ак-Пишином, причем Бурана в таком случае могла составлять какое-нибудь загородное предместье» [16].

[13] С. Е. Малов (ПДТП, с. 302) полагал, что «ни грамматические формы, ни синтаксис, ни лексика — ничто не препятствует, мне думается (пока?), считать это предисловие написанным самим автором всего сочинения — Юсуфом».

[14] *Каримов Қ.* Юсуф хос ҳоджиб. Қутадғу билиг (Саодатга йўлловчи билим). Транскрипция ва ҳозирги ўзбек тилига тавсиф. Тошкент, 1971, с. 14—15 (Далее: *Каримов*).

[15] *Arat R. R.* Kutadgu bilig, I. Metin. Istanbul, 1947, s. XLIII (Далее: *Арат*).

[16] *Бартольд В. В.* Сочинения, т. IV. М., 1966, с. 56—57; см. там же, т. III. М., 1965, с. 255.

Город Баласагун упоминается в исторических сочинениях «в качестве резиденции первого завоевателя Мавераннахра Богра-хана Харун б. Мусы (ум. 382х./992—993 г. н. э.)... Позже Баласагун, по-видимому, принадлежал обычно тому же правителю, что и Кашгар» [17]. Последнее указание имеет весьма важное значение: Кашгар — один из культурных центров Восточного Туркестана — вместе с Баласагуном, который уже в середине X в. «рассматривался как мусульманский город», являлись в XI в. форпостами мусульманской учености.

Особую роль в культурной жизни в ту пору играл Кашгар, где, среди других, первоначальное образование получил и великий тюрколог из тюрков, современник Юсуфа Баласагунского, Махмуд Кашгарский (XI в.). Не случайно поэтому Юсуф, родом из Баласагуна, творил в Кашгаре, о чем он сам дважды упоминает: «Сочинитель этой книги — родом из Баласагуна, муж воздержанный и благочестивый. Эту книгу [сочинитель] закончил в Кашгаре и представил ее ко двору царя Востока Табгач-Богра-хана» (предисловие в прозе, 24—25); ср. еще: «Он все написал, твердо двигаясь к цели / И труд завершен был в Кашгарском пределе» (предисловие в стихах, бейт 59).

Работа над поэмой «Кутадгу билиг» была закончена в 462 г. хиджры=1069—1070 г. н. э.; эта дата дважды указана автором (бейты 6495, 6623). По собственным словам автора (бейт 6624), он сочинил свою поэму за восемнадцать месяцев.

Поэма создавалась Юсуфом, когда он был уже далеко не молод: «Чьи годы за сорок прошли чередою, / Уж тот распростился с порой молодою. / А мне пятьдесят, и немолод я телом, / Был вороном черным, стал лебедем белым» (бейт 364—365). О своих преклонных годах Юсуф Баласагунский говорит в главе 11 поэмы (бейты 350—397).

По подсчетам турецкого филолога Р. Р. Арата (1900—1964), когда поэма была закончена, автору ее

[17] *Бартольд В. В.* Сочинения, т. II, ч. 2, с. 288—289; т. III, с. 356.

было приблизительно пятьдесят четыре года[18]. Если это верно, выходит, что Юсуф родился в 1015—1016 г. н. э. По мнению другого турецкого филолога, А. Дильачара (1897—1979), Юсуф родился около 1018 г. н. э., в 1068 г. н. э. отправился в Кашгар, где в течение восемнадцати месяцев работал над сочинением поэмы и в следующем — 1069 г. н. э.[19] преподнес ее «Царю Востока и Китая»[20] Тавгач-Богра-хану (предисловие в прозе, бейты 25—26) или «Хану ханов Тавгач-Кара-Богра-хану» (предисловие в стихах, бейт 60), полное имя и титул которого звучали так: Тав(ф)гач-Богра-Кара-хакан Абу Али Хасан, сын Сулеймана, Арслан-Кара-хакана (правил в 1056—1103 гг. н. э.)[21].

Тавгач-Кара-Богра-хакан в знак благодарности пожаловал поэту высокое придворное звание *хасс-хаджиб'а* (предисловие в прозе, 27, в стихах, бейт 62), которое в следующей строке (предисловие в прозе, 28) дополнено словом *улуг* 'великий', 'главный', т. е. *улуг хасс-хаджиб* — глава всего придворного штата. Упомянутое звание в современном понимании примерно соответствует «министру двора» или, по В. В. Бартольду, «главному камергеру»[22].

Достоинства, коими должен обладать носитель этого звания, обстоятельно описаны в поэме (бей-

[18] *Arat R. R.* Kudatgu bilig. «Islam Ansiklopedisi» 5. Cilt., II. Kısım. Istanbul, 1950, s. 1038; ранее этот же автор (Арат, с. XXII—XXIII) указывал, что Юсуфу в момент окончания поэмы было 50 лет; следовательно, он родился в 1019 г. н. э.; см. так же: *Каримов*, с. 8.

[19] *Dilaçar A.* Kutadgu bilig incelemesi. Ankara, 1972, s. 23 (В дальнейшем: Дильачар).

[20] «С 459/1067 г. мы на монетах Караханидов стречаем титул Малик ал-машрик ва-с-син — Царь Востока и Китая». См.: *Бартольд В. В.* Сочинения, т. II, ч. 1, с. 46. — Упоминание о господстве над Китаем имело чисто символическое значение.

[21] *Бартольд В. В.* Богра—хан, упомянутый в «Кутадгу билик». Сочинения, т. V, с. 420.

[22] Там же, т. VI, с. 67.

ты 2435—2524). «Среди должностей — самая тонкая — должность хаджиба» (бейт 2484). «Для хаджиба нужны десять качеств: острый глаз, чуткое ухо, щедрое сердце, приятное лицо, хорошая одежда, высокий стан, приятная речь, разум, ум, знание» (бейты 2487—2488).

Улуг хасс-хаджиб — всевидящее око правителя; он наблюдает за исполнением законов и обычаев, входит в сношения с казначеем, писцами, ремесленниками, принимает и провожает послов, наблюдает за правильной организацией официальных церемоний, выслушивает просьбы и жалобы бедняков, вдов и сирот, докладывает о них элик-беку [23], правителю, описываемому в «Кутадгу билиг», т. е. Тавгач-Кара-Богра-хакану.

Что касается языка, на котором написана поэма, и ее достоинств, то в предисловии, написанном в прозе, указывается: «Ученые и мудрецы Чина и Мачина [24] все согласны [в том], что в странах Востока, у народов всего Туркестана на *богрохановском* языке, *тюркскими* словами лучше книги, кто бы то ни было, не сочинял» (строки 12—15).

Богрохановский язык — письменно-литературный язык, распространенный в Караханидской державе (840—1212) эпохи правления хана ханов Тавгач (Тафгач)-Кара-Богра-хакана (см. с. 501): «Она [поэма] — богрохановa времени чадо, / И явственна ханская речь [ее] склада» (бейт 23).

Богрохановскому языку Юсуфа Баласагунского у Махмуда Кашгарского, автора «Словаря тюркских языков» (составлялся в течение 1072—1083 гг. н. э.), по-видимому, соответствует язык, названный им *хаканским*, который, среди других тюркских языков, Махмуд считал самым чистым и самым приятным на слух [25].

[23] *Элик~илек~илик~илиг* < *эл*+*-лиг* 'владетель эля, т. е. союза племен'.

[24] Верхний и Нижний — т. е. Северный и Южный — Китай.

[25] *Муталлибов С. М.* Маҳмуд Кошғарий. Туркий сўзлар девони. — I. Тошкент, 1960, с. 66.

К какому же (по современной классификации) языку следует отнести язык «Кутадгу билиг»?

В. В. Радлов (1837—1918), один из первых исследователей «Кутадгу билиг», при транскрибировании этого памятника опирался на данные тюркских языков Алтая, преимущественно на сойонский (тувинский) язык; хотя в своем исследовании «К вопросу об уйгурах» (СПб., 1893) В. В. Радлов назвал язык поэмы Юсуфа Баласагунского уйгурским.

Датский лингвист и тюрколог В. Томсен (1842—1927) на основании изучения рифм «Кутадгу билиг» убедительно доказал ошибочность избранного В. В. Радловым пути воссоздания звукового строя этой поэмы [26].

В современной тюркологии до сих пор нет единого мнения по вопросу определения языка поэмы; так, по мнению С. Е. Малова, языком «Кутадгу билиг» был древнеуйгурский [27] или уйгурский [28] язык; к памятникам уйгурского языка Караханидского периода относит «Кутадгу билиг» Н. А. Баскаков [29]; А. М. Щербак язык этой поэмы называет карлукским [30]; Э. Р. Тенишев именует его караханидско-уйгурским (хаканским, бугрохановским, богрохановским) литературным языком [31]; Г. Ф. Благова, на основании характерных черт склонения, присущих этому памятнику, квалифицирует язык «Кутадгу би-

[26] Подробнее см.: *Малов.* ПДТП, с. 97—99.

[27] *Малов С. Е.* Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1947, № 6, с. 478.

[28] *Малов.* ПДТП, сс. 222, 299.

[29] *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 301.

[30] *Щербак А. М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, с. 26.

[31] *Тенишев Э. Р.* Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. ВЯ, 1979, № 2, с. 83.

лиг» как смешанный карлукско-кыпчакский [32]. А. А. Валитова язык «Кутадгу билиг» называет караханидским [33].

Турецкий филолог А. Дильачар интересующую нас поэму относит к памятникам караханидско-тюркского языка, который с точки зрения классификации тюркских языков относится к юго-восточной, или среднеазиатской, группе тюркских языков. Эта группа тюркских языков наиболее близка к юго-западной, или огузской, группе тюркских языков. Некоторые тюркологи эти две группы объединяют под названием: *тюркютская* группа тюркских языков. В соответствии с этим делением юго-восточная группа, или среднеазиатская, именуется *восточнотюркютской* группой, юго-западная, или огузская, — *западнотюркютской* группой.

В первую группу входят орхоно-енисейские и древнеуйгурские памятники, во вторую — памятники караханидско-тюркского, хорезмийско-тюркского и чагатайского языков [34].

Исходя из изложенных выше предположений, язык поэмы Юсуфа Баласагунского можно было бы называть по признаку его высоких достоинств *хаканско-тюркским*, по династийному признаку *караханидско-тюркским*, *караханидско-уйгурским*, судя по племенной принадлежности — *карлукским*, а по культурно-историческому признаку — *карлукско-уйгурским* [35]. При этом следует помнить слова В. В. Бартольда: «...не подлежит сомнению, что подданные караханидов не называли себя уйгурами и что для Юсуфа Баласагунского язык, на котором он писал, не был

[32] *Благова Г. Ф.* О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов. ВЯ, 1977, № 3, с. 90.

[33] *Валитова А. А.* К вопросу о классовой природе Караханидского государства/Тр. Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1943, т. I, вып. 1, с. 127—136.

[34] Дильачар, с. 50—51.

[35] *Наджип Э. Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. М., 1979, с. 5.

уйгурским»[36]. И далее: «...язык составленной в государстве Караханидов поэмы «Кутадгу билиг» существенно отличается от языка орхонских надписей и принадлежит к восточнотюркским наречиям»[37].

В числе «восточнотюркских наречий», в первую очередь, следует назвать древнеуйгурский письменно-литературный язык, имевший длительную историю своего развития.

Сказанное дает основание присоединиться к мнению Э. Р. Тенишева, назвавшего язык поэмы Юсуфа Баласагунского *караханидско-уйгурским* с уточнением по династийной принадлежности — *хаканским, буграбограхановским*. Первая часть этого определения — *караханидский* — четко дает хронологию этого языка, вторая — *уйгурский* — уточняет историко-культурные связи в истории развития тюркских письменно-литературных языков.

В поэтическом предисловии подчеркивается следующее важное обстоятельство: «У арабов, таджиков книг добрых немало, / А на нашем наречье сия — лишь начало». Это утверждение, которое следует толковать так: на арабском и таджикском языках книг много, а на нашем (т. е. на тюркском) языке их нет, — свидетельствует о том, что после принятия ислама (конец VIII—начало IX в.) памятники буддийской, манихейской и христианской литературы на тюркских языках были забыты или, вернее, находились под строжайшим запретом.

Едва ли допустимо предположение, что такое совершенное по форме, глубокое по своему философскому содержанию и обширное по объему (13290 стихотворных строк!) сочинение явилось плодом первого опыта, не имевшего предшественников в тюркской поэзии, и основывается целиком на достижениях иноязычной — арабской и персидской — поэтической традиции.

[36] *Бартольд В. В.* Сочинения, т. V, с. 114.
[37] Там же, с. 273.

Е. Э. Бертельс в статье «К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов» писал: «...при явном наличии западных влияний (т. е. влияния арабской и персидской литератур. — *А. К.*) „Кутадгу билиг" все же совершенно очевидно содержит очень много местных тюркских традиций, связана с кругом представлений, характерных именно для караханидского Кашгара» [38].

Поэма Юсуфа Баласагунского, как явствует из ее названия: «Благодатное знание», — является этико-дидактическим сочинением, написанным с целью указать путь, ведущий к познанию мудрости правления, житейского обихода и обращения с людьми.

Этико-моралистические сочинения были давно и широко известны на Востоке и на Западе, а потому совершенно естественно предположить, что у Юсуфа Баласагунского были предшественники как из тюрков, так и представителей других народов Востока. Однако пока что, до новых счастливых находок, поэма «Благодатное знание» Юсуфа Баласагунского является первым, старейшим и пока единственным сочинением на одном из тюркских языков, основанным на мусульманской идеологии и пропагандирующим эту идеологию.

Взаимосвязанность культур и идей, в том числе и, быть может в первую очередь, этико-моралистических идей, основывающихся на религиозной идеологии, представляется бесспорной истиной.

Общечеловеческое содержание поэмы нашло свое яркое выражение в следующих словах прозаического предисловия, которые по существу свидетельствуют об интернациональном характере поэмы Юсуфа Баласагунского: «Книга сия величественна в славе своей. Читающий книгу сию, созданную по изречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачина, и возвещающий стихи ее сам возвеличен ею. Ученые и мудрые мужи Мачина согласны в том, что в восточных владениях, в государствах Туркестана никто

[38] Советское востоковедение, IV. М.—Л., 1947, с. 75.

не составил лучше этой книги, сочиненной на языке Богрaхановском и тюркской речью.

К какому бы властителю и в какой бы предел ни доходила эта книга, — за великие совершенства и беспредельные красоты ее премудрые и ученые мужи тех держав одобряли ее и давали ей различные названия. Мужи Чина называли ее «Сводом благочиний», сподвижники государей Мачина звали ее «Радетелем держав», повелители стран Востока именовали ее «Украшением властителей», иранцы — тюркской «Книгой шахов», а некоторые — «Книгой наставлений властителям», туранцы же (т. е. тюрки. — *А. К.*) зовут ее «Благодатное знание»»; см. также бейты 28, 29, 30.

По-видимому, речь здесь идет не столько о популярности самой поэмы, сколько о широком распространении сочинений подобного жанра.

Поэма состоит из 6520 бейтов (двустиший), разделенных на 85 глав; кроме того, поэма имеет три приложения, содержащих 124 бейта, разбитых на три главы. Основная часть поэмы написана в форме двустиший месневи, арузом, размером «сокращенный мутакариб»; первое приложение (бейты 6521—6564) написано полным мутакарибом.

При всей своей моралистической направленности «Кутадгу билиг» не является и не может считаться, как иногда на этом настаивают, книгой сухих этико-дидактических наставлений и поучений. Это — философское произведение, в котором анализируется смысл и значение человеческой жизни и определяются обязанности и нормы поведения человека в обществе; при этом Юсуф не страшится критиковать общество, в котором он сам живет.

Автор поэмы «Благодатное знание», изображая идеальные условия жизни человека, что является его основной целью, касается в известной мере и того круга людей, среди которых он жил, и, таким образом, приближается к реальной жизни. При этом следует обязательно иметь в виду, что Юсуф Баласагунский был прежде всего поэтом, а потому не следует искать в его поэме точного отображения повсе-

дневной жизни современного ему общества. И тем не менее сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний проглядывает повседневная жизнь людей того времени. В своих поучительных иносказаниях Юсуф мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей невыдуманных, живых.

Юсуф Баласагунский объявляет себя, в соответствии с духом идеологии своего времени, воинствующим мусульманином.

Наряду с общемусульманскими идеями, которые он мог почерпнуть из многочисленных мусульманских сочинений, автор «Благодатного знания» широко использует для своих дидактических целей народную мудрость, устное поэтическое творчество тюркских народов, пословицы, поговорки.

Тюркская эпическая традиция сказалась и на выборе имен героев поэмы: Кюнтогды — 'Солнце взошло', Айтолды — 'Полная луна' [39]. Традиционные мотивы тюркского эпоса напоминают имена и двух других основных действующих лиц поэмы: Огдюльмиш — 'Достохвальный' и Одгурмыш — 'Пробуждающий'.

Характерно, что герои «Кутадгу билиг» носят чисто тюркские имена, хотя в книге все время слышатся отзвуки гениальной поэмы Фирдоуси «Шах-наме» в постоянно упоминаемых иранских именах: Ануширван, Феридун, Рустам, Афрасиаб и др.

Основная идея поэмы зиждется на четырех принципах:

1. Твердый, правильный закон (köni törü), который олицетворяет правитель Кюнтогды.

2. Счастье (kut) — его олицетворением является справедливый везир Айтолды.

3. Разум (ukuş) — его олицетворяет сын везиря Огдюльмиш.

[39] Подробнее см.: *Валитова А. А.* К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг». — Советское востоковедение, 1958, № 5, с. 88—102; *Стеблева И. В.* Поэтика «Кутадгу билиг». — Советская тюркология, 1970, № 4.

4. Будущее — загробная жизнь ('akibet) — его представляет отшельник, брат везиря Одгурмыш.

В Наманганской рукописи (см. ниже) эти четыре принципа выражены арабско-мусульманскими терминами: 1. Adil; 2. Devlet; 3. Akil; 4. Ḳanaat.

В первых главах поэмы разъясняются общие положения ислама. Будучи правоверным мусульманином, Юсуф вместе с тем является истинным представителем своего народа, что проявилось в употреблении им тюркских слов: ugan, bayat, täŋri вместо Allah; jalavaç, savçı вместо peygamber; tört äş вместо sahabe, çahar jar и др.

В главах 6, 7, 9, 10 Юсуф кратко излагает свое восприятие мира, опирающееся на знание; язык — величайший дар человеку от бога; добрые дела.

Превыше всего Юсуф ставит знание, с которым он связывает все человеческие достоинства; знание отличает человека от животного: «Приобретай знания, будь человеком, возвышай себя! / Или назовись животным, удались от людей!».

В поэме дается описание качеств, необходимых везиру, военачальнику, хаджибу, секретарю, послу, писцу, казначею, повару, виночерпию, ученому, лекарю, толкователю снов, магу, звездочету, купцу, скотоводу, ремесленнику и многим другим.

Не исключено, что Айтолды, олицетворяющий счастье, и Огдюльмиш, олицетворяющий разум, представляют в поэме самого Юсуфа и выражают его идеалы, мироощущение и мировоззрение.

Хотя достоверно неизвестно, под воздействием каких факторов и обстоятельств написана поэма «Кутадгу билиг», можно предположить, что ими могли быть политические смуты, сотрясавшие в ту пору Караханидскую державу. Возможно, что Юсуф Баласагунский ощущал настоятельную необходимость в создании новой морально-этической основы для раздираемого неурядицами общества.

* * *

Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» дошла до нас в трех рукописях:

1. Венская, по месту теперешнего ее нахождения, или Герат ская, по месту переписки (дата окончания переписки 17 июня 1439 г. н. э.; предположительное имя переписчика Хасан Кара Са'иль (?) Шамс), рукопись «Кутадгу билиг» написана уйгурскими буквами со списка, писанного арабским письмом; рукопись выполнена небрежно, что, по-видимому, свидетельствует о том, что экземпляр, с которого она переписывалась, был плохой сохранности или содержал графические ошибки. В этом списке отсутствует целый ряд бейтов: 197—228, 6304—6351, 6521—6604; отсутствуют страницы, содержащие бейты 2739—3473; они пропущены, вероятно, при брошюровке.

Эта рукопись неведомыми путями из Герата попала в г. Токат (Турция), а затем в 1474 г. н. э. оказалась в Стамбуле.

Спустя многие годы австрийский ученый Иосиф фон Хаммер-Пургшаль (1774—1856), находясь на дипломатической службе в Стамбуле, в 1796 г. купил эту рукопись у букиниста и передал ее в Венскую Королевскую библиотеку.

2. Каирская рукопись, писанная арабским письмом, была обнаружена в 1896 г. в Каире в Хидивской библиотеке ее директором, немецким ученым Б. Морицем. Экземпляр дефектный: многие бейты в нем отсутствуют. Судя по надписи на этой рукописи, она принадлежала последовательно целому ряду лиц. Копия Каирской рукописи «Кутадгу билиг», выполненная в 1898 г. по заказу В. В. Радлова для Азиатского Музея Петербургской Академии наук, хранится в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

3. Наманганская (Ферганская) рукопись — самая совершенная из известных рукописей поэмы «Кутадгу билиг» — написана арабским письмом. Ее обнаружил А.-З. Валидов (1891—1970) в 1913 г.

в г. Намангане (УзССР) в частной библиотеке Мухаммада-ходжи-ишан Лоляриша [40].

Эта рукопись, на некоторое время утраченная для науки, вновь была обнаружена узбекским ученым Фитратом, опубликовавшим в 1925 г. в Ташкенте краткую заметку о ней. В конце 1928 г. Фитрат опубликовал несколько отрывков из этой рукописи в своей книге «Ўзбек адабиёти намуналари» (Образцы узбекской литературы) (Самарканд, Ташкент, 1929). В настоящее время Наманганская рукопись «Кутадгу билиг» хранится в Институте востоковедения АН УзССР (Ташкент). В 1934 г. АН СССР преподнесла в дар Турецкому лингвистическому обществу (Анкара) фотокопию этой рукописи.

Турецкое лингвистическое общество в течение 1942—1943 гг. осуществило факсимильное издание трех рукописей «Кутадгу билиг» [41].

По утверждению С. Е. Малова, сопоставление трех рукописей «Кутадгу билиг» выявляет следующую картину: обе версии арабского письма, т. е. Каирская и Наманганская рукописи, «близки между собой, а уйгурская (т. е. Венская, или Гератская) редакция в большинстве случаев от них разнится. За уйгурской остается только значение редкого большого памятника уйгурского письма мусульманской культуры. Для критики же текста все более и более выступает значение рукописей К[аирской] и Н[аманганской] — арабского письма» [42].

Несколько иного мнения придерживался турецкий филолог Р. Р. Арат, который писал: «Хотя еще рано судить о связях друг с другом наличных рукописей, однако уже можно сказать, что Каирский и Венский

[40] *Валидов А.-З.* Восточные рукописи в Ферганской долине. — ЗВОРАО, т. XXII, вып. III—IV. Пг., 1915, с. 312.

[41] *Малов С. Е.* Кутадгу билиг — факсимиле. — Советское востоковедение. М.—Л., 1948, т. V, с. 327—328.

[42] *Малов С. Е.* Из третьей рукописи «Кутадгу билиг». Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1929, № 9, с. 754.

(Гератский) списки — по сравнению с Наманганским (Ферганским) списком — ближе друг к другу»[43].

В начале Венского (Гератского) и Каирского списков имеется предисловие, написанное прозой, за которым следует предисловие в стихах, а затем перечень глав и, наконец, сам текст «Кутадгу билиг». В Наманганском (Ферганском) списке поэтического предисловия нет; за предисловием в прозе следует оглавление, затем — текст.

Первое добавление к «Кутадгу билиг» — стихотворное предисловие (77 бейтов) — содержит некоторые сведения о поэме и ее авторе. Вместе с тем оно, по мысли автора, призвано также пояснить важнейшие положения поэмы. Стихотворное предисловие, по мнению Р. Р. Арата, с точки зрения его языка, за исключением некоторых терминов и выражений, в целом очень близко к тексту «Кутадгу билиг».

Предисловие в прозе (38 строк) также не содержит указаний ни на место, ни на время его составления. По весьма правдоподобному предположению Р. Р. Арата, прозаическое предисловие, судя по языку и стилю, было составлено позднее[44].

Оба предисловия, как видно из упоминаемых в них географических названий, были написаны где-то к западу от Кашгара. Можно предположить, что этим местом мог быть Самарканд — важнейший центр тюркской мусульманской культуры того времени[45].

Вопрос о том, каким алфавитом пользовался Юсуф Баласагунский при написании поэмы «Кутадгу билиг», много раз обсуждался исследователями. Если принять во внимание, что в XI в. Кашгар был тесно связан с ближайшим исламским окружением и что исламской литературой здесь значительно раньше уже были завоеваны довольно прочные позиции, то следует думать, что тюрки в эту эпоху наряду с уйгурским алфавитом пользовались и арабским письмом. Известно, например, что в Яркенде тогда деловые

[43] Арат, с. XXXI.
[44] Арат, с. XXVIII—XXX; ср. Малов. ПДТП, с. 301—302.
[45] Арат, с. XXXI.

бумаги писались как уйгурским, так и арабским письмом.

Юсуф Баласагунский, человек высокообразованный, что явствует из каждого бейта его поэмы, безусловно, был в состоянии пользоваться обоими алфавитами.

В. В. Радлов писал: «Как уроженец города Баласагуна (в Семиречье), автор (т. е. Юсуф. — *А. К.*) первоначально написал свою поэму арабскими буквами, вне влияния уйгурского письменного языка, но поэма подверглась этому влиянию в Кашгаре, где была закончена и поднесена хану, который велел переписать ее, для распространения в народе, уйгурским алфавитом» [46].

***

История изучения «Кутадгу билиг» достаточно хорошо известна по целому ряду публикаций, среди которых в первую очередь следует назвать исследования С. Е. Малова, Д. М. Насилова, К. Каримова, Р. Р. Арата, Л. Дильячара [47].

Рукопись «Кутадгу билиг», позднее ставшая известной под названием Венской, кратко описанная И. Хаммер-Пургшталем, привлекла внимание известного французского тюрколога А. П. Жобера (A. P. Jaubert, 1779—1847) [48], профессора ближневосточных языков в Collége de France (Paris).

Первая научная публикация А. Жобера, посвященная «Кутадгу билиг», не свободна от неточностей и

[46] *Радлов В. В.* Турфанские тексты в лингвистическом отношении. ЗВОРАО, т. XXI, 1911—1912, с. XV—XVI; *Малов.* ПДТП, с. 224, 299; Арат, с. XXXII.

[47] Для русского читателя в первую очередь следует назвать работы С. Е. Малова (ПДТП) и, особенно, Д. М. Насилова «В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников» («Тюркологический сборник, 1971». М., 1972, с. 64—101.

[48] *Jaubert A. P.* Nôtice d'un manuscrit turc en caractères ouigours, envoyé par M. de Hammer à M. Abel Rémusat. — Journal Asiatique, 1825, t. 6, N 31, p. 39—52; N 32, p. 78—95.

просто ошибок в чтении и объяснении многих мест поэмы, однако Жоберу принадлежит приоритет первого исследователя этого выдающегося памятника тюркской поэзии.

Публикация Жобера привлекла внимание тюркологов к «Кутадгу билиг». Г. Флюгель использовал ее в своем описании коллекции восточных рукописей Венской Королевской библиотеки, И. Н. Березин включил текст предисловия к «Кутадгу билиг» по изданию Жобера в свою турецкую «Хрестоматию» (т. 1. Казань, 1849), Н. И. Ильминский использовал отрывок из предисловия в работе «Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка» (Ученые Записки Казанского университета, 1861, кн. III).

Первая полная публикация Венской рукописи поэмы Юсуфа Баласагунского была осуществлена выдающимся венгерским тюркологом и путешественником Германом (Арминием) Вамбери (1831-1832—1913) [49], которому, однако, не удалось полностью раскрыть всю глубину содержания, а иногда просто понять многие места поэмы «Кутадгу билиг».

Новый важный этап в истории изучения «Кутадгу билиг» связан с именем академика Василия Васильевича Радлова, отдавшего двадцать лет своей жизни изучению и изданию этой поэмы.

В. В. Радлов начал с издания текста поэмы: «Кудатку Билик. Факсимиле уйгурской рукописи императорской и королевской придворной библиотеки в Вене». СПб., 1890 (Предисловие на немецком и русском языках).

Вторым этапом работы над «Кутадгу билиг» явилось транскрибирование текста поэмы и определение

[49] *Vámbéry H.* Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Uigurische Text mit Transscription und Übersetzung nebst einen Uigurisch-deutschen Wörterbuche und litografierten Facsimile aus dem Originaltexte des Kudatku Bilik. Insbruck, 1870. — Первоначально Г. Вамбери и В. В. Радлов транскрибировали название этой поэмы в виде «Кудатку билик»; позднее В. Томсен предложил и обосновал новую — теперь общепринятую — транскрипцию: «Кутадгу билиг».

языка памятника [50], который был определен В. В. Радловым — в особом исследовании «К вопросу об уйгурах» — как уйгурский язык [51].

В 1897 г. В. В. Радлов приступил к изданию перевода поэмы на немецкий язык, которое, однако, пришлось приостановить, так как в это время стало известно о второй — Каирской — рукописи «Кутадгу билиг» [52]. Первый выпуск транскрипции и перевода поэмы на немецкий язык по двум — Венской и Каирской — рукописям В. В. Радлов издал в 1900 г., полностью издание было завершено в 1910 г.[53] К сожалению осталось неосуществленным намерение В. В. Радлова составить очерк грамматики уйгурского языка и словаря-индекса к «Кутадгу билиг».

С. Е. Малов, ученик В. В. Радлова и продолжатель его дела по изучению и изданию памятников уйгурской письменности, опубликовал «Отрывки из „Кутадгу билиг“» (Малов. ПДТП, с. 224—302), снабдил эту публикацию обстоятельной библиографией. Определенный интерес представляет статья С. Е. Малова «Из третьей рукописи „Кутадгу билиг“» (Изв. АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 9, с. 737—754).

Новый этап в истории изучения «Кутадгу билиг» связан с именем турецкого ученого Решида Рахмети Арата, издавшего критический текст, перевод на турецкий язык «Кутадгу билиг» по трем известным

[50] *Radloff W.* Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun. T. I. Der Text in Transscription. St.-Petersburg 1891.

[51] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку Билика). СПб., 1893 / Зап. Академии Наук, 1893, LXXII, прилож. № 2.

[52] *Padloff W.* Über eine in Kairo aufgefundene zweite Handschrift des Kudatku Bilik / Изв. АН, сер. V, 1898, IX, № 4, с. 309—319.

[53] *Radloff W.* Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass Hadschib aus Bälasagun. T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. St. Petersburg, 1900; то же: 2. Lieferung. St.-Petersburg, 1910, XXIV, 560 с.

рукописям: Reşid Rahmeti Arat. Kutadgu bilig. I. Metin. Istanbul, 1947; II Tercüme. Ankara, 1959; второе издание: Ankara, 1979; III. Indeks. Indeksi neşre hazirlayanlar: Kemal Eraslan; *Osman F.* Sertkaya, Nuri Jüce. Istanbul, 1979, XV. 565 S. — Рецензия: Semih Tezcan. Kutadgu bilig dizini üzerine. — Türk Tarih Kurumu. Belleten. cilt XLV/2. Ankara. Nisan, 1982, S. 23—78.

Предлагаемый русский перевод «Кутадгу билиг» сделан С. Н. Ивановым по критическому тексту Р. Р. Арата.

Узбекский филолог Каюм Каримов на основе критического текста Р. Р. Арата опубликовал «Кутадгу билиг» в транскрипции на основе фонетики современного узбекского литературного языка и в переводе на узбекский язык: Юсуф хос ҳоджиб. Қутадгу билиг (Садоатга йўлловчи билим). Транскрипция ва ҳозирги ўзбек билига тавсиф. Тошкент, 1971; то же в популярной редакции. Ташкент, 1971. Азербайджанский ученый Ф. Р. Зейналов включил в свою книгу «Памятники древнетюркской письменности (средний период)» (Баку, 1980, на азербайджанском языке) большой раздел (с. 26—38), посвященный «Кутадгу билиг».

Значительным вкладом в изучение поэмы Юсуфа Баласагунского в плане историко-литературоведческого исследования является труд старейшего турецкого ученого А. Дильачара: A. Dilâçar. Kutadgu bilig incelemesi. Ankara, 1972.

Поэме Юсуфа Баласагунского посвящено значительное число статей [54], анализирующих различные стороны этого исключительно интересного памятника тюркской поэзии. Русский перевод избранных глав

[54] Из последних по времени упомянем: *Махпиров В. У.* Антропонимы в «Дивану лугат ит-тюрк» и «Кутадгу билиг». — Советская тюркология, 1979, № 4; *Караев О.* О терминах и названиях в поэме «Кутадгу билиг». — Советская тюркология, 1981, № 3; *Султанов Б. Х.* Арабско-персидские заимствования в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни. — Советская тюркология, 1981, № 4.

«Кутадгу билиг» — «Наука быть счастливым» (Ташкент, 1963) Н. Гребнева снабжен обстоятельным очерком И. В. Боролиной «Поэма „Кутадгу билиг“».

* * *

Юсуф Баласагунский, как это с полной очевидностью устанавливается из его поэмы, был выдающимся поэтом, высокообразованным человеком, многомудрым знатоком человеческой души, философом, ученым-энциклопедистом, стихотворцем, владевшим всеми тонкостями арабской и персидской поэзии и тюркского фольклора; он был сведущ в астрономии и математике, в медицине и элоквенции, в игре в шахматы и народных спортивных играх, в охоте и птицеводстве и во многом, многом другом.

«Кутадгу билиг» — дидактическая поэма, жанр которой уходит в глубочайшую древность. Этот жанр был известен древним египтянам, индийцам, арабам, персам («Сиасет-наме», «Пенд-наме»), а позднее и европейцам, которые в эпоху Ренессанса, т. е. почти пять веков спустя после «Кутадгу билиг», для выражения тех же идей пользовались формой «зерцал», отображающих их этические идеалы. У французов было «Miroire des Princes», у англичан «Mirror of Princes», у немцев «Fürstenspiegel»; у славян близкими к этому жанру были свои нравоучительные книги: старославянский «Златоструй», русский «Златоуст», «Домострой» и др.

Следовательно, в «Кутадгу билиг» нашли свое яркое и высокохудожественное выражение общечеловеческие идеи, идеалы и мысли, волновавшие все народы во все времена.

С. Н. Иванов

О «БЛАГОДАТНОМ ЗНАНИИ» ЮСУФА БАЛАСАГУНСКОГО

«Благодатное знание» — выдающееся произведение ранней тюркоязычной литературы (XI в.). По жанру труд Юсуфа Баласагунского относится к широко распространенным на Востоке сочинениям назидательно-дидактического характера, к произведениям этико-моралистической направленности. Сам автор сопоставляет свое произведение с другими сочинениями восточных авторов (см. прозаическое предисловие, а также бейты 28-30 стихотворного предисловия). Из этих сочинений реально известно лишь одно — «Шахнаме» («Книга шахов») Фирдоуси. Рассуждения Юсуфа о большой популярности его собственного сочинения на всем Востоке и о том, что упоминаемые им другие произведения являются лишь вариациями его труда (бейты 9-31 стихотворного предисловия), следует считать, как правильно указывает А. Н. Кононов [1], констатацией распространенности самого жанра сводов этических и нормативно-нравственных знаний.

В авторских декларациях Юсуфа содержатся четко выраженные принципы, которыми он руководствовался, создавая свое произведение. Юсуф, убежденный в том, что «Наследство живому от мертвого — слово» (270) [2], говорит о вечности своего сочинения (112-114). Разумом, утверждает Юсуф, бог наставил человека ко благу и счастью (гл. 6), и Юсуф обращает к «умным и понимающим» (203-204) свое на-

[1] См.: *Кононов А. Н.* Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг». — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 7.

[2] Здесь и далее ссылки на текст «Благодатного знания» даются в виде указания номера бейта по наст. изд.

ставление — «нужные», по его мнению, слова (185). В начале сочинения он говорит, что «просто решил изложить свои мысли» (195), и вновь напоминает об этой своей цели в конце произведения (6501-6502). Свод его мыслей — «Благодатное знание» должен обучить читающего добру:

> Две доблести в муже не знают предела:
> Хорошее слово и доброе дело (*181*).

Автор «Благодатного знания» с гордостью упоминает и о своей первооткрывательской миссии: он — первый, кто создал подобное сочинение по-тюркски (стихотворное предисловие, бейт 72).

> Паслось слово тюрков оленем нагорным,
> А я приручил его, сделал покорным (*6617*).

Действительно ли Юсуф создал столь значительное произведение, не опираясь на предшествовавшую традицию, неизвестно. Сам по себе этот факт мало вероятен [3], но тем не менее в науке нет никаких сведений о том, какие литературные произведения такого же или иного жанра на тюркском языке предшествовали «Благодатному знанию» [4]. Загадки, окружающие «Благодатное знание» как уникальное поэтическое сочинение, на этом не кончаются. Другим, не менее загадочным, фактом является отсутствие каких-либо упоминаний о Юсуфе Баласагунском и его выдающемся современнике — филологе Махмуде Кашгарском, создателе замечательного свода филологических знаний о тюркских языках того времени, у более поздних по времени восточных авторов биографических и библиографических трудов [5].

«Благодатное знание» — эпическое произведение ярко дидактического характера, написанное в жанре

[3] *А. Н. Кононов.* Указ. соч., с. 5.

[4] Об одном из возможных направлений преемственности поэзии Юсуфа от прошлого см.: *Тугушева Л. Ю.* Древнеуйгурская поэзия. — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 101—107.

[5] *А. Н. Кононов.* Указ. соч., с. 4.

месневи, т. е. стихами, каждый из которых состоит из двух полустиший, рифмующихся между собой. Такие стихи в арабской, персидско-таджикской и тюркских (так называемого мусульманского региона) литературах называются бейтами (арабск. bajt — «дом»). Общее число бейтов в «Благодатном знании» — 6645 в основной части сочинения и 77 в стихотворном предисловии. В европейской переводческой традиции два полустишия, составляющие бейт (они называются м и с р а), принято располагать не горизонтально, т. е. в виде одной строки, как это делалось в рукописях и делается поныне в изданиях арабской графикой, а вертикально, т. е. в виде двух строчек. Таким образом, число рифмующихся строк в «Благодатном знании» — 13434.

В сочинении отражена в художественно преображенном виде среда, современная автору, — персонажи, события, морально-этические и нравственные идеалы, связанные с жизнью, культурой и идеологией оседлой тюркской государственности, еще прочно сохраняющей память о своей кочевой «предыстории». «Благодатное знание» — своеобразный нравственный кодекс своего времени.

Все описываемое в «Благодатном знании» зиждется на основах ортодоксального ислама и морально-нравственных предписаниях шариата — свода уложений, регулировавших юридические и морально-этические отношения мусульман. Единственный след доисламской идеологии в сочинении — упоминание древнетюркского эпического героя Алп Эр Тонга, которого Юсуф отождествляет с древним легендарным героем Афрасиабом (277—282). Причиной такого отождествления является тот факт, что древнеиранский эпический герой Афрасиаб показан в Авесте как правитель Турана, а у Фирдоуси в «Шахнаме» он — предводитель тюркских племен [6].

[6] См.: *Х. Короглы.* Алп Эр Тонга и Афрасиаб по Юсуфу Баласагуни, Махмуду Кашгари и другим авторам. — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 108—115.

Сюжет «Благодатного знания» подчинен дидактическим задачам, и все его коллизии связаны с четырьмя главными действующими лицами. Это — элик, т. е. правитель, властитель державы (никак не называемой в тексте) по имени Кюнтогды, его везир Айтолды, сын Айтолды по имени Огдюльмиш и брат везира — отшельник Одгурмыш[7]. Сюжетная канва основной повествовательной части (с главы 12) проста и предстает в следующем виде. Айтолды, влекомый молвой о могуществе и справедливости элика Кюнтогды, поступает к нему на службу и становится его ближайшим советником и собеседником. После смерти Айтолды доверенным сподвижником элика становится его сын Огдюльмиш. Для пользы государства Огдюльмиш пытается привлечь на службу при элике своего родственника, мудреца-отшельника Одгурмыша, но тот, так и не согласившись на уговоры, умирает. Элик и Огдюльмиш печалятся об усопшем, прославляя доблести мужей, подобных умершему.

Суть и смысл сочинения заключаются, естественно, не в этом схематичном сюжете. Основную тематическую направленность «Благодатного знания» автор декларирует во вводных частях своего произведения, представляя читателю главных героев. Элик Кюнтогды (его имя означает: «Солнце взошло», «День занялся») аллегорически олицетворяет собою Справедливость (Правду), Айтолды (дословно «Полнолуние», «Луна стала полной») символизирует Счастье, Огдюльмиш («Достохвальный») являет в себе свойства Разума (Ума). Воплощением каких свойств выступает Одгурмыш («Пробуждающий»), выясняется лишь из текста, а не из авторских пояснений. В прозаическом и стихотворном предисловиях его свойства обозначены словом qanā'at («довольство малым», «непритязательность», «скромность», «отрешенность»),

[7] Родственные отношения Одгурмыша к Айтолды и Огдюльмишу не устанавливаются автором с полной точностью: в обоих случаях он именуется словом qadaš, которое означает и «брат» и «родственник».

а в тексте сочинения ему приписаны различающиеся по спискам достоинства: ʿāqibat («завершение», «конец»), ʿāfijat («здоровье», «благоденствие», «благополучие»). Эти два последних слова в написании арабскими буквами полностью совпадают по начертанию самих букв и отличаются друг от друга лишь характером и расположением подстрочных и надстрочных точек: عا قبت, عا فيت. Написание этих слов до некоторой степени схоже с написанием слова qanāʿat: قناعت. Слова ʿāqibat и ʿāfijat по смыслу не имеют прямой связи с декларированными в предисловиях и описанными в тексте сочинения достоинствами непритязательности, мудрой сдержанности и скромности Одгурмыша.

Ясно, что причина всей этой непоследовательности — ошибки переписчиков, невольные или же вольные (бывали среди переписчиков и «творческие натуры», исправлявшие автора!). Но виновен в этом и автор. Дело в том, что в тех трех текстах сочинения, которые дошли до нас, аллегорический зачин «Благодатного знания», обещающий представить героев как концентрацию и персонификацию определенных свойств, последовательно не выдерживается в дальнейшем до конца [8]. Кюнтогды и Айтолды действительно показаны в начале сочинения как аллегорические фигуры Справедливости и Счастья с определенными качествами и внешними атрибутами, подтверждающими их символическую сущность (главы 15—18). В дальнейшем же отвлеченная символика переводится автором в более жизненную плоскость. Например, смерть Айтолды, его предсмертные наставления сыну Огдюльмишу (главы 21—22) описаны

[8] Следует сказать, что и в других местах сочинения можно усмотреть известную непоследовательность. Например, в бейтах 1605—1607 и 1612 говорится, что элик поручает Огдюльмишу дела, а в бейте 1628 сказано, что Огдюльмиш еще мал; Огдюльмиш честно служит элику (5627—5628), а потом сетует на то, что жизнь прошла бесполезно (5632—5636).

Юсуфом с живыми и трогательными подробностями, далекими от схематичной аллегоричности. Другие же два героя — Огдюльмиш и Одгурмыш — вообще не имеют в тексте сочинения символико-аллегорической характеристики, и их свойства — Разум у Огдюльмиша и отрешенность от суетных интересов у Одгурмыша — даны в тексте описательно и в диалогах.

Композиционно «Благодатное знание» состоит из двух предисловий — прозаического и стихотворного, восьмидесяти пяти глав различного объема и заключения, содержащего в себе три стихотворных фрагмента. В состав сочинения входит также и обширное авторское (?) оглавление. Сюжетная часть начинается с главы 12. Из предшествующих ей одиннадцати глав четыре первые посвящены традиционным восхвалениям религиозного плана, пятая — также традиционному описанию Зодиака, а главы 6—11 являются вступлением к основной части — экспозицией ее содержания, восхвалением знания и учения, добрых дел и человеческой речи.

Основная сюжетная часть состоит главным образом из бесед героев друг с другом и их писем: беседы Кюнтогды с Айтолды (главы 14—20), Айтолды и Огдюльмиша (главы 21—22), Кюнтогды и Огдюльмиша (главы 24—38 и 72), Огдюльмиша и Одгурмыша (главы 40—44, 46—67), Кюнтогды и Одгурмыша (главы 70—71), письмо Айтолды к Кюнтогды (глава 23), два письма Кюнтогды к Одгурмышу (главы 39, 45), письмо Одгурмыша к Кюнтогды (глава 44).

Беседы героев и их письма затрагивают три основные темы: о неотвратимости смерти и необходимости помышлений о грядущей вечной жизни (не будь беспечным, твори добро, оставь по себе доброе имя), о тщете мирских соблазнов и необходимости служения богу, о непостоянстве суетных благ и необходимости цепить непреходящее (добро, справедливость, ум и знания, сдержанность, щедрость и т. п.). Идеалы, лежащие в основе этих бесед, декларированы автором во вводных главах (главы 7—10).

В беседах находят отражение «вечные истины» и вневременные нравственные ценности: понятия об идеальном государе, о преданных слугах, о пользе добра и т. п. Назидательные мотивы такого рода в значительной своей части общи для всех сочинений данного жанра: достаточно сравнить, например, тематику назиданий в «Благодатном знании» с таковой же в «Кабус-намэ» [9] и в «Возлюбленном сердец» Алишера Навои [10], чтобы убедиться в этом.

Все морализующие сентенции в беседах постоянно сопровождаются ссылками на изречения мудрецов, поэтов, доблестных мужей и т. д. В прозаическом предисловии сказано, что книга создана автором по изречениям мудрецов Чина и украшена стихами мудрецов Мачина. Во многих случаях эти стихотворные «цитаты» имеют форму рубаи, т. е. четверостиший со схемой рифм а а б а. Таких четверостиший более двухсот. Что это — действительно включение «чужих» стихов в текст сочинения или же литературный прием? Ни в одном случае автор не упоминает конкретного источника этих «цитат», и если отличие их формы (рубаи) от стиховой структуры основного текста (месневи) как будто бы позволяет предполагать в них заимствования (или перевод с персидско-таджикского?), то в случаях рифмования «цитат» с авторскими строчками и, соответственно, отсутствия стиховой цельнооформленности у «цитат» можно, по-видимому, усматривать подтверждение авторства самого Юсуфа (см., например, бейты 586—588, 1087. 1623—1624).

О тюркоязычных авторах, предшествовавших по времени Юсуфу, как уже говорилось, ничего опреде-

[9] См.: Кабус-намэ. / Пер., статья и примеч. чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. М., 1958, 2-е изд.

[10] См.: *Навои Алишер.* Возлюбленный сердец / Сводный текст подг. А. Н. Кононов. М.—Л., 1948; *Навои Алишер.* Сочинения в десяти томах. Т. X. Возлюбленный сердец. Суждение о двух языках. Ташкент, 1970, с. 5—104.

ленного не известно. О литературной жизни государства Карахапидов, преимущественно о поэтах, писавших на персидско-таджикском языке, имеются свидетельства, подтверждающие высокую степень развития поэзии в XI—XII вв.[11] Нельзя полностью исключать и возможность переложения, своеобразного перевода на тюркский язык каких-либо конкретных мест из ираноязычных стихотворных текстов, в частности и из упоминаемой автором «Шахнаме» Фирдоуси. Вопрос этот требует специального изучения, как и вообще весь текст «Благодатного знания», почти не изученный в литературоведческом аспекте.

Кроме бесед, в «Благодатном знании» имеются и описательные части, которые можно подразделить на «долженствовательные», описания событий и природы.

«Долженствовательные» описания представлены главами 28—37, где говорится о свойствах, которыми должны обладать те или иные служащие при дворце мужи, и 47—66, повествующими о том, как надлежит обходиться с различными сословиями, как вести себя в тех или иных случаях и т. д. По своей морализующей направленности эти описания весьма похожи на беседы главных героев, причем они и композиционно включены в диалоги.

Описания событий в основном носят подчеркнуто «протокольный» характер, здесь главное — просто перечисление действий героев (это описания типа: вошел, сел, протянул письмо, письмо было взято и т. п.: см., например, бейты 4881—4883, 4970—4972 и др.). Лишь иногда изложения подобного рода получают более поэтичное оформление (см., например, эпизод, повествующий о приходе Айтолды в чужой ему город, — бейты 477—496). В описаниях событий действуют и второстепенные персонажи — Кюсемиш и Эрсиг, помогающие Айтолды получить место при дворе элика, мюрид — ученик Одгурмыша, гонец и слуга.

[11] См.: *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, X, с. 456—490.

Описания природы образны и живописны. Наиболее пространное из них составляет собою главу 4 и является живописным фоном прославления властителя, которому Юсуф посвящает свой труд, — Богра-хана. Эта глава примечательна яркими образами и общим возвышенным и даже, пожалуй, ликующим колоритом. Остальные описания природы ярко символичны, и они всегда приурочены к одной и той же повторяющейся ситуации: герой возвращается к себе домой, наступает ночь, раздумья о предшествовавших ей событиях не дают герою спать, затем наступает рассвет как символ надежды на благополучный исход прошлых трудностей и на счастливое разрешение забот пришедшего дня. Отдельные черты настроения героя и, соответственно, краски ночи и рассвета при этом варьируются (см. бейты 3283—3288, 3836—3840, 3948—3953, 4884—4893, 4963—4968, 5028—5030, 5449—5451, 5669—5680, 5824—5828, 6211—6221).

Художественное мастерство автора стоит на высоком уровне. В сочинении есть очень поэтичные места. Таковы, например, зачин собственно сюжетной части (бейты 398—404), рассказ Одгурмыша о своем сне (6032—6036), зачин первого из трех заключительных фрагментов (6521—6523).

В бейтовой структуре текста нет принципиальных отличий от тех свойств месневи, которые характерны и для более поздних эпох развития тюркоязычной поэзии. Бейт в эпических произведениях выявляет всю свою диалектическую двуединую сущность: по своим художественным свойствам он должен обладать максимально возможной афористичностью и замкнутостью, а по развитию сюжета двигать повествование. Статические моменты, следовательно, должны здесь находиться в определенной гармонии с динамическими. Эта основная особенность эпического повествования в бейтах, т. е. в жанре месневи, отличается у Юсуфа высокой степенью художественности. Разумеется, при этом следует иметь в виду, что дидактическая направленность сочинения (преобладание рекомендаций читателю над собственно описательными мо-

ментами), простота внешней канвы сюжета и неторопливость его развития способствовали проявлению указанных свойств бейта.

Просодическая культура стиха в «Благодатном знании» отмечена достаточно высоким совершенством [12]. Это обстоятельство также должно быть оценено в свете наших представлений о Юсуфе как зачинателе тюркоязычной поэзии, основанной на метре аруза, который был воспринят ею от ираноязычной литературы.

Что касается образной структуры текста, то на фоне более поздних сочинений тюркоязычных авторов так называемого мусульманского региона очень определенно выступает ее несуфийская основа. Этот факт позволяет полагать, что истоки образности, характерной для «Благодатного знания», следует видеть в устном эпическом творчестве тюркских народов [13] и в персидско-таджикской поэзии раннего периода ее развития.

Художественность образа-бейта (а бейт является и строфической и образной единицей текста) характеризуется определенными эстетическими ценностями, проистекающими из высокой культуры слова. В этом смысле для оценки художественности бейта и в последующей тюркоязычной поэзии всегда существовало два основных критерия: афористичность бейта и использование любой возможности игры слов, рифм,

[12] См.: *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976, с. 139—153.

[13] Е. Э. Бертельс обратил внимание на близость образов в одном отрывке «Благодатного знания» (см. бейты 2310—2314) к образам, бытующим в устной эпической традиции у народов Средней Азии. См.: *Бертельс Е. Э.* К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — Советское востоковедение, IV. М.—Л., 1947, с. 73—79. См. также: *Короглы Х.* Трансформация заимствованного сюжета (по материалам эпоса народов Ближнего Востока и Средней Азии). М., 1977, с. 9.

смыслов и т. п. Можно указать многочисленные образцы подобных бейтов в «Благодатном знании»: афористичность, например, наиболее ярко представлена в бейтах 805, 1049, 1183, 1424, 1916, 2047, 2756, 5474, 5923 и др., игра слов — в бейтах 197, 371, 564, 653, 805, 1193, 1459, 1759, 1953, 2034, 2101, 2221, 4107, 4251, 4323, игра рифм (омонимические рифмы) [14] — в бейтах 876, 897, 1830, 1233, 1353, 2679, 2756, 3373, 3374, 4960, 5383, 6021, 6269.

Афористической сущностью бейта определяется и характер образов, преобладающих в тексте «Благодатного знания». Например, автор сопоставляет меч и калям (перо): меч вершит дела, пером предписываются наставления разума, меч радеет о будущем, перо закрепляет в писаниях прошлое (2711—2717, ср. 268); бек, правитель, сравнивается с сердцем, которое главенствует над всеми другими частями тела (5862—5865); краткость человеческой жизни уподобляется недолгой стоянке в пути (1443—1445) [15].

Само собой разумеется, что указанные свойства бейтов сочетаются в «Благодатном знании» с проявлениями средневековой «эстетики подобающего»: здесь имеются и клишированные обороты (типа «цвела вся страна», «улыбка восходящего солнца» и т. п.), и варьированные «заходы» к одной и той же сущности, как бы ищущие наиболее подходящее, «идеальное» для нее выражение (см., например, бейты 427—432) [16], и повторения (ср. незначительное варьирование

[14] См.: *Стеблева И. В.* Поэтика «Кутадгу билиг». — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 94—100.

[15] О художественных достоинствах «Благодатного знания» см. также: *Валитова А. А.* Типология восточной поэмы (Проблемы развития жанра в процессе взаимосвязей тюркоязычных литератур). — Советская тюркология, 1973, № 4, с. 31—42; *Боролина И. В.* Поэма «Кутадгу билиг». — В кн.: Наука быть счастливым. Ташкент, 1963, с. 101—115.

[16] Ср. у Гегеля: «Истинное познание предмета должно быть . . . таким, чтобы он сам определял себя из самого себя, а не по-

одних и тех же морально-нравственных качеств применительно к самым разнообразным «должностям», ситуациям, а также стандартные описания природы).

Говоря о художественном мастерстве автора «Благодатного знания», нельзя обойти и вопрос об «авторском содержании» сочинения Юсуфа Баласагунского. Выявление скрытого от непосредственного восприятия читателем того содержания, которое вкладывал автор в свое произведение, в настоящее время считается одной из основных задач литературоведения [17].

Выявление особенностей литературного произведения, которые могут быть квалифицированы как неявный авторский замысел, сопряжено с определенными трудностями и не исключает возможность субъективных суждений. Тем не менее, на мой взгляд, можно выделить в «Благодатном знании» два момента, которые могут быть рассмотрены в связи с проблемой выявления авторского содержания.

Во-первых, автор не отдает решительного предпочтения тому или иному из двух возможных и описанных им путей служения богу — служению «для себя», т. е. отшельническому подвижничеству (Одгурмыш), или служению творцу ради людей (Огдюльмиш). Он лишь ратует за отрешение от мирской суеты ради высших (в том числе и земных) целей, руководствуясь справедливостью и разумом:

лучал свои предикаты извне. Если прибегать к приему предикатирования, то дух чувствует при этом, что такие предикаты не исчерпывают предмета. Восточные народы, стоящие на этой точке зрения, называют поэтому совершенно правильно бога многоименным, обладающим бесконечным числом имен. Душа не находит удовлетворения ни в одном из конечных определений, и восточное познание состоит поэтому в не знающем покоя отыскивании таких предикатов». *Гегель.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975, с. 136—137.

[17] См.: *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 1971, с. 7.

Храни себя, брат, от мирской суеты, —
Весь мир этот — твой, и глава ему — ты!
(*6160*).

Во-вторых, вряд ли случайны смерти двух из четырех главных героев «Благодатного знания». Умирают Айтолды и Одгурмыш — символы Счастья и Отрешенности, в живых остаются Кюнтогды и Огдюльмиш — образы Справедливости и Разума. В этом можно усматривать определенный авторский умысел: два последние качества автор считает наиболее существенными и потому вечными; счастье и отрешенность от суетного производны от разума и справедливости и не обладают сами по себе непреложной ценностью. Об этом же, хотя и несколько иначе, говорится в главе 9:

Два рода мужей люди чтут испокон:
Один из них — бек, а другой — кто учен.

И схожи, поверь, со скотом остальные —
Кого бы ни взял ты: не те, так иные.

Кто сам ты, скажи мне, из этих двоих·
Из двух выбирай и беги от иных[1] (*265—267*).

Бек в данном случае — символ справедливости, и лишь в справедливых и ученых (мудрых, разумных) мужах автор видит истинную сущность человека. Поэтому и свойства счастья и отрешенности, сколь бы ни были они желанны и похвальны, автор ставит в зависимость от разума и справедливости: они ценны и возможны лишь при наличии двух первых, предпочтительных, свойств.

«Благодатное знание», несомненно, великий памятник тюркоязычной поэзии[18], достойный быть назван-

[18] Разумеется, мнение о «безжизненности» героев «Благодатного знания» (см. *Бартольд В. В.* Сочинения, т. V, с. 113), равно

ным в ряду крупнейших произведений мировой литературы средневековья. Тщательное изучение его открывает в нем богатые достоинства, ускользающие от внимания при первом ознакомлении, а ведь настоящее изучение его делает лишь первые шаги!

«Благодатное знание» — памятник литературного языка смешанного карлукско-уйгурского типа, и какие бы из современных тюркских языков мы ни признали его ближайшими преемниками (прямой и непрерывной преемственности с «Благодатным знанием» у более поздних литературных тюркских языков нет), это выдающееся сочинение имеет все основания считаться общим достоянием тюркоязычных литератур среднеазиатского региона.

Некогда существовало не высказываемое в явной форме мнение, согласно которому тюркоязычная литература подражательна и по самой сути своей будто бы является «младшей сестрой» персидско-таджикской литературы. Лучшим опровержением этого несправедливого мнения было бы тщательное изучение «Благодатного знания».

Основой для настоящего перевода послужил сводный транскрипционный текст сочинения, составленный турецким ученым Р. Р. Аратом по трем известным спискам «Благодатного знания» [19]. Нумерация бейтов в настоящем издании соответствует таковой же в издании Арата. При переводе были критически использованы все прежние переводы сочинения Юсуфа Баласагунского: полные переводы Г. Вамбери [20] и

как и вообще взгляд на тюркскую литературу как на «вторичную», нельзя считать объективным.

[19] Reşid Rahmeti Arat. Kutadgu bilig. I. Metin. Istanbul, 1947.

[20] *Vàmbéry H.* Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Uigurische Text mit Transscription und Überzetzung nebst einen Uigurisch-deutschen Worterbuche und litografierten Facsimile aus dem Originaltexte des Kudatku Bilik. Insbruck, 1870.

В. В. Радлова [21] на немецкий язык, Р. Р. Арата [22] на турецкий язык, К. К. Каримова [23] на узбекский язык, частичные переводы на русский язык С. Е. Малова [24], А. А. Валитовой [25], Г. А. Абдурахманова [26], а также вольное стихотворное переложение отдельных частей перевода В. В. Радлова, выполненное Н. И. Гребневым [27]. Были учтены также и переводы отдельных примеров из «Благодатного знания», цитированные в «Древнетюркском словаре» [28]. Таким образом, настоящий перевод следует рассматривать как первый полный стихотворный перевод на русский язык, критический в отношении понимания текста в переводах предшественников.

Переводчик текста многовековой давности всегда встречается с необходимостью истолкования неясных мест. Таких мест в тексте «Благодатного знания» много, и все они требуют компетентного прочтения для истолкования их по содержанию. Даже высокая квалификация переводчиков не гарантирует однозначного понимания текста. Если же при этом переводы

[21] *Radloff W.* Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass Hadschib aus Bälasagun. T. II. Text und Überzetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. St.-Petersburg, 1900.

[22] Yusuf Has Hâcib. Kutadgu bilig. II. Tercüme. Reşid Rahmeti Arat. Ankara, 1959.

[23] Юсуф Хос Ҳожиб. Қутадғу билиг (Саодатга йўлловчи билим). Транскрипция ва ҳозирги ўзбек тилига тавсиф. Нашрга тайёрловчи Каюм Каримов. Тошкент, 1971.

[24] *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 221—304.

[25] *Валитова А. А.* К вопросу о классовой природе Караханидского государства / Тр. Киргизского фил. АН СССР, т. 1, вып. 1. Фрунзе, 1943, с. 127—136.

[26] *Абдурахманов Г. А.* К переводу «Кутадгу билиг» на русский язык. — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 120—126.

[27] *Юсуф Хас-Хаджиб.* Наука быть счастливым. Избранные главы / Пер. Наума Гребнева. Ташкент, 1963. Юсуф Хасхаджиб Баласагунский. Наука быть счастливым. / Пер. Наума Гребнева. М., 1971.

[28] Древнетюркский словарь. Л., 1969.

выполнены с различных списков, как это и имеет место в данном случае, то возможность разного прочтения одного и того же текста еще более увеличивается.

Приведу один лишь пример. Бейт 622 переведен следующим образом [29].

1. Р. Р. Арат: Айтолды вынул из кармана какой-то шар, положил его на землю, подложил его под себя и уселся на него [30].
2. С. Е. Малов: Он выпятил (свои) коленные чашечки, смотри, уложил (их) Айтолды, Их распрямил и, смотри, уселся [31].
3. В. В. Радлов: Тут Айтолды вытащил глину (?) и положил ее, смотри, Он сбил ее в комок и уселся напротив [32].
4. К. К. Каримов: Айтолды вынул шар, положил его наземь, посмотри-ка, Подложив его под себя, уселся напротив, посмотри-ка [33].

Этот пример показывает трудности вербального истолкования текста. Но переводчик поэтического произведения, пытающийся воссоздать поэтический текст на другом языке, сталкивается и с иными задачами — такими, которые в совокупности выступают как задача поэтического истолкования текста.

В науке существует понятие так называемого филологического перевода, т. е. перевода, максимально адекватно передающего содержание переводимого произведения и потому с необходимостью носящего информационный характер. Но любое художественное произведение, и в особенности произведение поэтическое, по самой сути своей не ограничивается соб-

[29] Примеры из Арата, Радлова и Каримова даны в переводе на русский язык, выполненном мною. — *С. И.*

[30] Jusuf Has Hâcib Kutadky bilig. II. Tercüme. . ., c. 55.

[31] *Малов С. Е.* Указ. соч., с. 282.

[32] *Радлов В. В.* Указ. соч., с. 59.

[33] Юсуф Хос Ҳаҷиб. Қутадғу билиг. . ., с. 149.

ственно информационными целями содержательного плана, и потому филологический перевод поэтического произведения являет собою всего лишь квалифицированный подстрочник, лежащий вне каких-либо художественных задач. При чтении подобных филологических переводов всегда остается ощущение недостаточности перевода, «рассыпанности» оригинала, утраты главного, самого существенного — эстетики и художественности оригинала.

Поэтому поэтический перевод, если только он не является вольной версификацией подстрочника, осуществляемой вне какого-либо отношения к самому оригинальному тексту, должен представлять собою поэтическое, художественное истолкование текста, то есть пересоздание не одного лишь содержания, но и поэтики подлинника. Задача эта непомерно трудна, но только она, на мой взгляд, и достойна внимания как серьезная попытка ознакомления читателя с художественными поэтическими ценностями, созданными на неизвестном ему языке.

Естественно, что представляемая на суд русского читателя первая попытка такого рода, да еще предпринимаемая в отношении столь замечательного по своим достоинствам, огромного по объему и древнего по возрасту памятника, не может быть лишена недостатков и просчетов как в смысловом, так и в поэтическом восприятии текста.

Принципы воссоздания поэтики оригинала определяются теми особенностями поэтики «Благодатного знания», о которых говорилось выше. Едва ли не главной задачей здесь было воспроизведение афористической отточенности бейтов. Выше было сказано, что сюжет сочинения относительно прост, и движение в общем-то необъемного сюжета на «пространстве» более чем 13 тысяч строк осуществляется крайне медленно, эпически сдержанно. Поэтому подавляющее число бейтов не двигает повествования, а сообщает те или иные сентенции (это определяется и общеназидательной направленностью сочинения), как бы замкнутые в пределах каждого бейта. Воссоздать эту

замкнутую художественность бейта — одна из основных обязанностей переводчика «Благодатного знания».

При этом надо иметь в виду и еще одно существенное свойство тюркоязычной классической поэзии в ее лучших образцах и в последующие века ее развития: никаких «поэтических красот» в ней нет, основу образа обычно составляет рационалистическая окрашенность бейта, контраст или гармония смыслов, содержащихся в двух мисра в бейте. В описательных же моментах, двигающих повествование, поэтическая речь обычно бывает как бы «протокольно» сжатой.

Среди других особенностей поэтики «Благодатного знания», требующих пристального внимания со стороны переводчика, следует упомянуть любовь автора к слову как таковому (отражение свойственного тюркской и ираноязычной поэзии вообще своеобразного культа слова). Это проявляется в отмеченных выше случаях игры слов и рифм (например, рифмы-омонимы).

Оригинал написан размером, который называется восьмистопный усеченный мутакариб. Он характеризуется наличием трех трехсложных стоп и одной двухсложной, причем каждая трехсложная стопа состоит из одного краткого и двух долгих слогов, а двухсложная — из краткого и долгого слогов. Таким образом, общее число слогов в одном мисра — 11: ⏑ — — / ⏑ — — / ⏑ — — / ⏑ — . Три заключительных фрагмента написаны полным мутакарибом, т. е. без усечения последней стопы, и с рифмами, свойственными касыдам и газелям (аа, ба, ва и т. д.).

Для передачи размера, которым написана основная часть повествования, мною в переводе выбран четырехстопный амфибрахий, то есть размер со следующей схемой чередования ударных и неударных слогов: ⏑ — ⏑ / ⏑ — ⏑ / ⏑ — ⏑ / ⏑ — (⏑). Он представляется мне наиболее близким из всех русских размеров к размеру подлинника. Число слогов в строке при этом получается либо 11 (при мужских рифмах), либо 12 (при женских рифмах). Чередование мужских и женских рифм используется в переводе для придания строкам и повествованию в целом интона-

ционного разнообразия. Чередование мужских и женских рифм, как правило, носит в переводе упорядоченный характер. Например, в главе 2 за двумя бейтами с женскими рифмами следует один бейт с мужской рифмой, в главе 15 чередуются попеременно бейт с мужской рифмой и бейт с женской рифмой. В некоторых главах все бейты зарифмованы мужскими рифмами, в других — женскими. В подавляющем числе случаев рифмы с редифом, имеющиеся в оригинале, сохранены и в переводе. Там, где в оригинальном тексте имеются рифмы типа рубаи (ааба), они, как правило, воспроизведены и в переводе.

Поэма Юсуфа Баласагунского, как говорилось выше, мало изучена. Задачи дальнейшего изучения этого сочинения сложны и многообразны. Прежде всего требуют изучения и точного истолкования философские основы поэмы. В подавляющем большинстве своем они — строго мусульманские, но представляется необходимым четко разграничить в них то, что идет от общемусульманских воззрений, и то, что содержит в себе суфийские оттенки общемусульманского миропонимания. Хотя, как было указано выше, суфийские мотивы не составляют главной основы сочинения, тем не менее дервишские темы присутствуют в поэме (ср., например, тему отшельнического служения богу), и они требуют соответствующего понимания и истолкования.

Необходимо также строго уяснить соотношение дидактических мотивов содержания поэмы с аналогичными мотивами более поздних сочинений классических тюркоязычных литератур. Эта проблема тесно связана с вопросом определения истоков и источников дидактико-моралистических построений и рекомендаций у Навои и более поздних авторов. Интересно, конечно, было бы проследить черты непосредственной преемственности от «Благодатного знания» к последующим произведениям классической тюркоязычной литературы в ее эпической разновидности. Некоторые линии этой преемственности, как уже было отмечено, прослеживаются достаточно отчетливо, но

в данном вопросе особенно ценными были бы конкретные наблюдения и сопоставления.

Очень интересны были бы наблюдения, касающиеся образной системы поэмы в ее отношении к более позднему тюркоязычному эпосу. Здесь главной задачей представляется скрупулезное исследование текста поэмы, который не был до сих пор предметом самостоятельного изучения. Истолкование текста поэмы ожидает еще обоснованных и аргументированных объяснений как содержания поэмы, так и той части ее поэтики, которую можно назвать «содержательной» поэтикой, т. е. не просодической, а образно-семантической структуры текста.

Чрезвычайно существенными представляются изыскания, которые могли бы пролить свет на «первооткрывательскую» миссию Юсуфа Баласагунского — на то, что могло бы быть воспринято как предшествующая основа его сочинения. Важно и то, что может быть определено как отражение идей и образов «Благодатного знания» в последующей тюркоязычной литературе.

Невозможно не коснуться и еще одного вопроса, связанного с переводом «Благодатного знания» на русский язык. Перевод поэмы на русский язык представляется явлением общесоюзной значимости. К настоящему времени выполнен перевод «Благодатного знания» на современный узбекский язык — полный подстрочный (см. сн. 23) и стихотворный перевод отдельных четверостиший [34] из «Благодатного знания». Перевод «Благодатного знания» на современные туркменский, казахский, каракалпакский и киргизский языки — дело будущего, и в этих условиях перевод поэмы на русский язык приобретает особое значение.

Судить о качестве его — дело читателей и специалистов-филологов, но сам факт появления его представляется важным для дела осознания народами Средней Азии и Казахстана своего культурного наследия.

[34] *Юсуф Хос Ҳаожиб.* Қутадғу билиг. Тошкент, 1971.

Перевод поэмы Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» выносится на суд русских читателей и как первая попытка воссоздания на русском языке столь значительного и неизвестного прежде русскому читателю сочинения ранней тюркоязычной литературы. Русский советский читатель проявляет большой интерес к произведениям, в том числе и древним, братских народов нашей страны. Настоящее издание должно в какой-то мере удовлетворить и этот интерес.

Чтение «Благодатного знания» потребует от читателя известного «терпения», но оно, по мнению переводчика, с лихвой окупится тем богатством содержания и необычными сведениями, которые заключены в нем. Приобщение к иноязычным литературным ценностям всегда благодатно, и в этом переводчику и видится значение «Благодатного знания».

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к вводным частям произведения — прозаическому («Во имя аллаха милостивого, милосердного») и стихотворному предисловиям и к **Оглавлению** даются следующим образом:

в прозаическом предисловии комментируемые слова и **выражения** идут **под цифрами, соответствующими** таковым же **в примечаниях;**

цифры, обозначающие **примечания к стихотворному предисловию, соответствуют номерам бейтов в нем; комментируемые бейты помечены в тексте звездочкой; пояснения к Оглавлению даны без отсылочного знака в тексте.**

Весь основной текст «Благодатного знания» имеет сплошную нумерацию бейтов. В настоящем издании помечены номера лишь тех бейтов, у которых числовое значение номера кратно пяти. Примечания к бейтам, требующим пояснений, даются под цифрами, соответствующими номерам бейтов. В тексте эти бейты отмечены звездочкой.

Во имя аллаха милостивого, милосердного

[1] *И да будут бессчетны хвалы посланнику бога, стоящему над всеми созданиями, — Мухаммеду избранному. . .* — Мухаммед (устаревшая европейская форма его имени — Магомет) (род. ок. 570 — ум. 632) — проповедник, считающийся основателем религии ислама и почитаемый мусульманами как «посланник божий», «провозвестник» божественного откровения, «величайший и последний пророк».

[2] *. . .и да будет неизбывное благоволение господне над достойными и славными сподвижниками его.* — Име-

ются в виду четверо так называемых «правоверных халифов», т. е. четверо последовательно правивших вслед за Мухаммедом его преемников: Абу Бекр (632—634), Омар (634—644), Осман (644—656), Али (656—661).

[3] *Читающий книгу сию, созданную по изречениям мудрецов Чина и украшенную стихами мудрецов Мачина. . .* — Чин и Мачин — Северный (Чин) и Южный (Мачин) Китай. Другое название Мачина — Табгач (Тавгач). Средний Чин (Син) называли «Хытай», Нижним Чином называлась Кашгария. См.: *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968, т. 5, с. 87.

[4] *. . .никто не составил свода лучше этой книги, сочиненной на языке богарахановском и тюркской речью.* — Богра-хан — титул многих государей из тюркской династии Караханидов, которая правила с 840 до 1212 г. государством, существовавшим на территориях Восточного и Западного Туркестана. Богра-хан, упоминаемый здесь, — правитель Кашгара (ум. 1102—1103), которому было поднесено «Благодатное знание» его автором (см. бейты 60—63 стихотворного предисловия). О языке «Благодатного знания» см. статью А. Н. Кононова в наст. изд., с. 505.

[5] *Мужи Чина называли ее «Сводом благочиний», сподвижники государей Мачина звали ее «Радетелем держав», повелители стран Востока именовали ее «Украшением властителей», иранцы — тюркской «Книгой шахов», а некоторые — «Книгой наставлений властителям», туранцы же зовут ее «Благодатное знание».* — Из указанных здесь сочинений реально известно лишь одно — «Шахнаме» («Книга шахов») Фирдоуси (ок. 940—1020-1030). Как справедливо отмечал А. Н. Кононов, речь в данном случае идет не о различных названиях одного и того же сочинения, а о популярности произведений подобного жанра (см.: *Кононов А. Н.* Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг». — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 7). Туран — «страна тюрков», синоним более позднего названия «Туркестан».

[6] *Сочинитель сей книги — уроженец Баласагуна. . .* — Баласагун (другое название — Куз-орду) — западный центр государства Караханидов, находившийся в Семиречье, в долине р. Чу, на запад от современного г. Токмак КиргССР.

[7] *Завершил же книгу сию он в Кашгаре. . .* — Кашгар — восточный центр государства Караханидов, современный город того же названия в Западном Китае, в Синьцзян-Уйгурской автономной области.

[8] *. . .и представил ее ко двору властителя Востока Табгач-хана.* — Табгач-хан (от географического названия Табгач/Тавгач, см. выше, примеч. 3) — один из титулов Богра-хана (см. выше, примеч. 4).

[9] *. . .повелитель почтил и возвеличил сочинителя, дав ему титул хасс-хаджиба. . .* Хасс-хаджиб (арабск. ḫāṣṣ-ḥāǧib — «служитель», «привратник», «досмотрщик») — придворный чин высокого ранга. См. статью А. Н. Кононова в наст. изд., с. 501.

[10] *. . .четвертая — Непритязательность. . .* В отличие от трех первых «сутей», четвертая, упоминаемая здесь как «Непритязательность» (из арабск. qanā'at — «нетребовательность», «невзыскательность»), в разных списках «Благодатного знания» обозначена различными словами (см. об этом наст. изд., с. 521, 522).

[11] *Справедливости дано имя Кюнтогды-элик. . .* — Кюнтогды — дословно: «Солнце взошло», «День занялся». Элик — государь, властитель, правитель.

[12] *. . .Счастье воплощено в имени Айтолды, это — везир. . .* — Айтолды — дословно: «Луна стала полной», «Полнолуние». Везир (арабск. vazīr) — «главный министр».

[13] *. . .Разум олицетворен в имени Огдюльмиш. . .* — Огдюльмиш — дословно: «Достохвальный».

[14] *. . .Непритязательность носит имя Одгурмыш. . .* — Одгурмыш — дословно: «Пробуждающий».

[Стихотворное предисловие]

[7] *Да славен посланник, что призван всесущим, Хвала его присным, с ним вместе идущим!* — См. выше, примеч. 1 и 2.

[12] *Владыки Востока и беки Мачина. . .* — Мачин — см. выше, примеч. 18, 3; *бек* — правитель, властитель, властелин, господин.

[15–16] *Полезна, во всем безупречна она, Но многим из тюрков понятьем трудна: На слух ее суть всем внимающим внятна, А запись — не всем грамотеям понятна.* — В государстве Караханидов более употребительный уйгурский алфавит лишь постепенно вытеснялся арабским (см. *Бартольд В. В.* Сочинения, т. 5, с. 95). Известные науке списки «Благодатного знания» написаны и уйгурским алфавитом (Венская, или Гератская рукопись), и арабским алфавитом (Каирская и Наманганская, или Ферганская рукопись) (см. статью А. Н. Кононова в наст. изд., с. 510, 511). Автор «Благодатного знания», по-видимому (оригинальный текст допускает и несколько иное, нежели в настоящем переводе, толкование), имеет в виду непонятность уйгурского алфавита для владевших арабским письмом и, наоборот, арабского алфавита — для владевших уйгурским письмом (если, конечно, уже при авторе имели хождение списки, написанные обоими алфавитами). Возможно, что известный загадочный факт отсутствия упоминаний «Благодатного знания» и его автора в современных ему и в более поздних библиографических и биобиблиографических справочниках, выполненных в арабской филологической традиции (см.: *Кононов А. Н.* Слово о Юсуфе из Баласагуна. . ., с. 4), все же свидетельствует косвенным образом о том, что «Благодатное знание» было написано уйгурским алфавитом и лишь в более позднее время было переписано и арабским алфавитом (об этом см. статью А. Н. Кононова в наст. изд., с. 511, 512).

[18] *Мужи разуменья в Мачине, весь Чин. . .* — См. выше примеч. 3.

[23] *Она — Бограханова времени слово. . .* — Богра-хан — см. выше, примеч. 4.

[28-30] *Весь Чин называл ее «Свод благочиний», «Радетель держав» книгу звали в Мачине. А в странах Востока — отсюда и дале — Ее «Украшеньем властителей» звали. Иран — «Книга шахов» нарек ей названье, Туранцы зовут — «Благодатное знанье».* — Чин — см. выше, примеч. 3. О перечисленных здесь названиях книг см. выше, примеч. 5.

[57] *Родные пределы его — Кузорду. . .* — Куз-орду — см. выше, примеч. 6.

[60] *Прочел он свой труд, как настала пора, Пред ханом Табгач-Караханом Богра.* — См. выше, примеч. 4.

[63] *По праву его в этот сан возвели, — Юсуф хасс-хаджиб его звали, — внемли!* — См. выше, примеч. 9.

[68] *Сама справедливость и правды вершитель — Элик Кюнтогды, справедливый властитель.* — Элик Кюнтогды — см. выше, примеч. 11.

[69] *А счастье — достойнейший муж Айтолды, Везира при нем исполнявший труды.* — Айтолды, везир, см. выше, примеч. 12.

[70] *А разум, какого и не было выше, Мы в сыне везира найдем — в Огдюльмише.* — Огдюльмиш — см. выше, примеч. 13.

[71] *И был Одгурмыш мужем скромным и честным. . .* — Одгурмыш — см. выше, примеч. 14.

[73] *Да, книг у арабов, таджиков немало, А нашею речью сия — лишь начало.* — См. статью А. Н. Кононова в наст. изд., с. 496—498.

Оглавление

В трех известных списках «Благодатного знания» — Венском (Гератском), Каирском и Наманганском (Ферганском) авторские (?) оглавления отличаются друг от друга. В настоящем издании в основу оглавления положено сводное оглавление, составленное турецким

ученым Р. Р. Аратом (Reşid Rahmeti Arat. Kutadgu bilig I. Metin. Istanbul, 1947), из которого, однако, исключены некоторые добавленные Р. Р. Аратом подзаголовки. В оглавлении указаны номера бейтов, составляющих каждую данную главу и отдельные части, входящие в нее. Нумерация бейтов дается по Р. Р. Арату. Ущербность оригинального текста в 84 (после бейта 6303) и в 85 (после бейтов 6351, 6358, 6359) главах на нумерации Р. Р. Арата не отражается. Ущербность текста оригинала в настоящем издании отмечена отточиями.

Благодатное знание

10 *Поистине, вечный отец, ты един, — Един, вне слияния с сущим — один!* — Принцип единобожия проявляется не только в монотеистической сущности ислама, но и в настойчивом подчеркивании этого в молитвах, религиозных формулах и т. д. Ср. примеч. 386.

15 *И суть его даже в двояком едина.* — Имеются в виду два мира — «сущий» и «грядущий» (загробный).

30 *. . .Дозволь в судный день быть под сенью пророка.* — Пророк — см. выше, примеч. 1.

31 *Восславь его верных друзей четверых. . .* — См. выше, примеч. 1.

34 *Любимый возвестник!. .* — См. выше, примеч. 1.

45 *. . .Печатью пророков над всеми он встал.* — Среди многих эпитетов и названий Мухаммеда в Коране упоминается (XXXIII, 40) и название «печать пророков», т. е. «последний из пророков». См. примеч. 1.

50 *Два тестя достойных, два зятя любимых. . .* — О родственных отношениях «четырех верных друзей» (см. выше, примеч. 1) к Мухаммеду доподлинно известно лишь то, что Мухаммед был зятем Абу Бекра (одной из жен его была дочь Абу Бекра — Айша) и тестем Али (женой последнего была дочь Мухаммеда — Фатима). См.: *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1966, т. 6, с. 99. Али был также двоюродным братом Мухаммеда. См. там же, с. 92.

[51] *Главнейший из них, самый первый — Атык. . .* — Атык (арабск. ʿātiq — «освободитель») — прозвище Абу Бекра (см. выше, примеч. 1).

[53] *Другой был — Фарук. . .* — Фарук (арабск. fārūq — «различающий ‹добро и зло›») — прозвище Омара (см. выше, примеч. 1). В. В. Бартольд полагает, что это прозвище связано с сирийско-христианским эпитетом Иисуса Христа «спаситель» (fārūq), так как идеализация эпохи так называемых «праведных халифов» (см. примеч. 1), и в особенности Омара, характерна не только для мусульманских, но и для христианских преданий. См.: *Бартольд В. В.* Сочинения, т. 6, с. 221. Более вероятной, однако, представляется связь этого прозвища Омара с непосредственным значением арабск. fārūq — «различающий (добро и зло)». Последующая литературная традиция придерживалась именно такой характеристики личности и деяний Омара. Ср., напр., прямое указание на то, что Омар отличал истинное от ложного, доброе от злого в поэме Алишера Навои «Язык птиц». См.: *Навойи А.* Лисонут-тайр. Илмий-танқидий текст. Тайёрловчи: Шарафиддин Эшонхўжаев. Тошкент, 1965, с. 14 (арабской пагинации), бейт 199; см. также русский перевод: *Навои А.* Сочинения: В 10-ти т. Т. 8. Язык птиц. Пер. С. Иванова. Ташкент, 1970, с. 25.

[54] *Дано было верной стези пестуну С чела шариата совлечь пелену.* — Шариат (арабск. šarīʿa — «закон», «законоположение») — свод опирающихся на Коран мусульманских юридических законоположений и житейских правил. Мусульманская традиция считает Омара наиболее ревностным защитником ислама. Так, напр., он изгнал в Аравию всех не пожелавших принять ислам. См.: *Бартольд В. В.* Сочинения, т. 6, с. 105.

[55] *Наследником доблестей их был Али. . .* — Али — см. выше, примеч. 1.

Заголовок перед 63. — Табгач-Богра Карахан — полный титул Богра-хана. См. выше, примеч. 4. О предках Табгач-Богра Карахана, упоминаемых здесь, —

Али-Хасане и Арслан-хане — каких-либо достоверных сведений нет.

64 *И мускус простерся над гладью камфарной. . .* — В тюркоязычной, как и в ираноязычной, поэзии мускус традиционно противопоставляется камфаре как символ зеленого обновления (молодости) мертвящей белизне (старости). Иногда мускус и камфара противополагаются как символы темной ночи и светлого утра или просто символизируют благоухание.

66 *И солнце сместилось, чтоб снова прийти бы В созвездье Овна из созвездия Рыбы.* — Речь идет о зодиакальных созвездиях: созвездие Овна соответствует марту, созвездие Рыб (Рыбы) — февралю.

68 *Властитель в Хытай снарядил караван.* — Хытай — см. примеч. 3.

70 *Весь мир дышит мускусом и камфарою.* См. примеч. 64.

82 *. . .«Ужель ты не зришь лик хакана благого?* — Хакан — властитель, один из титулов караханидских государей.

88 *Велик Богра-хан, покоритель вселенной. . .* — Богра-хан — см. примеч. 4. На Востоке всех правителей было принято именовать властителями, покорителями и т. д. вселенной.

94 *От румских владык и владык Индустана. . .* — Рум — Византия и — шире — обобщенный образ Европы, т. е. Запада, в произведениях восточных авторов.

123 *И пусть благоденствует вечно народ И, словно Лукман, неизбывно живет.* — Лукман — легендарный мусульманский мудрец, врачеватель всех недугов.

124–147 В этой главе излагаются традиционные восточные воззрения на устройство вселенной. Средневековая восточная астрономия мусульманского региона, как и европейская наука того времени, различала девять небес — семь, соответствующих планетам, и два неба, расположенных выше. Эта система мироздания восходит к космологическим воззрениям Дионисия Псевдо-Ареопагита, неоплатоника, греко-сирийского мыслителя, жившего ок. IV—V вв. Семь планет, составляющих семь сфер неба,

следующие: самая близкая к Земле «планета» — Луна, далее идут Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн. В тексте настоящей главы планеты перечислены в последовательности от дальних к ближним (бейты 131—137). Аналогичная система мироздания изложена, например, и у Данте, так как источник ее — тот же. См.: *Данте Алигьери.* Божественная комедия. / Пер. М. Лозинского. Изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М.: «Наука», 1968, с. 318—322. См. также статью И. Н. Голенищева-Кутузова «Божественная комедия» в этом же издании, с. 486—487. В сочинениях восточных авторов, в том числе и у Юсуфа Баласагунского, описание мироздания носит «обязательный» характер, оно традиционно. Ср. напр., изложение космологических представлений у Навои: *Навои А.* Сочинения: В 10-ти т. Т. 8. Язык птиц. Пер. Сергея Иванова. Ташкент, 1970, с. 18—19. В «Благодатном знании» в описании созвездий Зодиака (бейты 138—146) созвездие, называемое в европейской науке «Дева», значится под названием «Колосья» (бейт 140).

241 *Взгляни, почему посрамлен был Заххак, За что Фаридун удостоился благ.* — Заххак — легендарный властитель, славившийся жестокостью, герой иранских эпических преданий, в том числе поэмы Фирдоуси «Шахнаме». По преданию, на его плечах гнездились две змеи, которых он кормил человеческим мозгом. Фаридун (Афридун) — мифический властитель Ирана, помоток Джамшида, свергнувший Заххака и заточивший его в пещеру.

262 *Где неуч сидит на почетнейшем месте, Там сесть у придверья — и то больше чести.* — Здесь имеется в виду противопоставление двух понятий и, соответственно, двух тюркских слов: tör — «место против входа», «почетное место» и el — «место около двери, противоположное почетному месту».

277 *Меж них есть прославленный муж — Алп Тонга...* — Алп Тонга (Алп Эр Тонга) — древнетюркский эпический герой, отождествляемый Юсуфом Баласагунским и другими авторами с Афрасиабом — мифическим древнеиранским героем, правителем

Турана (см. примеч. 5). У Фирдоуси в «Шахнаме» Афрасиаб — всетюркский владыка. Ранние источники арабской науки (Ат-Табари, Аль-Бируни) связывают происхождение Афрасиаба с Тюрком, сыном библейского Яфета. См. *Короглы Х.* Алп Эр Тонга и Афрасиаб по Юсуфу Баласагуни и другим авторам. — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 108—115.

280 *Таджики его Афрасиабом зовут. . .* См. примеч. 277.

282 *Таджиками он в письменах восхвален. . .* См. примеч. 277.

357 *Сей муж воплощает собой Завершенье. . .* — Завершенье — арабск. āqibat — «конец», «следствие», «завершение». В прозаическом предисловии к «Благодатному знанию» (см. с. 5, 6 наст. изд.) указывается, что Одгурмыш олицетворяет собою Непритязательность (довольство малым — арабск. qanā'at). О непоследовательности в определении основного свойства Одгурмыша (расхождения между списками «Благодатного знания» и отсутствие единства в пределах каждого списка) см. с. 521, 522 наст. изд. Ср. примеч. 10.

386 *. . .И дал моей речи свидетельства дар.* — Свидетельство (тюркск. tanuqluq, соответствует арабск. šahādat) — исповедание мусульманской веры, признание и произнесение мусульманского символа веры «Нет бога, кроме бога, и Мухаммед — посланник божий». См. *Бартольд В. В.* Сочинения, т. 6, с. 100.

446 *Властитель, будь вдумчив и зорок стократ, Блюсти осторожность велит шариат.* — Шариат — см. примеч. 54.

502 *Был друг Айтолды и умен и приезж, И всем — Кюсемиш его звали — хорош.* — Кюсемиш — досл. «Желанный», «Взыскуемый».

505 *А был хасс-хаджиб у элика, — едва ли Кто был ему ближе, — Эрсиг его звали.* — Эрсиг — досл. «Доблестный», «Мужественный». Хасс-хаджиб — см. примеч. 9. Элик — см. примеч. 11.

730 *Сказал Айтолды: «Это имя — не ложь: Мудрец говорил, что с луною я схож.* — Здесь и в последующих бейтах (731—748) Айтолды объясняет свои

свойства, проистекающие из его имени. См. примеч. 12.

824 *Элик отвечал: «Мудрецы мне прозванье И дали, поняв мою суть и деянья.* — Здесь и в последующих бейтах (825—835) Кюнтогды говорит о своих качествах, связанных с его именем. См. примеч. 11.

844 *Кто служит по чести, тот ведает честь, Не знающим службы — в преддверии сесть.* — См. примеч. 262.

1036 *Он дал сан везира ему за услугу — Печать и бунчук, барабан и кольчугу.* — Здесь перечислены атрибуты и внешние приметы сана везира (см. примеч. 12). Бунчук — древко с шаром или острием на верхнем конце и прядями конских волос.

1052 *И вот уж луна — перед убылью света. . .* — См. примеч. 12.

1053 *Четыре в нем сути не ладят внутри. . .* — Согласно учению древней восточной медицины в теле человека как материальной основе человеческого существа находятся четыре жидких элемента, различающихся по цвету: красный элемент — кровь, желтый — желчь, черный — гной, белый — мокрота, слизь. Древние медицинские каноны утверждали, что нарушение равновесия между названными элементами является причиной физических и духовных недомоганий. Это учение совпадает (и, возможно, восходит к ней) с теорией Гиппократа о четырех «соках» тела и, соответственно, четырех типах темперамента, определяемых преобладанием одного из четырех «соков»: сангвиник — кровь, флегматик — слизь, холерик — желтая желчь, меланхолик — черная желчь.

1071 *Был полной луной я. . .* — См. примеч. 12.

1238 *. . .Всего два полотнища — доля твоя!* — По мумульманскому обряду погребения усопшего облекают в саван, состоящий из двух кусков материи.

1312 *Ешь мало, стремись дозволенья блюсти.* — Мусульманская религиозная догматика противополагает два понятия: дозволенное (арабск. ḥalāl) и запретное (арабск. ḥaram). В данном случае имеется

в виду дозволенная религиозными установлениями еда.

1351 *Зовусь Айтолды я, был полной луною. . .* — См. примеч. 12.

1390 *Сей мир и могила твоя — два привала. . .* — По верованиям мусульман, земная жизнь и посмертное пребывание в могиле до судного дня — два этапа (две стоянки, два привала в пути, два д н я) бытия человека в этом мире, после которых наступит мир грядущий.

1420 *. . .Тебе двух полотнищ довольно на свете!* — См. примеч. 1238.

1428 *. . .Конем без седла тебе станет колода.* — Имеются в виду носилки, на которых усопшего переносят к месту погребения.

1433 *Не льстись на запретное. . .* — См. примеч. 1312.

1473 *Внять голос, призывно зовущий, готовься. . .* — Имеется в виду ангел смерти Азраил, возвещающий людям их кончину и принимающий души умерших.

1535 *Всего лишь два дня он гостит во вселенной. . .* — См. примеч. 1390.

1594 *Внемли, что сказал властелин Уч-Орду, — Я мудрое слово его приведу. . .* — Уч-Орду — возможно, что это карлукский город, упоминаемый современником автора «Благодатного знания» знаменитым филологом Махмудом Кашгарским (см. наст. изд., с. 500) и находившийся между Самаркандом и Андижаном. См. *Кошгарий Маҳмуд.* Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк). Т. 1. Тошкент, 1960, с. 71.

1733 *Другим любо море, — там смерть они ищут.* — Имеются в виду добыватели жемчуга, ныряльщики. Образы, связанные с жемчугом, его добычей и опасностями, грозящими ныряльщикам, чрезвычайно распространены в классической тюркской (как и иранской) поэзии.

1758 *Прекрасно сказал бек из рода Ягма. . .* — Ягма — западная ветвь племени карлуков, главенствовавших в государстве Караханидов.

1766 *Дал платье элик ему, чашу, печать, Коня. . .* — Здесь перечислены внешние атрибуты высокого государственного сана. Ср. примеч. 1036.

1836 Хотя должность, исполняемая Огдюльмишем, ни разу не названа в тексте сочинения, тем не менее можно полагать, что это должность везира (см. примеч. 12). Ср. бейт 1579.

1890 *Известно, что есть у нас семь членов тела. . .* — Число семь имеет большое значение в различных представлениях народов Востока: семь планет, семь земных поясов, семь небес, семь звезд Большой Медведицы и т. д. В применении к членам («частям») тела число семь толкуется восточными авторами по-разному. Есть два толкования: 1) голова, грудь, живот, две руки, две ноги; 2) голова, руки, ноги, четыре стороны тела — передняя, задняя и две боковые.

1962 *Послушай слова Отюкенского бека. . .* — Отюкен (тюркск. Ötükän) — название местности. Из рунических тюркских надписей VIII в., найденных на р. Орхон (приток Селенги, впадающей в Байкал), известно, что словом Отюкен называлась горная гряда в Монголии, близ Орхона. См.: *Бартольд В. В.* Сочинения, т. V, с. 207. По китайским источникам, Отюкен — гора Ту-Кин в Северной Монголии, где в настоящее время находится Хангайский хребет. См.: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1950, с. 408. Заголовок перед 2528. Управитель дворца — см. примеч. 9 (хассхаджиб).

2581 *Когда бек верхом — в бранный бой ли поскачет, Охоту, объезд ли, игру ли назначит. . .* — Игра — имеется в виду игра човган (чоган), разновидность поло; две партии всадников особыми клюшками отбивают друг у друга шар и стремятся загнать его в пространство между двух столбов.

2634 *И нард и шатранч надо ведать. . .* — Нард — особого рода шашки, распространенные на Востоке; шатранч — шахматы.

2716 *Два в мире устоя, всему свой черед: Былое — что было, и — то, что грядет.* — Былое записывают словами, грядущее обеспечивают бранными делами, то есть мечом. *Калям* — тростниковое перо для письма.

2783 *. . .Тут надо знать правила высшего счета.* — Высший счет — в тексте слово handasa (из арабск.) «землемерие», «геометрия». См. также бейты 2784—2787.

3286 *Свой лик эфиоп осветил наяву.* — Имеется в виду легендарный эфиоп по имени Биляль — раб, будто бы прислуживавший Мухаммеду (см. примеч. 1). Сравнение темноты, мрака, ночи и т. п. с цветом кожи Биляля или вообще чернокожих обычно в тюркоязычной поэзии.

3491 *Услышь, что сказал преученый чигиль. . .* — Чигиль — представитель рода Чигиль, восточной ветви племени карлуков, господствовавшего в державе Караханидов. См. Бартольд В. В. Сочинения, т. V, с. 71—72. Ср. примеч. 1758.

2546–3547 *Три вещи есть в жизни, их суть триедина: Дурное, законное и середина. За скверное — кара, законному — счет, А в том, что сомнительно, нужен расчет.* — Дурное, скверное соответствуют тому, что запрещают религиозные установления ислама, законное соответствует дозволенному. См. примеч. 1312.

3616 *. . .Тебе два полотнища нужно всего!* См. примеч. 1238.

3618 *Всего на два дня нам дарован покой. . .* См. примеч. 1390.

3666 *А если случится законный доход. . .* — Законный — то есть честный, дозволенный религией. См. примеч. 1312.

3730 *Посланнику тысячи тысяч похвал. . .* — Посланник — см. примеч. 1.

3924 *Дозволенным сытый, муж добрых примет В обоих мирах будет сыт и одет.* — Дозволенное — см. примечание 1312. *В обоих мирах* — см. примеч. 15.

3948 *Румийская дева сокрыла чело, Весь мир эфиопскою тьмой облекло.* — Рум — см. примеч. 94. В поэзии

христианские девы — образ обольстительной красоты. Эфиоп — см. примеч. 3286.

3982 *Паломником хочешь быть — нужен доход. . .* Имеется в виду паломничество (арабск. ḥağğ) в Мекку к священным местам мусульман.

4069 *Ябгу ли кто станет, югрушем, эльбеком. . .* — Ябгу, югруш, эльбек — титулы знати в государстве Караханидов: ябгу — титул верховного правителя у западных карлуков; югруш — титул, соответствующий везиру (см. примеч. 12); эльбек — правитель одного из племен в государстве.

4339 *Мужи эти близки пророкову дому, — Люби их во имя любви ко благому.* — Пророк, благой — см. примеч. 1.

4345 *Они истой веры устои крепят, И силой их знанья могуч шариат.* — Шариат — см. примеч. 54.

4405 *Ты вдоволь получишь дозволенной пищи. . .* — Дозволенное — см. примеч. 1312.

4408 *Надень, что дозволено, праведно ешь. . .* См. примеч. 1312.

4700 *. . .Умрешь — на тебя две холстины навьют.* См. примеч. 1238.

4710 *Где ныне весь мир покоривший воитель — Железных твердынь-крепостей устроитель?* — Имеется в виду Шаддад — герой народных сказаний, тиран-богоборец, обладавший властью над людьми и духами, завоеватель и устроитель райского сада (Эрем); ангел смерти Азраил (см. примеч. 1473) отнял у Шаддада душу, когда тот пытался войти в райский сад.

4711 *Где пес недостойный, всем миром владевший, На черном орле к поднебесью взлетевший?* — Здесь говорится о Намруде — мифическом падишахе, страстном охотнике; он взлетал к небу, оседлав орла, но был погублен пчелами.

4712 *Где бовом себя возгласивший в гордыне И сгубленный богом в бездонной пучине?* — Имеется в виду Фараон (Фираун) — деспот, упоминаемый в Коране, возомнивший себя богом (Коран, 28,§38), но сброшенный богом в море (Коран, 28, 40; 40, 40).

4713 *Где жадно сбиравший несметные блага, В могилу унесший сокровища скряга?* — Речь идет о легендарном богаче Каруне, упоминаемом в Коране (29, 38).

4714 *Где тот, что на запад прошел от востока И длань распростер над вселенной далеко?* — Здесь говорится об Искандере — Александре Македонском (356—323 до н. э.). Имя Александра Македонского чрезвычайно популярно на Востоке, он — излюбленный герой многих сказаний и легенд.

4715 *Где муж, что жезлом с острым жалом змеиным Морским повелел расступиться пучинам?* — Имеется в виду Муса — коранический персонаж, соответствующий библейскому Моисею. Он владел волшебным змееобразным жезлом (Коран, 7, 104; 26, 31), посредством которого повелел разверзнуться морю (Коран, 26, 63).

4716 *И где ныне слывший великим владыкой Всех тварей — несметной толпы многоликой?* — Здесь говорится об упоминаемом в Коране (2, 96) властителе всех людей и других живых существ земли Сулеймане (соответствует библейскому царю Соломону). По преданию, Сулейману было известно таинственное, неизреченное, «высшее» имя бога, вырезанное у него на перстне.

4717 *И где ныне муж, мертвецов воскрешавший И сам в лапы смерти безвинно попавший?* — Речь идет об Исе — кораническом пророке (библейский Иисус). Ислам почитает Ису только как одного из бесчисленных пророков (Коран, 5, 79), будто бы обладавшего способностью воскрешать мертвых посредством своего дыхания (Коран, 5, 110).

4718 *Где ныне избранник, стоявший над миром?. .* — См. примеч. 1.

4848 *Не юн я, и стать моя стала стара, — На мускус волос уж легла камфара.* — См. примеч. 64.

4885 *Румийская дева сокрыла чело, И тьмою кудрей ее мир облекло.* — См. примеч. 94 и 3948.

4891 *И думал он думу бессонной порой, И небо белело уже камфарой.* — См. примеч. 64.

4947 *Внемли, что сказал бек из рода Ягма. . .* — См. примеч. 1758.

4967 *Улыбкой расцвел дивный девичий лик, И светом залил он вселенную вмиг.* — Девичий лик — солнце. См. примеч. 3948 и 4885.

5329 *Один из них — кадий. . .* — Кадий (арабск. qāḍi) — судья.

5330 *Второй, кто для блага людей справедлив И праведен должен быть, — это халиф.* — Халиф (арабск. ḫalīfat) — управляющий, наместник, властитель. См. также примеч. 1.

5331 *И третий избранник — везир. . .* — Везир — см. примеч. 12.

5347–5350 *Элик дальше будь от того, что запретно, — Запретное душу чернит неприметно. Радетельным хочешь быть, доблестный муж, — Дозволенной пищи закон не нарушь. Сказал муж, питавшийся пищей законной, — Радетельный муж правоты непреклонной: «Законное есть — грех забыть навсегда, Законное — мира иного еда!»* Запретное, дозволенное, законное — см. примеч. 1312.

5368 *Но всем чудо-тканям Румийской страны Вовек не забыть твоей жадной казны.* Румийская страна — см. примеч. 94.

5450–5451 *И солнце расправило грудь поутру, И щедро весь мир источал камфару. Светился весь мир, словно ангельский лик, И на небе отблеск камфарный возник.* Камфара — см. примеч. 64.

5484–5485 *Войска — на врагов-иноверцев нацель, Моли сил у бога, — чиста твоя цель. Всегда рать готовь на неверных в поход: Неверный погиб, а безверье живет!* — Имеется в виду газават (арабск. ǧazāvāt — «поход», «набег», «нашествие») — так называемая «священная» война мусульман против иноверцев, немусульман.

5486 *Там общины сделай, мечети построй.* — Общиной (арабск. ǧamā'at — «объединение», «общество», «общность», «согласие») назывались как все последователи ислама, так и отдельные территориальные объединения мусульман («приходы»).

5488 *Суть веры открой им, введи шариат...* Шариат — см. примеч. 54.

5552 *...Блюди шариат, будь исполнен смиренья.* Шариат — см. примеч. 54.

5555 *Еще мухтасибы есть, власть им дана, — Рука их, о славный, должна быть сильна.* — Мухтасиб (арабск. muḥtasib) — надзиратель, инспектор, контролер, лицо, присматривавшее за порядком на базарах.

5575 *Во-первых, блюсти чистоту серебра, И проба пусть будет отменно добра.* — Возможно, этот бейт отражает собой так называемый «серебряный кризис» того времени. См. Кляшторный С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг». — Советская тюркология, 1970, № 4, с. 86.

5588 *Еще мухтасибы есть. В общинах властно Они вытравляют все то, что опасно.* — Мухтасиб — см. примеч. 5555. Община — см. примеч. 5486.

5644 *К творцу я припал, — путь к возврату лежит...* — Имеется в виду возврат к богу: по мусульманским (в особенности по суфийским) представлениям, человек по смерти возвращается к богу.

5675 *И Черная Птица взлетела с востока, И на небо пламенем взмыла высоко.* — Черная Птица — планета Юпитер.

5677 *Фазан поднялся, в небеса воспарил — Трубя на весь мир, возблестел Азраил.* — Фазан — этот образ, по-видимому, употреблен как характеристика пестроты утренних красок. Азраил — см. примеч. 1473.

5866 *Четыре враждующих сути есть в теле...* — См. примеч. 1053.

6219 *Вдруг Черная Птица взлетела с востока, — Враждебное пламя сверкнуло высоко.* См. примеч. 5675.

6222 *Молитву свершил он — хвалебный обет.* — Имеется в виду особая молитва с многократными повторениями восхвалений бога.

6286 *И вышел к пришельцу преемник-мюрид...* Мюрид (арабск. murīd) — «взыскующий», «последователь», ученик (послушник), состоящий при учителе-старце (шейхе).

6357 *Им чуждо негожее все искони, — На все, что негоже, не смотрят они.* — Негожее — то же, что и запретное. См. примеч. 1312.

6547 *Даже будь я Хосров иль Кайсар, иль Шаддад, И, подобно Шаддаду, взрасти райский сад. . .* — Хосров — Хосров II Парвиз (590—628), иранский шах из династии Сасанидов. Кайсар — обобщенный образ властителя Рума. См. примеч. 94. Шаддад. райский сад — см. примеч. 4710.

6548 *Или, как Искандер, полони я весь свет, Или долго живи я — до ноевых лет. . .* — Искандер — см. примеч. 4714. Ной (Нух) — коранический персонаж (Коран, 71), соответствующий библейскому Ною.

6549 *Да имей я пылающий меч, как Хайдар, Или славы Рустама немеркнущий дар. . .* — Хайдар — букв. «лев», эпитет Али. См. примеч. 1. Рустам — иранский витязь, богатырь, герой поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

6550 *Или будь, как Иса, я на небо взнесен, Дай, под стать Нушirвану, я твердый закон. . .* — Иса — см. примеч. 4717. Нуширван (Ануширван) — Хосров I Нуширван (531—579), иранский шах из династии Сасанидов, в поэзии — образ могущественного властителя.

6551 *Да имей, как Карун, я немыслимый клад. . .* — Карун — см. примеч. 4713.

6619 *Но я неустанно обхаживал слово, И мускус дохнул ветерком животворным.* Мускус — см. примеч. 64.

6645 *Да славится тысячекратно пророк, Друзей его верных да милует бог.* — См. примеч. 1.

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ. *Перевод Сергея Иванова* 5

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Н. Кононов. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» 495

С. Н. Иванов. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского 518

Примечания 539

ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»
АН СССР

Редактор
И. Г. Древлянская

Художник титульных элементов
В. Г. Виноградов

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
Р. М. Денисова

Корректоры
Е. Н. Белоусова, Г. М. Котлова

ИБ № 25105

Сдано в набор 16.12.82
Подписано к печати 14.04.83
Формат $70 \times 90^{1}/_{32}$
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 20,48. Уч.-изд. л. 25,3.
Усл. кр.-отт. 21,06. Тираж 40 000 экз.
Тип. зак. 2078. Цена 3 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ

ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ

БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ

8р. 30к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»